76.11
К532

КНИГА В РОССИИ

I

Государственное Издательство

76.11
К532

КНИГА В РОССИИ

I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
и
СЕКЦИЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ Р. А. Х. Н.

КНИГА В РОССИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО 1800 ГОДА

РУССКАЯ КНИГА

ОТ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ

до 1800 года

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. Я. АДАРЮКОВА и А. А. СИДОРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА MDCCCCXXIV

1924

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Государственного Издательства
(Москва, Пятницкая, 71)
в количестве 3000 экземпляров
Гиз. 5704. Главлит 18649.

РК0032
Пензенская областная
юношеская библиотека
Инв. № 88299

ПРЕДИСЛОВИЕ К I И II ЧАСТЯМ

Предлагаемое издание, выпускаемое Госиздатом по случаю своего пятилетнего юбилея, является коллективным трудом членов Полиграфической Секции Российской Академии Художественных Наук в Москве (в I и II частях) и ответственных работников Государственного Издательства (в III части). Оно ставит себе целью в первый, быть может, раз обозреть и сделать ясной и четкой картину развития книжного дела,—но и не только „книжного дела"—искусства книги—в России; с первых шагов ее, из рукописной колыбели, до последних завоеваний революционной техники, проследить, как книга была верной спутницей, и даже больше,—выразительницей нашей культуры.—Впервые, может быть, посмотрев на книгу не только как на средство „сообщения знаний", а как на своеобразное, обладающее вполне законченно-закономерной формой, произведение человеческого гения, здесь начатый труд будет должен обосновать своим течением известное, особое и отграниченное от других, разветвление исторической технологии, — то-есть истории вещественной культуры, для которой до сих пор археология и история искусств являлись пока наиболее центральными устремлениями.

История книги в России писалась уже неоднократно. Подробный библиографический указатель, который будет приложен к части II, насчитывает недаром несколько сот названий. Но как неоконченный труд С. Ф. Либровича („История книги в России", СПБ, 1913, 2 тома), в значительной мере устарелый—А. А. Бахтиарова („История книги на Руси", СПБ, 1890),—слишком краткие, частью столь же старые, очерки Боричевского („Исторический взгляд на историю книгопечатания в России", „Журнал Министерства Народного Просвещения", 1849), Гатцука („Очерк истории книгопечатного дела в России", „Русский Вестник", 1872), С. С. Трубачева („Прошлое и настоящее печатного дела в России", „Исторический Вестник", 1895), И. Н. Божерянова („Исторический очерк русского книгопечатного дела", СПБ, 1895) или более новый—И. Титова („Очерки по

истории русского книгопечатания и книгописания", Киев, 1911)—так и, конечно, отделы и главы, посвященные России в общих трудах по истории книги—А. И. Кирпичникова („Очерк истории книги", СПБ, 1888), Ф. И. Булгакова („Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства", СПБ, 1889) вплоть до новейших работ В. И. Анисимова („Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России", П., 1920), В. В. Буша („История книги", П., 1923), Н. М. Пакуля („Книга", Харьков, 1923), М. И. Щелкунова („Искусство книгопечатания в его историческом развитии", М., 1923),—не могут при многих своих достоинствах заменить подробную, монографического характера, сводку сведений об отдельных этапах — исторических, хозяйственных и художественных, которые пришлось пройти русской книге. Правда, и здесь сделано много. Мы имеем ряд монографий и статей, даже брошюр, посвященных частным моментам в истории книги в России: отдельным деятелям, местным, областным и временным вопросам; упомянем здесь имена исследователей петербургских типографий—А. В. Гаврилова, Карамышева, Лисовского, И. С. Беляева; московских—А. А. Покровского, А. Н. Соловьева, М. П. Полуденского; провинциальных—Голубева (Киев), П. М. Дульского (Казань), Мурзакевича (Одесса), В. П. Семенникова; отдельных периодов и деятелей—Ляхницкого, Пташицкого, Анисимова, И. Д. Галактионова, Вл. Тукалевского, С. В. Штейна, П. Столпянского, Кочергина. Русская библиография чистого регистрационного типа, представленная целым сонмом славных имен—Бартенева, Бесселя, Бурцева, Березина-Ширяева, Геннади, Каратаева, Остроглазова, Смирдина, Сопикова, Строева, Снегирева, Сахарова, Симони, Смирнова, Срезневского, Пекарского, Плавильщикова, Ундольского, Черикова; более теоретически заинтересованная „библиология" от Анастасевича до Н. М. Лисовского, Б. С. Боднарского, Н. А. Рубакина, А. М. Ловягина, Н. М. Куфаева; наконец, любительская и собирательская деятельность по подбору „материалов"—работа наших настоящих предшественников—В. Е. Румянцева, Н. П. Лихачева, У. Г. Иваска, Д. В. Ульянинского, Н. А. Обольянинова, Н. В. Соловьева, И. И. Лазаревского, П. П. Шибанова и потрудившегося, может быть, больше всех В. А. Верещагина,—все они уготовили в очень значительной мере момент, когда общий вывод из всех исследований становился уже необходимым. За отдельными изысканиями часто теряется общая перспектива;—библиографические

словари предназначены для справок, не для чтения. Задачей, поставленной Секцией Полиграфических Искусств с самого начала, было: подведя итог всему накопленному изысканиями русских исследователей знанию о русской книге, в то же время осветить собранный материал с новой точки зрения.

Мнится, что такую новую точку зрения дает то современное восприятие любого памятника, вышедшего из рук человека, которое видит в форме памятника этого явление не случайное, — наоборот, установленное железными законами производства—назначения, материала, техники,—как о том учил Готфрид Земпер,—и того общего результата коллективной жизни человечества, который нами со времени Алоиса Ригля именуется „художественной волей". Эволюция книги не есть вовсе в глазах участников данного труда только повесть о технических судьбах русских типографий или замаскированная история литературы; не есть она также история изобразительного искусства, рассматриваемая на материале книжных украшений, иллюстраций, гравюр; и область, наиболее тесно подходящая к книжной теме, рассказ о распространении и влиянии книги в обществе—книгопродавческая, книгособирательская область библиотековедения—нами рассматривается, как одна из частных глав строимого здесь компендиума знаний о книге в ее принципиальном и историческом аспекте. Ибо книга нам интересна всюду и всегда: когда она читается, продается, покупается, бережно облекается в роскошный переплет, снабжается экслибрисом и на долгие годы засыпает в богатой частной библиотеке; и когда идет — в очень прямом смысле — в народ и к народу, и зовет к лучшему будущему, и будит сознание, исполняет часто роль бродила революции; и тогда, когда выбрасываемая издательствами на рынок, она мощностью или слабостью своей струи дает показательнейший пример общего развития страны; и тогда, когда до ее создания ею болеет автор ее, а художник—часто лучший своего времени—делает наброски и иллюстрации и виньетки; и, конечно, может быть, всего больше тогда, когда в типографии она строится из литер и строчек, присоединяет лист к листу, несет с собой самое яркое доказательство техники, вкуса и стиля своего дня. В понятие „полиграфического искусства" входят не только типография и не только печать. Мы изучаем в книге одно из решений обще-художественных задач—пропорций, декораций, композиций. В отдельной букве, в компактной массе набора

каждой страницы, в рисунке шрифта и в игре гравированной заставки чуткому глазу будут видны те же великие формообразующие силы, которые строят не только зрительные искусства, но и всю нашу культуру.

Так широко понимаемая история книги приобретает особенно много прав на внимание.—Замыслив свой труд в порядке коллективного сотрудничества избранных московских специалистов по истории книжного дела, литературы и искусства и распределив общий объем книжной русской истории на несколько выпусков, Полиграфическая Секция Р.А.Х.Н. не может не отметить, что аналогичного труда не имеет ни одна из западных стран; что желание с самого начала откликнуться на требования текущего момента определили как известные акценты в исторической части, так и более медленный и подробный темп изложения при приближении к современности.

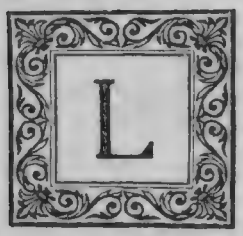
Всякий коллективный труд нуждается в редактировании; сглаживание переходов и внимание к единству стиля, конечно, первая задача редактора. Редакторами первых двух томов настоящего издания являются проф. А. А. Сидоров, заведующий Секцией Полиграфических Искусств Р. А. Х. Н., и проф. В. Я. Адарюков, заведующий кабинетом русской гравюры Отдела Изящных Искусств Всероссийской Публичной Библиотеки имени Ленина.

Секция Полиграфических Искусств не может не поблагодарить Государственное Издательство за его внимание к труду Секции.

А. А. СИДОРОВ

КНИГА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КНИГИ

1.



iber est lumen cordis, speculum corporis, virtutum magister, vitiorum depulsor, corona prudentium, comes itineris, domesticus amicus"...

Книга — светоч сердца; зеркало тела, учитель добродетелей, гонитель пороков, корона мудрых, спутник на пути, домашний друг...

Эти знаменитые слова Луки из Пенны (1) — одно из лучшего, что было о книге когда либо сказано, — как торжественный гимн и любовная поэма, чудесно свидетельствуют о роли, которую книга играет уже сколько времени в мировой культуре. „Позванная приходит, требуемая появляется, всегда готова, всегда услужлива; вопрошаемая, тотчас отвечает, открывает тайны"... Как последний парадокс и доказательство не имеющей равной скромности, не останется ли, что из многочисленных тайн, книгою открытых, чуть ли не последняя очередь падает на ту, которая скрыта в ней самой, в книге как таковой?

Последнее замечание легко может оказаться преувеличенным. Тот неиссякающий интерес и та любовь, которые с незапамятных времен человека привлекали к книге, создали целый ряд специальных дисциплин, книгою и книгами занимающихся. Мы имеем древнюю и славную многими именами исследователей библиографию; если термины библиогносии и библиософии не привились, то библиология обладает уже несколькими значениями и, очевидно, уже не уступит своего места более популярной библиографии; отграничив специальную область библиотековедения, объемлющая наука книговедения как будто вполне исчерпывающе подходит к своей теме. Вопрос о „тайне книги" оказывается риторическим, и, в лучшем случае, разговором о методе представляется наше мнение, что книга, как таковая, до сих пор объектом изучения почти не являлась и что выдвинуть ее в поле внимания точного знания есть обязанность как раз нашего времени.

Между тем более внимательное ознакомление с идеологией дисциплин, трактующих о книге, приводит к убеждению, что не все возможности организованного нашего о книге знания ими исчерпываются или даже предвидятся. Отдавая все должное предшественникам нашим в области изучения книги, попробуем

ознакомиться более внимательно с тем, как изучалась книга до сих пор и что осталось, увы, еще не изученным.

Проблемы „книговедения", дисциплины, построенной наиболее широко и в силу этого наиболее пригодной для начальной в ней ориентировки, за последнее время разрабатывались у нас покойным профессором Н. М. Лисовским, отдать должное которому в самом же начале для нас есть исключительно приятная обязанность. В двух статьях, которые являются интересным образом оба раза вступительными лекциями к университетским курсам Петербургского и Московского историко-филологического факультетов, Н. М. Лисовский дает исключительно полное и четкое выражение своего подхода к книге. Изложение и сравнительный анализ обеих статей пионера новой русской науки о книге и должно быть для нас началом.

В первой статье 1913 г. ([2]) Н. М. Лисовский указывает, что „книговедение имеет целью всестороннее изучение книги, как таковой", и поясняет это: „т.-е. ее зарождения... развития и современного состояния, а также способов производства книги, ее распространения и описания". „Надо приобрести умение обращаться с книгой, разобраться в некоторых технических и теоретических вопросах: п о з н а т ь к н и г у, к а к т а к о в у ю". Н. М. Лисовский излагает историю термина, дает определения, полемизирует и, считая термин „книговедение" совпадающим с „библиогносией" и „библиологией", полагает последние два ненужными в русском языке. Вместе с тем, совсем незаметно для автора и читателей, вместо пожелания „познать книгу, как таковую", книговедение определяется дальше, как изучение „всего того, что о т н о с и т с я к книге", центр тяжести чуть сдвигается на окружение книги, как объекта изучения. Книговедение получает формулу, как „научная дисциплина, объединяющая технические, практические и теоретические познания, касающиеся книги, как таковой, в ее прошлом и настоящем, и имеющая целью выяснение условий возникновения, распространения и эксплоатации произведений письменности и печати, а также выяснение причин и следствий количественного состава этих произведений при различных обстоятельствах". Необходимо сразу же подчеркнуть, что если целью книговедения оказываются „условия", „причины" и „следствия", а самая дисциплина только „объединяет", то обещание „познать книгу" сменяется расплывающимся в общей

культурной истории интересом к проблемам чтения. Эта незаметная подмена одного объекта изучения другим очень характерна для всякой начинающейся дисциплины. Н. М. Лисовский в дальнейшем указывает на сходство и разность строимого им книговедения с палеографией (изучение рукописей), историей культуры и литературы, „поскольку последняя занимается также и внешней материальной формой" (своих памятников), историей искусства („стиль внешней стороны книги", украшение, шрифт). Самый курс книговедения делится Н. М. Лисовским на книгопроизводство, книгораспространение и книгоописание. Первый, для нас, может быть, наиболее интересный, строится исторически; в конце статьи своей автор вынужден указать, что по существу в программе его „легко усмотреть три группы разнородных знаний, относящихся к деятельности: историка, юриста и техника".

Каждая тема каждой науки неизбежно кладет свой отпечаток, определяет самый тип изучающего. Книгой занимались библиографы и библиофилы, „историки, юристы и техники"; мы бы ждали выработки особого типа „книговеда", давно нужного специалиста, умеющего исчерпать в узкой своей области все вопросы, ее касающиеся. Из первой статьи Н. М. Лисовского явствовало весьма, что, чутко и правильно очертив свою тему, он все-таки взял ее в масштабе столь широком, что выделение некоего „специального книговедения" из области „производства, распространения и описания" представлялось бы уже неизбежным. И вот почему.

Не вдаваясь в области весьма нам чуждой философской методики, нам все-таки остается ясным, что истинное постижение, понимание („понятие", как „по-ятие", овладение) предмета требует имманентного метода. Памятник, любой объект любого изучения на известной ступени научного знания должен быть познан из себя, в себе, „пережит" во всем своеобразии своем, как факт. А это, поскольку „ведение", „знание" есть точный отчет об опыте воспринимающего нашего аппарата, а не размышление „по поводу" порядка метафизического, означает детальное ознакомление, изучение—понимание его формы. Не рассказом, как форма возникает,—ибо самая лучшая техническая лекция может рассказать только о процессе, а не о результате,—а о тех закономерных ее особенностях, которыми она обладает, как данность. Так называемый „формальный метод" есть одно из ценнейших и

важнейших завоеваний новой науки. Книга как объект изучения имеет право на свой формальный метод; вот вывод, к которому неизбежно придет всякий, для которого „книговедение“ сохранит в полной мере значение первой части столь четкой мысли Н. М. Лисовского: познание книги, как таковой, т.-е. своеобразия ее формального явления. В первой статье лишь робко проскользнула у Н. М. Лисовского самая мысль о „форме“ книги. История литературы, говорит он, также интересуется „внешней материальной формой“ своих произведений, памятников письменности. Но, думается, почтенный исследователь не имел здесь в виду того, что мы.

Тем более существенно отметить очень важный новый шаг, который сделан был покойным ученым во второй его—московской—лекции 1916 г. (3). Переход Н. М. Лисовского в Москву поставил его в связь с группой московских искусствоведов, объединявшихся вокруг кафедры теории и истории искусств Московского университета. Мы лично очень помним нашу встречу с крупнейшим из библиографов нашего недавнего прошлого, где Н. М. Лисовский на заседании кафедры искусств настаивал на родственности интересов историка изобразительного творчества и историка книги. Опубликованная лишь в 1922 году, его лекция дает весьма важный материал для сопоставления с идеями первой, нами рассмотренной, статьи.

В самом заглавии статьи 1916 г. подчеркивается предмет книговедения. „Книговедение... интересуется вопросами происхождения и постепенного развития книги со стороны ее формы.“ Это почти искомая нами формула (мы бы определили это „книговедение“, как дисциплину, интересующуюся вопросами книжной формы со стороны ее происхождения и постепенного развития). В остальном и вторая статья Н. М. Лисовского дает, однако, только приближение к „познанию книги, как таковой“. Подробный анализ мыслей покойного нашего предшественника поэтому весьма существенен. С самых же первых слов предстает перед нами одна—весьма обычная—особенность отношения к форме, которая грозит изначала извратить все течение формального метода. Особенность эта заключается в отожествлении „формы“ с „внешностью“. Послушаем Н. М. Лисовского. „Со стороны ее формы, которая, после многих изменений... дала, наконец, книге ее современный внешний вид“... Здесь „форма“ вполне правильно пони-

мается как определяющая причина „внешности". „Внешность получилась благодаря многочисленным условиям, которыми обставлено производство книг"; возразить нечего. Но дальше: „внешний вид книги, т.-е. ее форма"... Произошло смешение, весьма обычное для обыденного мышления. Тем более досадно, что тут же Н. М. Лисовский, говоря о том, что форма „служит для человека проводником всего того, что в книгах содержится", „обладает большею или меньшею... проводимостью содержания книги в читательскую среду", дает лучшее, какое только мыслится, обоснование интереса нашего к книжной форме именно — основной проблеме формального метода. Но только эта „форма" не есть „внешний вид".

Еще раз, принуждая себя остановиться и вновь себя удерживая от экскурса в область эстетики, попробуем определить, чем „внешний вид" книги отличается от ее „формы". Думается, ясно будет всем, что разница между „внешностью" и „формой" есть прежде всего разница между конкретным — эмпирическим, реальным, с одной стороны, и спекулятивным, идеальным—с другой. „Внешность" всегда индивидуальна. Форма — типична. Внешность относится неизбежно всегда к тому или иному экземпляру книги. Она необходимо учитывает ее сохранность, ее чистоту, ее безупречность. Форма же не только книги, а любого произведения человеческого творчества, устанавливает известные принципиальные отношения между входящими в ее состав элементами; она есть замысел организационного порядка, к которому „внешность" приближается далеко не всегда. Эпитетами для „внешности" недаром могут быть „приятная", „отвратительная" — суждения вкуса; форма же приемлется или отвергается мировосприятием. „Внешность" — продукт техники; „форма" — художественного замысла. Внешность — одежда книги, если говорить для конкретности о книге только; сюда мы отнесем: обрезанные или нет поля, наличие или нет переплета, обертки, каких-либо папиросной бумаги прокладок перед иллюстрациями; наличие или нет порчи, пятен, надписей; консистенция бумаги и „изящество" выполнения украшений; густоту (или обратное) печатной краски; брошюровку; все это неизбежно еле-еле варьируется во всех экземплярах завода. По внешности нет двух книг абсолютно идентичных. Но форма книги — это вывод из сравнения ряда аналогичных экземпляров; это некое общее наименьшее кратное всех выпущенных под одним

заглавием отдельных единиц одной книги; книжная форма — это закономерное в отношении страницы одна к другой, текста—к иллюстрациям, набора—к полям, шрифта—к украшениям. И поскольку о книжной внешности до сих пор говорили и говорят все, постольку же интерес к форме книги совсем не распространен. Он существует в среде тех немногочисленных еще деятелей книжного искусства, которые знают, чего они хотят, выпуская—строя — книгу именно так, а не иначе. Величайший из делателей книг нового времени — Уильям Моррис— знал это.

Статья Н. М. Лисовского, столь богатый возможностями отправной пункт размышлений наших, не есть конечно вполне оформившееся исследование. Многое в посмертном труде почтенного библиографа набросано только конспективно, и при дальнейшей обработке бесспорно было бы высказано и „скомпановано“ иначе. Так, придавая в начале истории книги как бы подсобное значение („история книги... может принести и существенную пользу, и ее следует изучать... с выяснением влияния внешности книг на их дальнейший жизненный успех“), он тут же вопросы внешности считает существенно важными, стоящими как бы отдельно. Бросается в глаза, как несравненно более уверен становится шаг исследователя, когда „книга получила уже свое техническое осуществление“.

Вновь ставятся вопросы распространения, библиотек, книгоописания. И новым во второй статье Н. М. Лисовского является указание на теоретическую сторону библиографии. „Содержание“ же „книговедения“ остается „главным образом историческим и статистико-библиографическим“. Тема получила более конкретные границы, но сужение, очевидно, обошло интерес к книжной форме. История книги изучается „в отношении ее производства, распространения, эксплоатации и усовершенствования приемов ее описания“. И если дальше говорится, что книговедение „не должно игнорировать познаний технических, теоретических и др.“, то, в чем именно заключены теоретические интересы книговедения, остается неясным. Тем более, что „технические, теоретические и другие познания о книге“ книговедение может использовать только для „достижения своих главных целей в области исторического и статистико-библиографического изучения“. Статистика, как цель, подбор цифр, чтобы (неизбежно) другая дисциплина дала им принципиальное освещение! После этого несколько не-

ожиданным оказывается утверждение идеи книговедения в „изучении эволюции книги в ее качественном и количественном отношении". Вопрос о качестве—в чем качество книги—по определению Н. М. Лисовского? Мы тщетно ищем ответа. Качество, оказывается, книговедение интересует не самостоятельно; книговедение направляет свои объединенные познания „к выяснению причин и следствий качественного и количественного состава произведений письменности". Их качественный состав, конечно, не есть качество формальное...

Ранее определяя книговедение понятием, совпадающим с библиологией, Н. М. Лисовский теперь указывает только на близость этих понятий. Конечно, отношение это близкое. „Книговедение, как и библиология, оперирует данными, добытыми библиографией, и пользуется статистикой как методом". Правда, это несколько противоречит вышеприведенному утверждению главных целей книговедения в области „статистико-библиографического изучения". Книговедение отличается от библиологии своим более широким объемом.

Исключительно богатые мыслями при всей их сырой форме две статьи Н. М. Лисовского служат для нас чудесным отправным пунктом и в другом отношении; приводимые им цитаты из исследователей более ранних позволяют нам тут же продвинуть наше обоснование формального изучения книги в противовес ряду и других дисциплин. Мы, конечно, на стороне Н. М. Лисовского, когда он полемизирует с распространением термина „библиография" из точного его смысла „книгописания" на всю науку о книге (против старых писателей русских и западных, как Эберт, Базили, Стойкович) или с таким же расширением понятия „библиотековедение" (против Шреттингера). Из положений же идеологических сторонников Н. М. Лисовского нам необходимо выделить еще два терминологических спорных пункта.

Автор термина „библиософия", Г. К. Пило, определяет библиологию как изучение книги в историческом и теоретическом отношении, как формы литературного явления. Здесь, конечно, речь идет о содержании книги; форма литературного произведения — поэма, роман, научный трактат—не совпадают с формою книги, как произведения полиграфического процесса (фолиант, in-8°, брошюра, том). Определение Пило, однако, Н. М. Лисовскому представляется для книговедения приемлемым. Наиболее же существенно и интересно сопо-

ставление взглядов Н. М. Лисовского с формулой А. М. Ловягина. „Кардинальными вопросами в библиологии являются... вопросы о количественном составе произведений письменности и печати и о причинах и следствиях этого количественного состава". Правда, А. М. Ловягин указывает, что „изучение количества должно всегда итти параллельно с изучением качества". Самый же акцент на числе неминуемым образом должен свести науку о книге к „статистико-библиографическому" исследованию.

Наука о книге... Приблизились ли мы к ней после всех рассмотрений этих? В статье М. Н. Куфаева (4) книговедение определяется как наука историческая; она, как общая история, относится к своим подсобным дисциплинам вроде библиографии, билиотековедения, книжной статистики... Библиология же есть методология и философия книговедения. Это воскрешает старую мысль отца русской библиографии В. Г. Анастасевича („сию библиологию можно почесть философией первой (библиографии) или вышнею библиографией"). М. Н. Куфаев, конечно, прав, когда противополагает такое философское значение библиологии тому более конкретно распределившему тему на „проблемы" определению науки этой, которое в более позднее, чем у Н. М. Лисовского, время было дано тем же А. М. Ловягиным (5) и которое, по справедливому мнению М. Н. Куфаева, является „расширенной и углубленной историей книги". Из статьи этого последнего автора мы должны выделить еще один-два пункта. „Книговедение переживает сейчас философский период и знание о книге... накануне своего дальнейшего чисто научного развития". Утверждая историчность науки о книге, М. Н. Куфаев устанавливает ряд факторов книги (состояние культуры, личность автора и т. п.), влияющих на эволюцию книги; из них один отведен технике. Очень важно место, где автор, может быть, впервые поставивший вопрос о методологии книжного изучения на почву гносеологическую, касается вопросов о законах книги. Они, „если бы они были, определили бы постоянную связь... между явлениями книги, связь количественную или качественную". Но „законосообразность и причинность в явлениях книги весьма относительны, а о едином законе, управляющем жизнью книги, едва ли может быть речь". Это связано, конечно, с утверждением автора, что „природа книги—психическая", что „сущность" ее в Слове и начало ее в Личности" (с больших букв!), что

РК0032
Пензенская областная юношеская библиотека
Инв. № 89299

книга рождается, как Афина из головы Зевса, что она индивидуальна, что объект книговедения, определенного как „система знаний о книге, условиях и средствах ее развития“,— единичное и индивидуальное. Книговедение есть наука идиографическая. Ее он относит к „наукам о духе“ и о единичном. Понятно, что, изучая в книге только „продукт человеческой психики“, мы и не встретимся с ее конкретной формой. Весьма существенно, что в начале своего трактата, определяя самое понятие „книга“, автор невольно должен дать два определения: любезное ему—более широкое и чуть презрительное—отметаемое: „книга в самом узком смысле этого слова“. Правда, что последнее определение скобок своих не вскрыло...

„Философский период“... Не правильнее ли будет указать, что всякое знание о любом предмете переживает в самом своем начале этап чисто исторического интереса. Копится материал. Регистрируются до бесконечности отдельные факты. В конце концов с чувством горького бессилия останавливается исследователь перед накопленной грудой сокровищ. Пользоваться ими он не умеет. Он знает, как и где и когда было, но вряд ли понимает, „что“ именно. Думается, что современная научная мысль обязана в некоторой мере уже преоборoть эту болезнь историзма.—Встреча с книгой есть, конечно, переживание ее конкретности; но защищаемый нами имманентный метод требует, конечно, и другого: напряжения для восприятия данного явления всех сторон нашего существа: интеллекта, чувства, воли, воображения. Книга не только „индивидуальное и единичное“, она микрокосм для внимательного; и в эволюционном сопоставлении только тогда даст то, что нужно, когда будет осознана во всем своем своеобразии. С исторического накопления факта начавшись, наука обязана перейти к конкретному изучению своего материала в его данности; и вновь— в будущем — имеющая быть построенная история будет уже не только „описательной“, но и закономерно обоснованной. История есть же применение известного метода к подобранным комплексам фактов. История книги невозможна, пока мы не знаем, что такое книга. „Продукт психической деятельности“ не есть ответ, ибо мы спрашиваем: „какой именно?“.

Мы полагаем, что наука о книге должна была бы пройти через аналогичное развитие, как и наука о художественном творчестве. Вначале чисто спекулятивная, она стала „наукой о единичном“, имея на то гораздо больше права, чем наука

о книге, и в конце концов приходит к „искусствоведению", сменяющему старую историю искусств, как принципиальное знание о законах искусства, вскрываемых в анализе данного памятника. „Законы искусства": они есть, как есть и законы книги. Новая история искусств — история стилей — строится уже на более значительном, важном и ответственном материале.

2.

Поскольку наше установление своеобразия формального знания о книге было наилучше выражено сравнительным рассмотрением многоразличных мнений о том, чем должна быть наука о книге, самым важным теперь нам оказывается подойти к изучению книжной формы с другой стороны. О том, что книга может быть произведением искусства, знали многие. Но в чем это выражалось? Мы уже говорили об опасности отожествления „формы" с „внешностью". Не менее опасным является другое отожествление: „формы" — задачи художественного построения известного предмета — с „красотою" — задачею украшения, неизбежно вкусового, эстетического порядка. Об этом можно говорить достаточно много и подробно. Теория искусства не есть эстетика. С одной стороны, в искусстве слишком много внеэстетических факторов, в эстетике — не творчески художественных. Эстетика есть, в последнем счете, дисциплина психологическая. Теория искусства хочет иметь дело с предметным знанием. Проблема формы есть основной стержень искусствознания. Но книга, конечно, — в порядке случайном — может быть красива. Пока не обследована связь „красивой" книги с той ее пригодностью жизненной и теоретической, которая дается правильным построением формы, представляется очень правильным разграничить оба эти понятия. „Эстетика" книги — это нормативное, но каждый раз определяемое своими причинами, требование вкуса к той или иной книжной форме. „Искусство книги" — есть построение этой формы. Необходимо было бы создать особый термин для „искусствоведения книги". Поскольку „библиологии", термину, который наибольше бы подходил для этого последнего понятия, нам, очевидно, надо после трактата М. Н. Куфаева уже уговориться раз навсегда придать более или менее точное значение „методологии книговедения", то термином, поскольку нам известно еще не упо-

треблявшимся, было бы слово „библиономия“, который мы и предложили бы для понятия „книжного искусствоведения“, если бы только стоило вводить еще новый термин в общий достаточно загруженный запас слов, которыми пользуется наука о книге.

Как бы то ни было, ни на Западе, ни у нас до самого последнего времени не было сделано попыток построить знание о книжной форме в серьезном смысле. Популярные и „художественные“ издания Поппенберга (6) или английского „Студио“ (7) говорили только об украшениях книги, о том графическом сопутствии со стороны художников, иллюстраторов и декораторов, которые более или менее случайно вносили в книгу свое творческое вдохновение. „Эстетизм“ — очень неизжитая болезнь недавней культуры — положил свой отпечаток на целый ряд явлений как непосредственно книжного производства, так и суждений о книжном „качестве“. Мы вряд ли ошибемся, что самый вопрос о „качестве“ книги, поскольку речь идет не только о ценности ее содержания, в подавляющем числе случаев сводится именно к суждению о „красоте“ данной книги. Недаром особая выставка, организованная (между прочим, и при нашем личном участии) в Москве в 1918 году (8), была озаглавлена „Красивая книга в прошлом“, — характерная дань благороднейшего ретроспективизма, весьма романтически окрашенного. Недаром „библиофильство“ держится на культе „красоты“, чувственная окраска любви к книге, вырождающаяся, как известно, в соответствующую „манию“, немыслима без своей организации в высшем плане, как „эстетика“. Но нам ныне, после строгих и четких требований „Канта теории искусств“ Конрада Фидлера (9), ясна независимость художественного творчества и науки о нем от требований красоты и ее дисциплины — эстетики. Искусство книги должно строиться на основе категории мастерства, как высшая его точка, как нечто, в чем „мастерство“ — безукоризненность внешнего выполнения — достигает своей выразительной вершины, приобретает собственный „язык богов“. Искусство есть творчество; акт интуитивного прозрения в процессе производства, сознательное искание и нахождение в мастерстве; иногда даже ошибка, но шаг вперед; искусство книги возможно, и оно есть, как самостоятельное, свое, искусство творческое, как нечто независимое от искусства украшающего, привходящего извне: от графика, художника-иллюстратора, декоратора,

еще кого. Медленное лишь распространение этой мысли является лишним доказательством крайней устойчивости, впитанной нами плотью и кровью „культуры красивого", в чем нельзя социологически не видеть характерного буржуазного пережитка, ибо как раз в эпоху политического и хозяйственного главенства буржуазного капитала наиболее пышно развился, наиболее талантливо защищался—и вылился в наиболее уродливые формы—этот культ красивого, прощавший умерщвляющие дефекты формы ради раритетного, изысканного, небывалого,—нового вкусового ощущения.

Не считаться с „эстетикой" книги, однако, нельзя. Нас к тому обязывает, помимо принятого нами раз плана библиографического (вернее, историографического) построения этой нашей вводной статьи, также и бесспорно близкое родство „теории искусства" и эстетики. К тому же терминология этой последней весьма усердно держалась за художественное начало. Найдя в недавней — довоенной — России целый ряд горячих адептов, практиков и теоретиков, книжная эстетика в русской (но и не только русской) литературе имеет свой, если не манифест, то весьма умное и талантливое краткое обоснование в особом докладе, который был прочитан на съезде художников 1912 года издателем „Старых годов" П. П. Вейнером. Дважды опубликованный доклад озаглавлен—„Художественный облик книги" ([10]).—Он, по мнению референта, „не поддается ограничению неподвижными законами". Докладчик правильно отводит в сторону, как вопрос методологически самостоятельный и к теме „художественного облика" непосредственного касательства не имеющий, вопрос об иллюстрации. Самое обоснование книжной эстетики проскальзывает мимоходом. „Художественные достоинства старой книги несомненны"... „Фабричное производство трудно мирится с художественностью. Что выигрывает в количестве, теряет в качестве". Но возрождения книги за последнее время сам много в данной области поработавший докладчик отрицать не может. Оно только, по его мнению, „зависит от... истинного углубления в дух былого творчества". „Причина упадка" была в непонимании „духа любви к книге", ближайшему проводнику „принципа искусства и красоты". П. П. Вейнер сравнивает книгу с человеком и, если не в первый раз, делает это все же весьма умело. „У книги своя одежда—переплет, не связанный с нею органически; „здоровье" книги отличается от ее „красоты". К первому

относятся „основные отличия книги“, и П. П. Вейнер делает впервые, может быть, попытку определить формальные элементы книги, указывая на бумагу, шрифт и формат. Иллюстрации, украшения и расположение их относятся докладчиком к красоте. За конкретными предложениями реферата нам не столь обязательно здесь следовать.. Докладчик протестует против меловой бумаги; но его протест—книголюба и собирателя, не ученого; меловая бумага не годна в силу своей непрочности. Несмотря на то, что и бумага играет огромную роль во внешности издания, „с точки зрения художественности книги трудно прописать для бумаги какие-нибудь практические законы“. Ибо, конечно, жалоба наших предков на Дидо, белоснежностью своей бумаги вредившего зрению своих читателей,—жалоба гигиеническая, а не художественная. О формате П. П. Вейнер говорит более кратко: „здесь еще трудно выставить определенные требования“, и вновь,—указание на большее соответствие крупных форматов серьезным темам имеет скорее психологическое, чем эстетическое значение. Очень важно, что П. П. Вейнер не обходит и „формат печати“, отожествляя его, не совсем на наш взгляд правомерно, с вопросом о полях... „Преувеличенные поля“, конечно, не являются художественным признаком. Это—каприз библиофила или типографский прием. Цитируя очень тонкие замечания Маллармэ о необходимости большого пустого пространства над текстом, „чтобы мысль читателя могла уединиться“, и о том, что поля печатной страницы исполняют „ограничивающую и заключающую“ роль картины в раме, докладчик указывает только на необходимость „приспособляемости к данному изданию“ и апеллирует к „чувству меры“ и „чутью пропорций“ для определения всех форматных неясностей. Шрифт рассматривается „в смысле очертания букв“ и в „смысле расположения набора“. Но почему „старинные наши шрифты... были действительно художественны“? Эстетизм дает очень характерное объяснение в указании на „личный элемент, обусловливающий художественность вообще“. А душа истинной красоты есть простота; для создания новых художественных шрифтов, помимо „таланта рисования и знания стиля“, нужны еще знания „чисто технических условий, при которых отливаются шрифты“. Расположение шрифта требует „приятного соотношения длины строки, размера букв и междустрочного пространства; это своего рода архитектура“. Но „трудно здесь определить какие-нибудь незыблемые правила“.

В изложенных мыслях П. П. Вейнера кратко и достаточно скупо положена основа действительно имманентного суждения о книге. Боязнь искания закономерности, ссылки на вкусовые суждения неизбежны для эстетического подхода. Дальнейшая отделка книги, по мнению докладчика, может быть позволена только после правильного разрешения этих вопросов. Иллюстрация П. П. Вейнером была оставлена в стороне; другие украшения—инициалы, виньетки, фронтисписы, обложки, переплеты — в конце концов должны быть только „соответствующими“ книге, ее формату и характеру. Очень важно, что П. П. Вейнер подчеркивает предъявление этих требований „ко всем произведениям печати“, не только к „художественным“ изданиям. В конце руководящим остается один закон для бытия „художественной книги“: любовь к ее облику и такое же личное художественное напряжение, как при всяком другом творчестве в „искусстве“. Статья-доклад нам представляется всячески важным и интересным; наше отнесение его в область „эстетики“, а не научной теории данного вида искусства в конце концов определено как волей самого автора, боявшегося теории и закономерности, так и самым характером его конкретных наблюдений. Мы считаем, что автор очень верно наметил основные (но не все) формальные элементы книги. Но их анализ сразу же переброшен в сторону психологии библиофила. Что такое „приятное“ соотношение, определяющее пропорциональность формата? В чем именно выявляется „личный“ элемент? Очень тонкая и умная мысль П. П. Вейнера по существу есть не что иное, как повествование о достоинствах, им отмеченных в старых книгах, утверждаемых им за образец, конечно, вкусового порядка.

А в качестве чрезвычайно интересного и не случайного, конечно, следствия всей этой постановки дела необходимо отметить крайнюю нелюбовь эстета, книголюба и художника к „теории“. Представляется, что эстетическая и художественная ценность как бы „прилагаются“ к деятельности таланта, в чем все время видит единственный смысл и цель искусства. Но при всей крайности такой точки зрения ее оправдание очень близко,—как в расцвете весьма пышном „художественной критики“ тех (вплоть и до наших) дней—т.-е. узурпации со стороны единичного вкусового суждения, очень хотя бы достойного деятеля, на общеобязательность,—так и в характере

„нормативности“, требования, которым неизбежно отличаются все теории эстетического возникновения. Эта нелюбовь к эстетике у художника и „аматера“ переносится на „искусствоведение“ последующих времен совсем неправомерно. Думается, что теория, возникающая в связи и на основе изучения какого-либо явления художественного порядка, может быть не только верной или не верной, но и жесткой или эластичной, годной только для одного класса явлений или гибко объемлющей все их разновидности. Но даже и в последнем случае лучшая эстетическая теория всегда нормативна и „требует“, в последнем счете, обоснования на известном мироощущении, для другого не обязательном. Но обычно смешивающие „эстетику“ с „искусствоведением“ или „теорией искусства“ не отмечают того, что положения этой последней дисциплины характера „нормативности“ не имеют. Искусствоведение, изучающее построение и эволюцию формы различного рода производств, за которыми установилось наименование „художественных“, строит свои суждения на опытном материале, пользуется экспериментом и анализом и, устанавливая те или иные „закономерности“ в явлениях искусства, делает это с расчетом на их типичность. Из типичностей вырастает стиль. Но не как общий наибольший делитель, некий субстрат, сухой элемент, присутствующий в каждом исследованном явлении материально; стиль снова оказывается „общим наименьшим кратным“, общей целью; точкой схода определяющих каждое явление направлений. Поскольку исследование выдвигает новое явление какого-либо аналогичного порядка, „диаметраль“ которого не совпадает с установленною точкой схода, эта последняя отодвигается, понятие стиля модифицируется. И разница между историей искусства и его теорией есть в конце концов только различие сечений одного и того же материала: там, где история искусства изучает явление в его временном и пространственном окружении и исследует эволюцию предмета, теория искусств изучает не предмет, а проблемы его производства.— Теория! она не страшна для исследователя формы, знающего, что единственный грех формы — это грех против ее самой. В области искусства книги невозможность помещения какой-либо изысканной гелиогравюры в библии Гутенберга для историка будет ясна технически, для историка искусств—стилистически в смысле несоответствия данной полиграфической формы с теми, на языке которых говорило XV столетие; для искус-

ствоведа—стилистически же в смысле логического несовпадения гелиогравюры с окружающими ее формами книги, в которую она включена ради примера,—несовпадение, которое может быть вскрыто путем анализа. Правда, здесь как будто устанавливается молчаливое требование „совпадения". Да, „стиль", идеал наук об искусстве, есть созидание некоторого единства;—но так устроен наш воспринимающий аппарат. На приведенном чуть нелепом примере явственна будет и разница нашего формального подхода с тем, который применяется эстетикой. Для последней „разнобой" гелиогравюры и инкунабула есть безобразие и безвкусица. А анализ? Его убоится всяческая „библиофилия", забывая о том, что искусствоведение или его новое (да простится нам честолюбие это) разветвление „библиономия" пользуется, как и всякая новая наука, методом не только интеллектуальным, для многих иссушающим,—но и интуитивным,—прибегает не только к доказательству, но и к показательству, убеждает наглядным примером. Сравнение и демонстрация есть основное орудие искусствоведения. Нам, думается, нечего доказывать, что книгу—что любой предмет изучения—надо прежде всего узнать, прежде чем постараться понять его закономерность. А так как в процессе узнавания нужна и описательная, и архивная, и техническая, и историко-статистическая работа, то ни одну из разновидностей прежней все ширящейся науки о книге „библиономия" не отменит. Мы вносим здесь предложение только нового метода книгоизучения. Конкретное содержание изучения да позволительно нам будет продемонстрировать предлагаемым коллективным трудом.

А что ни эстетике, ни библиофильству нечего бояться установленных искусствоведением наблюдений над книгой, может быть „показано" на примере тех анализов, которые впервые произведены были замечательным современным германским ученым, которого справедливо считать истинным виновником здесь развиваемых размышлений. Мы говорим о Гансе Корнелиусе, в чьей вышедшей впервые в 1908 году работе об „Основных законах искусства" (11) есть целый ряд исключительно важных замечаний о применении к книжному деланию таких простейших приемов художественного творчества, как удобообозримость, ясное членение, единство... Что это: вновь эстетические требования? Корнелиус, конечно, имеет свои предпосылки; он часто ссылается на „естественное".

Можно говорить о „конструктивном“ или „органическом“ — „стилей“ не пересчитал еще никто. Система законов каждого стиля по содержанию может быть различна. Не по форме, однако. Одно следует из другого неизбежно. Эстетика наиболее откровенно выдает всегда физиономию создавшего ее. Искусствоведение тогда сочтет свою задачу выполненной, когда укажет, в силу какого понимания данных задач она относит данное явление к тому или иному стилю. В сущности единственное условие для желания „стильности“, т.-е. определяемой общей целью единообразности форм, есть ведь присущая человеку воля к организованности.

„Теория искусства в применении к книге“ или библиономия здесь нами только теоретически обосновывается. Ее первые шаги—в будущем. Необходимо отметить, однако, что путь уже намечен. Именно из книги Корнелиуса вышло вполне независимо друг от друга в совсем недавнее время два труда, в которых „искусство книги“ стремится быть перенесенным на научную почву. О нашем вводном „Искусстве книги“ 1921 года, ([12]) работе, которая, бесспорно, не прошла незамеченной, что доказывается быстрым распространением издания, подробной по существу о нем критикой, а также и достаточно ребячливой яростью „левого фронта“, мы хотели бы здесь упомянуть только, чтобы отдать долг нашему непосредственному предшественнику. В книжке, нами изданной, ее три главы определены по содержанию и формату их первоначальным появлением в популярном журнале. То, чего мы не сделали, сделано (но и то не до конца) за границей. Книга Пауля Реннера—„Типография как искусство“ ([13]) есть развитие мыслей Корнелиуса, очень вплотную подведенных к проблемам книжного производства. Небольшую работу эту мы считаем лучшим, что по формальному методу пока сказано в отношении к книге. Не пытаясь изложить ее, укажем, что, устанавливая ряд „правил“, Реннер в сущности организует только давнюю типографскую практику, дополняя ее возникающим на основе „органического восприятия“ данными личного художественного опыта, а основное внимание его посвящено одной только проблеме, в которой он правильно видит задачу „типографии“. Это—шрифт. Анализы Реннера идут по своей убедительной „показательности“ несравненно дальше того, что, давали представители „эстетики“, как тот же П. П. Вейнер или в значительной мере его повторивший Н. Н. Врангель ([11]).

Но „типография", набор, объемлет ли все задачи книжного построения? Думается, нет. Представляется, что настоящий формальный подход к книге должен прежде всего выяснить, хотя бы вкратце, ее основные элементы, дать указание на пути того конкретного обследования, которое Реннером чудесно проделано в одном пока отношении.

Потому что,—как ни странно,—определения того, чем же является книга, как предмет изучения, не дает никто. Мы знаем только ее назначение: акт чтения. Книга есть одна из форм фиксации письменной речи; но при всей развитости мировой о ней науки, может быть, никем еще не была предложена формула, которая бы объединила и организовала наше представление, вместе с тем и наше „пожелание", к книге обращенное. Попытаться сделать это является нашей обязанностью.

Один из неоднократно нами цитированных авторов (мы для краткости останавливаемся только на русских), М. Н. Куфаев, определяет книгу, как „вместилище всякой мысли и слова, облеченных в видимый знак". Думается, что определение слишком расплывчато. Какое именно „вместилище"? И только ли „вместилище"?—Дальше автор поясняет: „все то, что могло бы при некотором техническом видоизменении получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова". Нас во всей этой нашей здесь строимой теории и методике интересует именно „книга в самом узком смысле". Ее техническое определение дается нашим заслуженным типографским работником, И. Д. Галактионовым, в словаре его „Типографского календаря" ([15]). „Книга—несколько отдельно написанных или напечатанных листов, соединенных одной стороной вместе в порядке и покрытых обложкой или переплетом". Если эта мало „изящная", сказал бы эстетик, формула как будто не опровержима, хотя и указывает на обложку и переплет несколько случайно (думается, если мы сорвем с какой-нибудь книги обложку, она книгой быть не перестанет), то ее неадэкватность в неясности, о каких листах, о каком соединении, о какой стороне и о каком порядке говорится. Основное же: отсутствие указания на цель и задачу книги, чего бы мы определенно потребовали от всякой формулы. Отправляться в этой заключительной части нашего опыта нам приходится от другой попытки определить книгу как материальный предмет. Она принадлежит также цитированному нами часто писателю,

Н. М. Лисовскому. Его формула—„книга—соединение листов писчего материала, на которых воспроизведен текст, предназначенный к распространению в удобопереносимой форме“ ([16])—была предметом оживленного и плодотворного обсуждения в Полиграфической Секции Российской Академии Художественных Наук 11—18 октября 1922 года. При всем неудобстве ссылок на материал неопубликованный, нам необходимо остановиться на этих прениях, ибо из их течения родилось весьма важное для общего хода коллективной работы новой науки о книге некое общее мнение. Докладчик академического собеседования, М. А. Цявловский, считавшийся, между прочим, и с формулой М. Н. Куфаева и указавший на ее слишком большую широту (один из говоривших, видный историк литературы И. Н. Розанов, по поводу формулы Куфаева указал, что книга не всегда даже бывает вместилищем „мысли и слова“, как пример приведя издаваемые в книжном виде образцы шрифтов словолитен и типографий), предложил некоторое видоизменение формулы Н. М. Лисовского, сводящееся к предложению — опустить слова об „удобопереносимой форме“ ввиду их „случайности“, а после слова „текст“ вставить: „или какое-либо изображение“. Формула получила бы вид: „книга—соединение листов писчего материала, на которых воспроизведен текст или какое-либо изображение.“ Воспроизведение чертежей, нот, репродукций не мешает книге быть книгой. Очень много внимания было секцией посвящено вопросу о минимальном числе „листов“, потребных для образования книги (по мнению докладчика—не менее 4 страниц). Не будем вдаваться в подробности. Указание, сделанное во время обсуждения доклада, о необходимости учесть момент монтировки книги, ее брошюровку, естественно перебрасывало бы мост между формулами Н. М. Лисовского и И. Д. Галактионова.

Для установления научной формулировки какого-либо явления, конечно, важно установление элементов, из которых оно состоит, и связи их между собой. Формула Лисовского, даже в переработке М. А. Цявловского, кажется нам не совсем правильно учитывающей основной формальный элемент книги. Пишется она или печатается, нанесение текста или каких угодно идеограмм происходит на странице. „Книга есть организация страниц“. Организация, ибо „соединение“ предполагает и случайное или неправильное, механическое сопоставление элементов. А поскольку нас здесь интересует

книга „в узком смысле“, т.-е. книга для чтения, а не для рассматривания, не альбом репродукций и чертежей, формула продолжается... „страниц, покрытых строчковыми комбинациями литер.“ Не „текстом“, ибо текст не формальный элемент. Не „буквами“, ибо мыслится книга цифр (таблицы логарифмов, скорее для чтения предназначенных, чем для рассматривания), и не „книжными значками“, ибо случайная их „сыпь“ на странице не достигает цели прочтения. „Строчковые комбинации“ есть естественное условие зрительного, пространственно-временного творчества, которое мы называем чтением. Это определение книги, как предмета, равно допускающее организованное соединение страниц в одну над другой, как в книге современной, и одну рядом с другой, как в книге восточной, или, наконец, их слияние в одну бесконечную страницу (свиток папируса), было нами предложено на заседании Полиграфической Секции 1 ноября 1922 года. Нам теперь представляется неизбежным еще дополнить нашу формулу. „Строчковые комбинации“ формально укладываются в полосы, печатное поле страниц. Оно только тогда будет организовано, когда получит свое отграничение от окружающей плоскости. Это достигается (обычно) путем полей, на значение которых так хорошо указал Маллармэ, и пропорциональное отношение которых устанавливает по своей практике Реннер. В пределах именно бело-черного, мерцающего поля книжной страницы могут встретиться и не только литеры, а и клише, всякого рода—гравюры, виньетки, иллюстрации, инициалы, рамки. Но и они входят в общую зрительную картину страницы. Ее построение, а в дальнейшем—согласованное по требованиям того или иного стиля—построение двух развернутых друг против друга страниц есть основная задача композиции книги. Истинный художник книги, по всей вероятности,—после наборщика—метранпаж.

Самая картина книжного построения (и его формального изучения) в связи с этим получает следующий вид: „первичным элементом“, атомом книги, конечно, остается литера. Она должна изучаться всячески: с точки зрения своего начертания формально. Строчковая комбинация литер изучается уже двояко в том же формальном значении: как набор литер (т.-е. их чередование с шпациями, пробелами — квадратами, круглыми...) и как шрифт, т.-е. как согласование букв в предназначаемое для мысленного перевода в звук и смысл зрительное единство слов. Шрифт! Неограниченное и неисчерпае-

мое поле изучения! Мы здесь только вкратце укажем, что проблемы шрифта вращаются вокруг его удобочитаемости, что опять-таки может быть рассматриваемо оптически - материально (исследование насыщенности шрифта краской и т. п.) и чисто художественно—формально (сочетание отдельных букв между собой, лигатуры и иные мало оправданные промежутки между буквами и т. п.) „Декоративность" шрифта, на чем настаивали старые времена, требования „личного" в нем начала или „выразительности" его, по принципам современного немецкого экспрессионизма, думается, уже относится не к элементам книжной страницы. Но „соединение" строк в общее целое, „полосы", пользование шпонами и реглетами, которое вновь может быть искусством; обрамление полями или орнаментальными какими-либо ценностями, все это — следующий, третий, момент формального анализа книги, учитывающей композицию печатного или рукописного текста. Сколько книг, набранных очень „изящными" шрифтами, погублено на этом этапе созидания книжного целого! Момент количественный, по всей вероятности, уйдет из-под формального нашего внимания. Книга не есть одна страница (ибо свиток есть не одна, а бесконечная страница). Акт переворачивания, то-есть опять привлечение временного начала к чисто зрительному, только и создает ту организацию страниц, которую мы называем книгой (свиток вновь заменяет его развертыванием).

Старая эстетика книги не могла обойти шрифта. Она, однако, больше всего говорила о двух других материальных основах книги, как предмета: о бумаге и о формате. Последний легко укладывается в проблему композиции страницы — листа — книги в целом. А вопрос о бумаге, то-есть о непосредственном „теле" книги, в глазах наших есть вопрос не формально-художественный, а материально-профессиональный. Любоваться в книге ее бумагой—все равно, что в статуе Микель-Анджело любоваться только его мрамором. Решает обработка; и поскольку проблема бумаги есть проблема фактуры книжной страницы, остающейся до конца истинным полем формального изучения книги, ей в этом последнем место найдется. Даже больше: переворачивая лист, воспринимая бумагу осязанием, мы можем допустить весьма многие „эмоции" самого интересного свойства. Но осязательный момент, с одной стороны, тоже может быть при желании учтен

в зрительном акте постижения формы, а, с другой стороны, все-таки не художествен по своей природе...

Ибо книга — пиршество глаза и ума. И поскольку ко всему внутреннему человеку приходит она только через эти ворота — изучение ее, как объекта зрительного восприятия, с точки зрения проблем ее видимой формы, является основной нашей — забытой — обязанностью по отношению к лучшей и бескорыстнейшей из подруг человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) См. „Похвала книге“, изд. под ред. проф. И. Шляпкина. П. 1919. Стр. 91 (перевод стр. 113).

2) Лисовский, Н. М., прив.-доц. „Книговедение как предмет преподавания, его сущность и задачи“. П. 1915.

3) Лисовский, Н. М. „Книговедение, его предмет и задачи“, Sertum bibliologicum в честь проф. А. И. Малеина. П. 1919. 22 стр. 5—21.

4) Куфаев, М. Н. „Проблемы философии книги“, Sertum bibliologicum. 1922 г. Стр. 22—38.

5) Ловягин, А. М., в „Библиологическом сборнике“. Т. I. Вып. 4. П. 1916.

6) Poppenberg, F. „Buchkunst“. Berlin. 1908; в серии „Die Kunst“, Изд. Marquardt.

7) „The Art of the Book“: special number of „The Studio“. 1914. London a. Paris.

8) См. „Вестник союза деятелей прикладного искусства“. М. 1918. №№ 2 и 4.

9) Konnerth, H. „Die Kunsttheorie Konrad Fiedlers“, München und Leipzig. 1909.

10) Вейнер, П. П. „Художественный облик книги“.—„Труды всероссийского союза художников“ и „Искусство“. 1912 (Киев). Стр. 121.

11) Cornelius. „Elementargesetze der bildenden Kunst“. Leipzig und Berlin. 1911 (2 изд.) и др.

12) Сидоров, А. А. „Искусство книги“.—„Печать и Революция“ 1921 г. № 1—3 и отдельн. изд. „Дом Печати“, М. 1922.

13) Renner, P. Typographie als Kunst. München. 1922.

14) См., напр., Врангель, Н. Н. „Иллюстрированные издания Лермонтова“ в академическом издании сочинений М. Ю. Лермонтова. Т. V. (1913). Стр. 227, сл.

15) „Типографский календарь на 1922 г.“ П. Гос. Изд. Стр. 174.

16) „Новый энциклопедический словарь“ изд. Брокгауза и Ефрон, т. 20.

Н. П. КАШИН

ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (ДРЕВНЕ-РУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА)

Народная поэзия в знаменитом духовном „Стихе о Голубиной книге“ сохранила нам прекрасное свидетельство о том, какое высокое представление о книге было распространено у наших предков. И в самых ранних памятниках нашей древней письменности мы находим такой же высокий взгляд на книгу. В Лаврентьевской летописи (под 1037 г.) книги сравниваются с реками, „напоящими вселенную, се суть исходища (источники) мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаемы есмы, се суть уста воздержанию“. В „Пчеле“ ум без книг приравнивается к птице „спешеной“: „Якож она возлетати не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг“. „Свет дневной есть слово книжное“. В одном поучении книги уподобляются „глубине моря, в нюже поныряющие износят бисер (жемчуг) драгий“. Кирилл Туровский (XII в.) убеждал всех прилежно читать священные книги; в доказательство приводил такой довод: „сладки медвяный сот и сахар, обоей же добрей книжный разум... Властители мира сего и человеци, труждающиеся в житейских вещах, прилежно требуют книжного почитания“. Одна азбука XVII века „книжную премудрость“ приравнивает „солнечной светлости“, „но и солнечную светлость,— читаем далее,— мрачный облак закрывает, а книжную премудрость и вся тварь сокрыти не может“.

Вполне понятно, что при таком возвышенном взгляде на „почитание книжное“ было не мало книголюбцев (библиофилов) в древней Руси, а среди них на первом месте должно помянуть князя Ярослава, о котором в Лаврентьевской летописи (под 1037 г.) сказано, что он, „любя церковные уставы и книгам прилежа и почитая часто в нощи и в дне, собра писцы многы и прекладаше от грек на словеньское письмо и списаше книгы многы, и сниска... насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем — ученье приемлюще книжное“.

Любопытное сведение сообщает нам житие Феодосия Печерского (конец XI века): „(в Киевопечерском монастыре) чернец Илларион бяше книгам хитр писати: сий по вся дни и нощи писаше книги в кельи у блаженного отца Феодосия,

ному же псалтырь усты поющу... многажды же паки великому Никону седящу и делающу книги — блаженному вскрай того седящу и прядущу нити, иже на потребу таковому делу“ (1).

Из „Сборника“ (Историч. Музей № 156). Лист 1-й Натур. развер. 20 × 14.

Как же делались книги в древней Руси (2)?

Материалом для нее в древнейшую пору, от начала письменности и до конца XIV и даже начала XV века, служил пергамент, приготовлявшийся из кожи животных, ввозившийся к нам главным образом из Византии, из Малой Азии, а потому, как материал привозный и у нас редкий, ценившийся очень дорого. Ввиду этого тем драгоценнее для нас сохранившиеся рукописи XI—XII веков.

Только с XV века, изредка с XIV, стали употреблять у нас для книг бумагу, „старое восточное изобретение, которое через испанских и южно-италийских арабов передалось Западной Европе еще в эпоху крестовых походов“.

Какие чернила были у нас с начала письменности, неизвестно, так как подробные анализы чернил еще не сделаны. Но с середины XV века и позднее в рукописях имеются рецепты чернил, главным образом железистых, на чернильных орешках. Кроме чернил, для письма также употреблялись различные краски, из которых всего важнее — красная, издавна употребляемая для начальных букв, заголовков и разного рода указаний. Отсюда, от этого обыкновения писать заголовки красной краской, ведут свое начало термины „рубрика“ (от латинского „ruber“ — красный) в смысле заголовка отдела и „красная строка“ в смысле начальной строки отдела. Красные краски были различного состава, сурик — свинцового состава и киноварь — ртутного, почему их легко различить при помощи химического анализа. В России киноварь распространяется с XIII века, при чем эта киноварь отличается красно-желтым „огненным“ оттенком. Сурик, не вытесняя вполне киновари, в России широко распространяется со второй половины XVII века и господствует в народных русских рукописях XVIII и XIX веков. Наконец, как особая роскошь, употреблялись золото (чаще) и серебро (реже) (3).

Перья для письма были гусиные, реже, опять-таки в виде роскоши, — лебединые; только однажды в Псковском „Апостоле" 1307 г. упоминается павье перо.

Прежде чем приступить к письму, писец разлиновывал бумагу с помощью линейки, а также циркуля и цепочки, которыми размерялось расстояние между строками, и с помощью металлического или костяного шильца, которым проводились, т.-е. надавливались, самые линии. Самая разлиновка зависела от того, писался ли текст в один или в два столбца; равным образом и от того, какие были инициалы, большие или маленькие, для которых оставлялось особое место, так как они в большинстве случаев писались после всего текста и возможно — другим лицом.

В рукописных книгах различаются три почерка: устав, полуустав и скоропись. Древнейшим почерком был устав, который ведет свое происхождение от греческого литургического устава IX—X века и называется кирилловским или просто кириллицей, по имени славянского апостола Кирилла, которому предание приписывает изобретение этого вида шрифта. „Славянский устав, — говорит В. Н. Щепкин,— подобно своему источнику, уставу византийскому, есть медленное и торжественное письмо; оно имеет целью красоту, правильность, церковное благолепие. Устав характеризует эпоху, когда письменность носит преимущественно литургический характер. Отсюда вытекают все его внешние особенности — отчетливый архитектурный характер линий и незначительное количество сокращений". Конечно, за все время своего существования устав подвергался изменениям, и таким образом имеются различные его варианты. С конца XIV века устав сменяется полууставом. Произошло это по чисто экономическим соображениям. В связи с возросшей потребностью в книге, которая стала удовлетворять теперь не только церковным нуждам, но и более широким чисто литературным целям, нужно было писать скорее. Полуустав является, таким образом, деловым письмом писцов, работающих на заказ и на продажу; он соединяет цели удобства письма и четкости, отсюда его внешние приметы: полуустав, вообще говоря, мельче и проще устава и имеет гораздо более сокращений; чаще полуустав бывает наклонным, а прямой, вертикальный, полуустав не так тщателен; вообще письмо становится более быстрым и более небрежным. Во время господства полуустава устав все же употребляется для роскошных

литургических памятников. Однако и в этом случае он стал заменяться так называемым каллиграфическим полууставом, который „крупнее и тщательнее простого полуустава, но сохраняет многие свойства, выработанные этим последним в целях удобства, именно — наклон, кривизну прежних прямых, более многочисленные сокращения". Ухудшение письма в погоне за быстротой пошло дальше, и в XV — XVI веках вырабатывается так называемая скоропись, доживающая до гражданского шрифта и постепенно переходящая в ту скоропись, которой мы пользуемся в настоящее время.

Не имея возможности подробно останавливаться на видоизменениях почерков в русских рукописях, отмечу один факт более общего характера, именно, что на рубеже XIV и XV веков, т.-е. в эпоху полуустава, русская графика, а кстати сказать, и орфография претерпели громадные изменения, источником которых было усиление юго-славянского влияния, и сущность которых сводилась к тому, что, начиная с указанного времени, графика западно-русского и восточно-русского государства начинает расходиться, между тем как „до эпохи полуустава почерки западной и юго-западной России мало отличаются от почерков новгородских, московских и других великорусских, хотя под конец и отличаются от них несколько по своей манере и внешнему виду, что объясняется очень мелкими различиями орнаментального характера в написании отдельных букв" (В. Н. Щепкин).

В связи с вопросом об изменении почерков, отмечу еще одну интересную подробность, засвидетельствованную, между прочим, „Псковским сборником", рукописью последней четверти XIV века, хранящейся теперь в Петрограде в Публичной Библиотеке (Соф. 1262). Рукопись эта, писаная частью на пергаменте, частью на бумаге и притом в большей своей части одним писцом, дает любопытное наглядное доказательство того, как менялся почерк одного и того же писца при переходе с одного материала на другой.

Вместе с указанным юго-славянским влиянием появляется в наших рукописях особый вид, особая манера письма, декоративная цель которого легко заметна. Это — так называемая вязь, когда строка, буквы которой как бы сплетаются друг с другом и пустые места между ними заполняются украшениями, образует один сплошной орнамент. Самый существенный прием вязи заключается в соединении двух смежных

вертикальных линий (мачт) в одну, в так называемой мачтовой лигатуре. Греческая азбука, в которой только 12 букв имеют мачты, представляет, таким образом, очень мало средств для образования вышеупомянутой лигатуры. Вот почему в Византии, родине вязи, эта последняя не могла достичь такого развития, какого она достигла у славян, у которых в азбуке (кириллице) из 36 букв 26 имеют мачты. В России вязь появляется в конце XIV века, особенно же развивается она в XV веке. Рассадниками этого искусства являлись в великорусских областях Новгород, Псков, Тверь и Троицко-Сергиевская Лавра. Подобно почеркам, и вязь подвергалась видоизменениям и имела свои стили, на которых я уже не буду останавливаться.

Также ограничусь лишь одним упоминанием о так называемой тайнописи, или криптографии, перешедшей в Россию из Византии, конечно, через посредство южных славян, и употреблявшейся в тех случаях, когда писец желал скрыть свое имя или какие-нибудь сведения. Часто встречаемое в рукописях слово „ариль“ (аминь) представляет пример такого рода тайнописи.

Исключительно целям украшения рукописи служит орнамент, включающий в себя заставки, инициалы или заглавные буквы, и концовки; некоторые относят сюда также и встречающиеся в рукописях миниатюры, хотя это уже расширяет понятие орнамента.

Заставкой называется украшение, ставящееся в ширину страницы перед началом статьи, главы или какого-нибудь крупного отдела и соответствующее нашей виньетке. Также в начале текста в этих случаях употреблялись инициалы, или заглавные разрисованные буквы. В знаменитом Изборнике Святослава 1073 г. заставка служит рамкой для заглавия. Также в этом сборнике на оборотной странице листа второго писаный золотом текст заключен в рамку, орнаментация которой состоит из геометрически правильных кругов, разрисованных, повидимому, цветами, плохо сохранившими окраску.

Геометрически правильные фигуры составляют отличительную особенность византийского орнамента, который переходил к славянам вместе с письменностью и вызывал, конечно, подражание ему. „Но надолго, — по словам В. Н. Щепкина, — и у всей массы славянских писцов и рисовальщиков ни основной (т.-е. геометрический) принцип византийского орнамента,

ни его высокая техника не могли удержаться". Народные мастера упрощали этот византийский орнамент, и благодаря этому создавался новый орнамент, который называют „варварской разновидностью византийского стиля", или переходной манерой. Переходной же она называется потому, что, „не представляя самостоятельного стиля, она в то же время составляет переход от стиля византийского к стилю тератологическому".

Отличительной особенностью тератологического орнамента служит присутствие фигур и изображений зверей, большею частью фантастических чудовищ, драконов, грифов, львов и т. п., при чем фигуры эти входят в рисунок, сплетенный из ремней. Такого рода орнамент относится ко времени XIII—XIV веков. С начала XV века он вытесняется юго-западным влиянием, вместе с которыми в Новгороде, Москве и других крупных великорусских городах вновь распространяется геометрический орнамент, только отличающийся от древнего, состоящий из стилизованных цветов и растений в рамках геометрических фигур и получивший название ново-византийского. А в западной и юго-западной Руси, также и в самом Московском государстве в XV в. господствует, главным образом, жгутовый и плетеный орнамент, который называется также балканским орнаментом, благодаря своему широкому распространению у южных славян и у румын. В конце XVI века, по словам М. Н. Сперанского, в ново-византийский орнамент под влиянием Западной Европы начинает проникать живописный элемент, выражающийся в том, что художники „стараются брать предметы и изображать их так, как они встречаются в природе; цветы рисуют собранными в букет, ставят их в вазы. Это цветной или травной орнамент. Им характеризуются рукописи XVI—XVII веков".

Наконец, должно упомянуть еще один стиль орнамента, появившийся во второй половине XVII века в Московском государстве в заставках и инициалах. Это — стиль барокко, т.-е. западный орнамент XVII века, с которым мы перейдем и в XVIII век.

Не останавливаясь на видоизменениях этого стиля орнамента, а также и на других стилях XVIII века, перехожу к последнему виду художественных украшений рукописи, именно к миниатюре. Эта последняя обозначает встречающиеся в рукописных памятниках картинки, сделанные в красках от руки.

Рукопись, украшенная такого рода картинками, называется лицевой, чему соответствует наш термин „иллюстрированная". Кроме названия „лицевая рукопись" употреблялось еще выражение: „рукопись украшенная (сряженная, обряженная)". Здесь имелось в виду украшение рукописи орнаментом и переплетом. О миниатюрах я замечу лишь одно, что при их изучении следует обращать внимание на рисунки составляющих их элементов, т.-е. на рисунки фигур, ландшафта и зданий, и что миниатюра, особенно русская, находилась в зависимости от иконописи уже по своему преимущественно религиозному содержанию, а также потому, что иного стиля живописи, кроме иконописного, на русской территории долгое время не существовало" (В. Н. Щепкин).

Все эти украшения, как то: инициалы, заставки, миниатюры и т. п., вносились в рукопись уже после окончания текста; вот почему в рукописях встречаются, как замечено было выше, свободные места для инициалов или заставок или же пустые листы, на которых должны были помещаться миниатюры. Нередко попадаются в рукописях карандашные наброски, свидетельствующие о том, что работа над этими украшениями рукописей проходила несколько стадий: первая — это карандашный набросок рисунка, вторая — когда этот карандашный рисунок обводился чернилами, при чем рисовальщик иногда не ограничивался одной только обводкой, а вносил в рисунок кое-что новое от себя; третья стадия — это разрисовка красками. Возможно, что эти работы исполнялись разными лицами, хотя встречаются даже случаи, когда и рисунки исполнялись одним и тем же лицом, который писал и самый текст.

Подобно современным книгам, и древне-русская рукописная книга для большей сохранности и для большего благолепия переплеталась, при чем качество переплета в художественном отношении зависело не столько от его стоимости, сколько от вкуса заказчика или переплетчика. До нас сохранились древние переплеты, поражающие как своим богатством, так и своим безвкусием, как, например, переплеты на разных годуновских рукописях, и другие, наоборот, отличающиеся простотой и изяществом, как, например, переплет рукописи „Книга Варлаама и Иоасафа лицевая", о которой у нас будет речь ниже.

Крышки на переплет делались деревянные, при чем по тому, каково было дерево, можно было с большей или мень-

шей степью вероятности сказать, в какой области древней Руси был сделан переплет, а следовательно, где возникла и самая книга. Отличительной особенностью древнего переплета было, то, что доски не выступали над листами книги, которая таким образом представляла вместе с переплетом какую-то сплошную компактную массу. Доски и корешок обтягивались кожей, на которой выдавливались различные узоры, на богатых переплетах при этом золотом или серебром. Вместо кожи употреблялась часто разного рода материя, как парча, рытый, т.-е. узорчатый, бархат, и т. п. Поверх кожи на досках прикреплялись еще различные украшения, как, например, узорные бляшки, так называемые жуки или жуковины, угольники (наугольники), средники и застежки (4).

Так создавалась древне-русская рукописная книга. Как узнать, когда возникла та или другая отдельная рукопись? Если на ней нет даты, т.-е. точного указания, когда она была написана, то приходится определять время написания только приблизительно. Основанием для этого определения может служить прежде всего самый материал, на котором писана книга,— пергамент или бумага. Пергаментные рукописи — более древние, о чем мы уже раньше говорили; бумажные — более поздние. Более или менее точно можно определить дату при помощи водяных знаков, которые видны на бумаге и которые составляют как бы марку той бумажной мельницы или фабрики, на которой изготовлялась бумага. Изданы целые альбомы этих водяных знаков; капитальный трехтомный труд этого рода принадлежит Н. П. Лихачеву (5). Отыскав в этом альбоме тот водяной знак, который встречается в данной рукописи, всегда можно указать, по крайней мере, век, к которому она относится. Другие признаки, по которым определяется дата рукописи, это характер почерка, стиль украшений, орнамента и, наконец — упоминания о тех или других исторических лицах и событиях.

Познакомившись с тем, как создавалась наша рукописная книга, познакомимся теперь с некоторыми образцами русских рукописей, наиболее интересными с внешней, полиграфической и художественной стороны, расположив их в хронологическом порядке.

Я не думаю, чтобы нужно было много распространяться о наших рукописных первенцах XI века, как Остромирово Евангелие (1056—1057 г.г.) Это — роскошный памятник древне-

русского искусства, писаный крупным уставом, богато украшенный орнаментом, заставками, инициалами, миниатюрами, изображениями евангелистов, притом памятник, хорошо сохранившийся.

Другим таким памятником является Изборник Святослава 1073 г., замечательный, между прочим, своей миниатюрой, изображающей князя Святослава с семьей и представляющей первый русский портрет. Насколько интересна и ценна эта миниатюра, свидетельствует тот факт, что ей посвящено специальное исследование Кондакова. Оба названные памятника относятся к XI веку, переизданы факсимиле Обществом Любителей Древней Письменности и хранятся — первое в Петрограде в Публичной библиотеке, второй в Российском Историческом Музее в Москве.

К XII веку относится знаменитое Мстиславово Евангелие (Российский Исторический Музей), названное так потому, что писано по повелению новгородского князя Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. По единогласному утверждению всех ученых, изучавших этот памятник, по изяществу письма он занимает первое место после Остромирова Евангелия. Текст евангельских чтений в нем писан довольно крупным уставом, хотя и гораздо мельче, чем в Остромировом; церковные же указания перед началом чтений писаны почерком мелким, но того же характера, что и крупный. Строчное крупное и мелкое письмо писано иерейским сыном Алексой Лазаревичем, а над золотым письмом работал писец Жаден.

Все три отмеченные нами памятника: Остромирово Евангелие, Изборник Святослава и Мстиславово Евангелие относятся по своему орнаменту и особенно миниатюрам к одной византийской школе или же весьма родственны друг другу.

По словам специально изучавшего настоящую рукопись П. К. Симони ([6]), „в Мстиславовом Евангелии нередки случаи чересчур смелых каллиграфических приемов писца-виртуоза: неожиданные придатки к очертаниям букв даже строчного письма, росчерки и т. д. Иногда украшения эти то подымаются у писца высоко над строкой, то опускаются низко под строку; особенно причудливая фантазия писца-каллиграфа распространяла хвосты различных букв, преимущественно же *А* и *Ю*, стоящих в конце строки...“. Среди других графических приемов нашего писца должно упомянуть, по словам того же исследователя, „его прием изображать особенную мяг-

кость *л*, *м*, *н* и даже *д* особым знаком вроде язычка у буквы *г*, прием, занесенный к нам, несомненно, с славянского юга, из Болгарии.

Наконец, нельзя пройти молчанием и роскошный переплет рукописи, богато изукрашенный каменьями, финифтевыми изображениями святых, тонкой филигранью во всю доску, правда, уже относящейся к более позднему времени, к XVI веку.

Также к XII веку относится Юрьевское Евангелие (Патриаршая библиотека № 1003), названное так потому, что оно написано некиим Федором Угринцем для Новогородского Юрьевского монастыря, при игумене Кирьяке и экономе Исаве, как сказано в записи в конце Евангелия, которая впоследствии воспроизведена на серебряной дощечке, прикрепленной к задней доске переплета. Деятельность упомянутого игумена Кирьяка в означенном монастыре относится к 1119—1128 г. г. (последний — год его смерти); следовательно, в промежутке между этими годами и написано настоящее Евангелие. Писано оно также уставом, изобилует украшениями византийского стиля, хотя уже замечается много элементов орнамента тератологического. Среди инициалов особенно часто встречается буква *В*, затем *Р*, так как это—Евангелие недельное (апракос), расположенное не в порядке евангелистов, а в порядке отдельных евангельских чтений, а эти чтения обычно начинаются словами — „Во время оно“ или „Рече Господь“. Но сколько раз ни встречаются эти буквы, вы не найдете здесь даже двух сходных рисунков, каждый раз, с каждым новым инициалом — новый рисунок. Впрочем, должно отметить, что это обычное явление в роскошных русских рукописях.

Из памятников XIII в е к а отметим Псалтирь харатейную, т.-е. пергаментную, 1296 г. (Патриаршая библиотека № 235), писанную крупным уставом, изобилующую чрезвычайно интересными заставками и инициалами чисто тератологического стиля. К сожалению, при переплете рукопись была очень много обрезана, отчего пострадали все заставки, находящиеся в конце страницы (7).

В XIV в е к е, в 1380 г., в год Куликовской битвы, был написан Служебник (Патриаршая библиотека), т.-е. молитвенник, которым пользуется священник во время литургии. Это — маленькая книжечка в восьмую долю листа на 80 пергаментных листах, писаная уставом. Заставки и инициалы тератологического стиля, причем инициалы небольшого размера и

очень изящны. Помимо писаной красной краской записи о времени написания этой книжечки и владельцев, для кого она предназначалась („попу ерею Микуле"), причем легко заметно, что строки, где указано его имя и общественное положение, написаны по стертому, т.-е., что это уже был не первый владелец книги; помимо этого обращает на себя внимание следующая написанная на полях листов запись-автограф: „Лета 7169 (1661) году сию книгу служебник положил в дом святого живоносного воскресения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа Нового Иерусалима смиренный Никон божею милостью патриарх а кто восхощет ю усвоити яко Ахарь сын Хармиев или утаити якоже Анания и Сапфира да отымет от него господь бог святую свою милость и затворит двери щедрот своих и да приидет на него неблагословение и клятва и казнь божия душевная и телесная в нынешнем веке и в будущем вечная мука. А кто сие писание каким злым умышлением испишет от книги сея да испишет его имя господь бог от книги животныя".

Изумительным по изяществу памятником является так называемая Смоленская, или же по другим Архангельская Псалтырь, относящаяся также к XIV веку (временно находится в Российском Историческом Музее). Рукопись состоит из двух частей: из собственно Псалтири и Часословца. Первая часть писана прекрасным, прямолинейным, сжатым, крупным уставом в один столбец, а вторая половина — мелким уставом, в два столбца, чернилами каштанового цвета. Исследователь (С. О. Долгов) находит, что можно заметить твердость, уверенность почерка писца и, можно сказать, художественность. Особенно большую смелость и разнообразие приемов применяет писец, по его словам, в тех случаях, где он прибегает к тайнописи.

Псалтырь украшена 3 миниатюрами, 22 заставками и свыше 150 разукрашенными и частью раззолоченными начальными буквами: ими начинается каждый псалом и каждая песнь. Особенностью настоящей рукописи является то, что писец Псалтыри сам же и украшал ее рисунками. Этим писцом и художником, исполнителем украшающих ее миниатюр, заставок и инициалов, как видно из записи на обороте 156 листа, был смольнянин Лука. „Как произведение рук смольнянина, рассматриваемая Псалтырь служит наглядным доказательством того, как высоко стояло в древнем Смоленске в XIV веке

искусство списывания книг и рисования, а также иконописания (в миниатюрах)" (8). Только вряд ли на основании того, что писец Лука был смольнянином, можно говорить о смоленской школе письма, как это делает только что цитированный нами автор первой статьи о нашей Псалтыри, Г. К. Богуславский. Лука мог быть выучеником другой школы и в своей работе следовать ее традициям.

Что касается миниатюр данной рукописи, то имеющиеся на них изображения пятиглавых и трехглавых храмов, заполненные внутри переплетающимися ремнями и чудовищными птицами, по справедливому замечанию С. О. Долгова (9), довольно обычны в русских рукописях XIII — XV вв. „Миниатюры нашей Псалтири,—продолжает названный исследователь,—выделяются лишь тонкостью рисунка и законченностью композиции. То же можно сказать о заставках и заглавных буквах тератологического характера. Особенное богатство фантазии, недюжинную технику и своеобразное сочетание фигур проявил наш иллюстратор в некоторых рисунках, сведенных на таб. XIX. Здесь — то одиночные изображения людей или зверей и птиц, почти свободные от обычных перевитий ремнями, то сцены и композиции, иногда загадочного характера. Из числа первых можно указать на мужские фигуры в кафтанах с пуговицами, красных сапогах и колпаках, коленопреклоненных, в молитвенной позе с воздетыми руками (*Г*, л. 136 и *Б*, л. III — обор.)".

При взгляде на эти мужские фигуры легко напрашивается предположение, что это — изображения „веселых людей", скоморохов: уж очень их шапки напоминают головной убор этих последних. Их коленопреклоненности вряд ли можно придавать какое-нибудь особое, так сказать символическое, значение в смысле молитвенного настроения. Указанная особенность их изображения легко, на мой взгляд, объясняется чисто художественными соображениями: в иных случаях (л. 55, буква *Б*) свисающие ступни ног служили материалом для красивой орнаментировки, да и для изображения самой буквы *Б*, т.-е. ее овалика, такая поза являлась наиболее подходящей. То же самое можно сказать и о букве *Н* (л. 65), смысл композиции которой С. О. Долгов находит загадочной. Буква эта состоит из двух фигур, нарисованных на синем фоне ее вертикальных линий (мачт): одна фигура стоящего на коленях человека, правая рука которого поднята наподобие того, как

солдаты отдают честь, хотя конечно ни о каком отдании чести речи быть не может, а левая рука вытянута и держит другую фигуру, рыбу, стоящую на хвосте, головой кверху; таким образом левая рука человека образует перекладину буквы *Н*. Можно ли здесь говорить о том, что изображен человек просящий и приносящий в дар рыбу, сказать, конечно, очень трудно, но несомненно, что если бы фигура человека была изображена в стоячем положении, то левая его рука в своем основании поднялась бы выше, перекладина буквы тоже должна была бы подняться, и таким образом строгий рисунок *Н* был бы нарушен. Художественный подход композиции данного рисунка ясен, а неразгаданность его символического значения все же не мешает нам наслаждаться самым изяществом рисунка.

Также загадочным находит С. О. Долгов смысл композиции буквы *В* на л. 69. Здесь изображена человеческая фигура, по мнению Г. К. Богуславского, женская, комфортабельно сидящая на складной скамеечке с положенной на нее подушкой; в поднятых кверху руках фигура держит рог; ноги ее продеты в кольцо, соединенное с каким-то непонятным предметом, который Г. К. Богуславский считает замком, что дает ему возможность истолковать рисунок в том смысле, что здесь изображен человек, заключенный в оковы. Но такому толкованию противоречит комфортабельная обстановка, эта изящная подушка, на которой сидит фигура и которая заставляет думать, не изображен ли здесь жонглер, показывающий фокус высвобождения ног, причем руки его, конечно, должны были быть чем-либо заняты, поэтому они и изображены поднятыми кверху и держащими рог.

Из отдельных фигур животных должно отметить собак (л. 149 обор. *Г*, *С*, л. 36 об., л. 64 об. — *Б*), длинные хвосты которых переходят в завитки аканта или перьев. Характерна фигура льва (л. 115 об. — *Б*), встречающаяся, по словам С. О. Долгова, на восточных вещах эпохи Сассанидов; в инициал *Б* на л. 60 включена целая охотничья сцена.

На обороте л. 72 нарисованы четыре чудовища, с надписями: римский царь, македонский царь, вавилонский царь и антихрист. В средине между ними находим маленькую фигурку какого-то животного, по мнению Г. К. Богуславского, зайца. В связи с этим названный исследователь и толкует рисунок в том смысле, что здесь символически изображено

тягостное положение Смоленского княжества среди окружающих его более сильных соседей, готовых его поглотить. Насколько справедливо такое толкование, судить трудно.

Все эти замечания о настоящей рукописи несомненно свидетельствуют о том, какой глубокий интерес представляет она в художественном отношении, и вполне понятно, что я остановился на ней несколько долее.

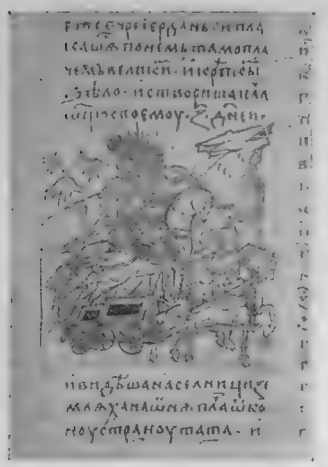
К XIV веку относится так называемое Евангелие Симеона Гордого, хранившееся до сих пор в ризнице Троицко-Сергиевской Лавры. Это собственно евангельские и апостольские чтения, расположенные по порядку церковных чтений. Рукопись — пергаментная, в лист, писана уставом в два столбца, на 266 листах.

На обор. 1 листа заставка „фигурная" узловатая, по синему полю киноварью с белыми просветами, под нею красками и золотом: „Деяния святых апостол в святую и великую неделю пасхи на литургии от деяний святых апостол чтение".

Кроме заставки рукопись изобилует многочисленными заглавными буквами, которые представляют „стилизованных животных в плетении и плетение, переходящее в завитки реального происхождения".

Рукопись переплетена и обложена по доскам серебряным вызолоченным басменным окладом. Кроме того, на верхней доске наложены распятие и наугольники — четыре евангелиста. На ободе по краям оклада чеканная запись о том, что это Евангелие сделано в 6852 (1344) году князем Симеоном Ивановичем, т.-е. Симеоном Гордым, который перед тем ездил в Орду и возвратился оттуда „пожалованный богом и царем"; должно предполагать, что в благодарность за успех путешествия в Орду им и было сделано настоящее Евангелие ([10]).

Вероятно к концу XIV века относится пергаментное Евангелие в лист, опять-таки из рукописей ризницы Троицко-Сергиевской Лавры, пожертвованное боярином Богданом Матвеевичем Хитрово, что видно из следующей записи по листам: „Лета 7185 (1677) сию книгу святое Евангелие Великий Государь Царь и великий Князь Федор Алексеевич пожаловал боярину и дворецкому и оружейничему Богдану Матвеевичу Хитрово. А Богдан Матвеевич сие Евангелие для (ради) древнего письма дал в обитель пресвятой и живоначальныя Троицы и великих чудотворцев Сергия и Никона при архимандрите Викентие, при келаре старце Киприане,



Из „Хронографической Палеи“ 1477 г. (Синод. 210). Лист 144, обор. перв. столб. Натур. велич. 14 × 7½. Иллюстр. к рассказу о „Погребении Иакова“, отца Иосифа Прекрасного.

при казначее старце Сергие, при соборных старцах при Игнатии Стогновском, при Зосиме Мовском и при Ионе Дашкове“.

Писана рукопись в два столбца, крупным уставом. По мнению архимандрита Леонида, описавшего данную рукопись, „по всем признакам, как по доброте пергамента, по изящности рисунков (изображение евангелистов и их символических знаков), заставок и разрисовке заглавных букв, а также по письму“ это Евангелие должно быть отнесено ко времени не ранее второй половины XIV века, а другие исследователи относят его даже к концу XIV века.

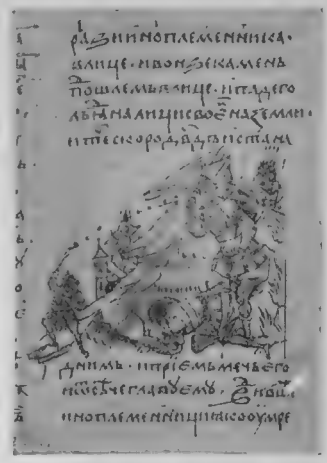
Рукопись, по словам Ю. Олсуфьева, изобилует орнаментированными заглавными буквами животного орнамента, представляющего завитки растительного происхождения, и орнамента в виде плетения растительного и змеиного происхождения. Цвета заглавных букв в виде завитков и плетения — преимущественно голубой, темно-зеленый с желтым, красный и золото.

Евангелие в переплете. Доски обтянуты рытым бархатом — по малиновому полю голубые цветы и узоры. На верхней доске средник и наугольник серебряные вызолоченные с чернью; петли и концы застежек тоже серебряные. На задней доске пять серебряных овальных жуков ([11]).

Из рукописей XV века отметим две. Одна из них — Служебник 1400 года (Патриаршая библиотека), подобно вышеотмеченному Служебнику 1380 г., положен патриархом Никоном в его излюбленный Ново-Иерусалимский храм, а писан был пресвитером Феодором церкви Спаса на Хутыне по повелению архиепископа новогородского Ивана. Писана рукопись красивым уставом на пергаменте.

На обороте первого листа находится „изображение святителя в крещатом фелоне, благословляющего рукою. Вокруг него подобие храмины, составленное из перевитых фигур, над которой возносятся пять глав, увенчанных крестами. На средней из них, по причине повреждения начальных листов от сырости, креста не видно. На прочих — кресты четвероконечные“.

Инициалы с изображениями птиц и человека. Можно отметить фигурно раскрашенную заставку на обороте второго листа. Плетение подчас очень обильное и замысловатое. В двух случаях (л. 14 об. и 16 об.) наблюдается один и тот же рисунок для инициала *Г*, составной частью которого служит фигура человека. Разница только в раскраске одежды. Обращает на себя внимание рисовка глаз человека, птиц и чудовищ. Глаз очень продолговатый, и зрачок обозначается крупной темной точкой, благодаря чему получается какая-то особенная выразительность глаза ([12]).



Из „Хронографической Палеи“ 1477 г. (Синод. 210). Лист 335, второй столбец. „Единоборство Давида и Голиафа“. Натур. размер 12×7½.

Другая рукопись XV века — „Палея Толковая“ 1477 г. (Патриаршая Библиотека), писаная полууставом на бумаге. Миниатюры этой рукописи, иллюстрации к ее тексту, обращают на себя внимание тем, что костюмы некоторых фигур отражают на себе бытовые черты. Так, например, одеяние каких-то воинов, их шлемы (л. л. 337, 375, 394 и др.) напоминают одежду русских воинов. Отметим далее еще одну особенность манеры художника. В миниатюре, изображающей единоборство Давида с Голиафом (л. 335), последний изображен дважды: один раз стоя, при чем ему в лоб попадает камень, брошенный из пращи Давида; второй раз он изображен уже лежащим на земле. Для изображения полета камня художник рисует камень несколько раз (нечто вроде пунктира, где камень заменяет точку) по той кривой линии, какую камень делает в своем полете. Так думал художник победить трудности, представляемые самой природой его искусства.

Переходя в XVI век, должно остановиться на изумительной по изяществу письма и рисунка рукописи — Евангелии-тетр 1537 г., так называемом Филаретовском Евангелии (Патриаршая Библиотека). Оно так названо потому, что патриарх Филарет приказал сравнить его текст с печатным и, когда оказалось, что оно отличается от последнего, приказал не давать его ни в какой храм для богослужения и хранить под спудом. Евангелие украшено заставками перед началом текста каждого евангелиста, тут же заглавными буквами, небольшими

заставками перед оглавлениями двух евангелий, большой заставкой перед указателем евангельских чтений по всем месяцам и, наконец, пятью рисунками в каждом евангелии, служащими рамкой для обозначения дней недели, с понедельника до пятницы, и, кроме того, еще одним рисунком в евангелии Иоанна, где вместо дня недели нарисован восьмиконечный крест, а над ним адамова голова. Нельзя сказать, чтобы все эти рисунки поражали богатством красок: их всего две-три: синяя, красная да золото, но они несомненно поражают необыкновенным изяществом письма и рисунка и чрезвычайной тонкостью графических линий. Инициалы среди текста, перед началом отдельных евангельских чтений не раскрашены, небольшие и исполнены золотом, равно как и различные церковные указания, что производит очень приятное впечатление.

Остановлюсь еще на одной подробности. Горский в своем известном „Описании рукописей", говоря о нашем Евангелии, называет их оттиснутыми. Действительно, оттиски рисунков с названиями дней недели можно заметить на других листах рукописи, но только странным представляется то, что эти оттиски наблюдаются на тех листах, к которым оттиснутый рисунок обращен своей лицевой стороной, между тем как их ожидаешь встретить на листах рукописи, следующих за тем, на котором находится этот оттиснутый рисунок. Эта особенность безусловно заслуживает специального рассмотрения для разрешения вопроса о том, были ли эти рисунки действительно оттиснутыми ([13]).

Ко времени не позднее средины XVI века относится другой безусловно классический памятник русской иллюстрированной рукописи, так называемый „Лицевой летописный свод" или „Царственный Летописец", колоссальное произведение придворной школы Грозного, состоящее из 12 больших томов, которые почти все дошли до нас, хотя и находятся в разных хранилищах. Этот свод представляет всеобщую историю, от создания мира, и русскую, кончая эпохой Грозного. Лучшим его томом является первый, хранящийся в Российском Историческом Музее; это — огромный фолиант, в котором более тысячи больших листов, на них — более 1.600 прекрасных миниатюр среди текста, писанного красивым почерком XVI века. Миниатюры данного свода несомненно писаны различными мастерами, хотя и принадлежащими к одной и той же упомянутой школе Грозного. В основе этой царской миниатюры

XVI века лежит эпически-религиозный стиль иконописи, но кроме того в ней сказалось влияние западной гравюры, особенно немецкой, с ее жанровой, порой реалистической манерой. „В результате получился роскошный сказочный стиль русской придворной миниатюры, как нельзя более подходящий к сказочным сюжетам... Этот сказочный стиль Лицевого Свода чувствуется в его библейской части, а в бытовых исторических частях он бьет гремучим ключом“ ([11]).

Из „Царственного Летописца“ (Синод. № 140), лист 257 обор. „Начало Казанской войны“. Натур. велич. рисунка с текстом 25 × 16.

Гораздо ниже этого памятника в художественном отношении являются так называемые Годуновские рукописи конца XVI века, Псалтырь 1594, Кормчая 1589—1590 г. г. и друг. (Патриаршая Библиотека), названные Годуновскими потому, что писаны по закону боярина Дмитрия Ивановича Годунова, которым и пожертвованы в разные храмы. В миниатюрах этих памятников бросаются в глаза подчас наивные приемы иллюстратора. Так, например, на л. 9 нарисованная против слов „да некогда похитит, яко лев душу мою“ на полях миниатюра изображает льва, нападающего в горах на человека и хватающего его за грудь. На л. 10 против слов „ров изры и ископа и (его) и впадется в яму, юже (которую) сделал“ миниатюра изображает человека, копающего яму, которая нарисована черной краской для отличия от земли и гор, исполненных желтоватой краской, и другую человеческую фигуру, которая нарисована торчащей из ямы вверх ногами: так изобразил иллюстратор падение в яму человека, ее вырывшего.

Любопытна также символика художника. Стих „правда и мир облобызастася“ иллюстрируется в виде двух целующихся женщин. „Источник водный“ изображается в виде вьющейся ленты, расширяющейся к концу. Заметно влияние апокрифов и иконописи. Против слов „яко обыдоши мя пси мнози“ находим миниатюру, на которой изображен Иисус Христос, по обеим сторонам которого стоят люди, по-двое с каждой стороны, с песьими головами, известные из апокрифов под названием „песьиглавцы“. Удачны рисунки человеческих лиц, менее —

рисунки животных. Так, например, на л. 9 голова льва более напоминает баранью, чем львиную.

К самому началу XVII века относится рукопись Патриаршей Библиотеки — „Служебник патриарха Иова", пожертвованный им, как гласит сделанная золотом запись по листам рукописи, в 1604 году в Успенский Собор. Рукопись писана на 40 тетрадях (по 8 листов в каждой) крупным и весьма хорошим уставом, при чем каждая тетрадь, подобно листам печатной книги, отмечается особой буквой, писаной золотом и обрамленной каждая особым рисунком. Заглавия служб, которых здесь три, затем первые буквы, многие слова и целые строки в середине, содержащие надписания молитв и объяснения действий священнослужащих, которые обыкновенно пишутся киноварью, здесь писаны золотом. Перед некоторыми молитвами, а главное перед началом каждой службы великолепно и изящно сделаны золотом и красками заставки, с ветвями на стороне, равно как и самые первые инициалы; все это в стиле Ренессанса.

Наконец, перед всеми тремя службами на особых листах, по золотому фону, сделаны изображения церквей и авторов служб: Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория, папы Римского ([15]), причем все это обрамлено травным орнаментом в том же стиле, что и рисунки для букв, обозначающих тетради, и во всяком случае совершенно в другом стиле, чем заставки. Таким образом ясно заметны в книге два стиля и, возможно, что два мастера, так как орнамент указанных миниатюр в художественном и техническом отношении гораздо слабее, чем заставки. Но возможно, что изображения церкви и самих святителей сделаны тем же мастером, что и заставки, так как в манере работы тут и там наблюдается сходство. Отмечу одну деталь. На 3-й миниатюре, изображающей Григория, папу Римского, вверху рамки посредине изображен, хотя не очень удачно, двухглавый орел, как известно, вошедший в наш обиход с XV века.

К последней четверти XVII столетия относится хранящийся в Историческом Музее среди собрания Патриаршей Библиотеки один из списков повести о Варлааме и Иоасафе, интересный и с литературной и с художественной стороны. В первом случае он интересен тем, что вся рукопись, как говорили в старину, правлена, т.-е. редактирована собственноручно Симеоном Полоцким. Во втором — тем, что рукопись обильно

Из лицевой повести о Варлааме и Иоасафе. (Синод. № 174). Лист 1—„Индейская страна“
Натур. размер рисунка $27^1/_2 \times 16^1/_2$.

изукрашена великолепными, сделанными тушью миниатюрами, свидетельствующими о руке крупного мастера или, по крайней мере, об его школе. Ввиду сказанного рукопись, конечно, заслуживает тщательного исследования.

В том же XVII веке, в 7180, т.-е. 1672 г., по приказу царя Алексея Михайловича была изготовлена „Большая Государственная Книга или Корень Российских Государей". Книга эта, известная также под названием „Царского Титулярника", содержит в себе, на-ряду с краткими сведениями по русской истории, портреты русских государей от Рюрика до царя Алексея Михайловича, портреты и титулы иностранных государей, русские и иностранные гербы и печати. К выполнению столь обширного и трудного дела приглашены были лучшие художественные силы того времени, каковы, например, Иван Максимов, Дмитрий Львов, Григорий Благушин. Хранилась она первоначально в Посольском Приказе, впоследствии поступила в Главный Архив Министерства Иностранных Дел. Иллюстрации этой книги были переизданы в 1903 году С.-Петербургским Археологическим Институтом, по случаю его XXV-тилетия ([16]). Заимствую из предисловия к этому изданию некоторые сведения о нашей рукописи.

„Особенный интерес представляют портреты русских князей и царей. Здесь мы имеем первый по обширности и полноте старинный сборник таких портретов, характеризующий нашу портретную живопись в блестящую эпоху истории русского искусства. Сравнивая между собой эти портреты, нельзя не видеть в обработке их одного существенного различия, а именно: одни из них имеют характер условный, другие — прямо примыкают к портретной живописи в академическом значении этого слова. Нельзя сомневаться в том, что в распоряжении мастеров находили все возможные средства к наилучшему их исполнению: были у них под руками и прежние портреты, был и некоторый навык к работе; но число готовых старых портретов не могло быть очень значительным, а навык далеко не тождественен со специальным знанием портретной живописи. Отсюда все портреты князей от Рюрика до Иоанна Грозного условны: мастера не имели у себя прочных портретов и руководились кое-какими соображениями относительно их внешнего вида. Но эти соображения и домыслы становились рядом с исконной привычкой писать иконы в установленном издревле иератическом типе. Иконописцы по традиции не

могли отрешиться от привычных иконописных приемов и оставили следы этого навыка во всех портретах до Иоанна Грозного... Но портреты Иоанна Грозного и следующих за ним государей носят на себе все признаки живописи портретной, близкой к натуре, к «живству». Объясняется это тем, что мастера руководились при исполнении их сохранившимися до них портретами русскими и иностранными и близость к природе ставили на первом плане".

Свое предисловие автор заканчивает словами, что „подробное всестороннее обследование «Большой Государственной Книги» составляет научную задачу настоящего времени". Прошло двадцать лет с тех пор, как были написаны эти слова, но, насколько известно, ничего в этой области до сих пор сделано не было. Будем надеяться, что эта роскошная рукопись еще найдет своего исследователя.

В заключение моего обзора я остановлюсь на одном рукописном памятнике XVIII столетия. Любопытен самый факт возникновения рукописи в эту эпоху, во время уже широко развитого книгопечатания; факт, впрочем, легко объяснимый: всегда имеются налицо произведения, „презревшие печать", которые в эпоху своего возникновения во всяком случае не могли быть напечатаны.

К такого рода памятникам принадлежит хранящийся в Российском Историческом Музее „Сборник", в четвертку, на 468 л., писаный мелким искусственным полууставом, по словам В. Н. Щепкина, видимо, подражающим шрифту некоторых старопечатных изданий и относящимся, предположительно, к первой четверти XVIII столетия ([17]). „Написанная уже вероятно после смерти Петра,—пишет названный ученый,—эта рукопись дышит воспоминаниями эпохи великого преобразователя. В рисунках рукописи отразилось очень определенно отрицательное отношение к петровской реформе". Сборник возник несомненно в раскольничьей среде. Состоит он из трех частей: из Апокалипсиса и двух особенно популярных сказаний о конце мира, так называемых эсхатологических сказаний. „Иллюстрации рукописи, в которых выражено враждебное отношение к петровской реформе,— по справедливому замечанию В. Н. Щепкина,— отнюдь не могут быть названы политическими карикатурами: это вполне сорьезные произведения гонимого религиозного фанатизма, отождествившего традиционные описания конца мира с русской действительностью начала XVIII века. Глубоким

Из „Сборника“ (Историч. Музей № 156), лист 354 обор. Натур. размер 16×11.

суеверным чувством дышат эти рисунки, и условия исторической эпохи отражаются в них весьма реально".

Все отделы и главы рукописи украшены заставками и исполненными киноварью инициалами по большей частью в стиле того травного орнамента, который принято называть поморским. В рисунках из Апокалипсиса, по словам вышеназванного исследователя, не отличающихся резко от обычных поздних иллюстраций этого памятника, уже заметно присутствие бытового элемента. Церкви, например, носят вполне реальный характер (обор. л. л. 31, 34, 38, 139 и 186). На обороте л. 89 слуги антихриста изображены в военных кафтанах с отворотами, воспроизводящих военную форму петровского времени.

Особенно обильный матерал для изображения действительности дает художнику вторая часть рукописи под заглавием: „В неделю мясопустную блаженного Ипполита папы Римского и мученика слово о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа и о страшном его суде". Чуть не на каждом рисунке здесь появляются петровские солдаты в указанном выше костюме. Особенно интересны изображения антихриста, распадающиеся на три типа; из них самым распространенным является тот, в котором нельзя не узнать черты самого преобразователя. В таком виде антихрист несколько раз изображен на престоле, при чем одно из самых похожих изображений находится на л. 363 об., где антихрист провозглашается царем. Столь же хорош рисунок на л. 354 об., где антихрист восстанавливает Иерусалимский Храм: „на первом плане фигура антихриста; властным жестом, сильным сложением и чертами лица он напоминает Петра. Стены и куполы огромного здания уже воздвигнуты; два каменщика сидят на стенах вверху и работают, а два диавола носят им камни". Совершенно справедливо исследователь называет „историческим" этот тип антихриста, как отражающий подлинную историческую действительность.

На этом я и закончу свой обзор наиболее интересных в графическом и художественном отношении русских рукописей, обзор, конечно, в силу необходимости далеко не полный и имеющий целью только заинтересовать читателя этой отраслью русской книги.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Подбор изречений русских и иностранных о книге и ее значении в избилии приведен у И. А. Шляпкина в его „Похвале Книге", издание Ф. Шилова, Петроград, 1916. Стр. 10 нн.+119+5 нн.

2) Более подробно см. в учебниках палеографии: проф. В. Н. Щепкин — Учебник русской палеографии. 6 таблиц и 42 рис. в тексте. Изд. Общ. Ист. и Древн. Рос. М. 1918, стр. VII+182; Е. Ф. Карский — Очерк славянской кирилловской палеографии. Лекции, читанные в 1914—1915 акад. году. Изд. 5-ое. Варшава. 1915, стр. 211; Его же — Образцы славянского кирилловского письма с X по XVII век. Варшава 1912, стр. 89. А. И. Соболевский — Славяно-русская палеография. Изд. 2-ое. Петроград 1908. См. также проф. М. Н. Сперанский — История древней русской литературы. Пособие к лекциям. Введение. — Киевский период. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1921.

3) Богатейший материал по приготовлению красок и чернил в древней Руси собран в книге: „К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников в XV—XVIII столетии. Собрал и снабдил вводною статьей и объяснительными примечаниями Павел Симони. Выпуск первый. Тексты и примечания I—XXI. С приложением XIV таблиц снимков и рисунков в тексте. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. СПБ. 1906. (Памятники древнего письма CLXI).

4) Богатый материал читатель найдет в книге: „Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в до петровское время с XI-го по XVIII-е столетие включительно. — Тексты. — Материалы. — Снимки. Собрал и примечаниями снабдил Павел Симони. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. CXXII, СПБ. 1903. Стр. XIV+2 нн.+307+5 нн.+73 табл.

5) Н. П. Лихачев. — Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I—III. СПБ. 1899.

6) П. К. Симони. — Мстиславово Евангелие; начало XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. I. Вводная статья. II. Таблицы снимков. Изд. Общ. Люб. Древн. Письм. CXXIX. СПБ. 1910.

7) Снимки из Псалтири приведены Буслаевым в приложении к статье: „Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV-ти рукописей Московской Синодальной Библиотеки". Табл. XII. Статья напечатана в „Материалах для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских". М. 1856 г.

8) Г. К. Богуславский. — Замечательный памятник древней Смоленской письменности XIV века и имеющийся в нем рисунок символико-политического содержания. Древности. Труды Имп. Моск. Арх. Общ. Т. 21. Вып. I, М. 1906, стр. 77—88+табл. XII—XX.

9) С. О. Долгов. — Архангельская Псалтырь. Древности. Т. 21. Вып. I. М. 1906, стр. 89—94.

10) Архимандр. Леонид. — Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевской Лавры. Чтения Общ. Истории и Древн. Росс. 1880 г., кн. 4-ая, № 1; см. также Ю. Олсуфьев — Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троицко-Сергиевской Лавры. Сергиев Посад. 1921. Стр. 6—7.

11) Архимандр. Леонид., назв. соч. № 3; Ю. Олсуфьев, назв. соч., стр. 16—24.

12) Снимки см. у Буслаева, назв. соч. табл. XV.

13) Снимки см. у Буслаева, назв. соч. табл. XVIII и XIX.

14) В. Н. Щепкин. — Два лицевых сборника Исторического Музея. Археологическ. известия и заметки. 1897 г. № 4, стр. 102—108; его же — Лицевой сборник Российского Исторического Музея. Извест. Отдела русск. язык. и словесн. 1899 г. Т. IV, кн. 4, стр. 1344—1385; его же: „Источник иллюстраций" в изд. М. и С. Сабашниковых: „Русская устная словесность" Т. I. Былины. Под ред. М. Сперанского. М. 1916, стр. 433—438. Все иллюстрации в этом издании взяты именно из этого „Лицевого Летописного Свода".

15) Этой рукописи посвящена статья К. Невоструева: „Замечательная рукопись, Служебник всероссийского патриарха Иова, приобретенная в Московский Успенский Собор. М. 1870, стр. 8 (Из № 15-го: „Моск. Епарх. Ведомостей").

16) Портреты, гербы и печати Большой Государственной Книги 1672 г. Издание С.-Петербургского Археолог. Института. СПБ. 1903, In F°, стр. 111 + V + 97 табл.

17) В. Н. Щепкин. — Два лицевых сборника Исторического Музея. Археологические Известия и Заметки. 1897, № 4, стр. 97—102.

А. И. НЕКРАСОВ

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В РОССИИ

в XVI и XVII веках

Первый период.
НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ.

Книгопечатание родилось на Западе из гравюры на дереве; книгопечатание в России появилось вместе с ксилографией. Печатная книга и печатное украшение в книге были нерасторжимо связаны вместе и сразу же, с первых шагов, обнаружили русский вкус и давнюю русскую графическую практику.

Указывают случаи появления гравюры на дереве в рукописной книге; количество случаев ничтожно, время их совпадает с появлением книгопечатания, и потому служить источником изобретения книгопечатания на Руси они не могли.

Средина XVI в. — время появления в России, в Москве, первой печатной книги; давно уже существовала она в Западной Европе, давно и постепенно проникала либо она сама, либо слух о ней по отдаленнейшим и диким углам. Уже Краков, Цетинье, Венеция, Прага, Вильна, глушь Польши и Балканского полуострова имели типографские станки, выпускавшие произведения славянской печати еще с конца XV — начала XVI вв., а в России, в Москве, все еще усердные писцы склонялись над пустыми листами, создавая толстые рукописные фолианты, уснащая их ошибками и смущая своими текстами усердных и не в меру доверчивых читателей.

Пришли к нам вести о печатной книге, пришли иноземные образцы: немецкие гравюрки ходили по рукам, особенно в Новгороде, любившем „немецкие“ затеи. Нашлись, наконец, „добрые“ люди, которые научили и самому искусству.

Но кто были эти добрые люди?

Еще в 90-х годах XV в. в Москву приезжал любекский типограф Варфоломей Готан, в качестве переводчика; печатал ли он что-нибудь у нас, неизвестно, но западные печатные книги он к нам ввозил. Посещение Готаном России закончилось для него трагедией, — его у нас утопили.

Ввоз Готаном книг через Новгород представляет эпизод из тех культурных воздействий, которые относятся к ряду различной „неметчины“, издавна известной в нашем северо-западном крае. Эта неметчина с 30-х годов XVI в., на смену

итальянским влияниям, начинает через Новгород проникать в Москву и сказывается в культурных приобретениях, фактах просвещения и брожении умов. Новгород здесь был „окном в Европу", и в это окно прежде и более всего долетали веяния из Германии. Здесь не место рисовать сложную картину наших культурных отношений к Германии в означенную эпоху. Укажем лишь, что некоторые из них касались книги и искусства. Сюда относится, например, деятельность Николая Немчина. Русские люди учатся немецкому языку и охотно проводят время с немцами (например, пленными ливонцами и др.) в культурных беседах; имена этих немцев до нас дошли; напр. Гаспар Эверфельд, Герман Писпинк, ливонский фельдмаршал Бель, какой-то немец Иван, московский пастор Илья и др. Были случаи даже тайного перехода в лютеранство, не говоря уже о более общих увлечениях рационалистическими воззрениями. Образовался круг лиц, имевший в своей среде более тесно сплоченные кружки, овеянный общим духом своеобразного германофильства. Сюда входили столь известные лица, как кн. Андрей Курбский, Головин, Лыков, Юрий Протасьев, старец Артемий, Иван Токмаков, Тучков, Сабуров, Тюшин, кн. Андрей Холмский, Петр Шуйский, дьяк Федор Жареный, „еретики" Матвей Башкин и Феодосий Косой, дьяк Висковатый, Сильвестр, митрополит Макарий, Иван Пересветов, в некотором отношении — Максим Грек и даже сам Иван Грозный.

В самой средине XVI в. немецкие течения через Новгород связываются с новгородскими воздействиями в искусстве Москвы. Мы говорим о деятельности новгородских и псковских художников, вызванных в Москву знаменитым новгородским попом Сильвестром, и о деле дьяка Висковатого. Вот те пути и та среда, в которых обнаруживается интерес к книгопечатанию.

В 1547—1548 годах Иван Грозный искал в Германии через саксонца Шлитта всяческих художников, ремесленников, среди них и типографов; однако отправившиеся в Москву 123 человека, в том числе один типограф, не были пропущены Ливонией и Ганзой, сам же Шлитт был посажен в Любеке в тюрьму. Вскоре некоторые из этих иноземцев ухитрились бежать в Москву, но бежал ли и типограф, — неизвестно. Некоторые ученые полагают, что вся эта затея скорее принадлежит самому Шлитту, чем Грозному.

От мая 1551 г. мы имеем латинское письмо датского короля Христиана III, из которого узнаем, что в Москву был отправлен посол копенгагенец Ганс Миссенгейм Бокбиндер с Библией и двумя другими догматическими книгами и с предложением их напечатать в переводе. Вот любопытный текст письма: Mittimus propterea ad Fraternitatem vestram dilectam sincere nobis dilectum famulum ac subditum nostrum Joannem Missenheim cum Bibliis ac duobus aliis libris, in quibus est summa nostrae Christianae fidei idque hoc consilio fecimus, ut si Fraternitatis vestrae dilectae, metropolitano, patriarchis, episcopis, ac reliquo vestro clero his noster conatus atque hi duo libri, una cum Bibliis placuerint, et ab iis approbentur, idem noster famulus eosdem libros vestrate lingua versos ad multa exemplarium millia excudi curet, ut vel hac ratione inter paucos annos, vestris ecclesiis, caeterisque vestrae Fraternitatis dilectae subditis studiosis gloriae Christi atque suae salutis imprimis consuli atque prospici possit.

Нет никаких оснований считать Ганса Миссенгейма типографом; его прозвище — Бокбиндер — указывает на переплетное искусство. Очевидно Ганс имел какое-то специфическое отношение к книге; быть может, он был издателем или книжным торговцем.

В 1552 г. послы уже были в Москве и вели переговоры с Адашевым, Кастюриным, Добровским и Висковатым. Обычно относят основание московской типографии к следующему, 1553 году, а еще через год состоялся суд над Висковатым, Башкиным и игуменом Артемием, якобы хвалившим немецкую веру. Однако эта немецкая вера не была изгнана из Москвы, так как между 1560—1565 годами, т.-е. в годы выхода первопечатных книг, в Москве появилась первая лютеранская церковь. Одно очень глухое упоминание говорит, что в 1560 г. будто бы в Москве недолго существовало училище для обучения латинскому языку и в том же году какой-то русский купец привез в Россию типографские буквы, но они были уничтожены вследствие суеверия.

Ясно, что эти буквы должны были быть славянского шрифта; и, может быть, это была единственная попытка связаться с другими славянскими типографиями, попытка — ни к чему не приведшая, так как почти никаких связей в московских первопечатных книгах с иными славянскими типографиями не обнаруживается; лишь в одном, так называемом анонимном,

Евангелии, напечатанном до деятельности Ивана Федорова, шрифт несколько похож на имеющийся в славянских протестантских изданиях Симона Будного, отпечатанных в Несвиже в 1562 г. Не был ли это уничтоженный „еретический“ шрифт, привезенный неизвестным купцом в 1560 г.?

Таким образом, сношения с немцами, их культурное влияние и заведение типографии как будто тесно переплетаются, а в сознании москвичей того времени все эти вещи могли становиться в причинную связь в различной последовательности. Поэтому-то, может быть, и Ивана Федорова несправедливо обвинили в ереси, как он об этом повествует в послесловии к Львовскому Апостолу 1573—1574 г.г.

Что книгопечатание было связано с исправлением книг, говорит нам послесловие Апостола 1564 г. Из числа святых книг „мали обрѣтошася потребни, прочіи же вси растлѣни о преписующихъ ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ в разумѣ, овоже и неисправленіемъ пишущихъ. и сіе доиде и до царю въ слухъ, онъ же начат помышляти какобы изложити печатныя книги, якоже в грекех, и в венецыи, и во фригіи, и въ прочихъ языцехъ, дабы впредь святыя книги изложилися праведнѣ. и тако возвѣщаетъ мысль свою пресвещенному Макарію митрополиту всея русіи. святитель же слышавъ зело возрадовася, и богови благодареніе воздавъ царю глаголаше, яко отъ бога извѣщеніе приемшу, и свыше даръ сходящъ“. В начале послесловия Часовника 1565 г., выпущенного первопечатниками в двух изданиях, мы находим весьма витиеватые изречения о божественной силе разума.

В послесловиях всех указанных изданий Ивана Федорова встречаются фразы, весьма близкие к некоторым местам из сочинений Максима Грека и Андрея Курбского. Делалась также попытка сблизить послесловие Апостола 1564 г. с послесловием венецианского Молитвенника 1520 г., изданного Божидаром Вуковичем и отпечатанного иеромонахом Пахомием. Совпадения касаются лишь общих молитвенных фраз и отдельных слов и никакого значения не имеют для суждения о происхождении московского книгопечатания. Максим Грек хорошо был знаком с книгопечатанием и в одном своем письме к какому-то князю Василию Михайловичу называет своего венецианского знакомца, знаменитого типографа Альда Мануция, к которому он ходил „книжным делом“, и говорит об известном книжном знаке Мануция — дельфине вокруг якоря.

Раз Максим должен был объяснять значки Мануция, следовательно, какие-либо его издания должны были находиться в Москве. Полагают, что Максим Грек мог подать мысль о необходимости книгопечатания, так как в 1553 г. Иван Грозный посетил Троицкую Лавру и, возможно, виделся там с Максимом. Недаром в послесловии к Апостолу 1564 г. делается указание на желание Ивана Грозного „изложити печатныя книги, якоже въ грекехъ и въ венецыи, и во фригии, и въ прочихъ языцехъ". Конечно, совершенно невозможно из этого упоминания итальянцев делать вывод, что русские первопечатники учились у итальянцев.

Также ни на чем не основано мнение, будто бы они учились у Максима Грека, и будто бы последний, живя в Троицкой Лавре, сам тайно напечатал известные московские анонимные издания, вышедшие до деятельности Ивана Федорова. У нас нет никаких данных утверждать, чтобы Максим знал типографскую практику.

Весьма естественно, что раз Иван Федоров и Петр Мстиславец были прикосновенны к тому культурному московскому кружку, в котором были Максим и Курбский, то их могло постигнуть гонение, поводом для которого и естественным по тому времени объяснением могла быть выставлена ересь. Недаром Флетчер прямо указывает, что о сожжении типографии постаралось и духовенство. Вместе с тем Флетчер упоминает, что станок и литеры были привезены в Москву из Польши. Позднее, в 80-х годах, польский посол Поссевин говорит о зависимости московского книгопечатания от польского, явно путая два периода типографской деятельности Ивана Федорова: первый — московский и второй — польский. Против зависимости от Польши говорит то, что литеры изданий Ивана Федорова и Петра Мстиславца воспроизводят характерный полуустав московских рукописей XVI в. Вряд ли можно базироваться и на происхождении сотрудника Ивана Федорова, Петра Мстиславца, из города Мстиславля, находившегося в те времена в польских пределах близ московской границы. В первой половине XVI в. в Мстиславле типографий не существовало; даже славянские виленские издания Скорины 1525 г. были распространены далеко не повсеместно в Литве, русское население которой закупало себе рукописные книги в Москве, Пскове и Новгороде. Быть может, была попытка связаться с Несвижской типографией, если верить преданию о купце, привезшем в 1560 г. шрифт; но попытка

не оставила продолжателей. Не о ней ли говорят Флетчер и Поссевин? Еще менее мы знаем о личности Ивана Федорова; достоверно лишь одно, что он был дьяконом церкви Николы Гостунского. Позднее, в послесловии Львовского Апостола 1573—1574 г.г., Иван Федоров рассказывает о Польше, как о стране, ему совершенно неизвестной и новой. У обоих первопечатников были какие-то предшественники и учителя; но нет оснований таковыми считать Максима или Миссингейма. Были и помощники („клевреты"), но кто — неизвестно. Впрочем среди них находились Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа, которых древние сказания прямо называют учениками первопечатников. Ясно, что Иван Федоров и Петр Мстиславец принадлежали к культурному кругу Москвы, повидимому, немногочисленному.

Иван Федоров в послесловии к Львовскому Апостолу 1573—1574 г.г. очень красочно изображает невежественное московское общество, от которого он пострадал, испытав „презѣлное озлобленіе, часто случающееся намъ отъ многихъ начальникъ, и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити, и божіе дѣло въ конець погубити, якоже обычаи есть злонравныхъ, и ненаученыхъ и неискусныхъ в разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, но туне и всуе зло принесоша. такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи неразумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается". Как видно, гонение на наших печатников было длительно, а не исчерпывалось одним кратким возбуждением толпы, спалившей типографию, и среди гонителей были люди и светские и духовные высокого общественного положения. Позднейшее (XVII в.) сказание о книгопечатании также не забывает связать этого дела с вопросами церковного книжного исправления, из-за которого пострадало по обвинению в ереси не мало людей, начиная с Максима Грека.

О начале деятельности Ивана Федорова и Петра Мстиславца мы узнаем из послесловия напечатанного ими в первую очередь Апостола 1564 г.; дело идет как будто вообще о начале книгопечатания в Москве. Но в сообщаемых сведениях попадается существенная неясность. Заведение типографии отнесено к 1553 (7061) г., 30-му году царствования Ивана Грозного и вскоре после учреждения Казанской епархии. Но в 1553 г. было 20-летие царствования Грозного, а Казанская

епархия была основана в 1555 г. Такое противоречие обычно объясняют опечаткой (единственной в изданиях Ивана Федорова!), полагая, что вместо о (70) напечатано ѯ (60), исправив 1553 год на 1563 г. (т.-е. 7061 на 7071), отнеся его не к непосредственно предшествующим словам об изыскании мастеров печатных дел, а к непосредственно последующим словам об устроении типографского дела; т.-е. мы как будто имеем формальное свидетельство, что деятельность типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца, хотя бы в виде подготовительных работ, началась не ранее 1563 г. (считая с сентября, т.-е., может быть, еще в конце 1562 г.), а с 19 апреля того же 1563 г. началось самое печатание. Следовательно, эти подготовительные работы в пределах одной и той же типографии заняли всего несколько месяцев, а вовсе не 10 лет.

Однако надо полагать, что обращение к Ивану Федорову и Петру Мстиславцу было уже делом вторичным, так как Казанская епархия была все же основана много раньше, именно в 1555 г., а в следующем 1556 г. в Москве уже был какой-то „печатных дел мастер" Маруша Нефедьев. Что это за мастер? Был ли он типограф или резатель печатей? Мы этого не знаем. Весьма вероятно, что от первой мысли Грозного до приискания печатников должно было пройти время, и возможно, что первая мысль могла быть внушена и Шлиттом, и Миссингеймом, и Максимом Греком (последним — в 1553 г.),— недаром обнаруживается сходство мест в послесловии Апостола 1564 г. с местами из сочинений Максима. Мы все время вращаемся в событиях конца 40-х и начала 50-х годов XVI в., связанных с немецкими внушениями.

Официально мысль о книгопечатании могла быть высказана Грозным в 1555 г., т.-е. через 2 года, в связи с таким важным событием, как образование Казанской епархии; составитель же послесловия Апостола 1564 г. мог знать и время и источник ранних замыслов Грозного. В таком случае, быть может, странная опечатка ѯ вместо о, не имеющих в своем начерке никакого сходства, объясняется неумелой, а, возможно, и умышленно темной редакцией фактических указаний и на первый замысел, и на образование Казанской епархии, и на год царствования Грозного, и на обзаведение типографии домом. Встречаются в послесловии Апостола 1564 г. и другие умышленные замалчивания.

Весьма знаменательно, что первая забота о заведении типографии при помощи саксонца Шлитта падает на первый

год управления знаменитого новгородского священника Сильвестра. Все дальнейшие хлопоты и деятельность первопечатников совпадают с верховенством в управлении того германофильствующего круга, о котором мы сказали выше, а падение и бегство Ивана Федорова являются заключительным моментом падения Сильвестровского кружка, из которого уцелел лишь осторожный Макарий. Вскоре и Новгород, насадитель культурных начинаний, был разорен Грозным.

Надо думать, что именно в этом же круге лиц, вероятно, среди немцев, приезжавших в Москву через Новгород, и был какой-либо учитель наших первопечатников. Но эта связь с Новгородом и неметчиной пошла им не на пользу.

Введение книгопечатания, конечно, поставило вопрос о большом количестве бумаги, а потому не безынтересно ее происхождение в книгах XVI в. Уже в XV в. исчезает итальянская бумага, и с конца его через Новгород начинает ввозиться французская и немецкая; незначительная же примесь польской относится лишь ко второй половине XVI в. Апостол 1564 г. напечатан на французской бумаге, привезенной из Новгорода и встречающейся в ревельских документах и русских, особенно новгородских, рукописях только в 1555—1567 г.г. В 1568 г. мы видим другие запасы бумаги, и открывается деятельность новой московской типографии Никифора Тарасьева и Андроника Тимофеева Невежи. Можно думать, что путь проникновения к нам бумаги в средине XVI в. был путем проникновения и типографского искусства и ксилографии. Но это проникновение выразилось вовсе не во ввозе литер и клише, а в приезде специалиста, научившего своему искусству русских людей. Надо думать, что Иван Федоров и Петр Мстиславец научились книгопечатанию, сидя в Москве.

Упомянутый нами искусный каменщик, печатных дел мастер Маруша Нефедьев, был послан Иваном Грозным в 1556 г. в Новгород, чтобы привезти оттуда Васюка Никифорова, умевшего „резать резь всякую". Не вызван ли он был для того, чтобы резать буквы или клише? У нас нет об этом никаких сведений, но год хронологически следует за первой мыслью о типографии и за открытием Казанской епархии.

До нас дошло в двух вариантах сочинение первой половины XVII в., которое называется „Сказаніе о воображеніи книгъ печатнаго дѣла" и говорит о предшественниках Ивана Федорова: „Повѣствуетъ же ся отъ нѣкихъ, яко прежде ихъ

нѣцыи, или будетъ и они сами, малыми нѣкими и неискусными начертаніи печатываху книги, послѣди же совершеннѣ, той Іоаннъ да Петръ искусъ пріяста отъ тѣхъ прежереченныхъ Фрягъ; сего ради повелѣно бысть имъ отъ царя таковое дѣло составляти"... Конечно, вряд ли можно настаивать, чтобы предание, само в первых словах добросовестно указывающее на предшествующие, не вполне достоверные, слухи, через несколько десятилетий точно сохранило имя народа, передавшего нам книгопечатание; вряд ли можно настаивать, что учителями в этом деле были именно фряги, т.-е. итальянцы. Кроме того есть примеры, что в древней Руси под именем фряги (фряжский) ходили не только итальянцы (итальянский). Замечательно, что в послесловии Апостола 1564 г. фряги отделены от венецианцев, а в Сказании XVII в. ряд народов, имеющих типографии, начинается греками и немцами.

Сношения с итальянцами у нас были установлены очень давно, еще с XIV—XV в.в., через Сурож (Судак). Строительная деятельность итальянцев в XV—XVI в.в. в Москве весьма известна; но она, в сущности, заканчивает большой период наших отношений к Италии. Относительно же средины XVI в. позволительно думать, что итальянское влияние не было большим, а сменилось немецким. Нет возможности в настоящем очерке набросать картину немецких воздействий на наше искусство этой эпохи; но они сказались и в архитектуре, и в скульптуре, и в живописи, и в книжном украшении; в последнем отношении, особенно в орнаменте, но также и в миниатюре, итальянское влияние всегда было ничтожно.

„Сказаніе о воображеніи книгъ печатнаго дѣла" указывает, что первые попытки тиснения книг как будто принадлежали частной инициативе, а затем уже правительство официально приступило к книгопечатанию, поручив устройство и ведение типографии Ивану Федорову и Петру Мстиславцу. Об этом же говорят ссылки в славяно-малорусском Евангелии, отпечатанном Тяпинским около 1570 г., на „Евангелие Московское недавно друкованное", представляющем перевод с последнего, дошедшего до нас в среде так называемых анонимных московских изданий. Между тем среди датированных московских изданий первое Евангелие было напечатано лишь в 1606 г. Экземпляры московских первопечатных анонимных изданий сохранились до нас; это — Евангелия, Псалтыри, Триоди. Они имеют типичные черты русских рукописей, заставку и заглавие

в начале текста, отсутствие титульного листа и даты. Сигнатура листов или отсутствует или сбивчива, иногда нет раздела слов, сверстка неряшлива и груба, длина строк неодинакова, заглавия порой набраны строчным шрифтом. Одно из Евангелий имеет шрифт, несколько схожий с шрифтом славянских изданий Вильны и Несвижа; все же прочие подражают московскому полууставу. Несомненно, все они относятся к времени до 1564 г., и их можно поставить в хронологическую последовательность.

Выражение послесловия Апостола 1564 г. „первее начатъ печатать" вовсе не значит напечатать первую книгу в данном городе, а лишь — первую книгу трудами данного лица; выражение же „составленіе печатнаго дела" есть не набор одной книги, а приготовления для напечатания многих книг, как видно из послесловия Часовников 1565 г.: „Составися сія штанба, сирѣчь печатныхъ книгъ дѣло, во царствующемъ градѣ Москве, въ ней же напечатанъ и сія книга часовникъ". Выражение „первѣе начатъ печатать" находим мы и в Псалтыри 1568 г., напечатанной в Москве Никифором Тарасиевым и Андроником Тимофеевым Невежею, умолчавшими о своих предшественниках; между тем сказание о книгопечатании прямо называет Тарасиева и Невежу учениками Федорова и Мстиславца. Позволительно думать, что и последние имели основание не называть своих предшественников. Напомним, что в 1560 г. Иван Грозный разогнал круг культурных людей, о котором мы упоминали. Отсюда и те противоречия и замалчивания, которые мы видим в послесловии Апостола 1564 г.

Упомянутые выше издания несомненно напечатаны в Москве до изданий Ивана Федорова; о последнем говорят их указанные недостатки. Некоторые украшения в виде заставок и инициалов сходны с таковыми же изданий Федорова, а в отдельном случае оттиснуты одной и той же доской, т.-е. Иван Федоров и Петр Мстиславец знали работы своих предшественников и отчасти воспользовались их материалами. Тексты и правописание анонимных изданий совпадают с таковыми же русских рукописей XV — XVI в.в., иногда вплоть до повторения их ошибок; нередко упоминаются русские исторические имена и события.

В некоторых старинных описях эти анонимные издания упомянуты, а на отдельных экземплярах последних помечены годы вкладных (т.-е. дарственных пожертвований) книг в разные церкви; это — года: 1562, 1563, 1564 (29 марта). Бумага для анонимных изданий употреблена частью та же, что для

Апостола 1564 г., т.-е. французская 40—60-х годов XVI в., частью же из более старых запасов, между прочим немецкая 30-х годов, часто встречающаяся в северо-западных русских рукописях. Оба указанные сорта бумаги попадаются одновременно в некоторых русских рукописях 50-х годов; к этому, приблизительно, времени, очевидно, и относятся анонимные издания; в начале 60-х они уже рассеялись по Руси.

Итак, вот хронология возникновения книгопечатания в Москве: в 1492 г. в Москве пребывает Варфоломей Готан; к 1547—1548 г.г. относится затея Шлитта; в 1551—1552 г.г. — деятельность Ганса Массингейма Бокбиндера; в 1553 г.—замысел Грозного завести типографию и возможная его встреча с Максимом Греком; в 1555 г. — образование Казанской епархии, побудившее ускорить осуществление проекта; вскоре печатаются частным образом анонимные издания; в 1562 г. некоторые из них уже оказываются в провинции; в 1563 г. — основание правительственной типографии Ивана Федорова и Петра Мстиславца; в 1564 г. — выпуск в этой типографии Апостола, первой датированной московской печатной книги; в 1565 г. — два выпуска Часослова. Затем — разгром типографии и бегство первопечатников в Польшу. С 1568 г. — начало деятельности второй московской типографии Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи.

Параллельно, в те же годы, мы видим сношения с немцами, германофильство, занесенное из Новгорода, немецкие и новгородские влияния в московском искусстве, крупную роль культурных кругов, проникнутых рационализмом, новгородского попа Сильвестра во главе правления; а, вместе с тем, реакционные течения, суды над еретиками, наконец, падение Сильвестра, разгон культурных кругов, разгром типографии и обвинение первопечатников в ереси. Так тесно связывается возникновение московской типографии с немецкими веяниями.

Бросим взгляд на доказательства защитников итальянской гипотезы относительно возникновения в Москве печатного дела. Обычно ссылаются на типографские термины, связанные с московским книгопечатанием: штанба (stampa), батырщик (battitore) и др. Однако термины эти впервые упоминаются лишь в документе 1612 г. К этому времени уже заканчивается деятельность второй московской типографии, просуществовавшей около полустолетия и все время бывшей в руках фамилии Невежи, ученика Ивана Федорова. Уже в 1606 г. и в

1610 г. вышли в Москве два издания Анисима Михайлова Радишевского-волынца, выходца из Польши, где итальянское влияние всегда было сильным, а в эту эпоху особенно. Весьма возможно, что им и были пущены в оборот итальянские термины. Во всяком случае документ XVII в. для средины XVI в. свидетельством быть не может. Гораздо важнее указание на термины в самих книгах средины XVI в. Действительно в Часовниках, напечатанных в Москве в 1565 г. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, в Псалтыри, напечатанной в Москве в 1568 г. Никифором Тарасиевым и Андроником Тимофеевым Невежею, а также в Псалтыри, напечатанной последним в 1577 г. в Александровой Слободе, книгопечатание называется „штанбою", что соответствует итальянскому stampa; термин же немецкий является впервые лишь в 1569 г. в Евангелии, напечатанном в Заблудове Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Несомненно, что немецкие термины (друкарь, друкарня, друковати, варстат друкарский) московские первопечатники начали употреблять, лишь попав в Польшу. Итак, употребление первопечатниками одного термина, идущего из Италии, несомненно; однако следует обратить внимание, что итальянское *s* перед *t* в русской передаче превратилось в *ш*, что вовсе из русского языка не объясняется, а принадлежит языку немецкому. Дело в том, что, хотя книгопечатание было взято итальянцами от немцев, однако итальянские типографские термины, вследствие популярности и высоты итальянских изданий, очень скоро распространились по всей Европе, даже и в Германии. Через Германию и наши первопечатники приобрели свой термин штанба вместо итальянского stampa.

Как раз во время действия типографии Ивана Федорова, в 1564 г., в Москву приехал через Амстердам, Любек, Данциг, Кенигсберг, Ригу, Ревель, Новгород, Торжок и Тверь посол Елизаветы Английской, итальянец Рафаэль Барберини, антверпенский гражданин, поднесший Ивану Грозному чашу немецкой работы. В своих воспоминаниях он говорит и о московском книгопечатании и о неудачной попытке русских делать бумагу, при чем относит возникновение типографии к 1563 г., т.-е. подтверждает, что официальная типография появилась лишь в этом году, а не в 1553 г. Приведем его подлинные слова: „Hanno l'anno passato introdutouvi la stampa, la quale hanno cavato di verso Constantinopoli da'Greci: e jo hò veduto,

che gia stampavano a Mosca con gran facilita, e li caratteri loro sono la maggior parte cavati dall'Alfabeto Greco. Erano appresso per introdurvi il far la carta, e già fe ne faceva: ma non se ne posso di essa fervire ancora, perche non è perfetta". Очевидно, Барберини был очень наблюдательным человеком и лично посетил типографию или, по крайней мере, подробно о ней расспрашивал. Его утверждение попытки русских устроить бумажную мельницу — не легенда, так как подтвердилось найденными подлинными русскими документами. Конечно, и Барберини было свойственно ошибаться; заметив сходство русских букв с греческими, он ошибочно заключил о зависимости нашей типографии от греческих. Но как этот любопытствующий итальянец мог не узнать, что русские научились книгопечатанию от итальянцев, если бы это было на самом деле?! Очевидно, это — невозможно. Далее, заметим, что в Апостоле 1564 г., который, очевидно, был в руках Барберини, как первое изделие Ивана Федорова, термин штанба отсутствует; сказано просто „изложити печатныя книги"; термин же появляется лишь в Часовниках 1565 г. Не Барберини ли, быть может, совершено случайно, пустил у нас этот термин в оборот при посредстве какого-то немца, бывшего близким к нашим первопечатникам?

Таким образом, исторические данные, свидетельства современников, документы и археологические наблюдения говорят против того, чтобы московское книгопечатание стояло в зависимости от итальянцев, как нет связей у него и с иными славянскими типографиями, где бы они ни находились. Московские и новгородские германофильствующие круги и приезжие немцы — вот среда, где возникло это искусство в Москве и с судьбой которой были связаны судьбы первопечатников. Надо думать, что техника и практика книгопечатания была объяснена неизвестным предшественникам Ивана Федорова и Петра Мстиславца, а может быть и им самим, каким-нибудь немцем. Возможно, что здесь принимали участие и Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров; быть может, и Миссингейм. Кто знает, не успел ли проникнуть в Россию даже типограф, приглашенный Шлиттом?.. Конечно, всех подробностей темной истории начала нашего московского книгопечатания среди чреватых событиями 50-х годов XVI в. мы никогда не узнаем.

Ясно одно, что техника была заимствованной из немецких рук, но типографская внешность изданий оказалась своя, вне

зависимости от каких-либо западных изданий, т.-е. первопечатники никуда учиться не ездили и ниоткуда со своими знаниями не приехали. Они обучились здесь, на месте, и за образец взяли лучшие рукописи своего времени, как московские, так и новгородские. Последние особенно отразились на гравюрных украшениях изданий. Здесь единственное исключение из всего нашего положения. Действительно, в гравюрной орнаментике анонимных и первопечатных изданий мы находим в изобилии растительный мотив поздней готики, очень популярный в Германии XV — XVI в.в.

Этот растительный мотив представляет собою длинную широкую траву, бурно извивающуюся и как бы кишащую, имеющую зубчатые (обычно, трехзубые) отростки и загибающиеся в виде лопасти концы; к этим травам нередко присоединяются стебли с цветами маков, роз, тюльпанов, гвоздик и плодами, часто фантастичными, а нередко схожими с яблоком, грушей, дыней, гранатом, кедровой шишкой, огурцом, стрючком, маковой головкой и др. Вполне развитой мотив находится уже в миниатюрах фламандско-французской школы XV в.; он в XVI в. становится более подвижен, выпукл и сочен, представляя переход от поздней готики к барокко. Помимо рукописной миниатюры этот орнамент широко употреблялся в гравюре как на меди, так и на дереве, причем выпуклость и подвижность передается параллельной штриховкой вдоль движения листа. Тот же растительный орнамент и в ту же эпоху был также популярен в скульптурной декорации, особенно точеной из дерева, для архитектурных форм и предметов художественной промышленности, заполняя обычно нейтральную поверхность, независимо от конструктивных линий предмета. Можно указать множество предметов немецкой художественной промышленности (сосудов, шкатулок, шкафов, кафедр, кресел, кроватей и пр. и пр.), где этот орнамент расцвел пышным цветом и, вместе с тем, значительно лишен геометрической четкости. Особенно он стал популярен и сохранился надолго при изображении различных гербов.

Немецкие влияния на новгородское искусство были многообразны уже в древнейшее время, а особенно с конца XIII в., и здесь мы не будем на них останавливаться. Но самое замечательное то, что ряд русских рукописей, датированных и, большею частью, новгородских, 30 — 50-х годов XVI в., имеют

те же орнаментальные мотивы, как вышеописанные, правда, нарисованные от руки, но с параллельной штриховкой, т.-е. в подражание гравюрной манере (см., напр., Евангелие 1531 г. Евангелие 1533 г., исполненное по заказу Макария; Евангелие 1537 г.; Апостол бывшей Синодальной Библиотеки № 13 и Козьма Индикоплов бывшей Московской Духовной Академии № 102, тех же годов; Евангелие 1557 г.; Евангелие с записью 1552 г., принадлежавшее знаменитому попу Сильвестру и др.). Ясно, что немецкая гравюра ходила по рукам еще до начала книгопечатания и вызвала себе рукописные подражания. Однако есть случаи, что пытались в рукописях оттискивать и гравюры, приготовляя у себя в России деревянные клише по немецким оригиналам, быть может, с некоторыми изменениями. Однако вполне достоверный пример пока лишь единичен и не имеет точной даты. Интересно, что Барберини, который так любопытствовал по поводу русской книги, очевидно, заметил любовь русских к книжной орнаментике и предлагал выслать в Москву тетрадь с различного рода растительными и геометрическими узорами. Анонимные издания и книги Ивана Федорова и Петра Мстиславца наполнены орнаментами немецкого происхождения.

Пересмотрим анонимные издания, лишенные выходных листов. В Евангелии, довольно изящном по своему шрифту (у Каратаева в его описании славяно-русских книг, СПБ. 1883, — № 66), текст напечатан на 397 листах без всякой нумерации. Набор страницы — в 18 строк, формат — в лист. Среди заставок мы находим: в прямоугольнике симметричные пучки трав с виноградными листьями — типичную тяжеловесную переработку итальянских мотивов на немецкой почве, а также вышеупомянутые готические травы, иногда винтообразно извивающиеся в широком бордюре, цветы и плоды. Посреди одной заставки вверху вставлен киот с изображением евангелиста Матфея — грубая передача русской иконы и, вместе с тем, древнейшая русская гравюра с фигурным изображением. Заставки почти всегда подчинены исконной русской симметричной композиции, что с внешней стороны рамки отмечено продолжением вправо и влево сторон ее основания и помещением растительных мотивов посреди верхней полосы рамы и по верхним углам последней. Это — все приемы, обычные в древне-русских рукописях. Очевидно, клише были скомпанованы и резаны русским художником, лишь использовавшим иноземные мотивы, пришедшие к нему в каких-

Второе из Евангелий, напечатанных в Москве до Ивана Федорова.

либо отпечатках. Любопытно, что в отдельных местах рисунка мы видим распластание форм, очевидно выпуклых в оригинале. В этом также лежит особенность русского орнамента.

В том же роде разработаны некоторые инициалы; другие же, цвета красной киновари, с длинными хвостами, представляют повторение типично русских рукописных.

Одна из заставок этого Евангелия встречается еще в одном анонимном Евангелии (Каратаев, № 64), а другая в двух других анонимных Евангелиях (Каратаев, №№ 64, 65).

Инициал *П* есть также в одном Евангелии (Каратаев, № 65) и Псалтыри (Каратаев №№ 68, 82). Инициал *З* имеется еще в двух Евангелиях (Каратаев №№ 64, 65), при чем носит многие черты русской орнаментальной обработки, смешанные с немецкими.

Другое Евангелие (Каратаев, № 64) напечатано на 325 листах (формат в лист) с набором страницы в 18 строк, неравных по длине, грубым шрифтом, схожим с несвижским; нумерация листов неряшлива. Заставки очень близки к таковым же из предыдущего Евангелия; но киота с фигурным изображением здесь нет. Подобны и инициалы. Любопытны особые цветки на полях — выноски с указанием чтений; схожие встречаются и в предыдущем Евангелии.

Повидимому, для обоих русских изданий образцом служили рисунки одного и того же немецкого издания, но оба Евангелия вышли не из одной типографии и не от одного гравера. На это указывают разность шрифта, понимание стиля и качество работы. Любопытно, что печать ервого Евангелия (№ 64) лучше, а заставки хуже, чем во втором Евангелии. Можно думать, что более раннее и еще плохо отпечатанное Евангелие получило рисунки, более близкие к немецким оригиналам, а лучше напечатанное, позднейшее (№ 65), воспользовалось некоторыми (но не всеми) досками от предыдущего, имело и новые доски, неумело подражающие рисунку предшествующего Евангелия, частью еще более его руссифицируя (напр. введением киота). Но куда девались все доски раннего издания? Не было ли какой-либо катастрофы и съ этой типографией? Вспомним судьбу шрифта, привезенного купцом в 1560 г. Заметим, что в обоих Евангелиях композиций, повторенных в Апостоле 1564 г., а тем более досок его, нет.

Совсем иным характером отличается третье Евангелие (Каратаев, № 65), напечатанное на 392 листах крупным красивым шрифтом с набором страницы в 15 строк, форматом в лист. На это именно Евангелие ссылался Тяпинский. Нумерация страниц показана непоследовательно. Заставки обработаны в духе русской композиции, но имеют мотивами арабески в сердцевидных сочетаниях, напоминая типичные западно-европейские переплеты XV — XVI в.в. Подобные образцы, но гораздо проще, встречаются в венецианских славянских изданиях; но нельзя утверждать, что Италия здесь влияла на русскую типографию, так как именно очень слож-

ные композиции принадлежат Германии. Особенно замечателен бордюр одной заставки, представляющий извивы арабесок и почти полностью повторяющийся в Часовниках 1565 г., напечатанных Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Мотив этот в середине XVI в. также часто встречается в деревянной русской резьбе, особенно новгородско-псковской области (см. резные царские двери).

Инициалы набраны из славянских, русских и арабесковых мотивов; инициал *К* встречается также в анонимной Псалтыри (Каратаев №№ 68, 82). Некоторые орнаменты этого Евангелия и Псалтыри печатались общими досками; также замечается близость к типографии Ивана Федорова. Возможно, что типографии обоих изданий составляют группу печатников (шрифт почти одинаков), стоявших ближе к первопечатникам, чем создатели первых двух Евангелий. Все соприкосновение с последними ограничивается заимствованием досок для одной заставки и одного инициала (см. выше). Одна заставка нашего третьего анонимного Евангелия той же доской отпечатана в Апостоле 1564 г. Она представляет готические зубчатые травы с кедровыми шишками, в русской обработке. Другая заставка, содержащая ряд чередующихся арабесковых щитов и овалов, с добавлениями повторена в Часовнике 1565 г. (известна лишь из первого издания). О третьей заставке из арабесковых извивов мы только что сказали выше. Надо думать, что рассматриваемое Евангелие непосредственно предшествовало Ивану Федорову.

Одно время приписывали той же эпохе изображения евангелистов, находящиеся в некоторых экземплярах рассматриваемого анонимного Евангелия и позднее постоянно встречающиеся в Евангелиях, отпечатанных в Москве в 1627, 1628 и 1633 годах. Однако оказалось, что эти гравюры в экземпляры анонимного Евангелия вклеены позднее. Также несправедливо, будто бы это Евангелие было отпечатано самим Иваном Федоровым, притом позднее Апостола 1564 г., так как один экземпляр имеет вкладную того же 1564 г.

Четвертое анонимное издание — Триодь (Каратаев № 67), напечатана на 386 листах мелким шрифтом, с набором страницы в 25 строк, форматом в лист. Повидимому, — одно из самых ранних изданий до Ивана Федорова; оно не связано ни с каким из иных анонимных изданий и имеет лишь одну,

очень грубо исполненную заставку из немецких зубчатых трав, почти лишенную русской обработки.

Последним изданием той же группы является Псалтырь (Каратаев №№ 68,82), форматом в лист, близкая к позднейшему из анонимных Евангелий. В ней крупные зубчатые травы господствуют как в очень сложной по композиции заставке, так и в инициалах, соединяясь с стилизованными плодами, что сближает с Апостолом 1564 г. Доски трех инициалов те же, что в трех анонимных Евангелиях, т.-е. взяты со стороны. Бо̀льшая же часть представляет увеличение прописных букв с перспективным указанием толщины, оплетенных стеблями с широкими зубчатыми листьями. Характерно, что инициалы, определенно сбивающиеся на латинский шрифт, имеют готический характер и обнаруживают русскую обработку, постоянно переделывающую перспективную трактовку на плоскостную. Подобные инициалы ни разу более в московских, да и вообще славянских изданиях не встречаются.

Хотя эта Псалтырь и наиболее позднее из анонимных Евангелий напечатаны хорошо, но они не могут сравниться с изданиями правительственных типографов, Ивана Федорова и Петра Мстиславца, которые, конечно, имели в распоряжении более богатые средства.

Сам Иван Федоров был, несомненно, вдохновенным артистом своего дела, понимавшим его значение и делившимся с читателями своими горестями и впечатлениями в послесловиях своих изданий. Трогателен его рассказ в послесловии Львовского Апостола 1573—77 г.г. о том, как он, на предложение Ходкевича прекратить типографское дело в Заблудове и заняться земледелием, ответил отказом, не принял предлагавшегося ему поместья, заметив, что предпочитает сеять духовные семена, и ушел искать удачи в другом месте. Вся жизнь Ивана Федорова — подвиг просвещения.

В Москве Иван Федоров и Петр Мстиславец напечатали Апостол в 1564 г. и два Часовника в 1565 г.; но есть сведения, что они печатали также и гражданские книги (юридические акты), до нас не дошедшие.

Трудно сказать, почему первопечатники начали с Апостола. Возможно, что при подозрительном отношении невежественных масс к типографскому делу считалось неудобным посредством машины изготовлять евангельский текст. Проба была сделана на книге меньшего значения. Апостол напечатан

первоклассным шрифтом, подражающим современному московскому полууставу, которым писались такие роскошные произведения как Лицевые Летописи. Всего в Апостоле 267 листов по 25 строк текста на странице формата в лист. Верстка и приправа печати отличается большой высотой; сигнатура страниц аккуратна. Украшена книга фигурной гравюрой и громадным количеством заставок, из которых одна отпечатана той же доской, что и в позднейшем из анонимных Евангелий. Стиль всех заставок — руссификация готических трав. На листах 260 и 261 напечатано послесловие, которым мы уже пользовались для выяснения истории книгопечатания. Послесловие составлено в витиеватом стиле, излюбленном в XVI в., упоминает Ивана Грозного и митрополита Макария, просвещение Казани и плохое состояние книжного дела; далее сообщаются ссылки на книгопечатание в других землях, намерение царя устроить типографию в Москве и радость по этому поводу Макария. О сбивчивости приведенных годов мы уже говорили. Вслед за тем тотчас же идет речь о щедрости царя по устроению типографского дома и обеспечению типографов, дьякона церкви Николы Гостунского, Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца. Первую книгу, Апостол, начали печатать 19 апреля 1563 г., а окончили 1 марта 1564 г. при митрополите Афанасии.

В 1565 г. выпущено было два издания Часовника: одно, печатавшееся между 7 авг. и 29 сент. и сохранившееся в единственном экземпляре в Королевской Библиотеке в Брюсселе, другое — между 2 сент. и 29 окт., находящееся также лишь в единственном экземпляре в Ленинградской Публичной Библиотеке. Первое издание имеет 174 листа, второе 172 листа формата в восьмую долю, с набором 13 строк на странице; правописание обоих Часовников имеет различия. Шрифт тот же, что и в Апостоле 1564 г., но оба издания Часовника неряшливы, с ошибками в правописании и часто без разделения слова от слова. И это обстоятельство и отсутствие хотя бы двух экземпляров каждого издания указывают, что работа шла спешно, оттиснуто было книг немного, и, вероятно, гонения на первопечатников уже начались, и катастрофа приближалась. Странным также является и то, что, не успев кончить первого издания, первопечатники начали уже его повторение; почему-то с делом спешили.

Послесловие, одинаковое в обоих изданиях, повидимому по этой причине, как бы в оправдание типографской деятель-

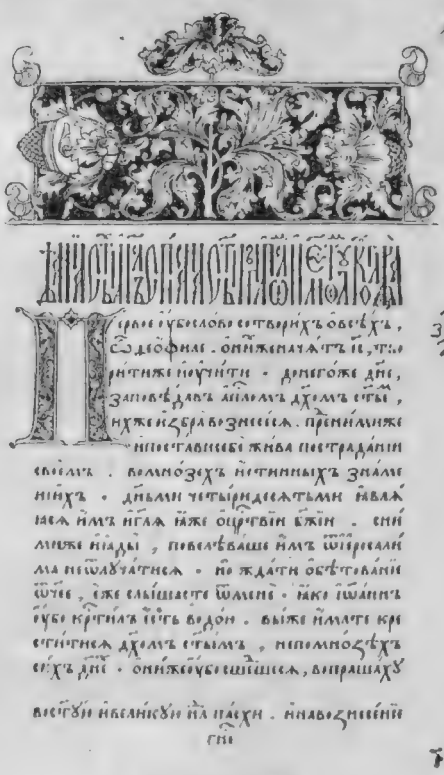
ности, витиевато говорит о значении разума и славе царя и Макария, устроивших „штанбу", т.-е. типографию, где был напечатан и „Часовник при митрополите Афанасии дьяконом церкви Николы Гостунского Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем".

Первое издание Часовника 1565 г.
(По единственному экземпляру, хранящемуся в Королевской Библиотеке в Брюсселе).

Часовники 1565 г. также снабжены украшениями в виде заставок, но совершенно особого рода. Бросим на них беглый взгляд. Всего помещено 7 ксилографий (на л.л. 1,65,100,127, 150,160,171—в брюссельском экземпляре и на л.л. 65,100,127,150, 170 в ленинградском; в экземпляре Публичной Библиотеки

первого листа нет); скажем сперва о шести гравюрах ленинградского экземпляра, общих с брюссельским.

Было однажды высказано мнение, что одна из заставок Часовника сходна с заставкой венецианского славянского молитвенника 1547 г.; но это чистое недоразумение, которое может быть проверено всяким, кто только пожелает заглянуть в оба издания. В Часовнике мы имеем две разновидности заставки, каждая по три варианта. Одна разновидность целиком взята из немецких книг без всякой русской переработки; это — переплетение черных штриховых восьмерок, по средине образующих ромбоидальную клетку и кончающихся справа и слева типичными для немецкой готической каллиграфии росчерками. Нетрудно найти очень близкие варианты в ряде немецких изданий XVI в. Другая разновидность представляет арабеску и в одном случае подражает небольшой заставке (позднейшего из трех) анонимного Евангелия, а в другом — бордюру большой заставки того же издания. Третий вариант более сложен. Заставка первого листа, известная лишь по брюссельскому экземпляру, представляет маленькую заставочку того же анонимного издания с добавлением вверху мелких разводов в характере типичной немецкой каллиграфии и с небольшими изменениями в рисунке.



Апостол 1564 г.

Но самое замечательное, это — украшения Апостола 1564 г.; их описывать невозможно, а следует просто насладиться непосредственным зрелищем. Дадим лишь краткое о них понятие.

Инициалы представляют собой широкие черные полосы, по которым извиваются вышеупомянутые готические травы. Последние почти исключительно наполняют заставки, которые можно разделить на три вида (большие, средние и малые)

с громадным количеством вариантов; даже в новое время подобное богатство украшений встречается в редких, лишь особо роскошных изданиях. Немецкие травы и фантастические плоды

Гравюра на дереве из Апостола 1564 г.

размещены в заставках по симметричной геометрической схеме, обычной для русских заставок, и с чертами руссификации, которые мы уже отмечали в анонимных изданиях.

Смотря по движению стеблей, большие заставки можно разделить на 4 композиционных класса: 9 заставок имеют движение от центра к концам, что для русского искусства

Гравюра на дереве из немецкой Библии 1524 г.

обычно; 2 заставки — от концов к центру, что в русском искусстве встречается редко; 1 заставка — от угла к углу по диагонали, асимметричного построения, что в русском искус-

стве вовсе неизвестно, но обычно в немецкой гравюрной заставке.

Одна заставка в виде буквы *П* на коротеньких ножках представляет переход от большой заставки к малой и известна из русских рукописей.

Все средние заставки (5 разновидностей) и малые (2 разновидности) представляют движение от центра к краям.

Таким образом всех разновидностей 20; большие заставки и три средних даны по 2 раза; 2 средних по 4 раза; малые — одна 5 раз и одна 6 раз; переходная от больших к средним — 1 раз; таким образом мы имеем 44 отпечатка одних только заставок!

Здесь же отметим, что была попытка травы этих заставок объяснить из итальянского искусства, для чего привлекались схожие украшения одного французского дома, выстроенного итальянским архитектором. Конечно, эта единичная аналогия не имеет никакого значения. Имеющийся нами в виду орнамент к самим итальянцам приходит с севера; его родина — голландское искусство, откуда он пошел и по Франции (в том числе попал и в руки итальянца, строившего означенный дом) и, особенно, по Германии, на что мы уже указывали выше.

Наиболее замечательное украшение Апостола 1564 г., это — архитектурная рамка с изображением евангелиста Луки. Относительно нее также были попытки привлечь искусство итальянского Возрождения, где архитектурное обрамление в виде триумфальных арок было очень обычно. Но стоит только вглядеться, как неконструктивно и с каким нарушением античных форм исполнена рамка Апостола 1564 г., чтобы видеть ее немецкое происхождение. Именно в немецкой гравюре были обычны подобные рамки, в своих недочетах и нагроможденности, впрочем довольно жидких, форм обнаруживающие отзвук готики и предвещание барокко.

В первой половине XVI в. среди нюренбергских художников незначительное место занимал Эргард Шён. Некоторые ученые считают его учеником Дюрера, другие находят, что он шел путем Дюрера, но самостоятельно. Скончался Шён в 1542 г. Его искусству рисовальщика и гравера принадлежат как в книжных иллюстрациях, так и на отдельных листах, фигуры святых под арками из ветвей и листьев, архитектурные чертежи к Витрувию и др. Для Библии издания Пейпуса

1524 г. Шён исполнил титул, изображающий Иисуса Навина в одежде рыцаря, сидящего под аркой; изображение имеет сигнатуру гравера в виде перекрещенных букв *S* и *E*.

Эта именно арка и была обработана русским мастером для издания Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Можно думать, что наши первопечатники имели в своих руках нюренбергскую Библию Пейпуса 1524 г., и не та ли это Библия, которую в 1552 г. привез к нам Миссингейм?

Бросим хоть краткий взгляд на оба снимка, и мы увидим, что для русской рамки из немецкой выкинули все формы обнаженного тела, веточки по колоннам и раккурс арки, а эскизный орнамент архивольта заменили четким, как и вообще выровняли линии. Одним словом, смысл пластический заменили смыслом каллиграфическим. Копировали прямо на доску, что при отпечатке дало обратное изображение: переместились узоры подколонных тумб, гравировка теней и направление штриховки низа доски. В общем, можно сказать, что русская рамка выглядит ренессансней, благодаря воздействию существовавшей на Руси XVI в. византийской геометрической традиции, чем довольно кривые, посредственно исполненные формы на гравюре Шёна. Некоторые детали (круглые окна, двойная перспектива тумб, крутой наклон доски вверху и др.) объясняются влиянием современной русской миниатюры. Но пропорции и размер рисунка Шёна совпадают с русскими.

Нельзя не обратить внимания также на то, что, в соответствии с обратным изображением рамки, евангелист Лука смотрит вправо в $^3/_4$, согнувшись и имея курчавые волосы; Иисус же Навин смотрит влево в $^3/_4$, также согнувшись и имея курчавые волосы.

Вообще, фигура Луки и аксессуаров восходит к русской миниатюре, не исключая аканта на пюпитре и лучевого сияния вокруг головы, что уже встречалось на русской и именно новгородской почве еще ранее деятельности наших типографий. Но, в частности, объемность фигуры для русского искусства необычайна.

Таким образом связь русского книгопечатания с немецким устанавливается совершенно точно. Все культурные условия эпохи, отношения к людям, искусству и идеологии подтверждают, что какие-то немцы научили технике, дали образцы для клише, а шрифт был исполнен по образцу рукописей. Вместе с тем нет влияний других славянских типографий как

соседних (румынских, Скорины, Будного, Феоля) так и дальних (сербских, черногорских, венецианских, пражских, тюбингенских). Нет и влияний Италии.

Этим заканчивается начальный период книгопечатания в древней Руси. Иван Федоров и Петр Мстиславец бежали в Польшу, захватив матрицы и клише; в Москве же начинается вторая эпоха книгопечатания, протянувшаяся почти полстолетия и связанная с деятельностью ученика Ивана Федорова, Андроника Тимофеева Невежи, и его семьи, следовавших традициям первопечатников.

Второй период.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ПЕРВОПЕЧАТНИКОВ.

Иван Федоров и Петр Мстиславец успели спасти и захватить с собой матрицы, а также почти все клише. Уже в 1568 г. они появились в Заблудове, где, на средства гетмана Григория Александровича Ходкевича, отпечатали Евангелие, начав 8 июля 1568 г., а окончив 17 марта 1569 г. Книга эта — в 407 листов с набором страницы в 28 строк, формата листового. Издание имеет заставку, герб Ходкевича в типично немецком вкусе и сведения о времени напечатания и мастерах. Упомянуты король польский Жикгимонт (Сигизмунд), гетман Ходкевич, митрополит киевский Иона и типографы Иван Федоров Москвитин и Петр Тимофеев Мстиславец. Здесь мы впервые видим употребление немецких терминов: друковать, друкарский и др. Типографы в обращении к читателю говорят о недостатках и трудности своей работы.

В 1569 г. 26 сентября уже один Иван Федоров в том же Заблудове на средства того же Ходкевича начал печатать Псалтырь, окончив его 23 марта 1570 г. Псалтырь имеет формат в четвертку, с набором 17 строк на странице. Заставочки подражают находящимся в предшествующих изданиях Ивана Федорова. В обращении к читателю Иван Федоров просит о снисхождении к недостаткам своего труда. Есть сведения, что напечатан был еще и Апостол.

Повидимому, Ходкевич не долго увлекался типографской затеей, так как Иван Федоров должен был покинуть Заблудов. Гетман подарил Ивану Федорову поместье и предлагал ему заняться хозяйством, но Иван Федоров, по его собственным словам, предпочел „сеять иные семена“,—остался верен своему

типографскому художественному призванию и отправился во Львов. Петр же Мстиславец, покинув своего товарища еще ранее, очутился в Вильне, где и основал типографию в доме Мамоничей.

Вильна уже знала типографское дело на русском языке: здесь еще в 1525 г. печатал свои книги полоцкий гражданин доктор Франциск Скорина, работавший до того в Праге. Вообще Польско-Литовское государство уже имело ряд славянских типографий; кроме Скорины, еще в 90-х годах XV века в Кракове печатал Швальпольт Феоль, не имевший последователей; в начале 60-х годов в Несвиже—Симон Будный; в 70-х годах, т.-е. одновременно с московскими книгопечатниками,—Василий Тяпинский, который выпустил Евангелие без даты и обозначения места на двух языках: славянском и украинском. Кое-где на полях издания находятся ссылки на Евангелие московское, недавно друкованное. В данном случае Тяпинский имел в виду последнее из анонимных московских изданий. Тяпинский в своем шрифте подражает несвижской типографии, а последняя—Скорине. Московские первопечатники ни в каком отношении ни к означенным типографам, ни к древнейшей краковской типографии не находились. Они в Польско-Литовском государстве продолжали издавать книги в типе, выработанном в Москве, т.-е. в характере рукописных. Лишь постепенно и очень мало было введено несколько черт местного русского книгопечатания.

Иван Федоров очутился во Львове по соображениям особого характера: существовавшее там русское церковное братство, думалось ему, может оказать поддержку его типографскому предприятию. Однако материальная помощь оказалась слаба, и Ивану Федорову с трудом удалось напечатать с 25 февраля 1573 г. по 15 февраля 1574 г. книгу Апостол совершенно в том же виде, как московское издание 1564 г. Только инициал и заставка послесловия, а также концовки—иные, хотя в том же стиле. Рамка евангелиста Луки взята прежняя, но фигура и окружающие ее предметы сделаны заново и снабжены инициалами какого-то, очевидно, немецкого, мастера—*W. S.* В своем знаменитом послесловии Иван Федоров говорит об основании типографии в Москве, о ее разгроме по наущению „начальников и священноначальников", о долгих скитаниях и прибытии в Заблудов, о работах там, наконец, о своих неудачах во Львове в поисках помощи, которую он нашел лишь в беднейших слоях населения.

На обороте последнего (264-го) листа во всю страницу находятся соединенные гербы, слева — города Львова, справа — Ивана Федорова. Герб последнего интересен и вызывал различные предположения: он представляет широкую полосу, несколько рельефно оттушованную и изгибающуюся наподобие славянской буквы Ѕ (зело), над которой стоит как бы стрелка ↑. Одни хотят в этом видеть родство с гербом Альда Мануция, знаменитого итальянского типографа, представляющим дельфина и якорь; другие полагают, что перед нами изменение известных польских гербов — извив реки с крестом над ним, при чем Иван Федоров крест заменил типографским угольником. Второе предположение вероятнее, первое же ровно ни на чем не основано. По сторонам этого загадочного знака четыре буквы образуют имя книгопечатника IWAN. Оба герба оплетены акантом, общий ствол которого держит рука. Вся ксилография — типично немецкого стиля. Под гербом напечатано: ІѠА́ННЪ ѲЕ́ДОРОВИЧЪ ДРУ́КАРЬ МОСКВИ́ТИНЪ.

Существует еще одно анонимное издание Апостола в лист, которое также подражает московскому 1564 г., но очень грубо, особенно в заставках и киноварных отпечатках. Обычно относят это издание к 1576 г., но в определении места мнения расходятся. Сомнительно, чтобы это было повторное львовское издание Ивана Федорова: скорее это — издание виленское Петра Мстиславца. Во львовском издании, как мы видели, рамка евангелиста Луки прежняя, а фигура сделана вновь, т.-е. старая фигура была выпилена, что отразилось несколько и на порче рамки. С тех пор гравюры со старой фигурой у Ивана Федорова не было, рамку же он в ход пускал. Зато фигура появляется в поздних виленских изданиях (Апостол 1591 г.), где она, впрочем, отпечатана новой или, по крайней мере, поновленной доской, при чем сияние заменено ободком венчика. Возможно, что Петр Мстиславец середку фигурной гравюры, т.-е. самую фигуру, увез с собой в Вильну.

Известны два издания Петра Мстиславца в Вильне: Евангелие, начатое печатанием 14 мая 1574 г. и оконченное 30 марта 1575 г., в лист, на 404 листах с набором в 17 строк, с изображением четырех евангелистов, с заставками и инициалами в немецком вкусе; Псалтырь, напечатанная 16 января 1575 г. или 1576 г. (в обозначении годов от сотворения мира и от Р. Х. дана неточность на один год), в лист, на 253 листах с набором в 16 и 17 строк, с изображением царя Давида,

Острожская Библия 1580 г., первый лист.

с ксилографическими заставками и инициалами в том же немецком вкусе. Шрифт этих обоих изданий резан для них специально, подражает московскому и позднее сам служил образцом для московских изданий.

Как львовские издания Ивана Федорова, так и виленские Петра Мстиславца в языке уже считаются с местными особенностями; но это не помешало им экспортироваться и в Россию.

Мы не знаем ничего далее о деятельности Петра Мстиславца. В 80-х годах, когда типография Мамоничей продолжала свои действия, его уже, очевидно, не было в живых, и на виленскую типографию стали оказывать влияние издания более старые, чем московские,— краковские и венецианские (Служебник 1583 г.); это — первый достоверный случай итальянских воздействий на великорусскую типографию. Среди виленских типографов следует отметить Василия Михайловича Гарабурду (1582 г.), несомненно, знакомого с юго-славянскими типографиями. Кроме типографии Мамоничей, существовавшей в Вильне еще и в XVII в., в том же городе действовали типографии братская и монастырская с 90-х годов XVI в. В 1589 г. был в Вильне напечатан Статут Литовский, в 1596 г.— славянская грамматика, с гравюрой, изображающей грамматику в виде женщины и с орнаментикой скорининских изданий, и азбука; печатались и другие гражданские издания, иногда со введением языка польского, даже с готическим шрифтом (1596 г.).

Иван Федоров во Львове разорился, хотя, повидимому, вел дело очень скромно, трудами лишь своей семьи (его сын, Иван, был переплетчиком). В результате Иван Федоров заложил свое типографское имущество и отправился на Волынь в город Острог к князю Константину Острожскому, где в типографии последнего выпустил ряд замечательных изданий. В 1580 г. была напечатана книга в восьмушку, Псалтырь и Новый Завет, на 494 листах с набором страницы в 30 строк специально приготовленным мелким шрифтом. Более крупным шрифтом, которым затем Иван Федоров напечатал Библию, исполнено послесловие типографа. На обороте заглавного листа — герб Острожского, а в конце книги — Ивана Федорова. Инициалы и мелкие заставки не имеют ничего общего с прежними Ивана Федорова или московскими анонимных изданий. Мы видим чисто ренессансные формы и большое сходство с заставками изданий Скорины.

12 июля 1580 г. была выпущена знаменитая Библия, рукописи для текста которой собирались отовсюду, в том числе и из Москвы. Издание напечатано в лист на 622 листах, по нумерации разбитых на 6 групп, с набором двух столбцов на каждой странице, по 50 строк. Текст имеет титул, впервые в великорусском издании, с обозначением 1584 г., предисловие по-гречески и славянски, оглавление и послесловие. При печатании употреблены 6 шрифтов: два мелких славянских, два мелких греческих, два крупных славянских, из которых один московский (титульный лист), другой виленский — Петра Мстиславца (заглавие титульного листа). Рамка титульного листа копирует рамку Апостола 1564 г., а часть заставок подражает заставкам того же Апостола; другие украшения подобны скорининским. На обороте титульного листа—герб Острожского, а на последней странице — герб Ивана Федорова. 12 августа 1581 г. вышло второе издание Острожской Библии, повторившее первое, но с бо̀льшим употреблением виленского шрифта.

После 1581 г. Иван Федоров опять появляется во Львове, где, однако, начать работу он не мог, так как выкупить типографское имущество не удалось. За тем же приезжали какие-то лица из Москвы, где, вероятно, следили за деятельностью Ивана Федорова. Однако типография была выкуплена львовскими гражданами. Иван Федоров скончался 5 декабря 1583 г., как гласит надпись на каменной могильной плите, на которой помещен типографский знак Ивана Федорова; среди слов надписи читаем: „друкарь москвитинъ... друкарь книгъ предтымь не виданныхъ“.

Книгопечатание на основах наших первопечатников, но с некоторыми венецианскими и скорининскими чертами, продолжалось в Остроге, Львове и Вильне вплоть до начала XVII в., когда появились и другие русские типографии в пределах тогдашнего Польского государства; они ведут свое происхождение от трех упомянутых, основанных московскими первопечатниками. О виленских изданиях конца XVI в. мы уже говорили. Среди острожских изданий следует отметить, как интересное, Хронологию в стихах, Андрея Рымши, 1581 г., а среди книг Львовского братства — греко-славянскую грамматику 1591 г. и церковно-полемическое сочинение, напечатанное на греческом и славянском языках в 1593 г. Острожская типография прекращает свою деятельность в 1612 г., виленская Мамоничей — в 1617 г.; но братские типографии в Вильне и

Львове существуют весь XVII в.; в частности, Львовская братская типография дожила до XX в.

Почти два с половиной года после бегства Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Москве не было книгопечатания, пока, опять согласно распоряжения Ивана Грозного, не была вновь основана в 1568 г. типография Никифором Тарасиевым и Андроником Тимофеевым Невежею. Повесть о книгопечатании, XVII в., называет их учениками Ивана Федорова; мы знаем, что таковые у последнего были. Но ученики не посмели в послесловии своего первого издания назвать бежавших учителей, и если бы до нас не дошли экземпляры Апостола 1564 г. и Часовников 1565 г., а первопечатники не развили столь энергичную деятельность за границей, можно было бы подумать, что Тарасиев и Невежа — первопечатники. Любопытно, что имя Тарасиева стоит на первом месте, а Невежи — на втором; позволительно думать, что последний был и моложе и не главным лицом в деле; действительно, после 1568 г. еще проходит около 9 лет без печатания, когда уже один Невежа открывает действие типографии, но не в Москве, а в Александровской слободе. Вероятно, Тарасиева уже не было в живых, а Невежа после того проработал над типографским станком еще несколько десятков лет. Итак, типографию 1568 г. можно считать ближайшим отражением деятельности первопечатников.

Выпустила она лишь одно издание, именно Псалтырь, начатую печатанием 8 марта, а оконченную 20 декабря. Издание — в четвертку, на 296 листах, по 16 строк на странице. Заставки сделаны новыми досками, но подражают заставкам первопечатников; шрифт же тождественен с изданиями последних. Совершенно заново резаны на дереве инициалы в виде стволов с черными лопастными листьями в немецком характере, менее обработанные в русском стиле, чем инициалы изданий первой типографии 1563—65 г.г. Изображение царя Давида дано в массивной архитектуре с пилястрами и ренессансными разводами при перспективном построении; оригинал, несомненно, был немецким и имеет близкое соответствие в польской Краковской Псалтыри 1540 г.; но фигура Давида, недостаточно вкомпанованная в архитектурную форму, представляет точное соответствие фигурам московской миниатюры царской школы того же времени. В послесловии рассказывается история создания типографии.

Лишь в 1576 г. Невежа возобновляет свою деятельность, но уже в „Новом граде Слободе", где он 20 июня начал, а 31 января 1577 г. кончил печатанием Псалтырь в четвертку тем же шрифтом на 280 листах, по 16 строк на странице. Инициалы и заставки подражают первопечатным, но гравюра с царем Давидом резана вновь в стиле немецком, сильно склоняющемся к барокко. Типография в обоих указанных изданиях названа штанбой, как у первопечатников. К Псалтыри 1577 г. также прибавлено послесловие.

Прошло еще 12 лет; уже не было в живых ни Ивана Федорова, ни Мстиславца, ни Тарасиева, широко раскинулось русское книгопечатание в Польше, а у нас в Москве еще жил и бездействовал только один типограф—Андроник Тимофеев Невежа. В конце 80-х годов его опять призвали к деятельности. Андроником Невежею были напечатаны следующие книги: 1) в 1589 г. Триодь постная, в лист, на 470 листах, с набором в 24 строки, с послесловием; 2) в 1591 г. Триодь цветная, в лист, на 564 листах, с набором в 24 строки, с послесловием; 3) в 1594 г. Октоих в двух книгах, в лист, 492 листа и 483 листа, с набором в 23 строки, с послесловием; 4) в 1597 г. Апостол, в лист, на 318 листах, с набором в 23 строки, с послесловием; рамка вокруг Луки, несомненно, представляет русскую разработку старой рамки первопечатников; 5) в 1598 г. Часовник, в 12-ю долю листа, с набором в 11 строк, с послесловием; 6) в 1600 г. Минея, в четвертку, на 590 листах, с набором в 15 строк, с послесловием; 7) в 1600 г. Минея, в лист, на 340 листах, с набором в 21 строку, с послесловием; 8) в 1601 г. Часовник, в 12-ю долю листа, с набором в 11 строк, с послесловием; 9) в 1602 г. Служебник, в четвертку, на 451 листе, с набором в 16 строк, с послесловием; 10) в 1602 г. Псалтырь, в четвертку, на 332 листах, с набором в 15 строк, с послесловием.

Все эти книги печатаны шрифтом первопечатников, в заставках и инициалах подражают Апостолу 1564 г. и Псалтыри 1568 г. Лишь изредка встречаются концовки более ренессансного, чем готического характера, но все же в немецкой интерпретации. Евангелист Лука в Апостоле 1597 г. резан самим Андроником Тимофеевым Невежею в подражание гравюре Апостола 1564 г., с более пышной разработкой арки, но с утерей элегантности; да и вообще все гравюры грубоваты. Интересно, что типографщик не рассчитал обратного

изображения оттиска своей гравюры, так что имя и отчество мастера приходится читать справа налево; но он сообразил это, когда резал фамилию, и она читается правильно. Нужно думать, что Невежа был неопытным гравером; возможно, что и некоторые из орнаментов резаны им же.

Интересно, что Часовник 1598 года имеет одну заставку в подражание простейшей арабесковой заставке Часовников 1565 г. первопечатников. Это — единственный след влияния последних московских изданий первопечатников. Надо заметить, что в то время как экземпляров Апостола 1564 г. встречается довольно много, экземпляры Часовников 1565 г. известны, как мы видели, лишь по одному. Вероятно, эти издания уже во времена Невежи были редкостью; возможно, что они почти целиком погибли при разгроме первой московской типографии. Наибольшим богатством украшений отличаются Минеи 1600 г.; но по изяществу заставки этих изданий гораздо ниже, чем в Апостоле 1564 г., которым они подражают. Сохранились известия, что Андроник Тимофеев Невежа напечатал также и Евангелие, недошедшее до нас.

С Часовника 1598 г. в типографских работах отца принимал участие его сын Иван „с товарищи". В 1604 г., очевидно, Андроник уже скончался, потрудившись в типографском деле около 40 лет и не имея рядом с собой в Москве никакого иного типографа, сохраняя заветы первопечатников и будучи не только типографом, но и гравером. После смерти отца дело перешло в руки сына.

В 1604 г. Иван Невежа печатает Триодь цветную, в лист, на 640 листах, с набором в 23 строки; в 1606 г.— Апостол, в лист, на 318 листах, с набором в 23 строки, при чем под влиянием русских изданий Польши типография в послесловии впервые для Москвы названа друкарней; в 1607 г.—Триодь постную, в лист, на 502 листах, с набором в 23 строки, с послесловием; в том же году — Минею за сентябрь, в лист, на 331 листе, с набором в 23 строки, с послесловием; в 1609 г.— Минею за октябрь, в лист, на 319 листах, с набором в 23 строки, с послесловием; в 1610 г.— Минею за ноябрь, в лист, на 389 листах, по 23 строки набора на странице, с послесловием. В том же или следующем, 1611-м году начата печатанием Минея за декабрь того же типографского вида; напечатано лишь 95 листов. Закончить издание Минеи не удалось, так как типография была разгромлена в революцию Смутного

времени. Есть указания, что в 1605 г. в Москве были еще напечатаны две книги: Евангелие и Служебник.

Иван Невежин во всех отношениях продолжал дело своего отца и первопечатников. У него тот же шрифт и тот же стиль украшений; с ним работали какие-то помощники. Никаких влияний из Польши, кроме слова друкарня, не обнаруживается. После издания Миней мы ничего более не слышим об Иване Невежине.

Семья Невежиных выделила из своей среды и третьего типографа, Алексея Невежина, о деятельности которого мы знаем с 1614 г., т.-е. уже в третий период московского и русского книгопечатания, когда типографии распространились уже по многим русским городам. Самый тип книги в это время меняется. Начало этой перемене было отчасти положено в конце второго периода московского книгопечатания. В Москву приехал с Волыни некий Онисим Михайлов Радишевский, который в 1606 г. напечатал Евангелие, в лист, на 468 листах, по 17 строк на странице, с послесловием, а в 1610 г.—Устав, в лист, на 1256 листах, по 20 строк на странице, с предисловием и с двумя послесловиями. Позднее, в 1633 г., последнее издание было осуждено на сожжение, как неправильное по своему содержанию, изданное „вором бражником Троицкого Сергиева монастыря крылошанином Логином"; очевидно, мы имеем случай уже не правительственного, а частного издания в Москве.

Оба издания Радишевского имеют шрифт, восходящий через Острожскую Библию к виленскому шрифту Мстиславца, а послесловие Устава заимствовано из послесловия Острожской Библии.

Гравюры в виде орнамента и евангелистов в рамках продолжают традицию смешения поздней готики с немецким ренессансом в русской интерпретации, но отличаются большей сложностью и пестротой, предвещающими барокко; особенно интересны выноски на полях, так называемые „цветки".

Вероятно, в то же время, быть может, также по частной инициативе, напечатано анонимное Евангелие, в лист, на 500 листах, с набором по 15 строк. Шрифт схож с изданиями Радишевского, но несколько мельче; украшения, несомненно, зависят от изданий Радишевского. Изображений евангелистов нет. Впоследствии Радишевский уже не встречается в московских типографиях; его карьера кончилась вместе с Иваном Невежиным. Вместе с тем это была первая попытка внести новое влияние, польско-русское, в московское книгопечатание.

Также к концу второго периода московского книгопечатания относится деятельность псковитина Аникиты Федорова Фофанова, который печатал и позднее, после Смутного времени, и также оставил после себя семью типографов. Фофанов не скрывает, что до него и при нем были другие типографы; свою „штанбу" он называет новой и относит ее создание к 1606 г., т.-е. когда уже работал Иван Невежин и начинал Радишевский. Вероятно, сам Фофанов сделал новый шрифт, более крупный, чем первопечатный; по крайней мере, позднее ему приходилось исполнять подобные работы. В 1609 г. Фофанов напечатал Минею, в лист, на 373 листах, с набором в 19 строк, с предисловием и послесловием. Шрифт этого издания погиб в Смутное время. Фофанов бежал в Нижний, где, согласно сказаниям XVII в., продолжал печатать, вероятно, вновь сделанным шрифтом; действительно, позднее фофановская типография была вывезена в Москву, но все ее издания уже не имеют шрифта Минеи 1609 года.

О восстановлении типографии в Москве стали заботиться уже с 1612 г., от какового времени дошли до нас документы с итальянскими терминами. Весьма возможно, что они впервые занесены были к нам при начавшемся польском влиянии, так как Польша XVI—XVII в.в. была пронизана итальянским гуманизмом. Не Радишевский ли был виновником этого влияния на типографскую терминологию московской „штанбы"?

Возобновившаяся деятельность Фофанова открывает нам третий период русского книгопечатания. В первом периоде рисуется могучая фигура Ивана Федорова, а во втором — Андроника Невежи; в третьем мы найдем много типографий, в Москве и в других русских городах, а также и много имен; время исключительного подвижничества отдельной личности в книгопечатном деле в России в эту эпоху уже было в прошлом.

Третий период.

ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ТИПОГРАФСКОГО ТРУДА И НОВЫЕ ТИПЫ КНИГ.

Нет сомнения, что русское книгопечатание стало на твердую почву лишь с тех пор, как создалась типография в Москве во главе с Иваном Федоровым. В самом деле, русские типографии в польско-литовских областях не имели будущего; оборвалась безрезультатно деятельность Швальпольта Феоля в 1490-х годах

в Кракове; почти так же—в 1520-х годах Франциска Скорины в Вильне. Быть может, типография в Несвиже 1560-х годов Симона Будного оказала некоторое влияние на одно из анонимных изданий до Ивана Федорова, но влияние это также кончилось ничем. Тяпинский в 1570-х годах в своей кочевой украинской типографии уже имел в руках одно из московских изданий и принял его во внимание при печатании своего Евангелия.

Совершенно естественно, что лишь Москва, столица русского культурного мира, хотя и разорванного политическими границами на две части, однако единого, могла поставить на твердую почву новое культурное приобретение, хотя бы даже в противоречии с руководителями внутренней московской политики того времени. Эти руководители выжили из Москвы первопечатников; но положение вещей осталось то же: первые роскошные русские издания вышли все-таки в Москве, и дальнейшее развитие типографского дела пошло все-таки от московских типографов. Раз русский культурный центр, Москва, принял и выявил новое изобретение, другим областям и городам оставалось его также принять и подражать Москве.

Отсюда начинается второй период русского книгопечатания — распространение его в условиях того же пионерства выдающихся личностей; Иван Федоров насаждает книгопечатание во Львове и Остроге, Петр Мстиславец — в Вильне, где когда-то действовал Скорина. Андроник Тимофеев Невежа продолжает дело первопечатников в Москве.

Революция Смутного времени изменила условия жизни и труда не только в России, но и в русских областях Польско-Литовского государства. Общее положение вещей отразилось и на типографском деле. В Москве пришлось заводить его чуть ли не сызнова и на новых основаниях. Значение личности предприимчивого печатника-мастера исчезает, исчезают группировавшиеся вокруг них помощники („клевреты“, как они тогда назывались); „Государственное“ издательство по-новому организует вокруг множества станков (свыше десятка) кадр рабочих, которые сознавали изменение порядка и не очень-то ему были рады. Следует отметить даже попытку, правда, по разным причинам, неудачную, ввести сдельную работу.

Изменение положения книгопечатания в польско-литовских областях заключается в том, что благодаря усилению национального самосознания появилось множество типографий (часто, правда, недолговечных) в различных культурных пунктах;

отмерли некоторые старые типографии (напр. Острожская); образовался новый могучий центр книгопечатания — Киев, связавшийся, несомненно, с львовскими издательствами; самые издания, не всегда достаточной высоты, часто бьют на роскошь и эффектность, снабжены гравюрами и титульными листами; это — попытки дать иллюстрированную книгу в типе западно-европейской печатной, а вовсе не в подражание древне-русской рукописи.

Киевские издания стали влиять и на московские, особенно после политического объединения Москвы с Украиной. Несомненно, что уже к концу XVIII в., ко времени Петра и в первые годы его царствования, Москва опять стояла во главе русского книгопечатания. Надо думать, что организация труда здесь была выше и более отвечала духу времени; по крайней мере, можно заметить, что и в западно-русских типографиях их существование не целиком зависело от личной инициативы. Правда, предприимчивые типографы нередко переходили из города в город, заводя типографии, как это делали московские первопечатники; но если типографы попадали в крупный центр, напр. Львов, Киев, то дело типографской работы организовывалось так, что не разрушалось и после ухода мастера. Так крупное предпринимательство убивало прежнего кустаря-художника. Естественно, что изданий было выпущено громадное количество, которое перечислять можно было бы лишь в библиографическом указателе, а не в общем очерке. Поэтому укажем лишь главное.

В самом начале XVII в. образовалась в Дерманском монастыре (Дубенского уезда, Волынской губернии) типография не без влияния Острожской; печатником был священник Дамиан. Шрифт, мелкий квадратный, был изготовлен заново, но несколько напоминает и Острожскую Библию и Евангелие Тяпинского. Осталось два издания этой типографии: Октоих 1604 г., в лист, и Сочинение Мелетия, патриарха Александрийского, 1605 г., в четвертку (с заглавным листом). Оба издания имеют украшения в виде герба князей Острожских и орнаментов.

В то же время, в 1604 г., в Стрятине (Бережанского округа) в своем поместьи Федор Юрьевич Балабан основал типографию и отпечатал Служебник, а в 1606 г.—Молитвенник. В этих изданиях находятся фигурные ксилографии и герб львовского епископа Гедеона Балабана, принимавшего живейшее участие в работах типографии. Заставки и инициалы обнаруживают стиль Возрождения в польско-итальянской интерпретации.

В том же 1606 г. Гедеон Балабан устраивает типографию в своем поместьи Крилос, под Галичем, где печатает Евангелие в лист с несколькими гравюрами. Других изданий этой типографии неизвестно.

В результате Балабаны перенесли свою книгопечатную деятельность во Львов, а, по связи этого города с Киевом, гравюры первых балабановских изданий попали в первые киевские, а также почаевские. Совершенно ясно, что любительство и меценатство в провинциальных местностях начинало терять смысл.

Бросим взгляд и на другие мелкие типографии начала и первой половины XVII в. К 1618 г. относится первое издание Почаевского монастыря в имении Фирлея, столь прославившегося специфическими изданиями в новое время; издание представляет сочинение Кирилла Транквиллиона и напечатано на средства автора; книга, в четвертку, имеет украшения в виде гербов, заставок и инициалов, повторяющих стрятинские и первопечатные киевские гравюры. С теми же чертами украшений и с тою же небрежностью весьма схожего шрифта и верстки Транквиллион через год, в 1619 г., издает свое учительное Евангелие, в лист, в типографии, устроенной в Рахманове, Кременецкого уезда, Волынской губернии, имении князей Вишневецких. В различных экземплярах этого издания встречаются различные гербы и иногда гравюры, из которых одна появляется в киевском издании сочинений Иоанна Златоуста, 1624 г., с монограммой *Т Т*.

Среди волынских типографий следует отметить — Павла Домжива-Лютковича и монаха Сильвестра. Они начали печатать в местечке Угорцах, возможно, еще с 1611 г., продолжали в 1618, 1620 и 1622 годах на средства панов Шептицких (изображен и герб их). Крупный шрифт и заставки напоминают еще старый тип XVI в. В 1625 г. оба типографа, уже в Четвертне, печатают на средства князей Четвертинских Псалтырь в восьмушку, мелкого шрифта с орнаментикой частью в немецком, частью в итальянском духе, с гравированным изображением Давида среди пейзажа, явно взятым с какой-то немецкой ксилографии, и с гербом Четвертинских. Повидимому, тот же Павел Лютковичнасаждает типографию в Луцке в 1628 г., существовавшую еще в 1640 г., и в Чернчицах в 1629 г.

Столь же скоропреходящее значение имела типография 1638 г. в Кременце.

В первой половине XVII в. была попытка со стороны шведов завести в Стокгольме книгопечатание для русских, проживающих в областях, захваченных шведами. Так, некий Петер Фан Селав в 1628 г. печатает православный Катехизис, а в 1644 г. он, уже на финском языке, но тем же кирилловским шрифтом, печатает уже лютеранский Катехизис, именуя себя несколько иначе — Петер Фаньселаулда.

Из старых западных типографий очень долго существовала виленская. Еще в 1617 г. выпускала книги друкарня Мамонича на средства Льва Сапеги с гербами, орнаментами, фигурными гравюрами, частью смешивая традиции первопечатников с чертами скорининских изданий (с гравюрными заставками и инициалами). С 1620 г. мы постоянно видим упоминание виленской братской типографии; особенно интересны своими гравюрами на дереве в западном вкусе „Вертоград Душевный", впервые напечатанный в 1620 г., и Грамматика 1621 г., специально предназначенная для детей, как говорит ее заглавие. В 1629 г., по некоторым указаниям, в Вильне вышла из печати Грамматика Мелетия Смотрицкого, а в 1652 г. — славянский Букварь с гравюрами. Книги эти, как известно, легли в основу школьного образования в Москве. Таким образом Вильна своей типографией обслуживала и московскую Русь. Столь же большое значение имела новая типография, возникшая в Виленщине, именно, в местечке Евью (Трокского уезда, Виленской губернии), принадлежавшем князьям Огинским. Первое издание, Евангелие, относится к 1611 г. и имеет гравированные изображения евангелистов. Затем мы видим ряд изданий с гербами Огинских; среди них первое издание в 1619 г. вышеупомянутой Грамматики Смотрицкого. По имеющимся сведениям, как будто в 20-х годах типография в Евью не работала, но со средины 30-х годов XVII в. опять продолжает выпускать книги, в которых встречаются скорининские детали. Типография печатала иногда двумя шрифтами, готическим (на польском языке) и кирилловским; такова Псалтырь 1638 г., исполненная для Друцкой-Соколинской.

Еще более живуча оказалась типография львовская. Мы видели, что Балабаны перенесли свою благотворительность на львовское книгопечатание. В знаменитой братской типографии, ведущей свое происхождение от друкарни Ивана Федорова, в 1613 г. издаются сочинения Иоанна Златоуста в четвертку на средства Александра Балабана; издание снабжено гравюрами и гербами Балабана и братства. Печатал монах Пафнутий.

В 1616 г. типограф Памва Берында выпускает из той же типографии вирши на Рождество Христово, также снабженные гравюрами. Еще издание, Триодь, с гравюрами было выпущено в 1617 г. В это время начинает свою деятельность киевская Лаврская типография, где мы увидим и меценатство Балабанов и работу Памвы Берынды. Мы не знаем львовских изданий от 20-х годов; повидимому, эта старейшая западно-русская типография, как и типография в Евью, сократила свою деятельность. Зато она в то же время передала традиции Киеву,— среди них прежде всего любовь к ксилографии не столько высокого качества, сколько в изобильном употреблении.

С образованием киевской типографии, львовская вступает с нею в сношения, и обе вырабатывают тип южно-русской книги, богато снабженной иллюстрацией в типе польско-немецкого ренессанса и барокко в лубочной русской интерпретации. Изящной обработки иноземных мотивов в условиях русского художественного вкуса, как это было в русской, особенно московской гравюре XVI в., здесь уже не встречается. Так как типографии львовская и киевская нередко обменивались имевшимися материалами, то неудивительно, что обе составили как бы единую школу гравюры и книги. Среди львовских изданий 30 годов особенно замечательны: Евангелие 1636 г. в лист, имеющее изображение Христа, евангелистов и более 50 небольших гравюрок, одна из которых имеет монограмму *EZ*, встречающуюся и позднее; Анфологион 1638 г. с гравюрами и именем печатника Иоанна Кунотовича; а также издания 1639 г.— Апостол, Октоих и Евангелие, снабженные гравюрами, при чем в последней книге они носят следы голландских и немецких влияний (подражания Дюреру и Альдегреверу) и имеют монограмму *BΘZ*. Некоторые из гравюр этих изданий, а также и других львовских, резаны плодовитым мастером Ильею, отразившим голландские влияния и особенно известным своими иллюстрациями изданий киевских. Октоих напечатан тем же Кунотовичем, поместившим в книге и свой герб.

Главным типографом во Львове в 30-х годах был Михаил Слёзка, продолжавший свою деятельность и в сороковых годах. Но уже в 1641 г. рядом с ним упоминается другой типограф — Андрей Скольский; повидимому, он стоял во главе другой львовской типографии, именно — епископской. Насколько в то же время Львов был связан с центрами славянского книгопечатания, явствует хотя бы из того, что даже в Венеции,

одном из древнейших городов славянской типографии, в 1641 г. напечатали издание для Львова — своеобразный панегирик (ΑΝΑΘΗΜΑ ΤΗΣ ΤΙΜΗΣ=Памятник чести) Григорию Кирницкому „вь Россіѣ Львовскіа земля обывателю", с изображением Георгия на коне. Конечно, подобные книги, привозимые во Львов из Италии (экземпляр до нового времени находился во Львове), должны были бы влиять на характер львовской книги и книжной иллюстрации; на самом же деле польско-немецкие и голландские, вообще северноевропейские воздействия были сильнее.

Ирмолой 1700 г.

Особенно замечательны два издания Триоди 1642 г., вышедшие из типографии Слёзки; они наполнены мелкими гравюрами, имеющими монограммы мастеров. Таковы—*B,BΘ, BΘZ, ZBΘ, ТП, KZ*. Несомненно, четыре первые монограммы—одного и того же мастера, однако резавшего свои гравюры не для означенного издания, как и не для более раннего львовского 1639 г., а для киевского 1630 г., где его монограммы встречаются впервые. Монограмма *ТП* встречается в киевских изданиях 1623 и 1624 г.г.; *KZ*—в киевской Триоди 1631 г. Есть в Триоди 1642 г. также гравюры и вышеупомянутого Ильи. Мастер *КД* резал, повидимому, только для Триоди 1642 г.

Таким образом можно заметить, что уже с 40-х годов XVII в. львовская типография, положившая начало киевской через меценатство Балабанов и искусство Берынды, начинает зависеть от киевской; с перемещением культурно-политического центра передвинулась географически и деятельность в области книгопечатания. Из позднейших львовских изданий Евангелие 1644 г. с несколькими десятками гравюр, вышедшее из типографии Слёзки, и Молитвенник 1645 г., вышедший из епископской типо-

графии (Скольского) с множеством гравюр киевского мастера Ильи, являются наиболее замечательными. Сюда следует прибавить: Анфологий 1651 г., Триодь 1663 г., где мы видим подписи граверов Афанасия К., позднее работавшего для Киева (случай, для этого времени уже редкий), и Василия Ушакевича, гравюры которого мы находим только в львовских изданиях, напр., Евангелии 1665 г. и Апостоле 1685 г.

Постепенно мы видим в львовских изданиях бóльшую и бóльшую небрежность печати, повторение старых своих и особенно киевских гравюр. Типография превращалась в провинциальную, сравнительно с Киевом, еще более — с Москвой и, конечно, в сильнейшей степени сравнительно с соседним Западом. Связь с униатством здесь возымела свою роль; книгопечатанию не могла прийти на помощь мощная организация как культурного, так и государственного значения. В качестве провинциальной, идущей в хвосте европейского книгопечатания, львовская типография дожила до нового времени. На рубеже к нему она все же дала России новое типографское приобретение — первую нотную печать в виде Ирмолоя 1700 г. Орнаменты, гравюры и нотные знаки сделаны в немецко-голландском, огрубевшем до лубка, вкусе, еще с готическими элементами. Ноты же напечатаны следующим образом: каждый нотный знак вместе с коротким отрезком пяти линеек составляет особый типографский знак, отчего линейки нот оказываются несвязными и дрожащими. Но все-таки это не гравюра с нотами, а настоящий нотный набор.

Обратимся теперь к самой значительной западно-русской типографии XVII в., именно — киевской.

Первым изданием киевской типографии, устроенной в Киево-Печерской Лавре, является Молитвенник 1617 г., в предисловии к которому говорится об устройстве типографии архимандритом Елисеем Плетенецким и значении книгопечатания. Под вторым предисловием, говорящем о значении самого текста, помещена монограмма, обычно читаемая так: „архидиакон Захария Копыстенский друкарь христолюбивый“. Книга издана в четвертку и имеет недостаточно чистый, уже сбитый шрифт при недурной сверстке, заставки и инициалы из стрятинских изданий, воспроизводящих польский ренессансный стиль. Очевидно, Плетенецким была приобретена Стрятинская типография Ф. Ю. Балабана. Через год мы видим копировку этих украшений в почаевских изданиях. Так, следовательно, уже первопечатное киевское

издание стало оказывать влияние на сторону, но отказалось от каллиграфической традиции первопечатников.

Второй книгой киевской типографии является панегирик в стихах („Вѣзерункъ Цнотъ"), сочиненный Александром Митурой в честь архимандрита Елисея Плетенецкого и изданный в 1618 г. на 6 листах в четвертку. Издание исполнено плоховато и, повидимому, в малом количестве экземпляров. Третье издание, Книга о вере, имеет заставки и инициалы Часослова 1617 г., а шрифт почаевских и рахмановских изданий 1618—1619 г.г. Книга не имеет даты, но носит имя Азарии, в чем иногда хотят видеть того же Захарию Копыстенского, который напечатал Часослов 1617 г. Того же наименования книжка была издана в начале XVII в. в Вильне, и она была, конечно, перед глазами киевского типографа, но не повлияла на него в типографском отношении. Вообще, киевская типография, связавшаяся со львовской, была, в общем, чужда виленской. Мы уже видели, что издания Стрятина были связаны с Киевом, а последний — с Почаевым и Рахмановым. Надо думать, следовательно, что Книга о вере издана в 1618—1619 годах. Весь же круг этого книгопечатания, как и львовского того же времени, вращается около меценатства Балабанов и их изданий.

В 1619 г. киевское книгопечатание сразу подвинулось вперед: на средства Федора Юрьевича Балабана, уже заводившего, как мы видели, книгопечатню у себя в Стрятине, приехавший из Львова известный уже нам типограф Памва Берында печатает Анфологион в лист, на 1064 страницах, с несколькими десятками небольших гравюр, из которых одна имеет впервые на страницах киевских книг монограмму *Г*, повторяющуюся и в позднейших, исключительно киевских изданиях (Лейтургиарион 1629 г.). Достойно замечания, что грубоватые гравюры Анфологиона еще сохраняют черты русского иконописного стиля.

Памва Берында продолжает печатать в Киеве до концм 20-х годов, которые—лучшее время киевской типографии, когда работал не один Берында; немало от того времени осталось и подписных гравюр. Иногда гравюры заимствовались из других изданий, связанных с деятельностью Балабанов; так, Служебник 1620 г. имеет одну гравюру из случайного галицкого (крилосского) издания Гедеона Балабана, о котором мы упоминали выше.

Интересны Вирши на погребение гетмана Сагайдачного, выпущенные в 1622 г. на 24 листах в четверку; мы находиа

там три гравюры: 1) изображение запорожского казака, 2) портрет гетмана и 3) взятие города Кафы, гравюру, близко воспроизводящую немецкий ксилографический стиль еще XV—XVI вв. (в характере Нюренбергской Хроники 1493 г.). В общем, стиль этих иллюстраций еще не порывает с чертами русской графики XVI в.

Громаднейший фолиант Сочинений Иоанна Златоуста был издан в 1623 г. Он представляет перевод, специально сделанный с греческого (монахом Киприаном) для княгини Чарторижской; перевод исправлялся тремя лицами, среди которых двое уже нам известны, как типографы; это — Копыстенский и Берында. Печатали трое: Тимофей Александрович, Стефан (сын?) Берында и Тимофей Петрович. Шрифт издания — мелкий и несколько неряшливый; киноварные буквы и строки нанесены после отпечатания книги и иногда наезжают на печать. Заставки и инициалы сделаны в характере голландского ренессанса. Гравюры книги, в виде святых и сюжетов из священного писания, имеют монограмму *ТП* (Тимофей Петрович?). Любопытен заглавный лист, имеющий, кроме фигурных изображений в голландском вкусе, внизу три вида: пещеры Антония и Феодосия и Великой Печерской церкви. Достойно замечания, что в шрифте гравированных надписей к этим картинкам встречаются латинизированные буквы (Σ, N), и весь шрифт геометричностью форм как бы предвосхищает гражданский алфавит.

В 1624 г. мы видим любопытное издание Номоканона, где перед нами, во-первых, новый типограф, Тарасий Земка, печатавший в Киеве и далее, в 30-х годах, а во-вторых, едва ли не впервые указатель — „сочисленіе по буквару вещей, въ сей книжици обрѣтаемыхъ“. В том же году были напечатаны на средства Константина Богдановича Далмата новый перевод Сочинений Иоанна Златоуста типографами Стефаном Берындой и Андреем Наумовичем и Псалтырь; в обеих книгах — гравюры; особенно много их в первой, при чем восходят они к немецким оригиналам XVI в., искажая их до типа лубка; иногда же заимствуют даже из рисунков Рафаэля (л. 114), конечно, в передаче через многие реплики. Некоторые гравюры имеют монограммы *ТП* и *Т Т;* вторая существует и при одной гравюре, встречающейся еще в Рахмановском Евангелии 1619 г. Гравюры той же монограммы встречаются и в позднейших киевских изданиях. Однако издание Акафиста 1625 г. имеет гравюры

в стиле древне-русской иконописи, но крайне плохой работы, с монограммой *Е К.*

Типограф Тимофей Александрович (Вербицкий), печатавший вместе с Берындой и Тимофеем Петровичем Иоанна Златоуста в 1623 г., в 1625 и 1626 г.г., повидимому, заводит свою типографию (на Подоле?) и выпускает одно за другим два издания Часослова, при чем скромно называет себя худейшим в художестве типографском. На самом деле издания исполнены необыкновенно чистым крупным шрифтом, напоминающим московский начала XVII в.; инициалы его подобны ранним балабановским, а некоторые заставки восходят к Ивану Федорову.

В то же время киевская Лаврская типография выпускала и отдельные листовки. Так, в 1626 г. на 8 страницах в четвертку была отпечатана „Повесть о дьяволе", при чем Памва Берында скрыл свое имя в иносказании. Кроме того, в 1625—1627 г.г. было издано несколько листков с картинками, среди которых изображен св. Памва, соименный типографу этих листков. В 1627 г. Памва Берында выпустил одно из замечательнейших своих изданий не столько по внешности, сколько по содержанию, именно — Лексикон русский. В качестве узорчиков вверху страницы употреблены мотивы из Рахмановского Евангелия 1619 г., отпечатаны гербы Дмитрия и Даниила Балабанов, помещены стихи Тарасия Земки, который и позднее принимал участие в книгопечатании, а сам Берында назван архитипографом. В 1627 г. Берында печатает Триодь, в лист, в которой помещает около 100 гравюр и заглавный лист с 14 гравюрами на нем. Одна гравюра имеет монограмму *Л Т;* несколько других и заглавный лист — *Л М.* Это — лучший киевский гравер, мелкие гравюры которого, весьма изящного и правильного рисунка, очень удачно примиряют графику русского стиля с пространственным пониманием живописных форм западного искусства; создается особый стиль, который нисколько не превращается в лубок; пожалуй, — единственный пример в киевольвовской гравюре. Что перед гравером были иностранные рисунки, несомненно, но что перед нами в его творениях русский стиль, тоже несомненно. Есть предположение, что *Л М* значит Леонтий монах и что под этими инициалами скрывается Леонтий Земка, участие которого в книгопечатании было и позднее; так, в книге Номоканон, 1629 г., является Тарасий Земка, но с добавлением буквы *Л;* можно думать, что это тот типограф, которого мы видели впервые в Номоканоне 1624 г.

и который имел второе (монашеское) имя — Леонтий. Следовательно, монограммы *Л М* и *Л Т* принадлежат одному мастеру, что стилю гравюр не противоречит. Кажется, тот же

Триодь 1627 г.

Леонтий Земка Тарасий, вместе с Берындой, печатал в 1628 г. сочинение Аввы Дорофея.

В 1628 г. в Киеве появляется новый типограф — Спиридон Соболь, устроивший типографию во дворе киевского митро-

полита Иова Борецкого, отпечатавший сборник Лимонарь и Минею.

Из изданий 1629 г. отметим два издания Берынды, Лейтургиарион (Служебник) и Акафист, и издания Октоиха, Спиридона Соболя. В первой книге мы находим заглавный лист, резанный монограммистом *Г*, и около десятка гравюр мастера *Л Т* и *Л М*, а во второй — около сотни, из них некоторые с монограммой *Л М*, частью уже бывшие в Триоди 1627 г., также с монограммами *Л Т*, *П Б*, *Т П*; на обороте же заглавия, по сторонам герба Петра Могилы, поставлены буквы *ПМВМАКЛП*, что, несомненно, обозначает: Петр Могила воеводич Молдавский архимандрит Киевской Лавры Печерской; таковой титул встречается в разных киевских изданиях, а означенные инициалы обычно сопровождают герб Петра Могилы. Нет сомнения, что монограмма *П Б* обозначает Памву Берынду, а *Т П*, вероятно, Тимофея Петровича (см. выше); иначе говоря, мы встречаемся с случаем, когда типографы оказывались и граверами (ср. московского печатника Андроника Невежу). После Триоди 1627 г. Акафист 1629 г. является наиболее художественным киевским изданием. В предисловии к Служебнику говорится о преимуществе типографов против переписчиков, „только чернилами мажущих, а ума не имеющих“. Октоих Спиридона Соболя при хорошем шрифте, напоминающем московский XVI в., имеет весьма посредственные орнаменты, неумело подражающие западным (итальянским). Вообще, типография Соболя не была связана с лаврской, и в указанном Октоихе встречается гравюра с монограммой *К Д*, единственно известная из данного издания.

В 1630 г. последний раз, в издании Имнология, упомянут Памва Берында с присовокуплением эпитетов—„типокараводец, всего типу правитель“; рядом с ним стоит уже известный нам Тарасий (Леонтий) Земка. Таким образом Берында проработал в типографиях сперва Львова, а потом Киева полтора десятка лет; возможно, что он работал и в ранних балабановских типографиях. В Киеве он занимал значительный пост, что явствует из различных его титулов. Надо думать, что в 30-х годах он был уже стар и, вероятно, уже отошел от дел, если только не скончался. В эпоху Берынды начали в Киеве делать и бумагу.

К 1630 году относится также последнее издание типографии Соболя, Апостол, изданный на средства Богдана Статкевича, с его гербом.

Всего три года проработал Соболь в Киеве, но, повидимому, не мог тягаться с лаврской типографией, а потому он покидает Киев, ища счастья в других местах. Покинем на время Киев и мы, чтобы посмотреть, что̀ удалось сделать Спиридону Соболю на стороне. Он отправляется в Кутеинский монастырь (Могилевской губернии), захватив с собой свою типографию, и в 1630—1631 г.г. отпечатывает „Брашно Духовное“ (Псалтырь) шрифтом и с заставками своего киевского Апостола 1630 г.; в 1631 г. Соболь издает Часослов, в 1632 г. — Псалтырь и Новый Завет, в одной книге, и снова Часослов — в другой. Опять мы видим прежний его киевский шрифт, заставки, идущие от Ивана Федорова, и инициалы, подобные ранним балабановским. Но Соболь покинул и Кутеинский монастырь, перебравшись неподалеку от Могилева в Буйнический монастырь, где в имении Статкевича, своего еще киевского издателя, Соболь основывает, судя по его словам, новую типографию и печатает в 1635 г. Псалтырь; в 1636 г. в самом Могилеве Соболь печатает Букварь, в 1637 г. там же—Псалтырь, а в 1638 г.—Тестамент. Тут же заметим, что сохранилось известие, будто бы еще в 1616 и 1619 г.г. в Могилеве было напечатано по книге; однако на твердую почву книгопечатание в этом городе было поставлено только Соболем. В конце XVII в. и начале XVIII в. в Могилеве были хорошие типографы и граверы, издававшие книги в Братской типографии: Василий Вощанка, гравер по дереву, среди своих гравюр оставивший недурное изображение города Могилева в издании Житий Святых 1702 г., и Максим Вощанка, гравер по меди, изображавший и исторические сюжеты (в книге Канонов); стиль этих гравюр вполне западный.

Печатание в Кутеинском монастыре продолжалось некоторое время; так, в 1637 г. была издана Дидаскалия новым шрифтом и с новыми украшениями, обнаруживающими влияние немецкого, еще несколько готического орнамента; издание это хуже соболевского. В том же году издано житие Варлаама и Иоасафа с гравюрой. В 1639 г. монахи пытались перепечатать соболевское „Брашно Духовное“ 1630—1631 г.г., однако не закончили дела; издавали кутеинские монахи и в 40-х и в начале 50-х годов; в 1653 г. переиздали даже Лексикон Берынды. Но в 1655 г. им вследствие войны пришлось бежать в область Великого Новгорода, где они и основались со своей типографией в Иверском Валдайском монастыре близ Старой Руссы. Так книгопечатное дело Киева докатилось до северных русских областей.

Иверские издания повторяют недостатки кутеинских или же подражают могилевским. Так очень грубо и по шрифту (кутеинскому) и по заставкам издание 1658 г. „Рай мысленный", в котором одна фигурная гравюра принадлежит Паисию, быть может, тому, который в 70-х годах стал знаменщиком в московской типографии. Так, следовательно, отпрыск киевского книжного искусства связался с Москвой. В Псалтыри („Брашно Духовное") 1661 г. иверские, бывшие кутеинские, монахи попробовали подражать своему лучшему образцу, Спиридону Соболю, но сделали, конечно, хуже как в наборе, так и украшениях.

После этого краткого экскурса об ответвлении деятельности Соболя, вернемся опять к киевскому книгопечатанию.

Прежние сотрудники Берынды продолжали работать в лаврской типографии. Так, в повторном издании Триоди 1631 г. в качестве корректора указан Тарасий (Леонтий) Земка; в книге — с полсотни гравюр, некоторые с монограммами *Л Т, Т П, В, К Z*. В 1632 г. издан Евхаристерион—собрание стихотворений учеников киевской гимназии, учрежденной Петром Могилой, поднесенное ими учредителю. Издание в четвертку на 18 листах имеет изображение Могилы во весь рост, а также Муция Сцеволы и другие аллегорические изображения. Другой стихотворный сборник, Евфония 1633 г., напечатанный на 5 листах в четвертку, был поднесен тому же Могиле самими лаврскими типографами; в заставке второго листа употреблены мотивы еще рахмановских изданий. С 1633 г. в киевской типографии появляется польский шрифт.

Некоторые из сотрудников Берынды, повидимому, мечтали о самостоятельной роли и уходили из Киева. Уже встретившийся нам Тимофей Александрович Вербицкий в 1635 г. оказывается в Валахии, в городе Долгополье, где он на средства воеводы Матфея Басарабы основывает типографию и печатает Требник. Долгопольская типография выпускала издания еще в 1650 г. Так деятельность киевской лаврской типографии имела влияние от области новгородской до земель румынских.

Любовь Киева к иллюстрированным изданиям продолжалась; отметим в 1636 г. Анфологион с более чем полсотней картинок, в 1637 г.— Евангелие Учительное с таким же количеством, в 1639 г.— Служебник, в 1640 г.—Триодь, ту же книгу в 1646 г. и Евхологион (Требник) того же года, имеющие около 20 гравюр (в каждой книге), Триодь 1648 г., Патерик

1661 г., „Меч Духовный“ 1666 г., Акафист 1674 г., Венец Христов 1688 г. Среди всех этих изданий мы находим все чаще и чаще повторение старых гравюрных досок; можно сказать, что со второй половины XVII в., как раз когда Киев соединился с Москвой, где книга становилась все роскошнее и роскошнее, киевская лаврская типография приходит постепенно в упадок и становится провинциальной. Довольно плодовитый мастер *А К*, поместивший свои гравюры в Акафист 1674 г. и другие издания, является грубым и неряшливым рисовальщиком. С другой стороны, и набор текста, шрифт, вся внешность издания далеко не блещут, хотя типография располагает теперь не только кирилловским, но и латинским шрифтом, как это мы видим из издания „Столп Цнот“ (панегирик в память митрополита Сильвестра Коссова) 1638 г., где встречаются старые рахмановские орнаменты и подобный же шрифт. Гравюры в книгах все более и более подпадают под западное влияние, особенно голландского барокко, в сущности являясь пародией по своей неумелости. Вместе с тем являются попытки дать изображения своей русской действительности в иллюстрации таинств (см. Евхологион 1646 г.).

От средины XVII в. надо указать двух граверов, обильно снабжавших своими произведениями как киевские, так и львовские книги. Монах Илия между 1645 и 1649 г.г. награвировал 133 листа для Библии, руководствуясь гравюрами голландской библии Пискатора и другими; вообще же, он работал с 1636 г. по 1656 г.; некоторые его произведения попали в книгу значительно позднее исполнения, таковы гравюры Киевопечерских Патериков 1661 г. и 1678 г., „Меча Духовного“ 1666 г. и др. Мастер неравного достоинства, он в некоторых гравюрах очень недурен, особенно в „Мече Духовном“ и Патерике. Разница исполнения, может быть, зависит от резчиков, так как, подобно западным, киевские граверы обычно не сами резали свои произведения. В своем стиле Илья исходит от мастера *Л М*, вводя еще более западных элементов.

Другой гравер — диакон, потом иерей, Прокопий, исполнивший в 1646—1662 г.г. гравюры к Апокалипсису на 24 листах, грубоватой работы, с Виттембергской Библии 1541 г. Элементов русского стиля в этих гравюрах почти вовсе нет. Влияние немецкого искусства еще первой половины XVI в. крайне показательно; гравюры Прокопия употреблялись в московских изданиях славянской печати даже в XVIII в.

Возрождается в Киеве книга и ее иллюстрация лишь в конце XVII в.—начале XVIII в., когда там работал гравер по меди Тарасевич, гравировавший также и в Москве и учившийся в Аугсбурге. Но киевская книга этого времени — уже типично петровская книга. После пожара 1718 г. киевская лаврская типография уже никогда не могла достигнуть высокого качества работы.

В юго-западной Руси можно указать еще три типографии в XVII в.

В 1646 г. была основана типография в Чернигове, в Елецком монастыре, повидимому, на средства кн. Корецкого; она подражает киевской типографии, употребляя иногда даже ее орнаментику; в распоряжении типографии был как кирилловский, так и готический шрифт (см. издание стихотворного сочинения Лазаря Барановича „Царица неба и земли“ 1683 г.). Иногда мы видим подражание старым московским и даже скорининским изданиям (см. Триодь 1685 г.); мастер, плохо награвировавший в этом издании Распятие, выставил свое имя: П. Рахманов. Типография эта продолжала существовать и в XVIII в.

В 70-х годах образовалась типография в Новгороде-Северском, явно зависимая от Киева. Лучшая книга — Анфологион 1678 г., с барочными заставками в виде картушей; много гравюр разных мастеров дают отдельные фигурки, сцены и даже вид новгород-северского собора. После пожара 1679 г. типография была переведена в Чернигов.

Повидимому, от Вильны получила свое начало супрасльская типография (Гродненской губернии) второй половины XVII в. (см. Страсти Христовы 1689 г.).

Перейдем теперь к типографии московской, к концу века, как мы говорили выше, завершившей собою все древнерусское книгопечатание и явившейся главным его центром.

Мы видели, что после революции Смутного времени начали тотчас же заботиться о возобновлении типографии, и в 1615 г. псковитин Аникита Федорович Фофанов, уже печатавший в Москве в начале века, выпускает Псалтырь в четвертку на 410 листах, с гравюрой Давида. Издание исполнено с послесловием, в характере старых московских, подражая рукописям, а не западным книгам, чем долго московская типография отличается от киевской. Вероятно, тем же Фофановым напечатано еще несколько богослужебных книг в 1615—1617 г.г. В 1618 г. мы видим, что вместе с Фофановым

принимает участие в печатании Октоиха Петруша Васильев Федыгин. В том же году появляется третий типограф, Иосиф Кириллов из „Повольского города Плеса", отпечатавший Минею, несомненно, на другом станке, нежели Фофанов. Через год, в 1619 г., четвертый типограф, „софийский поп" Никон, печатает Псалтырь с гравюрным изображением Давида. Опять мы видим, что Москва с севера продолжает вызывать опытных мастеров (Фофанов—псковичь, Никон—новгородец). Кроме перечисленных книг, в это время было напечатано и несколько других того же характера.

Помимо упомянутых лиц, в типографии, до 1620 г. помещавшейся в Кремле, служили и другие рабочие, группировавшиеся вокруг мастера. На типографском же дворе отливался и шрифт из олова при помощи медных матриц по стальным пунсонам. Граверы же резали по рисункам знаменщиков на грушевых досках. Фофанов печатал своим, „никитинским", шрифтом, подражавшим первопечатному; этим шрифтом, а также с заставками и инициалами в характере Апостола 1564 г., Фофанов напечатал в 1621 г. новое издание Апостола. Осип Кириллов печатал своим, „кирилловским", шрифтом, более близким к киевскому и употреблявшимся реже; в заставках и инициалах Кириллов также подражал первопечатникам.

В 1621 г. впервые начинает печатать „резец и наводник" Кондратий Иванов, служивший на печатном дворе еще с 1614 г. Он изготовил третий шрифт по образцу прежних изданий Радишевского; этот шрифт получил название „большого евангельского". В 80-х годах черниговский монах Арсений отливает на московском печатном дворе еще один шрифт. Книги обычно переплетались в дубовые доски и получали полный вид привычных взгляду рукописей.

Иванов, Кириллов и Никон продолжали печатать вместе в течение 20-х годов XVII в. Среди этих изданий особенно эффектно Евангелие 1627 г. с гравюрами евангелистов, исполненными иконописно в барочных немецких рамках, но стилизованными в характере русского искусства, согласно традиции, идущей от Ивана Федорова. Позднее эти изображения нередко повторяли в московских изданиях, а иногда их вклеивали даже в анонимные Евангелия, напечатанные до Ивана Федорова.

К 1629 г. относится первая, известная нам, забастовка типографов вследствие попытки управляющего московской

типографией, Телепнева, перейти на сдельную оплату работы; в результате пришлось вернуться к системе оплаты жалованья по ведомостям.

Евангелие 1627 г.

В 1631 г. в Москве учредилась „друкарня нового заводу", т.-е., вероятно, новый станок все в той же типографии. Тогда же появляется один из наиболее крупных типографов Москвы,

Василий Федорович Бурцев-Протопопов, носивший титул „подьячего азбучного дела". Он заведывал двумя станками и сам набирал себе рабочих. Имя его связано с целым рядом изданий 30-х и 40-х годов; очевидно, любитель книги и просвещения, он неоднократно ссужал печатный двор оригиналами для печатания. В 1634 г. Бурцев печатает азбуку, в 12 долю, на 90 листах, при чем в послесловии говорит о ее значении, о деятельности первоучителя славян Кирилла и о значении книгопечатания для обучения. Во втором издании 1637 г. прибавлена гравюрка (довольно плохая), изображающая училище. Это первая попытка создать нечто в духе киевских иллюстрированных изданий и вместе с тем первая светская гравюра в Москве. Далее Москве оставалось лишь бросить свой тип книги, похожей на рукопись, и перейти к западно-европейскому типу, что она исполнила в полной мере лишь к концу XVII в. Но ввоз книг из Киева уже происходил.

В 1639 г. Бурцев издает очень маленькую книжку, в 24 долю, на 136 листах, — „Святцы", с пасхалиею и лунным течением, т.-е. календарь.

К 1647 г. относится первая в полном смысле иллюстрированная (гравюрами на меди) московская книга, именно— „Учение и хитрость ратного строения пехотных людей", напечатанная для своего времени чрезвычайно быстро, с 1 июня по 26 августа. Очевидно, это было ударное военное задание; оно, форматом в лист, имеет 24 листа, из которых один заглавный, и 35 таблиц. Книга представляет перевод немецкого сочинения по изданию 1630 г., доски этого издания отпечатаны в нашем, при чем тиснение производилось в Амстердаме голландским мастером. Заглавный же лист, отпечатанный также в Голландии, нарисован в Москве „Посольского приказу золотописцем" Григорием Благушиным; голландский мастер прибавил сюда лишь небольшую картинку в картуши внизу. Таким образом Москва, скромно употребляя ксилографию крупных размеров и выработанного с XVI в. благородного стиля, за сложной иллюстрацией обратилась прямо к гравюре на меди и к Западу, избегая киевского лубка.

В 1648 г. в Москве была перепечатана грамматика Мелетия Смотрицкого. В 1649 г. были выпущены два издания Уложения Алексея Михайловича, в лист, на 338 листах, с заставками в стиле первопечатников.

Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647 г.

С пятидесятых годов, после присоединения Малороссии, в Москве были возобновлены (после XVI в.) попытки делать бумагу, в чем принимал участие сын Бурцева, а также московская типография начала испытывать киевское влияние, сказавшееся в появлении нового шрифта, более убористого, но менее каллиграфичного, и в стремлении к иллюстрации. Так, в Евхологионе 1658 г. резец и знаменщик московской типографии, Захария Лукин, помещает пять гравюр, изображающих таинства (ср. Киевский Требник 1646 г.). Захарии же принадлежит титульный лист Библии 1661 г. Старец Зосима резал замечательный, хотя и грубоватый титул Библии 1663 г., где, среди барочных обрамлений с картушами в голландском стиле, мы находим сцены из священного писания в характере современной „фряжской" иконописи, а также двуглавый орел посреди и план Москвы под ним. В этом плане Кремль и Земляной город исполнены в виде домиков, а Белый город — проекционно, т.-е. согласно новому пониманию плановых чертежей. В тексте помещено несколько мелких гравюр в киевском стиле. Инициалы Библии исполнены в характере первопечатников, а в заставках опять господствует барочный голландский стиль. Шрифт этой Библии существовал до нового времени. С 1679 г. при Печатном дворе была заведена типографская школа.

Особенной пышностью орнамента того же стиля отличается издание стихотворной Псалтыри Симеона Полоцкого, напечатанной в 1680 г. в специальной дворцовой типографии. Совершенно в том же стиле и едва ли не голландскими мастерами орнаменты исполнялись иногда от руки как в рукописях, так и в печатных книгах. Таково, например, роскошное Евангелие, отпечатанное в 1689 г., в большой лист, сплошь обрамленное орнаментами, украшенное миниатюрами и в 1693 г. положенное в Москве в Успенский собор царицей Наталией Кирилловной. Хранившееся в Патриаршей Ризнице и подвергшееся разорению от грабителей в недавнее время, это замечательное издание находится ныне в Оружейной Палате.

В 1685 г. или в скором времени спустя в Москве было издано первое драматическое произведение, именно „Комедия притчи о блудном сыне", в сопровождении очень грубых гравюр на меди, исполненных по голландским образцам. Среди награвированных надписей попадаются буквы почти в характере гражданской азбуки. То же мы видим на некоторых

гравированных листах (не в типографских книгах) мастеров-серебрянников второй половины XVII в. (напр., в иллюстрированном листе „Повести о бесе“). Любопытно, что такой значительный гравер, как живописец Симон Ушаков, работ для книг, повидимому, не исполнял.

В 1692 г. впервые был напечатан знаменитый букварь Кариона Истомина, украшенный гравюрами Леонтия Бунина, на 43 листах; гравюры на меди, частью заимствованные с Запада, а частью сочиненные Истоминым, представляют предметы, названия которых начинаются с соответственной буквы букваря. Он предназначался для обучения царевича Алексея Петровича. С гравюрами Бунина было сделано и еще несколько изданий конца XVII в. и начала XVIII в., выпущенных славянским шрифтом и религиозного содержания.

В 1696 г. вышло издание книги Бытия и Апокалипсиса, с ксилографиями Василия Кореня, гравировавшего по рисункам Григория. При этой сложной передаче великолепные образцы немецкого искусства (некоторые — Дюрера) сильно огрубели. Характерно, что в конце XVII в., когда в Москве уже давно увлекались голландским барокко, Григорий и Корень обратились к немцам XV — XVI в.в.; получившиеся русские гравюры, хотя и плохи, но ближе к русскому граверному и графическому (в миниатюре) стилю XVI в., чем другие современные им издания.

В 1701 г. заведующий московской типографией, Федор Поликарпов, печатает букварь с гравюрами на дереве, иллюстрирующими жестокую русскую педагогику того времени; в 1704 г. он же печатает славяно-греко-латинский лексикон, а в 1703 г. еще славянским шрифтом была печатана арифметика.

Однако в это же время выходили такие издания, которые уже никак не укладываются в историю древне-русского книгопечатания. Дни самого славянского шрифта были сочтены, и скоро он остался лишь для духовных книг, которые пошли в хвосте развития нового русского книгопечатания. Ко второй половине XVII в. относится любопытный труд неизвестного автора: „Оглавления книг, кто их сложил“,— заключительный аккорд книжного дела в древней Руси.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ИСТОРИИ РУССКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В XVI и XVII В.В.

Акт в Археологич. Институте в Петрограде. (Историч. Вестник за 1895, № 7.) Речь акад. А. И. Соболевского.

Арсеньев. О любекском типографщике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. (Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1909, IV.)

Белокуров. Московский печатный двор в 1649 г. (Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1887, кн. 4.)

Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М. 1899.

Божерянов. Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПБ. 1895.

Булгаков. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПБ. 1889.

Викторов. Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного Апостола 1564 г.? (Труды III Археол. Съезда. Киев 1878, т. II.)

Владимиров. Начало славянского и русского книгопечатания. Киев 1894.

Владимиров. Франциск Скорина. СПБ. 1888.

Гатцук. Очерк истории книгопечатного дела в России. (Русск. Вестник за 1872 г., май.)

Голубинский. К вопросу о начале книгопечатания в Москве. (Богослов. Вестн. за 1895 г. № 2.)

Дамаскин еп. (Семенов-Руднев). Библиотека Российская, или сведения о всех книгах, в России с начала типографии на свет вышедших (рукопись б. Моск. Дух. Ак., № 112.)

Dupont. Histoire de l'Imprimerie. Paris 1854.

Искусство и печатное дело. Киев.

Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПБ. 1883.

Кирпичников. Очерк истории книги. СПБ. 1889.

Коллин. Находка в С.-Петерб. рим.-катол. Дух. Академии. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1912 г., декабрь.)

Леонид. Евангелие, напечатанное в Москве в 1564—1668 гг. (Памятники древн. письменности. СПБ. 1883.)

Леонид. Рецензия на соч. Каратаева — „Описание слав.-русск. книг". (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1884 г., май.)

Либрович. История книги в России. П. 1914.

Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. (Зап. Русск. Археол. Общ. 1892, V, вып. 3 и 4.)

Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПБ. 1899.

Nekrassoff. Xylographische Ornamentik der ersten Druckerei in Moskau. Leipzig 1924.

Некрасов. Очерки декоративного искусства древней Руси. М. 1924.

Николаевский. Московский печатный двор. (Христиан. Чтение. 1890—1891.)

Образцы славяно-русского книгопечатания. СПБ. 1891.

Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. СПБ. 1862.

Погодин. Иван Федоров, первый московский книгопечатник. (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1870 г., апрель.)

Покровский. Печатный московский двор в первой половине XVII в. М. 1913.

Пташицкий и Соболевский. Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Ч. I—II. СПБ. 1895.

Recueil de relations et de memoires concernant a géographie et l'histoire de la Russie avant 1700, I. Don Juan de Perse et Raphaël Barberini.

Ровинский. Материалы для истории русской иконографии. СПБ. 1890.

Ровинский. Подробный словарь русских граверов. СПБ. 1895.

Ровинский. Русские народные картинки. Т. V. СПБ.

Румянцев. Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М. 1872.

Русская Старина за 1883 г., кн. III. (Статья Пташицкого.)

Сборник снимков с славянорусских старопечатных изданий. СПБ. 1895.

Снегирев. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве. (Русск. Историч. Сборн., изд. Общ. Ист. и Древн. Росс. Т. IV, кн. 1, М. 1840.)

Соболевский. Первая славяно-русская палеографическая выставка. (Вестн. истории и археол., вып. XIII. СПБ. 1900.)

Соболевский. Рецензия соч. Белокурова—„О библиотеке московских государей". (Вестник истории и археологии, вып. XIII. СПБ., 1900.)

Стасов. Сочинения. Т. I—III.

Строев. Описание старопеч. книг, славян. и российских, собр. Толстого. (С атласом.) М. 1829.

Строев. Описание старопеч. книг, славян. и российских, собр. Царского. (С атласом.)

Строев. Словарь библиологический.

Tiberghien. Quel est le second livre imprimé à Moscou? (Revue de l'Université de Bruxelles, 1903, Mars.)

Tiberghien. Quelques mots sur les commencements de la typographie russe. La seconde impression moscovite: 1564 — 1565. (Revue des bibliothèques et archives de Belgique, 1903, I.)

Токмаков. Хронологический каталог славяно-русских книг церковной печати с 1517 по 1821 г.

Флетчер. О Государстве Русском. М. 1905.

Щелкунов. Искусство книгопечатания в его историческом развитии. М. 1923.

В. Я. АДАРЮКОВ

КНИГА ГРАЖДАНСКОЙ ПЕЧАТИ В XVIII ВЕКЕ

Глава первая.

КНИГА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА.

До Петра Великого все средства к просвещению у нас сосредоточены были в руках духовенства, отличавшегося непримиримой ненавистью ко всему иностранному и усвоившего взгляд на знание, как на еретичество, как на нечто несовместимое с православием. Наша церковь, дорожившая больше обрядовой стороною, чем духом и сущностью религии, целым рядом безусловных запрещений стесняла всякое проявление свободного творчества, при чем на произведения светской литературы — былины, сказки и песни — прочно установила взгляд, как на бесовскую потеху, осуждаемую наравне со срамословием, пьянством и клятвопреступлением. При таких условиях естественно, что до-петровская книга была исключительно духовной; книг светского содержания, изданных до Петра Великого, было весьма ограниченное количество. Несколько лучше стояло дело просвещения на Украине, с основанием в Киеве Петром Могилою Духовной Академии, питомцы которой сыграли крупную роль в просветительных реформах Петра Великого.

Источниками просвещения в России являлись: киевская школа, на которой заметно сказывалось влияние Польши, московская славяно-греко-латинская школа и влияние европейского просвещения, просачивавшегося из Голландии, Германии, отчасти Англии, Франции и даже Италии. Цель и задача Петра Великого состояли в желании практически применить на русской почве те начала, которые были выработаны современной наукой в иностранных и преимущественно протестантских государствах, и в основном своем стремлении план Петра сводился к стремлению сравнять русский народ с великими народами Европы и политически и умственно. Для проведения в жизнь этого плана у него не было подготовленной почвы и мало подходящих людей, все надо было начинать с азбуки, с усвоения самых элементарных познаний, и преобразование, по необходимости, становилось разбросанным и поспешным. Несмотря на то, что киевские ученые, за исключением Феофана Прокоповича, были мало способны к этому прежде

всего уже по складу своего образования, все-таки в начале XVIII столетия в деле народного просвещения они явились главными деятелями. Бывшие питомцы Киевской Академии были прежде всего переводчиками с древних языков, а также авторами трактатов, театральных пьес, стихов на прославление реформ и побед Петра Великого.

В этом направлении значительно меньше трудов тех русских, которые учились по приказу Петра за границей. Эти лица явились преимущественно переводчиками разных сочинений, касавшихся исключительно мореходства, математики и языкознания, и ни один из них не известен как автор самостоятельного труда в области науки. Только в одном 1697 году Петром было отправлено из комнатных стольников в Италию 28, в Англию и Голландию — 22. Эта первая посылка русских была сделана Петром исключительно в видах познания мореходства: „дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи", сказано в предисловии к Морскому Регламенту: „умыслилъ государь искусство дѣла того ввести въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иные государства учитися архитектурѣ и управленія корабельнаго". Хотя из всей этой плеяды побывавших за границей лиц не вышло ни одного настоящего моряка или кораблестроителя, но большинство из них стали более или менее опытными и сознательными исполнителями планов Петра. Это путешествие вышло для них общеобразовательным, познакомило их с общим складом европейской жизни и пробудило первую любознательность.

Единственными самостоятельными трудами этих русских, побывавших за границей, являются записки, дневники и письма. Из их числа известны: Василия Васильевича Головина— „Записка бедной и суетной жизни человеческой" (1), затем письмо кн. Михаила Голицына (2), „Записки Ив. Ив. Неплюева" (3), „Записки стольника Петра Андреевича Толстого" (4), гр. Бориса Петровича Шереметева, посетившего в 1697—1699 гг. Польшу, Австрию, Италию и Мальту (5), Записки неизвестного, бывшего в 1697—1698 гг. в Голландии, Германии и Италии (6); дневник этот встречался во многих рукописных сборниках и считался за дневник самого царя. Дневник другого неизвестного 1714—1717 гг., разъезжавшего с братом и учителем по Голландии, Испании, Италии и Франции (7), и наконец, графа Матвеева, от которого дошел статейный список его по-

сольства во Францию в 1705 г. ([8]). Наиболее любопытными из этих записок являются „Записки П. А. Толстого", добровольно вызвавшегося на эту поездку, несмотря на то, что в это время он был человеком уже не первой молодости, имел жену и детей. Авторы этих записок и дневников не интересовались совершенно политической жизнью в иностранных государствах; они не были также в состоянии оценивать памятники художественных произведений и все внимание свое сосредоточили исключительно на внешности городов, селений, монастырей, церквей и различных памятников; описывая последние, они ни одним словом не касаются событий, вызвавших постановку этих памятников. Авторы эти были отчасти виновниками того сильного изменения в русском как письменном, так и разговорном языке, которое произошло во время Петра с введением в него многих иностранных слов. Встречая множество невиданных раньше вещей европейской науки, искусства, быта и нравов, они вынуждены были брать прямо иностранные названия и совершенно к ним привыкли. Те, которым приходилось оставаться за границей долго, писали совершенно макароническим языком, как, например, кн. Борис Куракин. В конце концов это было временное брожение, крайности которого сгладились уже у первых даровитых писателей, как, например, у Ломоносова.

Увлекаясь всем голландским, Петр Великий не мог, конечно, не обратить внимание на голландское типографское искусство, доведенное целым рядом талантливых и образованных издателей-типографщиков, как Плантен, Блэй, Эльзевир и подражателями их: Франсуа Фрипенс, Эжень Анри Фрикс и Ван-дер-Аа — до высокой степени совершенства.

К сожалению, Петр не обратился в данном случае к специалистам-типографщикам, а дал дозволение печатать русские книги в Голландии и продавать их в России голландским знакомым купцам: Елизару Избранту, совершенно не воспользовавшемуся данной ему привилегией и ничего не издавшему, а затем Яну Тессингу, которого Петр знал по Москве, где он, как равно и его братья, Эгберт и Фридрих, имели торговые дела, при чем последний жил в Вологде, где торговал пенькой. Некоторые из наших исследователей по истории книгопечатания в России указывают, что инициатива в получении привилегии на печатание русских книг исходила от самого Тессинга; на самом же деле несомненно, что это было навя-

зано Тессингу Петром, причем это дело для него было совершенно незнакомое. Автор классического труда „Наука и литература в России при Петре Великом“ П. Пекарский ([9]) определенно указывает, что Тессинг завел типографию по желанию царя. Современники Тессинга совершенно отрицательно смотрели на эту затею; так, Спарфенфельд 10 апреля 1700 года писал: „Я узнал о намерении Тессинга действовать по силе преимущества и привилегии, данных ему царем; но он еще ничего не сделал, да и не думаю я, чтобы он что-нибудь сделал, — разве захочет человек более ученый вмешаться в это дело и сделаться товарищем по предприятию, что очень бы хотелось Тессингу; но трудно ему будет сыскать такого человека. Притом же москвитяне, как и вам это известно, нисколько тем не интересуются; они все делают по принуждению и в угоду царю, а умри он — прощай наука“. Так же отрицательно смотрел и другой современник — Петцольд, писавший 9 апреля того же года: „У Тессинга привилегия на 15 лет, но он очень мало сделал, да и нет у него к тому способностей“ ([10]). У одного из Тессингов, потомков Яна, сохранилась, по указанию Пекарского ([11]), подлинная грамата, пожалованная Петром Яну Тессингу; она напечатана на пергаменте, по краям каймы, разрисованные золотом, серебром и яркими красками; наверху русский герб с 25 другими гербами областей, подвластных царю; государственная печать привешена на золотом шнуре, и вся грамата оболочена в шелковую ткань и красное сукно. Грамата датирована 1700 годом. Полностью она напечатана в Полном Собрании Законов ([12]) и на голландском языке в книге Берга ([13]). В других трудах, как например, митрополита Евгения ([14]), Сопикова ([15]), Булгакова ([16]) и Пекарского, она напечатана, к сожалению, не полностью.

В силу этой граматы, данной Тессингу „за учиненные имъ великому посольству (русскому) службы“, Тессинг должен был завести типографию и печатать в ней „земныя и морскія картины, и чертежи, и листы, и персоны, и математическія и архитектурныя, и градостроительныя, и всякія ратныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и латинскомъ языкахъ по особну, отъ чего русскіе подданные много службы и прибытка могли получить и обучитися во всякихъ художествахъ и вѣденіяхъ“. Для книг церковных сделано исключение, так как „книги церковныя,

славянскія и греческія, со исправленіемъ православнаго устава, восточныя церкви, печатаются въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ".

Напечатанные Тессингом книги и чертежи дозволялось привозить в Архангельск, а также и в другие города „повольною торговлею, съ платежомъ указанныхъ пошлинъ, на уреченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ". В Архангельске пошлины с книг должны были взиматься с продажной цены по 8 денег с рубля, в других же городах пошлин не полагалось. В Москве с привозимыми из Архангельска книгами надо было являться в государственный посольский приказ, после чего они продавались уже свободно. Если бы явились продавцы книг из других типографий вне России, то таковые книги подлежали конфискации, а на продавцов налагалась пеня в 3.000 ефимков, из которых третья часть шла в пользу Тессинга. Для отличия своих изданий Тессинг обязан был прилагать на книгах свой штемпель и подпись, и мы видим на его изданиях красивую монограмму, которая является у нас первой издательской и вместе с тем типографской маркой.

Петр точно определил тот дух и направление, в котором должны были издаваться Тессингом книги. В грамате это направление указано в следующих выражениях: „Показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству службу свою и прилежное радѣніе, чтобы тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему россійскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко обученію всякихъ художествъ и вѣденію, а пониженія бы нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было". Таким образом Петр требовал от книги, чтобы она служила орудием для прославления царствования, прославления его самого и возвеличения России. И мы видим, что во все его царствование все духовные и светские писатели были призваны им для воплощения и популяризации этих идей.

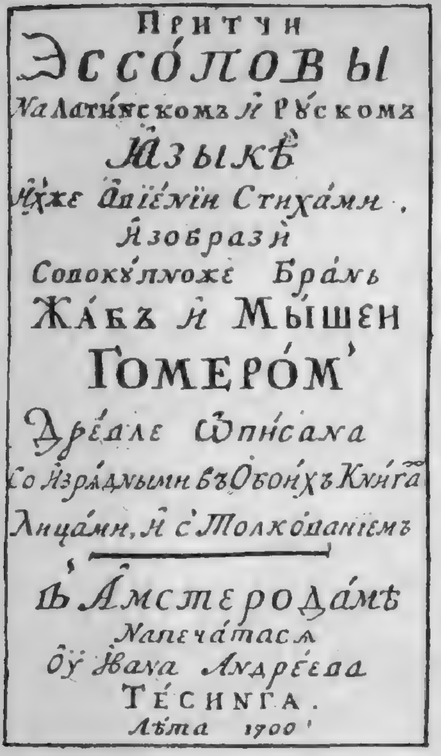
Тессингу, не-специалисту в типографском деле, и, повидимому, человеку мало образованному, удалось найти именно такого человека, который был ему необходим, именно польского выходца, жившего в Амстердаме, Илию Федоровича

Копиевича или Копиевского (он сам писал свою фамилию то Kopiewcki, то Kopiewiz) человека сравнительно хорошо образованного, знакомого с типографским делом и, что самое главное, владевшего славяно-русским языком. Этим знанием воспользовался и Петр, и нашел для него занятие — давать уроки русским, жившим в Амстердаме.

Очевидно, Тессинг энергично взялся за дело, ибо в 1699 году им была издана первая русская книга: „Введеніе краткое во всякую исторію, по чину историческому отъ созданія міра ясно и совершенно списанное", в 4° л. на 67 стр. с заглавным листом, гравированным на меди. В том же году появилась и вторая книга: „Краткое и полезное руковѣденіе въ ариѳметику", изданная Копиевичем в 8°. Эта первая русская арифметика была изложена на 16 страницах, а остальные 32 страницы занимали сентенции и притчи. Книжка была напечатана в количестве 3.350 экземпляров по заказу русских приказчиков Филатьевых, которые в заключение отказались от нее, несмотря на то, что цена была назначена всего по 2 алтына за экземпляр, что вынудило Копиевича отправить ее в Москву. Третьей книгой, изданной Тессингом в том же 1699 году, была „Поверстаніе круговъ небесныхъ" с толкованием, в 12 долю листа на 41 стр. с чертежами, гравированными на меди, с иллюминованной картой с изображением небесного глобуса и с гербом Головиных, так как книга была посвящена Головину.

В 1700 году в типографии Тессинга был отпечатан перевод с латинского, сделанный Копиевичем по приказанию Петра под заглавием: „Краткое собраніе Льва Миротворца Августѣйшаго Греческаго Кесаря, показующее дѣлъ воинскихъ обучéніе. Въ друкарнѣ Ивана Андреева Тессинга въ Амстердамѣ 1700". Заглавный лист воспроизведен в книге Булгакова ([17]); гравирован на меди с изображением медали, на которой представлен кесарь Лев с подписью: „D. N. Leo Perpetuus Augustus". Наставления Льва Кесаря занимают 35 страниц, с 36 стр. начинается „Синопсисъ" — рассуждения из латинского сочинения ([18]) польского писателя Симона Старовольского о качествах полководцев, о ведении войны и проч.

Последним изданием, напечатанным у Тессинга, являются „Притчи Эссоповы" вместе с „Гомеровой Ватрахіомахіей", в переводе Копиевича, в 12 долю листа, с 47 голландскими гра-


Притчи
Эссоповы
На Латинскомъ и Рускомъ
Языкѣ
Иже Оплєнїи Стихами.
Изобрази
Совокупноже Брань
Жабъ и Мышей
Гомеромъ
Древле ѿписана
Со изрядными въ обоихъ Книга
Лицами, и с Толкованїемъ
Въ Амстеродамѣ
Напечатася
оу Ивана Андреева
Тесинга.
Лѣта 1700

вюрами, являющееся первым изданием русского перевода древних писателей.

В 1701 году умер Ян Тессинг; что касается судьбы его славянской типографии, то известно, что в 1708 году мастер ее отправился вместе с нею в Россию; но в Данциге шведы завладели всеми типографскими принадлежностями и начали печатать разные воззвания к народу для распространения их в русских пределах.

Копиевич, о котором у нас, к сожалению, нет полных биографических сведений ([19]), недолго ладил с Тессингом и уже в 1700 году сошелся с известным Петру голландским купцом Яном де-Юнг-Вуттер (в русских изданиях писался Иван Иевлев молодой), который в том же 1700 году отправил Петру написанное Копиевичем прошение ([20]) с просьбой „печатать латинскія, съ русскимъ толкованіемъ книги и чтобы мнѣ свободно было привозить и продавать тѣ книги въ Великороссійскомъ государствѣ, а я что лучше книги дѣлать и посылать стану“.

В 1701 году Копиевич в собственной типографии напечатал „Книга учащая морского плаванія“, с посвящением Федору Головину. Кроме того, им были напечатаны книги: о вокабулах и две грамматики—славянская и латинская и в 1706 г. „Руководеніе въ грамматику въ славяно-россійскую“; эта последняя книга напечатана в Штольценберге, у Христиана Гольца, но предисловие подписано Копиевичем. Еще в 1700 г. он же напечатал на прославление Петра по случаю взятия Азова: „Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ“ — с гравюрой на меди, изображающей Петра на престоле, окруженного аллегорическими фигурами. В 1705 г. Копиевич выпустил „Символы и Эмблемата“ у Генриха Ветстения в 4°, 281 стр.+10 нен. стр. с 840 гравированными символами и эмблемами и гравированным портретом Петра с оригинала Кнел-

Заглавный лист книги „Символы и Эмблемата". Амстердам 1705.

лера 1698 г., окруженного эмблемами, относящимися к личности царя.

Дошедшие до нас ([21]) прошения Копиевича ярко рисуют его книгоиздательскую деятельность. При одном из прошений

SYMBOLA
ET
EMBLEMATA
Jussu atque auspiciis
SACERRIMÆ SUÆ MAJESTATIS
AUGUSTISSIMI AC SERENISSIMI
IMPERATORIS MOSCHOVIÆ
MAGNI DOMINI CZARIS, ET
MAGNI DUCIS
PETRI ALEXEIDIS,
totius Magnæ, Parvæ & Albæ ROSSIÆ, nec non aliarum
multarum Potestatum atque Dominiorum
Orientalium, Occidentalium Aquilonariumque
SUPREMI MONARCHÆ,
excusa.

AMSTELÆDAMI
Apud HENRICUM WETSTENIUM. Anno 1705.

Петру он приложил два напечатанные в типографии Тессинга листка реестров на латинском и русском языках книг, которые он или издал или приготовил к печати. Два других реестра были напечатаны им при латинской грамматике 1700 г. и славяно-российской 1706 года. Всех таких книг значится 21.

Рассматривая этот список, нельзя не удивляться его огромному разнообразию. Копиевичу, по приказанию Петра, приходилось, очевидно, браться за все, что только требовалось тогда в России для просвещения. Тут мы видим несколько книг по грамматике, риторике, арифметике, истории, воинскому и морскому делу, переводы Эзоповых басен, Квинта Курция об Александре Македонском, разговоры на трех языках и даже Горация в стихах. Тут особый интерес представляет сочиненная Копиевичем также по приказанию Петра, но не напечатанная „Книга политичная"; содержание глав ее приведено было при прошении Копиевича ([22]). Судя по названию глав этого труда, здесь описывается все хозяйство России вплоть до главы под заглавием: „Откровеніе сокровищъ въ деревенскихъ промыслахъ".

Все это рисует нам Копиевича, как далеко не заурядную личность, оказавшую крупные услуги не только переводами и изданием первых учебных книг, но и первому знакомству русских с древними классиками и первыми печатными учебниками для изучения иностранных языков в России. Наконец, есть полное основание предполагать об участии Копиевича по введению у нас гражданского шрифта. Так, Р. Ф. Брандт ([23]) высказывает, что Петр „задумал эту перемену чуть ли не во время пребывания в Голландии в 1697 году, при чем, может быть, первая мысль принадлежала не ему, а работавшим на него заграничным типографам: Копиевичу или одному из Тессингов, либо Елизару Избранту". Само собой разумеется, что из этих трех лиц со значительно бо́льшим вероятием можно предположить Копиевича, чем двух других, по профессии купцов, мало знакомых с типографским делом вообще и совсем не знакомых со славянским языком.

Гораздо более определенно в этом отношении высказывается Н. Григорович ([24]): „В 1707 году,—пишет он,—Копиевич приехал в Россию с наборщиком Индрихом Сильбахом, тередорщиком и батырщиком Яганом Фоскулом и словолитцем Антоном Демеем" (он же Тильманс). Последним из этих лиц были привезены с собой „новоизобретенных русских литер три азбуки с пунцонами, матрицами и формами, да два стана на ходу со всяким управлением". Из этого сообщения можно предположить, что Копиевич принимал участие в создании нового гражданского шрифта, введение которого было основано на желании сближения России с Западом.

Большое сходство некоторых букв, напечатанных в типографии Копиевича в Амстердаме, с буквами гражданской печати, также служит подтверждением предположения об участии Копиевича во введении у нас гражданского шрифта; так, курсив в книге „Поверстаніе круговъ небесныхъ", напечатанной в 1669 году в Амстердаме Копиевичем, имеет поразительное сходство с нынешней нашей печатью. В книге „Краткое собраніе Льва Миротворца" 1700 г., заглавие которой набрано отчасти капителью, отчасти курсивом, многие буквы мало отличаются от нынешних, а на последней странице слово „конецъ" напечатано крупным шрифтом, в котором все буквы, кроме латинского N, сходны с введенной впоследствии гражданской азбукой ([25]).

Что касается пребывания в России Копиевича, то сведения об этом, сообщаемые Пекарским ([26]), отличаются крайней скудостью. Так, он указывает, что по приезде вместе с дочерью в Россию он был ограблен казаками и по приказу Петра состоял „в полках" при Якове Вилимовиче Брюсе, и в мае 1708 года он просил дать ему какое-нибудь другое назначение, а также и жалованье. Брюс также писал, что он ему не надобен, и предлагал Петру отослать Копиевича к начальнику посольского приказа Г. И. Головкину, где он мог бы переводить польские книги, летописные или геометрические. „Дальнейших известий,—говорит Пекарский,—о судьбе Копиевича в России не отыскалось".

Митрополит Евгений ([27]) и Сопиков ([28]) ошибочно указывали год смерти Копиевича 1701.

До 1708 г. печатание русское производилось одним славянским шрифтом. Изобретение и введение в употребление гражданской печати составило эпоху в русской письменности. Благодаря этой реформе письмо стало значительно проще, а потому легче и доступнее. Чрезвычайно полезною реформой было сопряженное с установлением гражданской азбуки введение арабских цифр вместо обозначения чисел буквами по греческому способу, затруднявшему арифметические действия. Наконец, перемена начертаний имела важное значение, как внешний символ освобождения русской речи из-под усиленного гнета языка церковно-славянского, как призыв к созданию живого литературного языка. Вместе с тем гражданский шрифт давал в наборе огромную экономию времени в сравнении с церковно-славянским, так как отпадала сложная сис-

тема надстрочных знаков церковно-славянского шрифта. Уже в амстердамских изданиях, как замечает Я. Грот ([29]), наблюдается начало округления букв по образцу латинских, в особенности в шрифте типографии Копиевича, который несколько тоньше, чем шрифт типографии Тессинга. Из документов Московской Синодальной типографии видно, что в России отливка новоизобретенного гражданского шрифта началась в мае 1707 года, т.-е. в год привоза шрифта из Амстердама. Сохранилась замечательная по важности известий для истории гражданского шрифта челобитная словолитца Михаила Ефремова ([30]), поданая им в январе 1707 года на имя Петра I. Представляя при челобитной пять оттисков азбуки, Ефремов написал на одном из них: „Къ сей азбукѣ пунцоны и матрицы и формы дѣлалъ и руку приложилъ Михайло Ефремовъ".

Митрополит Евгений указывает, что гражданская азбука была изобретена еще в 1704 году. Р. Ф. Брандт ([31]) считает это свидетельсто „недостоверным".

Ни один из наших исследователей до настоящего времени не отметил, что гражданский шрифт появился еще в 1701 году, хотя он был не напечатан, а гравирован; но самое его появление указывает, что он уже в 1701 году был, так сказать, „изобретен". Так, на гравированной Адрианом Шхонебеком карте реки Двины имеется надпись в левом верхнем углу, награвированная гражданским шрифтом. Карта гравирована резцом на меди и пройдена крепкой водкой и имеет размер 60 × 51 сантиметр. Д. А. Ровинский, указывая эту гравюру ([32]), не приводит этой подписи. Подпись эта следующая: „Чертежъ | река Двина | или | архангелска | повелѣніемъ царскаго величества дѣлалъ на | Москве Адриан Шхоне|бекъ 1701 году: его превосходительству высокошляхе|тному господину | Феодору Матвѣевичу Апраксину | его царскаго державнѣйшаго величества адмиралитейству (?) воспризнанія и б|лагодарствіе за | воспріятую бла|гость | сіе всепокорней|ше приносится отъ его покорна|го раба Адріана Шхонебека". Эта надпись, награвированная в Москве в 1701 году, показывает, во всяком случае, что образец гражданской азбуки уже существовал в это время, так как шрифт, которым награвирована эта подпись, совершенно одинаков с утвержденным Петром шрифтом. Как указано выше, 1 января 1708 г. прибыли в Москву голландские печатники, приглашенные в Россию по особому договору на 3 года ([33]). Иноземцам дали в обучение

несколько русских подмастерьев, и они приступили к печатанию первой книги, выбор которой Петр остановил на геометрии с немецкого оригинала, напечатанного в Аугсбурге в 1690 году. Перевод был сделан во время похода против шведов, и Петр перечитал его и сам во многих местах поправил. Первая книга, напечатанная гражданским шрифтом, появилась в свет 17 марта 1708 года, она носила заглавие: „Геометріа славенскі ѕемлемѣріе іѕдадеся новотіпографскімъ тісненіемъ. Повелѣніемъ благочестівѣішаго велікаго государя нашего царя, и велікаго княѕя Петра Алексіевіча, всея велікія і малыя і бѣлыя Россіі самодержца, прі благороднѣішемъ государѣ нашемъ царевічѣ Алексіі Петровічѣ. В царствующемъ велікомъ градѣ Москвѣ. В лѣто міроѕданія 7216, отъ рождества же по плоті Бога слова 1708. Ііндікта перваго мѣсяца марта“. Второй заглавный лист имел такое заглавие: „Пріемы ціркуля і лінеікі ілі іѕбраннѣішое начало во математіческіхъ іскуствахъ ім же воѕможно легкімъ і новымъ способомъ вскорѣ доступіті ѕемлемѣріа і іныхъ ізъ онаго проісходящіхъ іскуствъ“ ([34]) в 4°, 233 стр. и 5 лист. не нум. В начале, на особом листе, гравюра на меди: ребенок в римской одежде подводится к трону Геркулесом и Мудростью; на заднем плане несколько лиц в римском одеянии, а также во французских кафтанах и треугольных шляпах; на троне, осеняемом двуглавым орлом, — держава, скипетр и корона; на подножьи трона постлана карта с подписью: „Ungariaofen“, а внизу „Amling sculp. Monachy“. В конце книги 135 гравированных чертежей, среди которых, помимо геометрических фигур, в нижней половине большей части листов находятся изображения крепостей и замков, с латинскими подписями. Книга эта, составляющая в настоящее время большую библиографическую редкость, была прислана в Москву „из военного походу“ в 1707 году и была напечатана прибывшими в Россию голландскими мастерами под наблюдением справщика Федора Поликарпова. Особенностью издания является присутствие в книге ударений или „сил“, которых уже во второй книге, вышедшей в том же 1708 г., нет. Геометрия была отпечатана в количестве 100 экземпляров на лучшей александрийской бумаге и стоила 1 рубль. Одновременно было выпущено еще два издания, по 200 экземпляров каждое. Для продажи предназначался третий вид, экземпляр которого стоил всего 9 алтын 3 деньги. Новая гражданская азбука вырабатывалась в течение целых двух лет — с 1708 по 1710 г. Петр Великий по-

стоянно вносил разные изменения. Самое название ее не было устойчиво. Ее называли то амстердамскими литерами, то гражданской, то белорусской азбукой. Сохранился целый ряд писем Петра к Мусину-Пушкину о разных изменениях в азбуке: так, в письме от 25 января 1709 года было сказано: „Я только писалъ, чтобы силы ставили, а нынѣ и силъ ставить не вели". Далее Петр замечает: „что печать толста передъ прежней — чаю оттого, что слова уже притупились, чего надо смотрѣть и чаще переливать". Усмотрев кривизну печати, Петр 4 января 1709 года пишет Мусину-Пушкину: „Литеру буки, также и покой вели переплавить: зѣло дурно сдѣланы". Только в 1710 году был выработан образец, который был одобрен Петром. Этот образец под заглавием: „Изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ" был прислан в Синодальную типографию 10 февраля 1710 года со следующей собственноручной надписью Петра: „Сими литеры печатать історическія и манифактурныя книги, а которые подчеркнены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять". В этом образцовом оттиске Петр перечеркнул все заглавные и прописные славянские буквы и совершенно исключил буквы „от", „омегу" и „пси". В архиве типографии сохранилась и препроводительная бумага, при которой была прислана эта азбука, в которой даны были указания насчет печатания (35). Об этой гражданской азбуке В. К. Тредьяковский (36) дал восторженный отзыв: „Прекрасна была сія самая первая печать: кругла, мерна, чиста. Словом, совершенно употреблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется". Второй книгой, вышедшей в апреле 1708 года, были „Пріклады, како пішутся комплементы", в 8°, 210 стр. и 3 нен. листа. На основании мнения В. К. Тредьяковского, книга эта считалась долго первой книгой, напечатанной гражданским шрифтом в России (37). Ошибка эта повторяется в юбилейном издании по поводу 300-летия кончины Ивана Федорова (38). Впервые на эту ошибку было указано в „Библиотеке для чтения" (39), а затем А. Ф. Бычковым в „Отчете Публичной Библиотеки" (40) и в его же труде „Каталог хранящимся в Публичной Библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом" (41). Издание этого письмовника вызвано было желанием Петра ввести поскорее приемы и обычаи европейских народов. „Пріклады" петровские переведены были с немецкого, а немцы

того времени писали о самых обыкновенных вещах очень напыщенно и темно, перевод сохранил все германизмы, и в этих образцах уже нет помина о челобитьи до земли, нет гиперболических уподоблений и превознесения до небес лица, к которому писано послание, и жалкого самоуничижения подписывающего письмо, — все это стало исчезать вместе с исчезновением вредного влияния наших старинных книжников. В „Прікладах", согласно европейскому обычаю, в обращениях к лицу употребляется вы, а не ты, хотя глагол очень часто оставался в единственном числе и подобная смесь единственного и множественного во втором лице в разговорах и письмах продолжалась до конца XVIII века. „Пріклады" были напечатаны в количестве 300 экземпляров и в 1712 г. были выпущены вторым изданием, а в 1725 г. — третьим.

В июле 1708 года вышла третья книга, напечатанная гражданским шрифтом, под заглавием: „Книга о способахъ, творящихъ водохожденіе рѣкъ свободное", или, как она называлась в петровские времена, „Книга слюзная" в 8°, 2 нен. л., 138 и 1 нен. лист, с 11 чертежами, гравированными на меди на особых листах с изображениями машин для углубления каналов, для поднятия из воды потонувших грузов, для устройства мостов и т. п. Книга переведена с французского Борисом Волковым (42). У наших исследователей в отношении этой книги нигде нет указаний на второе ее издание, а между тем П. Дмитриев в статье „Шрифты гражданской печати времен Петра Великого" (43) описывает три принадлежащие ему экземпляра этой книги, из которых два напечатаны разными шрифтами и с некоторыми отличиями друг от друга, и вопрос о втором издании этой книги до настоящего времени остается не выясненным.

В том же 1708 г. вышло еще только две книги: „Побѣждающая крѣпость къ счастлівому поздравленію славноі побѣды надъ Азовымъ" (44) и „Календарь ілі мѣсяцесловъ на лѣто 1709 г. Напечатан 1708 Декабря въ 28 день", в 4°, 16 нен. листов.

В 1709 году гражданским шрифтом напечатано было 15 книг (45), в том числе две книги вторым изданием: „Побѣждающая крепость" и „Геометрія".

Издания петровского времени подробно описаны в классическом труде Пекарского (46) и Бычкова (47). Добавлением к этим образцовым описаниям может служить описание библиотеки А. В. Петрова (48), в котором значится несколько

книг, не описанных ни Пекарским, ни Бычковым, как, напр., „Объявленіе аудиенціи, какову имелъ у его царского величества, нынешнего 1710 года февраля в 5 день, ея королевина величества великобританскій чрезвычайный посолъ комиссаръ и полномочный господинъ Карлъ Витѳортъ. Печатано въ Москвѣ 1710 въ маіи“ (49). Витворт приезжал с извинениями по случаю оскорбления в Лондоне русского посла Андрея Матвеева в 1708 году. В брошюре подробно описывается прием Петром Великим английского посла, содержание его речи и ответ царя; Витворт при этом вручил и грамату с извинениями, подписанную королевой Анной. Не следует забывать, что оскорбление Матвееву было нанесено в 1708 г. а извинение принесено в 1710, т.-е. после Полтавской баталии.

Далее у А. В. Петрова указана отсутствующая у Бычкова — „Новая манера укрепленію городовъ. Блонделя“ с приложением и известной лишь в некоторых экземплярах краткой инструкции о сочинении регулярной фортеции по манере Блонделя (50). Издание „Алкоранъ о Магомете“ (51) 1716 года с заглавным листом, который ни у Пекарского, ни у Бычкова не описан, так как известные им экземпляры не имели заглавных листов.

У Петрова также описаны (52) „Копіи всѣхъ его царского величества указовъ, публикованныхъ отъ 1714 года, съ марта 17 дня, по нынешній 1718 годъ. Напечатаны въ Санктпитербургской Типографіи 1718 году марта въ 18 день“. 8°, 124+3 стр. У Пекарского имеется только упоминание об указах, изданных в 1718 году (53). Самого издания он не видел и не описал. У Бычкова также не значится. Петров исправляет ошибку у Пекарского в указании числа страниц 456, вместо следуемых 465 в издании „Синопсисъ“ 1718 года (54).

А. В. Петров отмечает, что у Бычкова не значатся: „Правда воли монаршей 1722 г.“ (55) и „Указъ Петра (Регламентъ Берг-Коллегіи); печатано в Московской типографии въ 1722 году ноября 13 дня“ (56), „Юности честное зерцало“ — в Москве 1723 г. в ноябре (57) и „Указъ Синода о раскольникахъ самосожигателяхъ“ (58). Пекарский этого указа также не видел, но ссылается на библиотеку Павла Демидова (59). Этим кратким перечнем исчерпываются добавления А. В. Петрова по его каталогу к описаниям Пекарского и Бычкова.

Некоторые данные о петровских книгах имеются в сборниках и каталогах: Сопикова, Толстого, Каратаева, Кастерина, Сахарова, Царского, Ундольского, Березина-Ширяева, Лихачева, Бурцова и др.

Петр Великий основал первый орган периодической печати. До него с 1621 года у нас выходили рукописные вестовые письма, или „Куранты", представляющие переводы и выписки из современных европейских ведомостей. Куранты эти выходили неаккуратно, по мере накопления материала, и предназначались для царя и его приближенных. Появление в России иностранных газет относится к 1631 году, и только с 1665 г., когда у нас была заведена иностранная почта, газеты начали появляться регулярно каждые две недели, причем в 1703 г. их выписывалось 44 названия. Составление в посольском приказе Курантов продолжалось до 1701 г. ([60]). 16 декабря 1702 г. был опубликован следующий указ: „Великій государь указалъ: по вѣдомостямъ о воинскихъ и всякихъ дѣлахъ, которые надлежитъ для объявленія московскимъ и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, а для печати тѣхъ курантовъ вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ ныне какіе есть и впредь будутъ присылать изъ тѣхъ приказовъ въ монастырскій приказъ безъ молчанія, а изъ монастырского приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ" ([61]).

Через несколько дней после этого указа, 27 декабря, вышел „Юрналъ или поденная роспись осады Нотебурха" в одну страницу на целом листе, в количестве 1.000 экземпляров. Этот „Юрнал" впервые вводил читающую публику в круг политических событий. 2 января 1703 года вышел в свет первый номер первой русской газеты, носившей следующее заглавие: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ окрестныхъ странахъ. Начаты въ лѣто от Христа 1703, отъ генваря, а окончены декабремъ сего же года". Всего в 1703 г. вышло 39 №№ по 2—7 листов в 8° в количестве 1.000 экземпляров. В виде особых приложений к „Вѣдомостямъ" прибавлялись реляции военных действий, которые печатались славянским шрифтом, так же, как и многие номера самих „Вѣдомостей"; с 1717 года „Вѣдомости" печатались уже исключительно гражданским шрифтом. К „Вѣдомостямъ" 1710 г. был приложен „реестръ книгамъ гражданскимъ, которыя на-

печатаны новоизобретенной амстердамской азбукой". Реестр этот заключал в себе 15 названий книг и составляет первое дошедшее до нас объявление о продаже книг. С 1711 г. „Вѣдомости" начали выходить попеременно в Москве и Петербурге, но петербургские номера перепечатывались потом в Москве. Некоторые номера 1714 г., выходившие в Петербурге, украшены довольно грубой работы виньеткою, изображающей Петропавловскую крепость, Неву, покрытую судами, и парящего над ней Меркурия с кадуцеем и трубой. В 1719 году размеры номеров „Вѣдомостей" увеличиваются до 22 страниц. Главным редактором первых „Вѣдомостей" состоял гр. Федор Алексеевич Головин ([62]). Около 1719 года ими заведывал М. Аврамов, а в 1720 г. при них состоял переводчик Яков Синявин, в 1723 г. их „правил" Михаил Волков. Несмотря на обширную сравнительно литературу ([63]), история „Вѣдомостей" не приведена до настоящего времени в полную ясность. В 1855 году, ко дню столетия Московского университета, „Вѣдомости" за 1703 год были перепечатаны в весьма ограниченном количестве экземпляров, с соблюдением всей внешности первого издания.

Как известно, все книги в царствование Петра, как оригинальные, так и переводные и даже учебные, печатались по единой воле царя, „повелением" или „по указу" царя. И это не была одна формальность, потому что множество книг прошло действительно через его руки. Книжная деятельность того времени, в которой он принимал участие, поражает не только разнообразием, но и целостью и глубиною его замыслов. Все книжное дело Петр направлял и регулировал сам. „Вѣдомости" тоже не были исключены им, и он сам назначал карандашом места для перевода из иностранных газет и сам лично держал корректуру. Обзор общественной хроники проходил под строгим надзором „посольских советников", исключавших все неудобное с точки зрения правительства. Эти стражи политической и общественной чести России не давали воли репортеру Синявину. Зато официальные торжества, фейерверки, иллюминации, гулянья в садах и разного рода катанья находили для себя свободный доступ в правительственном издании. В „Вѣдомостяхъ" сильно сказалась правительственная опека или, вернее сказать, гнет, доходивший при Петре до того, что были изданы указы, заграждавшие уста писателям, если эти последние не состояли под непосредственным над-

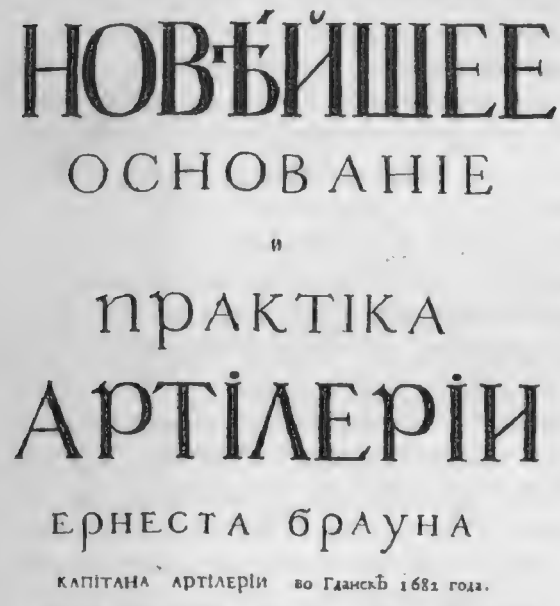
зором подлежащего начальства. Несомненно, что во время Петра литература или книжная деятельность представляла собой нечто среднее, смешанное, переходное.

Рассматривая книги петровской эпохи, мы прежде всего должны остановиться на переводах с иностранных языков. Историк русской литературы Полевой ([64]) говорит: „Переводная литература петровского времени отличалась большим разнообразием, выросла до весьма значительного объема и по качеству переведенных книг представляла собою даже весьма ценный литературный вклад, прочную основу для будущих самостоятельных трудов русских образованных людей".

С самых юных лет Петр увидел, что для усвоения иноземного знания надо обратиться к иноземным книгам. В Эрмитажной библиотеке сохранилась рукопись, которая свидетельствует, что он приказывал переводить книги, когда ему было всего тринадцать лет. Это — прекрасная рукопись с отчетливо нарисованными тушью чертежами, под заглавием: „Художества огненныя и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателемъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини, изобретенные. Съ французскаго переведены на нѣмецкій языкъ Яганомъ Бранціемъ. Печатано въ Страсбурге 1603 г., по числу россійскаго счета 7111 году. А по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, переведено съ французскаго и нѣмецкаго языка на русскій языкъ 7193 (1685) году" ([65]). Заботу о переводах Петр повел систематически. Он воспользовался прежде всего теми людьми, какие имелись: ученые иерархи, преподаватели школ, монахи и молодые люди, прошедшие ученую школу в Киеве и частью в Москве; практики посольского приказа, иноземцы и русские, побывавшие за границей. Для образования новых переводчиков он послал ненужных ему стольников и спальников за границу. В декабре 1716 года он пишет Мусину-Пушкину из Амстердама: „По полученіи выберите немедленно изъ латинской школы лучшихъ рабятъ, высмотря гораздо которые поостряя, человѣкъ 10, и пришлите моремъ на шнавѣ, которую будетъ отпускать генералъ-фельдмаршалъ и губернаторъ кн. Меншиковъ". Наконец, Петр желал воспользоваться для переводов даже пленными шведами. В 1714 г. он писал московскому коменданту Измайлову: „Господинъ комендантъ, посылается къ вамъ роспись къ шведамъ, которые умѣютъ по-русски и которыхъ мы могли

напамятовать; но понеже ихъ болѣе того числа есть, того ради вездѣ провѣдай о нихъ и, собравъ сколько возможно, пришли сюда, а дѣло ихъ то, что имъ переводить книги съ шведскаго на россійскій языкъ".

Заботясь о выборе книг для переводов и привлекая всех, кого возможно было привлечь, Петр заботился и о самом исполнении переводов. Просматривая и поправляя книги, Петр прилагал большую заботу о самом языке. Так, относительно перевода книги Пуффендорфа сказано было в указе, чтобы книга эта „не поконецъ рукъ переведена была, но внятно и хорошимъ штилемъ". В письме к Ивану Зотову в феврале 1709 г. о переведенной им фортификации Блонделя он указывает некоторые места, где переведено „зело темно и непонятно", и вообще остерегает о том, „дабы внятнѣе перевесть, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ (т.-е. переводить слово в слово), но точію сію вразумѣвъ на свой языкъ уже такъ писать какъ внятнѣе". В 1724 г. по поводу исполненного по его приказанию перевода о сельском и домашнем немецком хозяйстве, Петр, сам переправивший несколько глав книги, дал переводчикам следующее собственноручное наставление: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велими казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго предъ всякою вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ" ([66]).


НОВѢЙШЕЕ
ОСНОВАНІЕ
и
ПРАКТІКА
АРТІЛЕРІИ
ЕРНЕСТА БРАУНА
КАПІТАНА АРТІЛЕРІИ во Гданскѣ 1682 года.

Второй заглавный лист к книге: „Новѣйшее основаніе и практіка артілеріи Ернеста Брауна". Москва 1710.

Петр решил внести в переводную литературу строгие правила; эти наставления переводчикам были изложены в особом указе, изданном в 1724 г., который начинается с заявления, что переводчики „зело нужны для перевода книгъ, а особливо для художествъ“ (т.-е. специально научных или технических). Далее встречаем указание на то, что к переводческой деятельности следует тщательно подготовлять деятелей, „которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ, а которые умѣютъ художеству, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ“. Приводя этот указ, П. И. Покровский правильно замечает ([67]): „Это уже целая теория и притом совершенно правильно выработанная на опыте, которой указывается, «что никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевести правильно не может».

Среди писателей и переводчиков киевской школы выделялись: Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский и Гавриил Бужинский, бывший протектором типографий для надзора и цензуры над книгами, печатавшимися в русских типографиях. Кроме того, переводами занимались братья Лихуды и ученики их — Федор Поликарпов и Алексей Барсов. Среди массы переведенных этими лицами книг особенно замечателен перевод именно Бужинским в 1718 г. труда Пуффендорфа „Введеніе въ Гисторію европейскую“. Сочинение это сделало эпоху в истории литературы, так как в нем откинута прежняя рутина — бесполезные философские и теологические толки — и внимание устремлено на внутреннюю жизнь государств, причины их возвышения и упадка. Перевод этого сочинения важен, как первое сообщение русскому обществу систематических понятий о вопросах политики и государственного устройства. „Введеніе“ Пуффендорфа в русском переводе есть первое, если не считать компиляцию Копиевского — „Введеніе во всякую гисторію 1699 г.“, в России изданное руководство к всеобщей истории. Бужинский, не знавший немецкого языка, перевод сделал с латинского перевода Крамера. Русский перевод замечателен тем, что сделан без всяких пропусков, по приказу Петра, хотя Пуффендорф далеко не лестно отзывался в своем труде о России и духовенстве XVIII века ([68]). Пекарский замечает по этому поводу, что это уважение к неприкосновенности иностранной книги в русском переводе обязано вмешательству царя. Тем же Бужинским (с помощниками

был сделан перевод в 1724 г. сочинения протестантского епископа Стратемана „Ѳеатранъ или позоръ историческій“. Книга эта вместе с сочинением Пуффендорфа была первым образцом изложения всеобщей истории. Книга была написана в протестантском духе, и переводчик, вероятно, наученный примером перевода Пуффендорфа, передавал книгу сполна, что впоследствии повело к ее запрещению — главным образом, за неуважительные отзывы об отцах церкви. При Анне Иоанновне 25 июля 1738 г. велено было отбирать у частных лиц оба петровских издания „Введенія“. Таким образом мы видим, что книги, изданные при Петре, вскоре после его смерти оказались слишком смелыми для обычного уровня русских понятий. В 1717 г. был напечатан перевод сочинения Гюйгенса „Книга мировоззрѣнія“,—первое в России сочинение, в котором принята система Коперника (69).

Рассматривая вышедшие при Петре книги, переведенные с иностранных языков, мы видим, что их можно разделить на три главных отдела: 1) Книги, имевшие целью познакомить русское общество с теориями устройства государства, а также со сведениями по части истории права и законодательства. Таковы, напр., Гуго Гроция — „О законахъ брани и мира“, Самуила Пуффендорфа — „О законахъ семейства народовъ“, „О должностяхъ человѣка и гражданина“; Иоста Липсия — „Увѣщанія и приклады политическіе“; Иоанна Слейдена—„О четырехъ великихъ монархіяхъ“; Барония — „Дѣянія церковныя и гражданскія“. По географии, кроме вышеназванной книги Гюйгенса, можно указать на книгу Гюбнера — „Краткіе вопросы изъ новой географіи“ и др.

2) Ко второму отделу относятся книги общеобразовательные, например, „Притчи Эссоповы“, „Библіотека о богахъ“, „Зрѣлища житія человѣческаго“, „Исторія о разореніи града Трои“, „О изобрѣтателяхъ вещей“, „Метаморфозы Овидія“, „Юности честное зерцало“ и др.

3) К третьему отделу относятся учебники, лексиконы и т. п. Значительное количество переводов осталось в рукописях. Переводчики получали за свои труды в начале XVIII столетия сравнительно очень скромное вознаграждение: так, Мусин-Пушкин выхлопотал Поликарпову за его историю и перевод лексикона 200 руб. В 1725 г. Алексей Барсов за перевод книги Аполлодора о богах, а также по переводам с русского на греческий язык присяги архиерея смоленского, архимандрита ве-

нецианского Фоки, и с греческого на русский — грамот, присылаемых из Греции, по постановлению Синода, получил всего 100 рублей ([70]). Среди переводчиков петровского времени обращает на себя внимание усердный слагатель силлабических виршей, компилятор-книжник в старом стиле в качестве ученика братьев Лихудов, враг „латинской части“ — Федор Поликарпов, происходивший из домашней школы славяно-греко-латинской Академии и бывший директором московской типографии. Поликарпову, подобно Копиевскому, приходилось по воле Петра браться за все, что тогда требовалось и что зачастую было далеко не по его силам. Сначала он недружелюбно относился к книжным нововведениям. В 1701 г. им был напечатан „Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящимся...“, где по-старине он восхваляет розгу. В этом издании впервые появляются греческий и латинский шрифты, которых до того не было в московской типографии. В 1704 г. Поликарпов напечатал „Лексикон троязычный сирѣчь рѣченій славенскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровищъ“. В 1718 г. он перевел с латинского языка „Географію генеральную“ Бернгарда Варения, доктора медицины в Амстердаме. Заглавный лист гравирован на меди, с изображением на нем Петра I, внизу по сторонам две фигуры — Астрономия и География с математическими инструментами в руках и у ног. В средине — в эллипсисе награвировано заглавие книги, увенчанное двуглавым орлом с андреевским крестом на груди; по сторонам его — пеликан кормит своих детенышей и орел с орленком смотрит на солнце. В предисловии Поликарпов сознается в своем бессилии сделать удовлетворительный перевод этой книги, но тут же прибавляет, что вследствие повеления царя „малымъ и худымъ корабельщомъ смысла моего с прочими на широкій сей океанъ толкованія дерзнулъ“ ([71]). Петр, относясь с живым интересом к русской истории, поручил Поликарпову написать для образца первые пять лет русской истории. Труд этот Петру не понравился; в 1716 г. Мусин-Пушкин извещал Поликарпова: „История твоя росс. не очень благоугодна была“.

В книгах петровской эпохи обращает на себя внимание прославление Петра и его реформ. Это прославление выражается не только в длинноречивых предисловиях к различным изданиям, но ему посвящены целые книги. Надо полагать, что авторы этих восхвалений Петру, за исключением Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского, курили ему фимиам,

главным образом, в чаянии милостивой подачки: известно, что правительство и знатные лица подкупами склоняли частных лиц к своему прославлению. С точки зрения писателей петровского времени, апологетов Петра, вся его государственная деятельность — акт величайшей мудрости и неиссякаемый источник благоденствия России. Преобразовательная деятельность Петра приводит этих авторов в восторг и умиление. Адорация Петра рельефно выступает в титулах и послесловиях книг, их гравюрах и содержании. Если взять эпитеты из предисловий разных книг времени Петра, то мы видим, что авторы и составители книг истощили, кажется, все свои таланты, чтобы увековечить достойно Петра: „богомъ вѣнчанный, укрѣпляемый и прославляемый священнѣйшій монархъ; благочестія поборникъ и разоритель идолослуженія", „державнейшій, непреодолимый монархъ, неусыпающій въ браняхъ воинъ-побѣдитель на землѣ и сушѣ, громомъ поражающій укротитель всей вселенной". В то же время он — „любитель мудрости и основатель красоты и славы своего отечества". Словом он — „чудо вѣка".

Восхвалению Петра посвящались целые книги; так, Феофилакт Лопатинский с монахом Симонова монастыря Туробойским и с преподавателем Академии сочинили книгу приветствий Петру в 178 страницах по возвращении его в Москву после Полтавской победы под заглавием „Політіколѣпная Апофеозисъ". Вообще, всего более речей посвящено Петру по поводу Полтавской победы, как событию, имевшему огромное значение. Три проповедника того времени: Стефан Яворский, Гавриил Бужинский и Феофан Прокопович состязались в прославлении Петра, и последнему из них, восхвалявшему Петра на латинском, славянском и польском языках ([72]), принадлежит, несомненно, пальма первенства. Гавриил Бужинский посвятил панегирик Петру после победы при Ангуте ([73]). Не только победы Петра, но даже его торжественные въезды в столицы приводили ораторов в восторженное состояние, находившее себе выражение в дифирамбах, ему посвященных. Приветствуют Петра по всякому поводу; служители с.-петербургской типографии приносят долг своего усердия в приветствии „по долгомъ странствованіи, со всемірною Россіи радостью къ намъ возвращаемуся" из-за границы.

В видах патриотического прославления допускался подкуп за границей лиц, способных курить фамиам Петру. Известно, например, что Паткуль отыскал в Вальдеке барона Гюйссена,

Второй заглавный лист в книге: „Географія генеральная“ Бернгарда Варенія. Москва 1718.

который нанимался прославлять пером и не одного только царя. По условию, собственноручно Петром подписанному, барон Гюйссен обязывается склонять голландских, германских и других стран ученых, чтобы они посвящали царю или членам его семейства или, наконец, царским министрам замечательные из своих произведений. Петр понимал очень хорошо силу и значение общественного мнения в Европе, и сознавал то влияние, которое имела на него даже и в начале XVIII столетия журналистика и разные политические издания. О России петровских времен европейские журналисты и публицисты говорили или с насмешками, когда дело шло об умственном состоянии страны, или с опасениями, похожими на страх римлян при слухах о варварах, когда получались известия о воинских успехах русского царя. Петр понимал, что достаточно нанять десяток голодных журналистов и писателей, которые будут уверять европейскую публику, что в России происходит много примечательного по воле царя и вследствие распоряжений его министров, которые все без исключения отличнейшие и образованнейшие люди и т. д. И действительно, барон Гюйссен подрядил редакторов журналов „Europäische Fama“ и „Welt und Staats Spiegel“ писать хвалебные статьи о России, уговорил профессора прав в Риме Гравину напечатать похвальное слово Петру. Сам он очень усердно писал в иностранных журналах и выпускал отдельные брошюры в защиту лиц и действий русского правительства, при чем нередко пересаливал в своих похвалах. Он уверял, напр., „что о подвигах Петра говорит с удивлением весь мир, и что даже китайцы считают постановления царя схожими с учением, преподанным Конфуцием“ ([74]). Еще более восхвалять Петра должны были книги русские. Задача их должна была, по мнению Петра, заключаться в пропаганде его реформ, в расчистке почвы к созданию общественного мнения в одном только направлении — одобрении его реформ.

Особый интересный отдел петровских книг составляют полемические сочинения по расколу и сочинения, имевшие живой интерес, откликавшиеся на современные волновавшие умы темы. Эти последние сочинения подвергались особой опале, так как Петр требовал проведения в книгах двух основных тем: похвалы его реформам и осуждения хулителей таковых, и являлся грозным орудием для своих врагов. Известно, что во время Петра стали входить в жизнь и развиваться протестантские идеи: люди, охладевшие к православ-

ной церкви, не соблюдали постов, не посещали храмов, не служили молебнов, не признавали икон и не верили в святость мощей. Когда Стефан Яворский произнес проповедь о „разорителях“ закона божьего, то подвергся опале, ему было запрещено за это изобличение протестантских идей говорить проповеди. Особенно интересна в этом отношении судьба Григория Талицкого,—лица, приобревшего известность рассуждениями о последнем суде и о пришествии в мир антихриста в лице Петра. За свои таблицы, встреченные сочувственно не только простым народом, но и некоторыми лицами из высшего духовенства, он был казнен, доведенный до сознания самим Петром.

За дерзновенность мысли был запрещен „Рожнецъ духовный“. „Зерцало“ Посошкова, ратовавшее против немцев, и его „Завещание отеческое“ подверглись той же участи, а сам автор попал в Петропавловскую крепость, где и умер. Некоторые заподозренные книги не подвергались уничтожению, но задерживались и появлялись в свет после смерти Петра, как, например, „Обличеніе неправды раскольничьей“ Стефана Яворского, вышедшее уже при Елизавете. Сочинения, которые, по мнению правительства, могли дискредитировать власть, восстановить против нее народ и дурно повлиять на духовенство, подвергались опале и не видали света.

Даже в центре умственной жизни, откуда выходило более всего книг,— в монастырях, не позволялось иметь бумагу и чернила без разрешения настоятеля ([75]) под страхом „жестокаго на телѣ наказанія“, как сказано было в „Регламенте“ о монахах.

Один из исследователей петровской эпохи ([76]) говорит: „Мало того, правительство из боязни, чтобы не пробилась где-нибудь свободная мысль, поставило новую броню — учредило беспримерную по своей строгости цензуру. При таком положении вольнолюбивые мечты могли пропагандироваться только тайно, путем подложных писем и пасквилей. Правительство и это скрытое зло, более опасное, чем открытое, парализовало учреждением фискалов, беспощадно наказывавших недовольных и разрежавших число таковых водворением в застенок Преображенского приказа. Диктатура эта убила свежую мысль и парализовала общественное самосознание. А насколько притупилось чувство гражданственности, видно, например, из надписи одного ученого, вышедшего из народа, на иллюминацию:

Пусть мнимая других свобода угнетает,
Нас рабство под твоей державой возвышает“.

Нельзя, конечно, забывать, что Петр жил в то время, когда учение о божественном происхождении верховной власти пустило глубокие корни; когда думали, что судей делам его нет, как нет суда богу — источнику всякой власти; когда понятие о государе, как неограниченном монархе, поглощало и самое государство; когда Россия была в Петре и через него в государстве.

В эту пору народ был затронут в самых коренных своих симпатиях и привычках; весь склад его жизни был насильственно потрясен до корней, начиная от самых важных национальных основ и кончая мелкими подробностями внешности.

В народе упорно держалось мнение, что Петр „антихрист" „от нечистые девы рожден, православных давит, а немцев жалует, с церквей колокола снимает; иностранцев-еретиков обласкал и обеспечил, им дал полный ход в слове и деле, а русскому духовенству запрещает писать". Раскольники стали обзывать православную церковь „мерзостью запустения" ([77]).

„Мироед, — говорилось о государе, — весь мир переел, на его копилку переводу нет, только переводит добрые головы".

Представление о Петре, как об антихристе, встречается во многих раскольничьих рукописях. В Историческом Музее в Москве имеется интересная рукопись XVIII века на 468 листах, писанная полууставом с поморским орнаментом и, по исследованию В. Н. Щепкина ([78]), появившаяся после смерти Петра, представляющая серьезное произведение гонимого религиозного фанатизма. В этой рукописи выражено отрицательное отношение к петровским реформам; на нескольких же рисунках этой рукописи изображение антихриста имеет портретное сходство с Петром.

Чтобы внести некоторое успокоение в умы народа и убедить его неуклонно пребывать в верности православной церкви и полном с нею единении, а кроме того так как раскол стал угрожать авторитету церковному и государственному, появился целый ряд полемических сочинений: Стефана Яворского — „Знамѣнія пришествія антихриста и кончина вѣка", „Обличенія неправды раскольничей"; Питирима — „Пращица противу вопросовъ раскольническихъ;" Посошкова — „Зерцало"; Феофана Прокоповича — „Пастырское увѣщаніе къ обращенію раскольниковъ въ нѣдра православной церкви" и „ Увѣщанія отъ св. Синода невѣждамъ". Все эти сочинения имели сравнительно большой круг

читателей, и, выполняя свое специальное назначение, они заменяли современную публицистику, газету.

Не имея сил сопротивляться, народ гнулся и покорялся, но все-таки роптал и жаловался и выражал свое недовольство в той форме, которая почти одна еще ему и оставалась доступной,—в форме юмора и художественного иносказания в своих лубочных картинках, о которых нельзя не сказать несколько слов. Разбирая классическое сочинение Д. А. Ровинского „Русские народные картинки", эту одну из лучших русских книг, В. В. Стасов говорит ([79]): „Среди лубочных картинок является целая масса картинок истинно оригинальных, вполне самобытных, созданных непосредственным творчеством русского народа, ни откуда не заимствованных. И вот оказывается, что именно эти последние картинки имели наибольшее распространение среди народа, получили наибольшую знаменитость. Это картинки с политическим содержанием, относящиеся к тем особенно важным событиям и личностям, которых крупное неизбежное влияние сильно отразилось на жизни русского народа. Можно смело сказать, что эти вполне народные картинки были несравненно более распространены в народе и пользовались у него большею знаменитостью, чем картинки религиозного содержания. Картинки эти отличались смелостью оригинального почина, новостью форм, своеобразием этнографических и других подробностей".

Одним из важнейших народных созданий этого рода является знаменитая лубочная картинка „Мыши кота погребают", в которой выражен протест русского народа против реформ Петра, при чем в этом протесте нет ничего чужеземного, ничего заимствованного: все своеобразно, все полно подробностей специально национальных. Замечательно, что сам народ изображает себя тут слабою бессильною мышкой, сам над собой трунит, подсмеивается и зубоскальничает. Картинка эта есть целый „обвинительный акт" против Петра I, полное перечисление всего, чем были недовольны и возмущены русские люди конца XVII и начала XVIII века, это — обвинительный акт его деяний государственных и исторических. На-ряду с этой знаменитой картинкой существует целый ряд политических карикатур, направленных против частной жизни Петра, как, напр., „Яга-Баба, дерущаяся с крокодиломъ", на которой представлен Петр I — крокодил (любимое название Петра у раскольников) и Екатерина I — злая чухонская колдунья. На них же

существуют и другие картинки: „Баба-яга въ ладахъ со своимъ мужемъ“,—они пляшут вместе; затем „Нѣмка верхомъ на старикѣ“, „Старый нѣмецъ на колѣняхъ у молодой нѣмки“ и т. д. На-ряду с большим распространением в народе этих лубочных картинок, в громадном количестве расходились указы, оглашавшие царственные скандалы из жизни Петра. Читателей привлекала, очевидно, их романическая и политическая сторона. Манифест о царице Евдокии разошелся в количестве 2.312 экземпляров. В этом манифесте напечатаны три любовных письма Евдокии Феодоровны к Глебову и шесть ее писем к нему же в VI томе „Истории царствования Петра Великого“ Устрялова (стр. 328—334). Письма эти чрезвычайно любопытны в том отношении, что представляют едва ли не единственный образчик сердечных отношений русской женщины, до которой еще не коснулась петровская реформа. Еще больший круг читателей имело „Объявленіе розыскнаго дѣла и суда, по указу его царскаго величества на царевича Алексѣя Петровича“, в Петербурге и Москве разошедшееся в 5.329 экземплярах, и третий манифест „Правда воли монаршей“, разошедшийся в 5.445 экземплярах и имевший целью доказать право государя, по желанию своему, избрать наследника по закону; кроме этого, правительство сочло нужным издать особый трактат, написанный Феофаном Прокоповичем, где между прочим объясняются причины появления этого манифеста.

Особый отдел книг петровского времени, притом имевший сравнительно большой круг читателей, составляют календари, что объясняется их разнообразным содержанием. Помимо общих календарных сведений, давались сведения о плодородии и недородии, пророчества о мире и войне, „собраніе знаковъ и временъ лѣкарственныхъ“, „о кровопусканіи жілномъ и рожечномъ“. В каждом календаре читатель находил сведения, полезные для здоровья с точки зрения того времени, об универсальном средстве — кровопускании. С глубокой древности существовало верование, что количественное приращение крови в сосудах человека находится в полной зависимости от фаз луны. Это повело к установлению дней удобных и неудобных для кровопускания и вообще лечения болезней, появление которых опять же приписывалось фазам луны. В календарях даже обозначены числа, когда нужно пускать кровь и принимать лекарство. В календаре 1713 г. к статье о кровопускании приложено изображение человека с проведенными от него линиями к знакам

зодиака — ряда созвездий, которых соответственно месяцам было 12. Каждая часть тела подчинялась особому знаку: Водолею — икры и голени, Деве — брюхо и кишки, Козерогу — колени и т. д. Календари, кроме того, вводили читателей в круг понятий о домостроительстве для домашнего обихода и диэтетики, а также о плодородии и неплодородии. Большой интерес представляли для читателей календари своими прогностиками. Они касались двух тем — войны и мира, с одной стороны, и различных правил житейской мудрости — с другой.

Первый календарь при Петре был составлен знаменитым Яковом Вилимовичем Брюсом в 1709 г. и появился во множестве изданий ([80]). Все вычисления были сделаны на многие годы, так что раз приобретавший такой календарь освобождался на долгое время от покупки нового. Календарь гравирован на меди на 6 отдельных листах и единственный полный экземпляр его хранится в Эрмитаже. Наверху первого листа двуглавый орел с андреевским крестом на груди, увенчанный, кроме трех обыкновенных корон, четвертою большею над щитом, который держат два гения. По сторонам круги солнечный и лунный и стихи. Под гербом — московский кремль. На втором листе всевидящее око над двуглавым орлом и ниже — Петропавловская крепость. На 5 листе награвировано: солнце, 12 знаков зодиака, портрет Петра Великого, окруженного арматурою, и аллегорические изображения семи планет с астрономическими знаками для обозначения их. На 6 листе также изображены Минерва, Меркурий, три глобуса. В том же 1709 г. появился другой календарь, напечатанный в Москве 28 декабря 1708 г. в 4°, 16 ненумерованных листов. Этот календарь в настоящее время известен в одном экземпляре ([81]). Второй календарь на 1710 г. был также напечатан в Москве в декабре 1709 г. в 4°, 18 ненумерованных листов. Сопиков и Быстров считали этот календарь первым ([82]). Затем календари печатаются ежегодно и некоторые из них не только гражданским шрифтом, но и церковно-славянским. По содержанию календари эти весьма мало разнятся между собой. Первый календарь, напечатанный в Петербурге, вышел в январе 1713 г. с изображением, гравированным на меди, Петропавловской крепости и церкви св. Троицы, в продолговатое 4°, 20 ненумерованных листов. Это одна из первых книг, напечатанных в Спб. типографии. В 1714 г. там же был издан календарь на русском и немецком языках с гравированным

на меди изображением Петропавловской крепости и части Невы, повторяющейся в других изданиях. В календарях, вышедших в Спб. и Москве в 1721 г.,— гравюры на дереве.

Исключительным успехом среди книг петровского времени пользовалось „Юности честное зерцало", выпущенное в феврале 1717 г.— в количестве. 100 экземпляров, а в августе того же года—в количестве 600 экз. и при жизни Петра выдержавшее еще два издания. По содержанию „Юности честное зерцало" — своего рода „Домострой", в котором давались наставления о сохранении в чистоте ногтей, рта и запрещении громко чихать, сморкаться и плевать, что, при известной славянской неряшливости, было очень не бесполезно (83).

Таково было в общем содержание книг, вышедших в России при Петре.

Обращаясь теперь к внешнему их виду, мы прежде всего видим, что из числа всех 295 книг, напечатанных при Петре гражданским шрифтом, почти половина их была иллюстрирована гравюрами на меди.

При вступлении на царство Петра Великого гравирование на меди находилось в Москве в совершенном упадке; хороший гравер, Афанасий Трухменский, состарился, ученик его, Василий Андреев, гравировал мало, и с 1690 г. имени его мы вовсе не встречаем. Так говорит знаменитый исследователь истории русской гравюры Д. А. Ровинский (84). Истинным своим началом развитие русской гравюры, как и всех вообще отраслей науки и искусства в России, обязано Петру Великому. При нем принимаются меры к более или менее рациональной постановке дела гравирования, и впервые мы видим богато иллюстрированные книги. Учителями русских граверов были голландцы во главе с Адрианом Шхонебеком (Schoonebeck), школа которого просуществовала во все петровское время в течение 30 лет. Ближайшим помощником и заместителем Шхонебека был его пасынок, Петр Пикар (Picart). Кроме этих двух главных деятелей, долго живших в России и умерших в ней, при Петре приезжали в Россию де-Вит и Бликлант. К петровскому времени относят и гравера Еллигера, но это ошибочно, так как Еллигер прибыл в Россию в 1726 г. и деятельность его относится ко времени Анны Иоанновны, описание коронации которой исполнено под его руководством. Петр сознавал необходимость иметь хороших граверов; так, в в Указе Сенату об учреждении Университета и Академии, он

писал: „Безъ живописца и гравировальнаго мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и градированы быть“ (85).

Петр был страстный любитель праздников и триумфов и для их устройства пользовался всякими поводами: и заключением мира, и выигранной баталией, и освящением крепости, и торжественным въездом в столицу; все это вызывало помпезные торжества, с устройством фейерверков, церемониальных шествий, иллюминаций и т. п. С другой стороны, Петр желал, чтобы помимо книг и гравюры служили к ознакомлению Западной Европы с его не только подвигами, но и забавами, а для этого нужны были граверы.

В бытность свою в Амстердаме, еще 1697 г., Петр и сам учился гравировать у Шхонебека и лично исполнил аллегорический офорт, представляющий победу православия над магометанством. Д. А. Ровинский указывает, что единственный известный экземпляр этой гравюры находится в Амстердамском музее, но это не так — другой экземпляр был в Эрмитаже, откуда был передан в Музей Петра Великого при Академии Наук.

По приглашению Петра, Адриан Шхонебек приехал в Россию и по заключенному условию принял на себя чрезвычайно разнообразные занятия: „грыдоровать для царя гисторіи, персоны, ланшапны, городы, строенія, крѣпости и домы, печатать указы, сочинять рисунки для огнестрѣльныхъ потѣхъ, огородныхъ рядовъ, украшенія кораблей, каретъ и саней, и что еще къ назнаменательному художеству принадлежитъ и ко украшенію надлежитъ и иные дѣла, которыя по власти случая приключиться могутъ“. Шхонебек выговорил себе право в свободное время от дел „книги печатать и доски гравировать на себя и къ прибыли своей продавать“. Вместе с этим он просил дать ему „честная титла, которая ни во что не станетъ, сирѣчь бібліотекаріусъ и надворный рѣзчикъ его царскаго величества“. На первых исполненных в России гравюрах Шхонебек, однако, подписывался „книгохранитель“, титло „бібліотекаря“ дано было в 1709 г. Василию Киприянову, граверу и издателю Брюсова календаря.

Шхонебек был образованный человек и знал много языков, учился он гравированию у Ромейна де-Хоогхе (Romyn de Hooghe) и вполне усвоил его манеру, доведя ее до притор-

ности. В своих гравюрах Шхонебек заботился, главным образом, о воздушной перспективе и соблюдении эффекта в освещении, но был плох в рисунке; на одном из листов, копированных им с Жерара Одрана, попадаются руки с 6 пальцами. 10 октября 1698 г. Шхонебек явился в Оружейную Палату; в начале следующего года к нему поступили ученики: Петр Бунин и Алексей Зубов, в 1701 г. Василий Томилов, в 1704 г. Иван Зубов, Варфоломей Фадеев, Парфен Иванов, Никифор Волков, Иван Никитин и Стефан Закройщиков.

До приезда в Россию Шхонебеком было награвировано 19 листов, из которых особенно ценятся за границей листы черной манерой; в России с 1698 г. по 1705 г. (год его смерти) им было исполнено 59 листов, из них лучшим листом является „Взятие Азова", на котором, кроме Петра, изображены и его сподвижники; третьи слабые отпечатки этого листа находятся в книге „Феодози, Житія Петра I. 1744". 42 его гравюры появились после его смерти в 1710 г. в книге „Исторія о орденахъ".

В 1702 г. в Россию прибыл пасынок Шхонебека, Петр Пикар, также плохо рисовавший и сильно травивший свои доски крепкой водкой. В год его прибытия к нему поступил ученик Егор Воробьев, а в 1708 г. Пикар вместе с учеником Иваном Зубовым значится в московской типографии ([86]). В 1714 году Пикар был отправлен в типографию в Спб., где пробыл до 1727 г., т.-е. до ее упразднения; в этой типографии его учениками были А. Ростовцев и И. Мякишев. Судьба Пикара, подобно судьбе многих иностранных граверов, приезжавших в Россию, была очень печальна: уволенный от службы после 40-летних трудов, старый и больной чахоткой, он на свои многочисленные ходатайства о выдаче содержания не получил удовлетворения. Пекарский указывает ([87]), что после 1732 г. сведений о нем уже не встречается.

Хотя Пикаром было исполнено всего 54 листа, но некоторые из них колоссальных размеров, как, напр., знаменитый вид Москвы с монастырями на 8 досках, портрет Петра на двух досках, лист, на котором помимо изображения Петра в рост, 23 поясные фигуры великих князей и царей, планы крепостей, завоеванных Петром, и виды баталий. Также огромных размеров карта Европы на 6 листах с портретом Петра, Полтавская баталия на двух листах и др. Несомненно, что для исполнения таких гравюр требовались целые годы работы. Под руковод-

ством Пикара и при его участии были исполнены целые собрания гравюр в изданиях: „Кунштъ садов. СПБ. 1718“ и „Кунштъ корабельные. СПБ. 1718“ ([88]).

Особенно хороши заглавные листы работы Пикара к Марсовой книге 1713 г., „Устав Морской 1720“, „Овидіевы фигуры 1721“, два заглавных листа в книге Бухнера — „Ученіе і практика артилеріи. М. 1711“.

Делая оценку работ граверов шхонебековской школы, В. В. Стасов ([89]) говорит, что „рисунок граверов этой школы так дурен, что, кажется, можно предположить, что они никогда не учились рисовать и что Шхонебек и Пикар прямо давали им резец в руки без предварительных рисовальных классов“. В отношении этого строгого приговора, надо принять во внимание огромную массу работы, а главное ту спешность, которая требовалась в исполнении Петром Великим, и ту строгость и настойчивость, которые он проявлял ко всем своим распоряжениям. Мусин-Пушкин 28 августа 1708 г. писал Петру относительно издания латинской Римплеровой книги, в которой больше 300 фигур не малых, „а Пикторъ, — добавляет он,—и въ полгода не сдѣлаетъ“; медленность к работе Мусин-Пушкин объясняет тем, что Пикар один и у него всего два ученика и те плохи, хотя он в свое оправдание добавляет, что определил к ним одного человека „непристанно смотрѣть, что бы не гуляли“. В 1709 г. тот же Мусин-Пушкин сообщает про флагову книгу: „Фигуры у Пиктора еще не поспѣли, числомъ же ихъ есть не мало — 190“.

Несомненно, что при таких условиях у Пикара решительно не было времени обучать учеников предварительно рисованию и действительно приходилось прямо заставлять их гравировать.

Из русских граверов петровской эпохи особенно выделились братья Зубовы, из которых Алексей в продолжение 17 лет (до 1727 г.) награвировал 114 гравюр, в том числе громадный вид Санткпетербурга в 8 листах — лучшее произведение этого трудолюбивого гравера. А. Зубов гравировал и черной манерой и совершенно усвоил себе манеру своего учителя Шхонебека. Имя его с годом встречается первый раз на доске с изображением „сигналов“ (1701 г.). Что касается книг, то им исполнен заглавный лист в издании Виньолы „Правила о пяти чинѣхъ архитектуры. М. 1712“, а также заглавный лист к „Уставу Морскому“ 1720 — 1728 г.г., копия с пикаровского.

Иваном Зубовым исполнены заглавные листы к „Псалтырю“ 1723, „Апостолу“ 1726, к „Беседам Иоанна Златоуста“, несколько тезисов, всего 79 листов. Среди других граверов можно назвать Михаила Карновского и особенно А. Ростовцева, ученика Пикара, вполне усвоившего его манеру.

В общем гравюры петровской эпохи не содержали в себе ничего русского, национального: большинство их сюжетов были или прямым подражанием или заимствованием с иностранных образцов. С другой стороны, в это время было награвировано множество листов, которые могли представлять интерес для читателей как новых, так и старых. В московской гражданской типографии были изданы: „Описаніе св. града Іерусалима и предградій его“, „Святая богошественная гора Синайская, съ греческаго древняго описанія“, „Изображеніе глобуса небеснаго и земнаго“, „Баталія царскаго величества съ туркомъ при Прутѣ“, „Хартина меркаторская Америки или Индіи западныя“ (для навигационных учеников), „Изображеніе Святыя земли обѣтованныя“, „Новое небесное зерцало, чрезъ которое возможно небо, землю и море в скорости размѣряти и раздѣляти, по всякой часъ коегождо мѣсяца и числа...“ (переведено с голландского и латинского диалектов и в 1717 году было издано „во славу въ Троицѣ славимаго Бога, трудолюбивымъ юношамъ и всякаго возраста иже разумѣти желаютъ, течение, яко небо, тако и земли по Коперникову разсужденію: Москвы, Санктъпетербурха, Нарвы, Ревеля, Риги и прочихъ городовъ и провинцій, яже надъ обоими полюсы содержатся всего свѣта“); „Новое и тщательное описаніе Европы, раздѣленное на царствіи и страны наилучшія противо амстердамскихъ картъ“.

Граверу петровского времени приходилось гравировать самые разнообразные вещи; один из них так перечисляет свои труды: „Антиминсъ большой и средній, ботъ, двѣ баталіи морскія, тріумфальныя ворота, флотъ корабельный, фейерверкъ и проч.“. Таким образом мы видим, что и гравюры, в огромном большинстве случаев, служили, подобно книгам, утилитарным целям. Гравюры должны были, так же как и книги, распространять всякого рода практические познания, которые служили бы прямой пользе или удовлетворению любознательности. В видах простоты и наглядности никогда до этого времени не было издано на русском языке столь разнообразных „куншотовъ“ в книгах или отдельными листами.

Одной из особенностей книг петровского времени является то, что даже в учебниках и книгах ученых заглавные листы красиво гравированы на меди.

Известно, что произведения книжной иллюстрации имеют двоякое назначение: они являются или в качестве простого пополнения и пояснения печатного текста, или же в качестве его украшения.

Этому последнему назначению они отвечают тогда, когда они представляют самостоятельное художественное значение, т.-е. могут и помимо текста удовлетворять эстетическим требованиям читателя. С этой точки зрения, заглавные листы к различным артиллериям, фортификациям, таблицам синусов и тангенсов, различным уставам и т. д. со своим аллегорически-мифологическим содержанием, бесспорно, имеют самостоятельное художественное значение. Другая особенность петровских книг, это — наличие во многих из них портретов Петра Великого и гравюр, имеющих целью показать, нередко аллегорически, воочию, победоносные подвиги его. В данном случае, гравюры эти выполняют те же задачи, что и книги—служить к прославлению Петра. Одной из первых таких гравюр является портрет Петра, под которым двуглавый орел, на груди которого андреевский крест и план крепости с городом и с подписью „S. Pitersburg“. Портрет этот приложен к „Тріумфу“ Гурчина 1706 г. ([90]). В „Привѣтствіи“ Петру Кременецкого 1717 г. есть гравюра, в середине которой изображен Петр в латах и порфире, над ним слово „бог“ с сиянием, которое распространяется на царя через венок, поддерживаемый Славою, парящей в облаках; по сторонам от нее три ангела; около Петра — Екатерина с двумя дочерьми, впереди которых малолетний царевич Петр Петрович в длинном русском платье с застежками. Царь подает этому сыну скипетр, к нему же на блюде аллегорическая фигура подносит корону. Несколько поодаль этой группы стоит царевич Алексей Петрович, с лицом, обращенным в сторону. Гравюра эта тем замечательна, что содержит в себе намек на лишение престола царевича Алексея ранее формального о том объявления ([91]). В „Політіколѣпной Апоѳеосісе“ 1709 г. гравюра с монограммой М. Карновского: всадник в латах и шлеме поражает копьем змия (Мазепу) и попирает конем льва (Швецию). Над всадником в извивающейся ленте надпись: „Попреши льва и змія“. Справа в облаках — двуглавый орел с тремя коронами, скипе-

тром и державой; от державы спускаются молнии, поражающие льва. „Аповеосісъ“ приписывается Феофилакту Лопатинскому. В посвящении Петр сравнен с Геркулесом, который оказался, однако, ниже царя. В „Преславномъ торжестве свободителя Ливоніи“ Петр представляется то Геркулесом, то Персеем, то Язоном, отыскивающим золотое руно.

В книге „Патерикъ, или отечникъ“ в гравюре на земле справа всадник в римской одежде поражает змия, а небесная молния — льва; слева Петр и сын его Алексей в коронах, кругом воины в римских одеждах; от Петра идет надпись: „Благодареніе богу, давшему намъ побѣду“. Над всадником и царем масличные ветви, с надписями: „Буди миръ въ силѣ твоей“ и „Въ мире воздержите руки ваши и благословите господа“. В самом низу разрушенные города, под одним подпись: „Паде, паде, великій градъ Вавилонъ“ (т.-е. Азов), а под другим: „И ты, Капернаумъ, до небесъ вознесыйся, низверженъ есть“ (Кизикирмень).

В книге „Торжественныя врата“ объяснены аллегорические картины, украшавшие ворота, сооруженные в Москве по случаю побед Петра в 1703 г. В одной из них Аполлон приглашает Гомера описать подвиги Петра, потому что скромные составители торжества не чувствовали в себе достаточно для того сил. Такого рода восхваления мы находим в заглавном листе книги „Символы и эмблемата“ и во многих других.

Среди иллюстрированных книг петровской эпохи первое место принадлежит по богатству и красоте гравюр „Марсовой книге“ 1713 г. До нас дошло 4 экземпляра этого издания, и все они несходны между собой. Это несходство экземпляров объясняется тем, что находящиеся в ней реляции припечатывались потом в разное время, гораздо позднее гравированных заглавий, остававшихся почти без изменения при каждой последующей перепечатке. Книгу начали печатать еще в 1712 г. На первом заглавном листе награвирована часть Невы с несколькими кораблями, на противоположном берегу — Петропавловский собор и церковь св. Троицы. На набережной по сю сторону — три всадника, три пешехода и две собаки. На втором заглавном листе — портрет Петра, окруженного аллегорическими фигурами и арматурой. В других экземплярах первый заглавный лист несколько иной и имеет подпись „Санктпитербурхъ“ и имя гравера „Пикаръ“. Всего в книге считают 22

виньетки и 19 гравюр. Об этой книге существует целая литература (92): помимо Пекарского, давшего описание ее на стр. 290—305, есть статьи: Снегирева, Строева и Сошкова. Кроме Пикара, гравюры для этой книги работали: Алексей Зубов, А. Ростовцев и де-Витт. К числу наиболее красивых изданий также относятся: „Алярдъ, Новое голландское

ЗЕМНОВОДНАГО КРУГА

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ.

ИЗЪ СТАРЫЯ И НОВЫЯ ГЕОГРАФІИ

По вопросамъ и отвѣтамъ Чрезъ Ягана Гибнера Собранное.

И НА НЕМЕЦКОМЪ ДІАЛЕКТѢ ВЪ ЛЕЙПЦИКѢ.

НАПЕЧАТАНО

А нынѣ

ПОВЕЛѢНІЕМЪ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ

И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

ПЕТРА ПЕРВАГО

ВСЕРОССІИСКАГО ІМПЕРАТОРА.

При наслѣдственномъ благороднѣишемъ Государѣ Царевичѣ

ПЕТРѢ ПЕТРОВИЧѢ.

На россійскомъ.

напечатано въ Москвѣ.

Лѣта Господня, 1719, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ.

корабельное строеніе“ 1709 г. с гравюрами в красках Пикара; Виньола — „Правила о пяти чинехъ архитектуры“ с гравюрами А. Зубова; „Архитектурная книга“ 1712 г. с гравюрами Пикара и Зубова; „Лавреа или вѣнецъ безсмертныя славы“ 1714 г. Кременецкого; „Панегирикъ“ кн. Меншикову; „Земноводнаго круга краткое описаніе“ 1719 г. и др.; всего можно назвать 25 наиболее художественно иллюстрированных изданий (93).

Гравюра из книги: „Земноводнаго круга краткое описаніе". Москва 1719.

При Петре было издано 47 фейерверков, из них только 4 с текстом. В фейерверке на 1 января 1712 г. гравюры: Ростовцева, Тепчегорского и Шамшурова.

Почти все иллюстрированные книги петровского времени имеют гравюры на меди; исключение представляют только некоторые календари, в которых гравюры на меди заменены гравюрами на дереве, да книги богослужебные, изданные в киево-печерской типографии, также украшенные гравюрами на дереве. Целый ряд книг был напечатан на русском и параллельно с ним на иностранном языке. Так, „Уставъ Морской" 1720 г., „Регламентъ шкіперамъ" 1724 г.— на русском и голландском языках, „Генеральные сигналы" 1720 г.— на русском и итальянском, „Реляція" 1721 г.— на русском и немецком; несколько книг — на русском и латинском, в том числе „Два каталога рукописныхъ книгъ греческихъ въ Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ обретающихся 1723", напечатанных в количестве 55 и 25 экземпляров (94).

Крупную роль в книгоиздательстве времен Петра Великого сыграл Василий Киприанов — библиотекарь и начальник состоящей под надзором гр. Я. В. Брюса гражданской московской типографии. Его трудами изданы почти все учебные пособия, книги, карты и таблицы для навигаторов петровского времени, а также знаменитый Брюсов календарь. Почти все издания подписаны: „Подъ надзрѣніемъ... Я. В. Брюса... тщаніемъ Василія Кипріянова". Сам Киприянов гравировал на меди и был первым учителем гравирования А. Ростовцева.

Как было указано мною выше, шрифт, введенный Петром, подвергался несколько раз различным изменениям. Привезенным из Голландии шрифтом были напечатаны в 1708 г. только первые три книги. Но, вероятно, опыт убедил, что этот шрифт не совсем удобен для чтения, а потому в „Побѣждающей крѣпости" сделаны были уступки, напоминающие прежнюю азбуку: в книге являются три славянские буквы, над ї стоят две точки, сверх того, введены над словами „силы", которые в том же году были отменены, и некоторые буквы получили очертания, более подходящие к нынешним. В 1709 г. гражданские книги печатались безразлично, то тем, то другим шрифтом; тогда же встречаются буквы „Э" и „Ѳ". В „Вѣдомостяхъ" 1710 г. та же смесь шрифтов только в первых нумерах, но книги этого года печатались так, как 2-е издание „Побѣждающей крѣпости"; в них попадается V. В таком виде

гражданский шрифт находился во все продолжение царствования Петра.

Такие указания дает наиболее глубокий исследователь петровской эпохи — Пекарский (95). Но эти указания не совсем точны. Так, Пекарский утверждает, что буква Ѳ появляется в петровских изданиях 1709 г. Некто П. Дмитриев (96), имевший в своей библиотеке три экземпляра „Слюзной книги", изданной в 1708 г., доказал, что буква Ѳ существовала уже в первоначальном шрифте, вывезенном из Голландии. Основываясь на указаниях того же Пекарского и других определенных данных (97), мы знаем совершенно точно, что Антон Демей привез с собой новоизобретенных русских литер три азбуки. Таким образом можно думать, что из Голландии был привезен шрифт не одного вида. Как различались между собой упоминаемые в указе эти три азбуки, мы, конечно, не знаем, но можно с уверенностью сказать, что различие между ними, несомненно, было, и определенно известно, что точек и „сил" (ударений) совсем не было привезено из Голландии, что подтверждается письмом Мусина-Пушкина к Петру Великому от 17 мая 1708 г.

Петровская переделка придала азбуке приблизительно тот вид, который она имеет теперь.

Была, однако, разница в некоторых частностях. Фигура нашего маленького „б" употреблялась и как большое, т.-е. были не две буквы „б", как теперь, а только одна. Буква „д" малое резко отличалась от „Д" большого, почти совпадая с длинною рукописною разновидностью этой буквы, равной латинскому рукописному „g". „И" десятеричное печаталось обыкновенно не с одной точкой, а с двумя, или вовсе без точки. Буква „Н" значительно превосходила теперешнюю шириной. Буквы „р" „у" и „ф" и в большом виде подходили под строчку и отличались от малых только ростом. Буквы „ц" и „щ" представляли своеобразные отростки (хвостики)—с изломом и загибом. „Ѳ" была перечеркнута не прямой чертой, а витой. „ъ", „ь", и „ѣ" были высокие, выдававшиеся над строкою. Такое начертание буквы эти сохранили и в шрифтах екатерининского времени; в общем, петровский шрифт был простой, не вычурный и удобочитаемый.

Обращаясь к форматам книг петровской эпохи, мы видим, что самым распространенным является 4°; ни grand folio, ни очень маленьких книг в формате, распространенном Эльзевирами, в то время не издавалось. Очень многие книги петров-

ской эпохи выпускались прямо в переплетах, при чем они делались из целой кожи.

Что касается тиража книг петровской эпохи, то большинство книг печаталось в количестве от 100 до 1.200 экземпляров. Указание одного из исследователей последнего времени, В. В. Буша ([98]), на 5.000 экземпляров не совсем точно. Только азбуки, книги духовного содержания и указы выходили в значительном количестве экземпляров: так, в 1722 г. в московской типографии азбук учебных было выпущено 14.292 экземпляра, святцев в 8° — 4.559, эктиний на победы — 16.799, присяг для духовных — 16.800; в 1725 г. азбук—11.840. Календари выпускались в количестве 1.600, фейерверки — в 100 экз.; брошюра на погребение Петра в 1725 г. была выпущена в количестве 1.170 экземпляров ([99]). Огромный тираж имели манифесты и указы, касающиеся скандалов в семейной жизни Петра, о чем уже упоминалось выше. При Екатерине I, когда стали появляться подметные письма, „Правда воли монаршей“ была вновь перепечатана в количестве 14.430 экземпляров, а манифест от 3 февраля 1718 г.— в количестве 11.000 экз. ([100]). Еще в 1727 г. шла деятельная переписка обер-коменданта выборгской крепости Ивана Шувалова с пасторами новозавоеванных провинций; этим лицам также посылалась „Правда“ с тем, чтобы они читали ее по воскресеньям своим прихожанам. Тщетно пасторы возражали, что их прихожане не понимают по-русски, а переводить книгу некому,—исполнительный Шувалов стоял на своем, и неизвестно, чем бы могло все это кончиться для пасторов... только с восшествием на престол Петра II, сына царевича Алексея, состоялось тотчас же определение ([101]) отбирать и отсылать следующие книги: а) манифест об отречении от наследования царевича Алексея, б) объявление по делу о нем, в) объявление по делу Глебова и епископа Досифея, г) устав о наследовании престола от 5 февраля 1722 г. „также и прочія, ежели къ тѣмъ дѣламъ явятся приличныя“ ([102]).

Когда именно началась продажа книг в Петербурге—точно неизвестно, но в 1714 году существовала уже при тамошней типографии книжная лавка в Новом Гостином дворе ([103]). Больше всего расходился календарь, затем различные уставы, указы, артикулы; так, например, указа о взятках, так сильно практиковавшихся в то время, в одном мае месяце 1715 г. было продано 270 экземпляров, указа о фискалах в марте месяце того же года разошлось 345 экземпляров. Манифест

о лишении наследования царевича Алексея Петровича в марте 1718 г. разошелся в количестве 1.329 экземпляров. Мемориал о разрыве в 1720 г. с Англией был напечатан на русском

ОПИСАНІЕ
ПОРЯДКА ДЕРЖАННОГО
при погребеніи блаженныя высокославныя и
вѣчнодостоинѣишія памяти всепресвѣтлѣишаго
державнѣишаго
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
Імператора и самодержца всероссійскаго
и блаженныя памяти ея Імператорскаго
высочества государыни цесаревны
НАТАЛІИ ПЕТРОВНЫ
№ 273.
Печатано въ ТУПОГРАФІИ Московской
Лѣта Гдня 1726 Мца марта въ превод.
Печатана гсо. въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ при Сенатѣ.
Лѣта Гдня 1725.

языке в количестве 1.181 экземпляра и на немецком 1.184 экземпляра, и из всего этого количества за два года было продано всего 181 экземпляр. Голландского лексикона, вышедшего в апреле 1717 г., в течение двух лет не было продано

ни одного экземпляра. „Рассуждения“ Шафирова о войне со шведами отпечатано было 20.000 экземпляров, а продано с 1722 г. по 1725 г. всего 50 экземпляров.

Из дел Московской Синодальной типографии видно, что за время с 1721 г. по 1725 г. в ней было напечатано всего книг 394.813 экземпляров, которые обошлись печатанием 54.136 рублей, а по продажной цене стоили 71.081 рубль.

Продажа книг шла очень плохо,—так, московская типография в 1724 г. выручила от продажи книг всего 3.000 руб. Типографии страдали хроническим безденежьем ([104]). Вместо денег, в жалованье за работу и литье литер мастеровым выдавались книги по продажным ценам: так, в 1724 г. их было выдано на 3.603 рубля, в 1725 г.—на 1.872 рубля. Выдача книгами производилась нередко и за поставленную в типографию бумагу: так было выдано книг в 1723 г. на 2.000 руб. и в 1726 г.—на 503 рубля. Такие выдачи книгами вместо денег производились „за неимуществомъ въ казнѣ денегъ“. Замечательно, что в таких случаях служащие и мастеровые просили выдавать им книги церковные московской и киевской печати.

Киево-печерская и черниговская типографии при Петре Великом были подчинены синоду и было отдано распоряжение „вновь книгъ никакихъ, кроме церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать“. Помимо этого, выход в свет изданий был поставлен под цензуру, так как в том же распоряжении было сказано: „а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти“.

Бумага, на которой печатались книги петровской эпохи, покупалась за границей. В некоторых изданиях небольшое количество экземпляров печаталось на александрийской бумаге. В 1723 г. состоялся указ Петра для типографий Москвы и Петербурга покупать бумагу „русскаго дѣла на петербургской и дудоровской мельницахъ“ ([105]). Но и после этого указа многие книги печатались на заграничной бумаге.

С началом деятельности Петра Великого завершаются наши средние века. Традиционное мировоззрение средних веков сменяется новым: на место старого „книжнаго почита-

нія“ и легенды ставится реальное знание; старая боязнь перед иноверным Западом и его наукой, подозреваемой в чародейском происхождении, для самого Петра не существует и поневоле исчезает у его сотрудников, когда он, вырывая их из умственной лени старого обычая, посылает их прямо в этот иноверный Запад учиться. Под влиянием его собственного примера и нового опыта и науки, умственная жизнь и литература получают характер светский; книжный человек не есть уже только церковник, как бывало в старину; книга говорит о реальных предметах знания, о современных политических делах, обращается ко всем грамотным людям и говорит новым языком.

Несмотря на то, что издания петровской эпохи по своему внутреннему содержанию имеют преимущественно утилитарный характер, по внешности они отличаются крупными достоинствами: хорошая бумага, простой и удобочитаемый шрифт, художественное исполнение репродукций и удобный формат, бесспорно, дают книгам этой эпохи одно из самых почетных мест в истории книги на Руси.

Глава вторая.

КНИГА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА.

Со смертью Петра Великого в России прекратилась планомерная книгоиздательская деятельность. За полным отсутствием частной издательской инициативы, книги появляются вследствие правительственных заказов и, главным образом, по поручению двора по художественно-увеселительной части. Литература XVIII столетия отличалась ложно-классическим направлением и искусственно сочиненным языком. Будучи совершенно чужда жизни, литература того времени не оказывала никакого влияния и скорее терпелась, как одна из принадлежностей культуры жизни, чем ценилась по своему внутреннему содержанию [106]).

Русское издательство этого времени в значительной части питается незадолго до того основанной Академией Наук. Еще в 1727 г. Академия Наук начала издавать свои труды на латинском языке: Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Одновременно Академия решила издавать труды своих членов и на русском языке. Издание

это было задумано широко, и для исполнения гравюр к трудам специально был выписан из-за границы гравер на меди Оттомар Еллигер, приехавший в Россию в 1726 году ([107]).

Первая часть этих трудов появилась в 1728 году под заглавием: „Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наукъ, часть первая, на 1726 годъ. Напечатано въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ. 1728 года". 4°, 8 нен. + 245 нум. + 4 нен. стр. с 7 таблицами и тремя виньетками ([108]). В этом издании труды наших академиков печатались в извлечениях, полностью же переводились только исторические исследования Байера: 1) „О начаткѣ и древнихъ пребывалищахъ Скиѳовъ", 2) „О мѣстоположеніи Скиѳіи въ лѣта Геродота" и 3) „О стѣнѣ Кавказской".

В комментариях, кроме статей исторических, помещались следующие исследования по физике, математике, анатомии, ботанике и астрономии: 1) „О первыхъ ученія физическаго фундаментахъ, 2) о щете інтегралномъ, 3) о Кеплеріа предложеніи, 4) ботаника, 5) о движеніи мышицъ, 6) описаніе анатомическое сосудовъ млечныхъ, 7) о мѣху, въ которомъ первопитательный сокъ отвсюду скопляется, и его протокѣ грудномъ, въ катапардѣ, фокѣ и въ слонѣ усмотрѣнномъ, 8) о сіяніи сѣверномъ, 9) о причинѣ тяжести отъ движенія вихрей, 10) о исправленіи барометровъ, 11) исторія о скорби, приключившейся в (uterque) литіе, 12) наблюденія астрономическія, увѣщаніе, 13) затмѣнія спутниковъ Юпитеровыхъ, наблюдены въ С.-Петербургѣ черезъ господъ Іосифа-Николая Делиля и брата его Людовика Делиля де-ла-Кроэра, 14) примѣчанія на сіи наблюденія, 15) употребленіе прежде бывшихъ усмотрѣній, для установленія расположенія Санктпетербурга, смотря по протчимъ Европейскимъ обсерваторіямъ, 16) затмѣнія спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Парижѣ, 17) разность меридіановъ Парижа и Санктпетербурга, 18) затмѣнія спутниковъ Юпитеровыхъ наблюдены въ Болоніи, въ Италіи, 19) разность меридіановъ Санктпетербурга и Болоніи — иже въ Италіи, 20) затмѣніи перваго спутника Юпітерова, наблюденныя въ Лісбонѣ, и 21) примѣчанія на сіи наблюденія". К некоторым статьям приложены рисунки. В предисловии к Комментариям, которое начинается следующими словами: „Доброхотному Россійскому читателю радоватися", между прочим сказано: „Здѣ предлагается тебѣ книга, въ ней же все то содержится, въ чемъ Профессоры здешнія Акаде-

міи Наукъ потрудилися, 1726 года. Якоже бо безъ сумнѣнія тебѣ довольно извѣстно есть, что кромѣ повседневныхъ часовъ, къ наставленію назначенныхъ, такожде повсенедѣльно дважды свое особливое собрание имѣютъ, въ которомъ все то, что всякъ въ домѣ испытывалъ, всему обществу представлялъ, и ихъ разсужденію предлагалъ, и тако оттуду произошла передъ нѣсколькими мѣсяцами изданная на Латинскомъ языкѣ книга, изъ которыхъ сіе изъято и сокращено есть", и далее: „И хотя тебѣ отъ всего сего довольно извѣстно есть, что Профессоры время свое къ расширенію наукъ добре и честне употребили, но еще опасаемся, да не рѣчеши: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшано? Не буди нетерпѣливымъ, любезный читатель, хотя сія вещь тебѣ и не весьма понятна. Прародители наши сего такожде не знали; дождешися оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснятъ, но и сами помощію Божіею, можетъ быть, такіе же добрые плоды принесутъ". Академики обѣщали на следующий год еще изготовить две части Комментариев; но Миллер свидетельствует, что русское общество не поняло Комментарий; этого, впрочем, как видно из приведенного предисловия, академики и ожидали, вследствие чего это весьма важное и интересное издание, являющееся одним из первых научных трудов русских академиков, прекратилось на первой части.

Академия Наук ввела некоторое усовершенствование в орфографию русской азбуки и ввела знаки препинания. Получив в свое ведение типографию, Академия ежегодно печатает календари и впоследствии указами 1739 и 1780 г.г. получает на это печатание монопольное право.

За время с 1726 г. по 1740 г. количество печатавшихся в России книг, по сравнению с прошлым, уменьшилось; за это время было выпущено всего 175 названий, т.-е. по 11,9 в год, тогда как в первой четверти XVIII столетия их выходило, не считая церковно-служебных, по 19 названий в год.

Существовавшие прежде цензурные стеснения продолжают попрежнему сказываться и в описываемое время: так, в 1728 г. академику Делилю не было разрешено издать на русском языке перевод книги „О движеніи земли". С воцарением Анны Ивановны стеснения эти еще более увеличиваются; так в 1732 г. была арестована книга „Камень вѣры", а автор ее, Феофилакт Лопатинский, лишается сана и заключается в Выборгский замок. В 1735 году Синод запрещает книгу „Уче-

ніе о началѣ христіанскаго житія". В 1733 году издается указ, в котором повелено „изданную книгу на нѣмецкомъ языкѣ о жизни бывшихъ гр. Остермана, гр. Миниха и герцога Курляндского Бирона, въ которой между прочимъ вымышленно затѣйные предосудительные въ Россійской Имперіи пашквильные пассажи находятся — сжечь".

За все десятилетие царствования Анны Ивановны выходит всего 140 названий книг, при чем из них значительная доля падает на издания, относящиеся к различным дворцовым торжествам и праздникам. Вообще взгляд правительства на просвещение в России прочно устанавливается знаменитым указом 12 декабря 1735 г., в котором говорится, что „подлый народъ не слѣдуетъ обучать грамотѣ, дабы его не отвлекать от черной работы".

Самым красивым и наиболее богато иллюстрированным изданием этого времени является „Опісаніе коронаціи Імператрицы Анны Іоанновны. Печатано въ Москвѣ, 28 Апрѣля 1730 году"; в лист, 46 страниц, портрет и 15 листов с гравюрами ([109]). Книга начинается портретом Анны Ивановны, гравированным Вортманом с портрета, рисованного Караваккой. Все гравюры исполнены под руководством Еллигера, и его именем подписаны четыре из них. То же издание было выпущено в 1731 году с текстом на немецком языке, причем кроме тех гравюр, которые находились в русском издании, здесь помещены две виньетки: на странице 1 — герольды, объявляющие о дне коронации, с подписью: „Schumacher delin. — Or. Elliger fecit" и на странице 28 — народный праздник и угощения из жареных быков и винных фонтанов; на канате виден танцующий персианин. Хотя русское издание было выпущено прежде немецкого, но отпечатки с досок для немецкого издания были сделаны ранее и потому лучше, за

Опісаніе коронаціи.
ея величества імператріцы.
и самодержіцы всероссійской.
АННЫ ІОАННОВНЫ
торжественно отправленной
въ царствующемъ градѣ москвѣ.
28 апрѣля. 1730 году

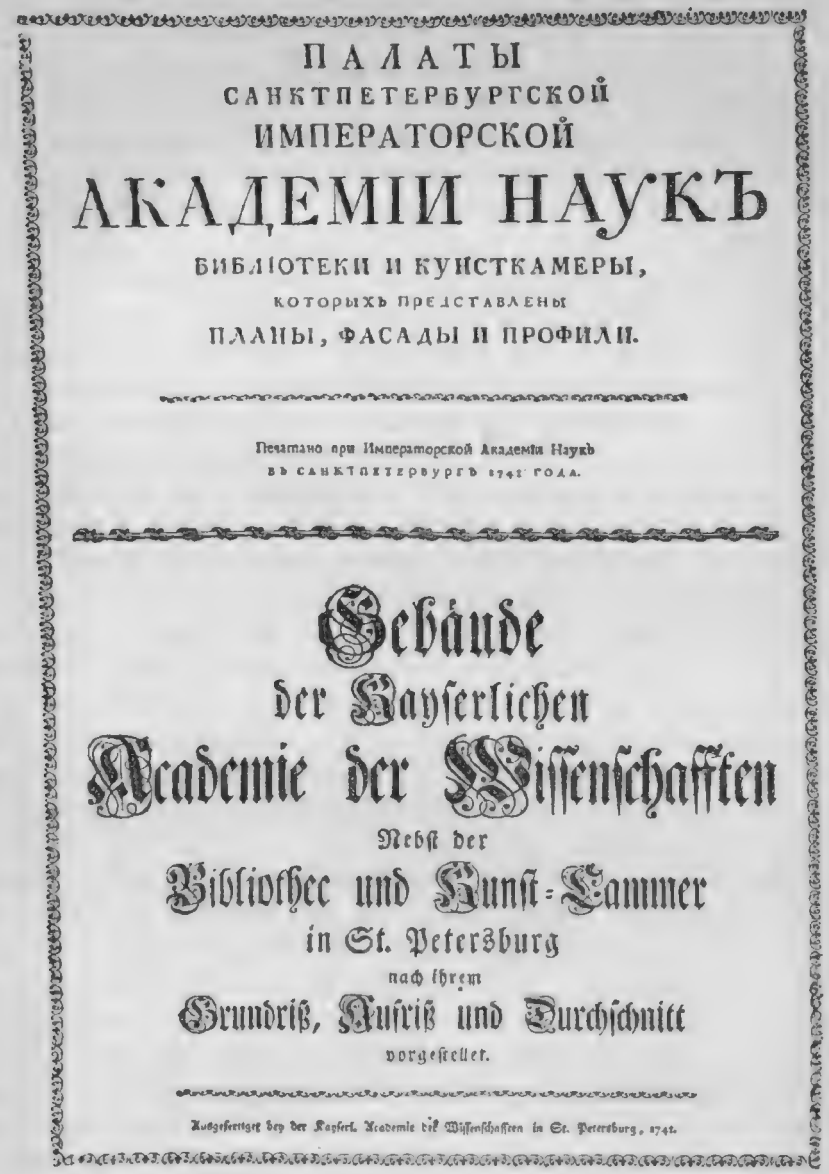
Печатано въ Москвѣ при Сенатѣ.
Октября 31 дня. 1730 году.

исключением портрета Анны Ивановны, который в русском издании лучше, чем в немецком ([110]).

Гравер Оттомар Еллигер, под руководством которого были исполнены все гравюры для этого издания, как сказано выше, был выписан в Россию еще в 1726 году для работы в Академических Известиях. Биографические сведения о нем как в труде Д. А. Ровинского „Словарь русских граверов“ ([111]), так и в некоторых иностранных словарях, например у Наглера ([112]), неполны и неточны. Так, в некоторых словарях совсем не указан год его рождения, а год смерти ошибочно указан 24 ноября 1732, также неверно, что он спился и умер в тяжелых условиях в Амстердаме. Наглер же ни слова не говорит о том, что Еллигер был и умер в России. Только в недавно, сравнительно, вышедшем словаре Тиме ([113]) мы находим более обстоятельную его биографию, из которой видно, что Еллигер родился в Гамбурге 19 февраля 1666 года и умер в Петербурге 9/20 ноября 1735 года. Он был, главным образом, исторический и портретный живописец и посредственный гравер. Живописи он учился у своего отца, а по смерти его — у Михаила Мушера в Амстердаме, а затем у Лереса. В 1716 году он был сделан придворным живописцем курфюрста Майнцского. Картины его находятся в музеях Вены, Касселя, Бордо и в Детском Селе ([114]). Гравюры его работы в Библии Мартье 1700 г.; ему же приписываются гравюры в „Новом Завете“ (Jan Luykens). По приезде в Петербург, Еллигер в 1726 г. награвировал три вида Петербурга с рисунков архитектора Марцелиуса, прибывшего в том же году из Дании. Им же вместе с учениками были награвированы 10 досок к неизданному описанию ордена св. Андрея ([115]) и четыре картинки, изображающие четыре времени года в календарь на 1730 г. Им был выгравирован портрет Анны Ивановны для описания коронации, но почему-то был забракован и заменен портретом работы Вортмана.

Гораздо большее значение для истории русской гравюры имел другой иностранный гравер—Христиан-Альберт Вортман, приехавший в Россию в 1727 году по приглашению Шумахера занять место гравера при Академии Наук ([116]). Появление Вортмана в России составляет новую эру в истории русского гравирования, преимущественно портретного.

Вортман родился в Померании в 1692 году и умер в Петербурге 31 декабря 1760 года; учился он гравированию у



ПАЛАТЫ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
БИБЛІОТЕКИ И КУНСТКАМЕРЫ,
КОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНЫ
ПЛАНЫ, ФАСАДЫ И ПРОФИЛИ.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1741 ГОДА.

Gebäude
der Kayserlichen
Academie der Wissenschafften
Nebst der
Bibliothec und Kunst-Cammer
in St. Petersburg
nach ihrem
Grundriß, Aufriß und Durchschnitt
vorgestellet.

Ausgefertigt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften in St. Petersburg, 1741.

И. Г. Вольфганга в Берлине. Еще до приезда в Россию Вортман составил себе имя хорошего гравера исполнением двух больших портретов короля польского Фридриха-Августа и короля шведского. В России Вортман взял к себе целый ряд учеников, из числа которых особенно выделились: Филипп Маттарнови, Иван Соколов, Григорий Качалов, Андрей Гре-

ков, Ефим Виноградов, Яков Васильев, Ефим Внуков, Андрей Поляков, Иван Еляков. Эта школа граверов, просуществовавшая у нас около 30 лет, отличалась блестящим резцом и чрезвычайной добросовестностью в исполнении подробностей. Деятельность этой школы относится, главным образом, к елисаветинскому времени, и только доски к изданию „Палаты Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ“ были награвированы в 1738 году ([117]). Книга эта одновременно напечатана в двух изданиях, одно в лист, другое в 4°. При издании в лист на фронтисписе изображена мать (Анна Ивановна), приводящая к Минерве детей своих; вдали аллегорические изображения наук и статуя Петра I и подпись: „Петръ началъ, Анна совершила“ и вензель „*A*“: „Bartolomeo Tarsia inv. P. G. Mattarnovy sculp.“. Есть экземпляры, на которых вензель „*A*“ заменен вензелем „*E*“. Издание это не было закончено при Анне Ивановне и поднесено Анне Леопольдовне с посвящением. Впоследствии посвящение это было уничтожено и экземпляры с посвящением чрезвычайно редки. Впереди помещено описание на 26 страницах, далее на 8 страницах идет краткое известие об Академии и объяснение чертежей. При книге XII гравюр, из них три листа для издания в лист и в два листа для издания в 4° гравированы Вортманом, остальные листы — Иваном Соколовым, Андреем Поляковым, Григорием Качаловым и Маттарнови. Чертежи издания in 4° копированы с издания в лист.

Кроме этих двух лучших изданий этой эпохи, надлежит указать на издание Академии Наук 1734 г., „Описаніе о Японѣ“ ([118]) в 3 частях с четырьмя гравюрами; перевод сделан Степаном Коровиным Синбиренином и Иваном Горлицким. Подписи под гравюрами—на русском и немецком языках. Из предисловия к „Описанію о Японѣ“ видно, что оно заимствовано из путешествия Тавернье. Особый успех имел перевод с французского Василия Тредьяковского „Ѣзда на островъ любви“ 1730 г., 12°, 12 нен. + 210 + 2 нен. стр. с гравированным гербом кн. Куракина и гравюрой ([119]). Книга эта вторично была издана в 1778 г., а в 1834 г. вышло 3-е издание. Другой перевод того же Тредьяковского, „Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ“, 1737 г., 8°, 4 нен. + 10 + 224 стр. ([120]) также выдержал три издания: 2-е — в 1745 г. и 3-е — в 1787 г.

К числу переводов с французского относится „Граціанъ придворный человѣкъ“ 1741 г., 4°, 2 нен. + 262 стр., пере-

Фронтиспис к изданию „Палаты Академии Наук“. Петербург 1741.

вод секретаря канцелярии Академии Наук Сергея Волчкова, с посвящением Анне Леопольдовне ([121]). Этим же С. С. Волчковым были переведены с французского: „Совершенное воспитаніе дѣтей". СПБ. 1747 г., „Езоповы басни". СПБ. 1747 г., „Полибіева военная исторія" 1756—1760 и „Монтаньевы опыты" 1762 г. и с немецкого: „Житіе и славныя дѣла Марка Аврелія Антонина" 1740 г. и „Достопамятное въ Европѣ" 1761 г.

В царствование Анны Ивановны развивается особый вид литературы, это—„оды" и „слова" на разные случаи, издаваемые с хорошими гравированными виньетками, как например, „Ода на взятіе Гданска 1734 г." Тредьяковского, „Панегирекъ Императрицѣ Аннѣ 1732 г.", „Ода Императрицѣ Аннѣ на 1736 г." с четырьмя виньетками и др.

В числе изданий этого времени надлежит указать на издание 1740 г. „Описаніе житія и дѣлъ Евгенія Савойского", перевод Тауберта. В этом издании две красивых гравированных заглавных буквы, одна заставка—герб Савойскаго, красивая концовка, портрет Савойского, гравированный Маттарнови, планы и виды сражений.

О том, какие книги издавались в эту эпоху, полное представление дает чрезвычайно интересная „Роспись книгамъ, изданнымъ при Академіи Наукъ и продающимся въ лавкѣ Академіи въ 1736 году" ([122]). Согласно указа Сената ([123]), росписи эти должны были быть публикованы „для извѣстія въ губерніяхъ и провинціяхъ". Сохранилось известие о том, что архангельский губернатор, получив эту роспись, приказал „оными печатными росписями черезъ барабанный бой публиковать" ([124]). Очевидно, появление росписи в губерниях составляло в то время крупное событие, своего рода диковинку, раз о появлении ее оповещалось с барабанным боем.

Роспись эта, составляющая большую библиографическую редкость, напечатана в два столбца на большом листе шероховатой серо-желтой бумаги, в алфавитном порядке, и носит заголовок: „Роспись онымъ книгам, которыя понынѣ при Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ напечатаны и въ книжной лавкѣ для продажи находятся 1736" ([125]). Из 56 перечисленных в росписи книг только около половины—25—напечатаны на русском языке, остальные напечатаны на иностранных языках, главным образом на немецком, или на двух языках, из которых один русский. По своему содержанию

роспись представляет огромное разнообразие: на-ряду с иностранными лексиконами, словами и речами на разные случаи, комментариями Академии, известиями о винтовках, законах, календарями, мы видим историю японскую и древнюю, описание солнечных часов, книги по математике, разговор „читанный чрезъ господина Делиля“ о движении земли, и тут же рисовальную книгу и чуть не десяток книжек, описывающих „иллуменаціи“ и „фейерверки“, и, наконец, такую, вероятно, очень заманчивую для современников по названию книгу, как „Ѣзда на островъ любви“. На-ряду с этими книгами в росписи встречаются книги, правда в весьма ограниченном количестве, относящиеся к истории русской литературы, как например, „Словесная книга на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ первыми основаніями россійскаго языка“ (1731 г.). Надо полагать, что эти „основанія русскаго языка“ — переложения из переизданной в 1721 году грамматики Милетия Смотрицкого и изданной несколько позже грамматики Максимова.

Обращает на себя внимание своеобразное правописание многих слов росписи, в которой встречаются чуждые родному языку обороты, например: „тарівъ“ (тариф), „Сѵнопеевы медіческія усмотрѣнія на латинскомъ языкѣ“, „механіка“, „оптіка“. В некоторых же словах еще заметны следы церковного языка; так, в словах „Буксбаум“ и „лексикон“ напечатана буква „кси“, вскоре изъятая из гражданской азбуки. Наконец, напечатанные в росписи „Слова при погребеніи высокоблагородныхъ господъ: фонъ-Вейде, фонъ-Гинтера, Карла фонъ-Бирона, Бриссе“ и др. очень наглядно говорят о значении того иностранного влияния, которое было так сильно в эпоху составления росписи.

Не менее интересна и другая роспись, Московской Синодальной типографии, под заглавием „Реестръ имѣющимся въ московской Типографіи печатнымъ продажнымъ церковнымъ и гражданскимъ въ десть, въ полдесть, въ четверку и въ осмуху книгамъ, и какимъ цѣнамъ каждая въ переплетѣ и въ тетрадяхъ“. Реестр этот относится к 1751 году ([126]) и также рассылался в провинциальные города, при чем в препроводительной бумаге было выражено желание, „дабы всякъ о продажныхъ книгахъ надежно вѣдалъ, могъ бы для покупки ихъ самъ пріѣзжать или кого присылать“.

Сохранилось сведение о том, что в Галиче, например, было определено реестр прибить на стенах и публиковать о том

с барабанным боем, а в Чухломе — копии с реестра решено дворянам объявить через сотских ([127]).

В этом перечне 1751 года идет целый ряд церковных книг, служебных и духовно-назидательного характера, между которыми встречаем известную книгу „Камень вѣры“, а также розыск о раскольниках.

По этому реестру весьма трудно судить о вкусах публики к книгам, потому что реестр представляет пеструю массу по всем отделам знаний; обращает на себя внимание значительное число книг, имеющих деловой характер, как, например: „о огородныхъ уборахъ“, „о снасткѣ англійскихъ кораблей“, „календарь журнальный“, „система о законѣ махометанскомъ“, „исторіографія“, „геометрія“, „синусъ или логариѳмъ“, „исторія Самуила Пуффендорфа“. Почему-то молитвенники были разные: сухопутный и морской.

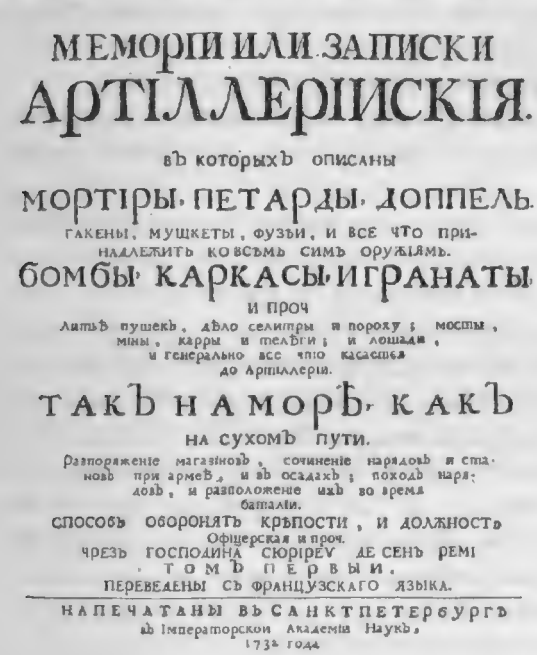
Сравнение стоимости книг того времени с современной приводит к тому, что в эпоху рассылки реестра цены на все книги были весьма высоки, что, конечно, в сильной степени тормозило их распространение, а следовательно, и общее развитие просвещения. Если мы представим себе, что цена денег в половине XVIII столетия была только в шесть раз дороже теперешней, то в таком случае читатель 1751 года, приобретая, положим, „Новый Завет“ за 1 р. 20 к., уплачивал то же, что нам теперь стоило бы 7 р. 20 к; букварь в 25 к. равняется 1 р. 50 к.; сочинения Ломоносова, покупавшиеся за 1 р. 50 к., на наши деньги равнялись 9 руб., а „Меморіи Артиллерійскія“, продававшиеся за 6 р., равнялись 36 руб.; 12 книг „Миней Мѣсячных“ стоили 24 р. 20 к., т. - е. 145 р. 20 к.

Что касается периодической прессы в эту эпоху, то „Вѣдомости“ в 1727 г. прекратились и были заменены „Санктпетербургскими Вѣдомостями“, находившимися под смотрением Академии Наук; редактировались они членами Академии по ее избранию: Г. Ф. Миллером, потом И. И. Таубертом, а с 1748 года — М. В. Ломоносовым и профессором „элоквенции“ Я. Я. Штелином.

С 1727 года издавалась при Академии „St.-Petersburger Zeitung“. Эта газета должна была знакомить Запад с тем, что происходит в России ([128]). Газеты носили строго правительственный характер; все, что происходило за границей на политическом театре, передавалось в очень осторожных выражениях.

Газеты, главным образом сообщали отдельные курьезы и факты, подходящие под рубрику „разных известий".

Среди всех иллюстрированных изданий, вышедших в России за время с 1726 г. по 1740 год, „художественных" изданий мы не можем насчитать более 19, считая в том числе три книги, изданные уже в 1741 году ([129]). Из числа этих 19 изданий — шесть относятся к разным придворным торжествам. Все издания печатаны в типографии Академии Наук. Гравюры в них исполнены: Адольским, Вортманом, Еллигером, А. Зубовым, Качаловым, Любецким, Маттарнови, Пикаром, Ростовцевым и И. Соколовым.


МЕМОРІИ ИЛИ ЗАПИСКИ
АРТІЛЛЕРІИСКІЯ.
въ которыхъ описаны
МОРТІРЫ. ПЕТАРДЫ. ДОППЕЛЬ.
гакены, мущкеты, фузьи, и все что принадлежитъ ковсѣмъ симъ оружіямъ.
БОМБЫ КАРКАСЫ ИГРАНАТЫ
и проч
Литьѣ пушекъ, дѣло селитры и пороху; мосты, мины, карры и телѣги; и лошади, и генерально все что касается до Артиллеріи.
ТАКЪ НАМОРѢ КАКЪ
на сухомъ пути.
Разпоряженіе магазиновъ, сочиненіе нарядовъ и становъ при армеѣ, и въ осадахъ; походъ наряду, и разположеніе ихъ во время баталіи.
СПОСОБЪ ОБОРОНЯТЬ КРѢПОСТИ, И ДОЛЖНОСТЬ Офицерская и проч.
ЧРЕЗЪ ГОСПОДИНА СЮРІРЕУ ДЕ СЕНЬ РЕМІ
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
ПЕРЕВЕДЕНЫ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.
НАПЕЧАТАНЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
въ Императорской Академіи Наукъ,
1732 года

Известно, что литературный русский язык в первую четверть XVIII столетия, в эпоху петровских реформ, представлял собою довольно пеструю смесь древних русских слов, церковно-славянских и многих иностранных с примесью варваризмов. В оборотах речи была полная произвольность и правил правописания не существовало. При Академии Наук в 1735 году было учреждено Российское Собрание, которое, между прочим, имело целью „радѣть о совершенствѣ, чистотѣ и красотѣ языка", но ни это собрание, ни некоторые писатели, как например, Кантемир и Тредьяковский, не могли выработать более чистый и литературный язык. Для того чтобы создать письменный русский язык и сделать его пригодным для выражения всевозможных мыслей, требовался гений, и этим гением был Михаил Васильевич Ломоносов.

Ломоносов прежде всего определил взаимные отношения русского и церковно-славянского языков и строго разграничил и тот и другой; затем он старался освободить русский язык от накопившихся в нем варваризмов и иностранных слов, обогатив его новыми словами из лексического материала,

предоставленного органическим процессом жизни языка родного. Неологизмы его были словами вполне понятными для русского, совершенно соответствующими духу и всему складу нашего национального языка, поэтому русский язык от них не терял своего облика, но становился богаче и красивее. В 1739 году Ломоносов писал: „Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростью и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, въ себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ". Свои мысли и взгляды на взаимные отношения русского и церковно-славянского языков Ломоносов впоследствии изложил подробно в статье „О пользѣ книгъ церьковныхъ въ россійскомъ языкѣ" (напечатана в 1757 г.) ([130]). В то же время он никогда не стремился вполне изгнать все иностранное: он не колебался употреблять иностранные слова, если не было соответствующих славянских слов, и оставлял чужестранные выражения, к которым все успели уже привыкнуть.

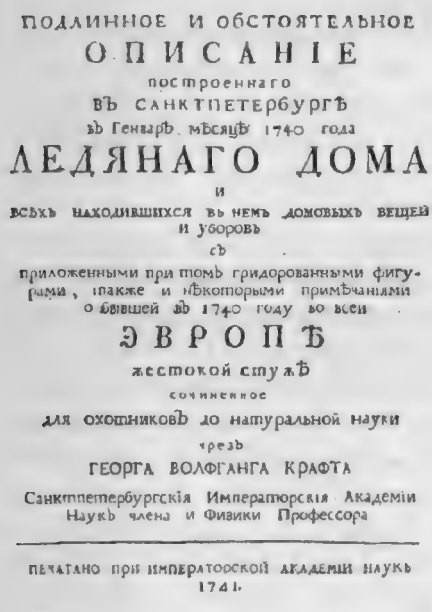
Ода на взятие Хотина, написанная Ломоносовым, была первым произведением на чистом, ясном и легком языке, она была написана ямбом, — тоническим размером, примененным, как известно, впервые В. К. Тредьяковским. В 1739 году эта ода, вместе с письмом о правилах российского стихотворства, где, кроме правил и примеров, имеется и критика взглядов В. К. Тредьяковского, была передана Ломоносовым Академии Наук, но напечатана она была лишь в 1751 году. Первыми же напечатанными одами Ломоносова были: ко дню рождения Иоанна Антоновича и на победу над шведами при Вильманстранде (23 августа 1741 г.). Оды эти были напечатаны в „Примѣчаніяхъ" къ „Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ" и своим ясным и легким языком обратили на себя общее внимание.

Заслуги Ломоносова пред всем русским народом в деле образования литературного языка, несомненно, огромны: он дал русскому языку самобытное место, доставил ему права гражданства в ряду других письменных языков.

Деятельность Ломоносова, главным образом, относится к царствованию Елизаветы Петровны, с восшествием на престол которой окончилось десятилетнее господство немцев; долго накоплявшееся озлобление против немцев вызвало естественную реакцию и повело за собой подъем национального

чувства. Ломоносов и был блестящим представителем идеи национализма того времени.

Ломоносов был творцом не только литературного языка, но и языка научного. В предисловии к переводу труда Христиана Вольфа „Экспериментальная Физика“ он писал: „Сверхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей, которые хотя сперва покажутся нѣсколько странны, однако, надѣюсь, что они со временем черезъ употребленіе знакомѣе будутъ“. И надежда Ломоносова на то, что слова эти „будутъ знакомѣе“, вполне оправдалась: очень многие слова нашего научного языка, с которыми мы теперь вполне свыклись, как например: барометр, термометр, атмосфера и т. д., были именно Ломоносовым введены в научный оборот.



ПОДЛИННОЕ И ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ
ОПИСАНІЕ
построеннаго
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
въ Генварѣ мѣсяцѣ 1740 года
ЛЕДЯНАГО ДОМА
и
всѣхъ находившихся въ немъ домовыхъ вещей и уборовъ
съ
приложенными при томъ гридорованными фигурами, такжде и нѣкоторыми примѣчаніями о бывшей въ 1740 году во всей
ЭВРОПѢ
жестокой стужѣ
сочиненное
для охотниковъ до натуральной науки
чрезъ
ГЕОРГА ВОЛФГАНГА КРАФТА
Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ члена и Физики Профессора

ПЕЧАТАНО при императорской академіи наукъ 1741.

Кроме Ломоносова, несомненно, ценными в научном отношении являются труды В. К. Тредьяковского, как например, его „Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ортографіи старинной и новой“ 1748. По мнению Перевлесского, некоторые из замечаний Тредьяковского, изложенные в его „Разговоре“, давно уже сделались неотъемлемым достоянием науки.

С воцарением Елизаветы Петровны было велено все книги с посвящением Иоанну Антоновичу представить в синод для уничтожения посвящений прежнему императору и замены их посвящениями Елизавете Петровне. Несколько позже, именно 19 августа 1748 г., вышел другой указ, в котором было сказано: „книги россійскія и иностранныя, в которыхъ упоминаются въ два бывшихъ правленія извѣстные персоны“—„предъявлять въ десіянсъ Академію“ ([131]). Всего любопытнее то, что по этим указам стали поступать во множестве книги и карты, которых вовсе и представлять не следовало, что, несомненно, служит характерным показателем того, с каким усердием

исполнялись такого рода распоряжения власти и как мало тогдашнее русское общество дорожило книгами.

В царствование Елизаветы Петровны Академия Наук в 1747 году получила новый Регламент, и вместе с этим значительно расширилась издательская деятельность Академии приглашением к литературному делу профессоров и переводчиков, при чем в качестве последних выступили такие силы, как Ломоносов, Тредьяковский, Лебедев, Теплов, Поповский, Сергей Волчков, проф. Крашенинников, Ремизов и др., и мы

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

видим, что переводы с латинского, немецкого, французского и итальянского языков составляют главную часть литературы, изданной в эту эпоху.

В первой половине царствования Елизаветы Петровны, за время с 1741 г. по 1750 г., число напечатанных изданий не превышает 180 названий, но с основанием в 1755 г. Московского Университета и с учреждением в 1756 году типографии при нем, а в 1757 году при Сухопутном Шляхетном Корпусе, число изданий во второй половине царствования, т.-е.

с 1750 года по 1761 г., уже достигает 432 названий. Общее число названий, вышедших при Елизавете Петровне, достигает 612, не считая „публикованныхъ въ народъ“ около 1.600 манифестов и указов. Кроме того, значительное число книг в 1761 году находилось в „тисненіи“, и не малая доля изданий, вышедших в 1762 и 1763 г. г. в количестве 215 названий, как ранее „зачатыхъ тисненіемъ“, должна быть отнесена к елизаветинскому времени. Таким образом среднее число изданий, выходивших в год при Елизавете Петровне, равняется 30 названиям со включением в это число книг на латинском, немецком, французском, итальянском, польском, греческом и голландском языках ([132]). Из числа всех книг, изданных в эту эпоху, бо́льшая часть была напечатана на русском языке. Иногда выходили издания на двух языках, при чем на русском языке печатались четные страницы, а на иностранном—нечетные. Выпускались издания в два столбца, главным образом, на русском языке. Речи академиков, научные их сочинения, а также разного рода обращения Академии Наук и Московского Университета к „любителямъ наукъ“, программы лекций и проч., печатались на латинском языке. На немецком языке были напечатаны оды, сочиненные немцами-профессорами и книги, касающиеся военного дела (вместе с русским текстом), а также „Санктпетербургскія Вѣдомости“ и некоторые манифесты и указы.

Российская Грамматика Михайла Ломоносова. Санктпєтербург 1755.

На французском языке печатались, главным образом, оперы, драмы и балеты, а также приглашения „любителям наук“ на торжественные собрания Академии и некоторые манифесты. На итальянском языке печатались оперы, драмы и балеты. На польском и греческом языках печатались приветственные стихи

Елизавете Петровне, произносившиеся членами Киевской Академии и Троицко-Сергиевой лавры, и на голландском языке была напечатана одна книга по морскому делу.

В количественном отношении первое место занимают манифесты и указы, бо̀льшая часть которых была „публикована въ народ“. Эти указы дают богатый материал для выяснения экономических и социальных фактов жизни того времени, в них находили себе отклик события из жизни российского народа: вопросы о государственных преступлениях, о налогах, о войнах, о торговле, о раскольниках, о дамских нарядах, о неввозе кружев из-за границы, о неезде цугом, о народном образовании, о беглых, о благоустройстве помещичьих земель, о продаже соли и вина, о некреплении малороссиян в услужение и проч.

Академия Наук была олицетворением умственной жизни всей страны благодаря участию таких выдающихся ученых, как Ломоносов, Миллер, Крашенинников, Крафт, Эйлер, Рихман, Делиль, Сигезбек, Гмелин, Румовский и др. Можно сказать, что не было такой стороны духовной жизни России, в которой Академия не оставила бы заметного следа: чистая наука, сделавшая в то время большие шаги вперед, широкая издательская и типографская деятельность Академии, издание научных и популярных книг, учебников и переводов с иностранных языков, издание русских, французских и немецких „Вѣдомостей“, „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ — первого на русском языке общеполезного журнала с энциклопедической программой,— издание календарей, атласов, карт, гравированных портретов и видов, академические университет и гимназия, публичные ассамблеи, публичные лекции и опыты, конкурсы на премии, научные экспедиции, академическая библиотека и кунсткамера, химическая лаборатория, анатомический театр, географический департамент и историческое собрание, типография и книжная лавка, состоящее при Академии особое собрание Академии Художеств, устраивавшиеся при участии Академии иллюминации и фейерверки, имевшие в то время общественное значение, так как в своих девизах и аллегориях они проводили известные просветительные идеи, наконец, многочисленные, состоящие при Академии, палаты, как то: рисовальная, гравировальная, фигурная, инструментальная, переплетная, столярная, токарная, пунцонная и др., с их мастерами и многочисленными учениками, — вот те многоразличные и

многочисленные учреждения и стороны деятельности, которые объединяла в себе Академия Наук того времени ([133]).

Весьма важную страницу в истории Академии, по словам академика В. И. Ламанского, составляет служба в Академии Ломоносова, ибо в нем выражался идеал русской Академии, несмотря на то, что никогда еще в такой степени не господствовали в ней неразумный произвол, непотизм, кумовство и казнокрадство.

Большинство книг печаталось в типографии Академии Наук. Манифесты и указы печатались, главным образом, в типографии при сенате. Книги по морскому делу печатались в Морской Академической типографии и в типографии Морского Кадетского Шляхетного Корпуса. Шрифт в этих типографиях был старый, оставшийся еще от петровских времен. Внешность книг, выходивших из этих типографий, имела довольно грубый вид. В типографии Сухопутного Шляхетного Корпуса, основанной в 1757 году, печатались, главным образом, учебные книги. Шрифт в этой типографии был новый, четкий. Таким образом в Петербурге было пять типографий, печатавших книги гражданским шрифтом. В Москве манифесты и указы печатались в типографии при Сенате. Шрифт, которым печатались эти манифесты московского издания, был крупнее шрифта Петербургской Сенатской типографии и более грубой работы.

В Москве было также отделение типографии Академии Наук. В этой типографии печатались также манифесты и указы и весьма ограниченное количество книг. В 1756 г. была основана типография при Московском Университете. Здесь печатались учебные книги, а также разные другие; одной из первых книг, напечатанных в этой типографии, было второе издание сочинений Ломоносова. Шрифт в этой типографии был новый, более тонкой работы и походил на шрифт петербургской Академической типографии.

Таким образом можно считать, что в Москве было три типографии. В Киеве не было типографии, печатавшей книги гражданского шрифта, но в Киево-Печерской Лавре были латинский и польский шрифты ([134]).

Украшались книги заставками, концовками, виньеточными буквами и отдельными гравюрами, при чем большинство заставок и концовок были типографской работы, но помимо их довольно часто встречаются заставки и концовки, грави-

рованные на меди, иногда с латинскими и русскими подписями. Резались заставки и в виде фамильных гербов тех лиц, имени которых посвящалось данное произведение или в честь которых писалась ода. Наиболее изящные украшения встречаются в книгах, вышедших из типографии Академии Наук, и сравнительно бедно украшены книги, печатавшиеся в типографии Московского Университета. Среди авторов и переводчиков этого времени нельзя не отметить того внимания и любви к книге, с которым относился Василий Тредьяковский. Никто так не заботился о внешности книги, как этот „профессор элоквенции". Выбор заставок и концовок, расположение текста и шрифтов сразу же отличают издания, на которых стоит имя Тредьяковского, от многих других изданий того времени.

Вообще нельзя не признать, что желание украсить книгу является одной из характерных черт издательского дела в России в эту эпоху.

Лучшим памятником русского гравирования и издательства при Елизавете Петровне, нисколько не уступающим заграничным изданиям подобного рода, является „Описание коронаціи Елизаветы Петровны" ([135]). Книга начинается портретом Елизаветы Петровны, гравированным черной манерой Штенглиным с портретом Каравакка; за портретом следует гравированное заглавие книги с виньеткой, на которой изображено вензелевое имя Елизаветы; далее, на первой странице перед текстом — превосходная виньетка, гравированная И. А. Соколовым, с изображением московского кремля; на 168 страницах текста идет описание коронационных торжеств и иллюминаций, на страницах 128 и 168 помещены отличные виньетки того же И. А. Соколова, а в конце книги на 49 листах помещены гравюры, из которых некоторые на больших листах, в несколько раз перегнутых. Рисунки сделаны рисовальщиком Гриммелем, а гравюры исполнены Вортманом, Качаловым и Соколовым ([136]).

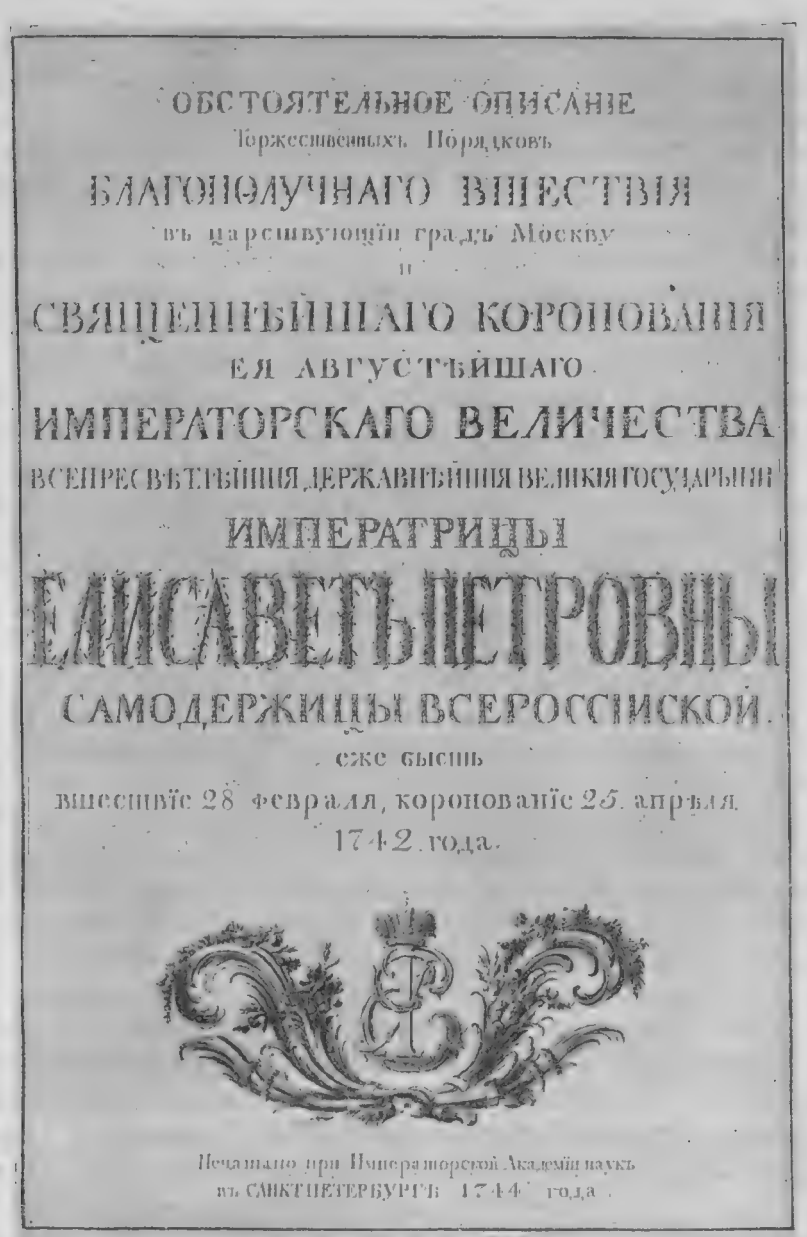
В этом роскошном издании особенно замечательны превосходные листы церемониальных шествий из бесчисленного множества мелких фигур, вроде Калло, исполненные Соколовым и Качаловым. Прекрасно также выгравированы Соколовым ордена и троны.

„Описаніе коронаціи" было издано в трех видах. Первый — лучший — с немецким текстом, в переплете с супер-экс-

либрисом: вензель Елизаветы Петровны с короной на верхней крышке переплета и гербом на нижней. Эти экземпляры рассылались в подарок. Второй вид с русским текстом в переплете, на котором вытиснены золотом герб, корона, держава и скипетр. Эти оба вида экземпляров напечатаны на плотной бумаге, а гравюры в первых сильных оттисках. Третий вид — без всяких украшений на переплете и напечатан на обыкновенной бумаге.

Это издание, являющееся гордостью русской гравюры, было по приказанию Николая Павловича переиздано А. Ф. Бычковым и Б. М. Федоровым без обозначения места и года печати, с рисунками в особом атласе ([137]). Лучшие гравюры этого издания принадлежат работе Вортмана и Соколова, исполнившего три виньетки и 25 гравюр.

Иван Алексеевич Соколов родился в 1717 году и умер в 1757 году; он учился рисованию у архитектора Шумахера, а гравированию — у Еллигера и Вортмана ([138]). В этой последней школе он скоро превзошел своего учителя: его резец имеет еще более силы и блеска. За увольнением в 1745 году Вортмана по болезни и старости, И. А. Соколов сделан был „мастеромъ грыдорованія портретовъ". Из числа целого ряда прекрасно исполненных им портретов самым замечательным является портрет Петра III; также чрезвычайно интересен портрет Бирона, оставшийся неоконченным „за отправку оригинала в ссылку" ([139]). И. А. Соколов — один из лучших русских граверов XVIII века, и появление первого русского талантливого гравера в эту эпоху совпадает с появлением первого русского ученого — Ломоносова. И. А. Соколов образовал много хороших граверов, и никогда граверные классы Академии не были так многочисленны, как при нем. Кроме учеников Вортмана, перешедших к нему, у него учились: Никита Плотцев, Илья Рукомойкин, Филипп Внуков, И. Кудрявцев, П. Балабин, С. Фокин, И. Золотов, М. Охлопков, И. Челноков, П. Артемьев, Д. Герасимов и Н. Саблин. Для книг И. А. Соколовым было исполнено несколько виньеток. Для речи на немецком языке Юнкера, сказанной в Академии Наук 29 апреля 1742 г., им была исполнена виньетка — герб со сфинксами по бокам: „dat et aufert" — „вырѣзалъ Иванъ Соколовъ"; вторые отпечатки этой виньетки приложены при русском тексте той же речи, вышедшей под заглавием — „Вѣнчанная надежда 1742 г.". Другая виньетка, с портретом Ели-


ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ
Торжественныхъ Порядковъ
БЛАГОПОЛУЧНАГО ВНЕСТВІЯ
въ царствующій градъ Москву
и
СВЯЩЕННѢЙШАГО КОРОНОВАНІЯ
ЕЯ АВГУСТѢЙШАГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЫ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ.
еже бысть
вшествіе 28 февраля, короноваціе 25. апрѣля.
1742. года.
Печатано при Императорской Академіи наукъ
въ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1744 года.

заветы Петровны была приложена к манифесту об изменении монеты. Его же работы виньетки к „Описанію Сибирскаго Царства“ 1750 и к изданию „Военное Собраніе Оттоманской Имперіи“ 1737. Далее, им были исполнены четыре листа к

„Описанію Академіи Наукъ“ в 4°, и один лист для издания 1738 г. в 2°, два листа фейерверков, доска с 18 гравированными страничками для придворного календаря на 1735 г., и несколько „проспектов“ к плану и видам С.-Петербурга 1757 г.

Работы учеников И. А. Соколова, из которых многие перешли по смерти И. А. Соколова к Шмидту, более относятся к позднейшему, екатерининскому, времени.

Кроме Вортмана и Соколова, много способствовал образованию русских художников и граверов „профессоръ аллегоріи“ Штелин, выписанный в Академию Наук из Германии в 1735 году. В 1747 г. Штелин отделил художественные классы Академии Наук и образовал из них „Академію Художествъ при Академіи Наукъ“. Штелин, прослужив России 50 лет, умер в Петербурге 73 лет 25 июня 1785 г., оставив огромное количество бумаг, записок и заметок о художествах в России в XVIII веке.

В царствование Елизаветы Петровны было выпущено 35 названий книг, посвященных различным торжествам, фейерверкам, праздникам и т. д.

Необыкновенную любовь к различным празднествам Елизавета Петровна, очевидно, унаследовала от своего отца. Показателем этой любви может служить то, что празднества ее коронации, начавшиеся 27 апреля, окончились только 7 июня. Любя все французское и желая подражать пышности французского двора, она не останавливалась перед огромными затратами народных денег на празднества: так, только на один фейерверк по случаю ее коронации было асигновано 19.000 руб., сумма, по стоимости денег, равняющаяся 120.000 довоенных рублей. Можно себе представить, во что обошлись государству празднества всей коронации, длившиеся непрерывно 40 дней.

По меткому определению талантливого исследователя этой эпохи Н. Н. Врангеля, главные черты искусства елизаветинского времени составляли: яркая пышность народного творчества, облеченная в иноземные формы, грубая „крестьянская“ простота в соединении с изысканной манерностью и в отличие от иностранного — восточная „дурь“, пестрота и яркость цвета, широкая трактовка и отсутствие мелочности, — все соединенное с некоей кривизной и „корявой сочностью“, свойственною вообще всем провинциалам.

В эту эпоху появилось у нас и первое оригинальное русское иллюстрированное произведение, правда, снабженное всего

ОПИСАНІЕ
СИБИРСКАГО ЦАРСТВА
И ВСѢХЪ
ПРОИЗШЕДШИХЪ ВЪ НЕМЪ ДѢЛЪ,
отъ начáла
А ОСОБЛИВО ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ЕГО
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ
ПО СІИ ВРЕМЕНА;
сочиненю
ГЕРАРДОМЪ ФРИДЕРИКОМЪ МИЛЛЕРОМЪ,
Исторіографомъ и Профессоромъ Университета
Академіи Наукъ и Сочлѣнома
Аглинскаго Членомъ.
КНИГА ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ 1750. года.

одной гравюрой, — трагедия Ломоносова „Тамира и Селимъ“, 8°, 75 стр., вышедшее в 1750 г. Из оригинальных литературных трудов к этой эпохе относятся многочисленные сочинения Василия Тредьяковского, Сумарокова, Хераскова и почти неизвестного одописца Ивана Галяневского.

Из научных сочинений надлежит указать на „Описаніе Сибирскаго Царства“, книга I, 4°, 14 нен. + 457 нум. + 33 стр. ([140]). Автор этого капитального труда, историограф Миллер, в течение 10 лет путешествовал по Сибири, где разобрал архивы

важнейших городов. Труд этот был составлен на немецком языке, перевод был сделан академическим переводчиком Голубцовым и исправлен Модерахом. Академия Наук относилась враждебно к Миллеру и чинила ему различные препятствия к изданию последующих глав этой истории, являющейся, по мнению А. Н. Пыпина ([141]), до сих пор незаменимой. Вследствие этих препятствий Миллер помещал отдельные главы сибирской истории в „Sammlung Russischer Geschichte“ и „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ за 1763 и 1764 г.г. Вторично „Описание Сибирского Царства“ было издано в 1787 году. Первое издание относится к числу библиографических редкостей; к их числу относится также речь того же академика Миллера: „Происхожденіе народа и имени Россійскаго, изъясненная въ публичномъ собраніи Академіи Наукъ 6 сентября 1749 г.“, 4°, 56 стр. ([142]). В этой речи Миллер, разделяя мнение Байера, доказывал, что варяги-руссы произошли из Скандинавии. Бо̀льшая часть академиков была против речи Миллера, а поэтому произнесение ее было отменено, и затем академическая канцелярия, приняв в основание отзывы Ломоносова, Крашенинникова и Попова, постановила речь Миллера уничтожить, а „такъ какъ она предосудительна Россіи“, Миллеру за эту речь угрожали наказанием, и он долго не мог оправиться от страха. Надо полагать, что в данном случае русскими учеными отстаивалось мнение в ущерб научной истине исключительно из-за идеи национализма.

Среди военных книг надлежит указать на издание: „Книга о Атакѣ и оборонѣ крѣпостей, изданная чрезъ Господина де-Вобана, переведена чрезъ Ивана Ремизова порутчика Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Въ СПБ. при Академіи Наукъ. 1744“, 4°, 8 нен. + 5 + 184 нум. + 1 стр. с XXXII чертежами, к которым принадлежат еще 14 нен. страниц ([143]). Книга состоит из 2 частей и посвящена Елизавете Петровне. Кроме этого издания, надлежит указать „Опытъ военнаго искусства, сочиненный графомъ Тюрпиномъ де-Криссе. Переведенъ съ французскаго на россійскій, артиллеріи капитаномъ Сергѣемъ Косминымъ 1757 г. въ Санктпетербургѣ. Печатано въ типографіи при Московскомъ Университетѣ 1758“, 4°, часть I, XXIII + 308 нум. стр.; ч. II, 114 нум. + 32 н.н. стр. и 25 чертежей ([144]). Сочинение это посвящено графу И. И. Шувалову, по распоряжению которого оно было переведено. Представляет интерес „предувѣдомленіе“.

Характерной особенностью переводных сочинений этой эпохи являются эти „предувѣдомленія“. В большинстве случаев переводчик в нем делает введение к тому вопросу или предмету, о котором говорится в книге. Нередко такие введения представляют собою компиляцию, а иногда переводчик писал самостоятельную вводную статью. Оригинальными и ценными являются также примечания некоторых переводчиков, объясняющих разного рода понятия, названия и факты, непонятные, на их взгляд, для широкого читателя. Иногда такие примечания разрастаются в небольшие статейки по тому или другому вопросу.

В царствование Елизаветы Петровны впервые в деле развития военно-морского образования начинает проявляться частный почин и появляются первые оригинальные труды наших моряков по различным отраслям военно-морских знаний. На первое место в этом отношении надлежит поставить имена А. И. Нагаева и С. И. Мордвинова, которые своими замечательными трудами сразу заполнили научные пробелы по гидрографии, лоции, навигации, тактике, компасному делу, астрономии и морской практике. Значительную помощь в деле развития морской науки оказывает Академия Наук в лице гениального Ломоносова, являющегося автором обширной и ученой речи „Рассужденія о большой точности морского пути“ ([145]) и ряда трудов по мореходной астрономии, и известного математика Эйлера, написавшего, по поручению Академии, исследование законов кораблестроения под названием „Трактатъ о корабельной наукѣ“. Что касается трудов Мордвинова, то капитальнейшим из них является: „Книги полнаго собранія о навигаціи, 4 части 1748—1753“, типогр. Морского Корпуса, 456 стр. и 22 листа чертежей и рисунков ([146]). Этот замечательный труд — обширнейший курс мореходства, который послужил фундаментом для развития морских наук в России.

В 1751 году появилось первое на русском языке путешествие вокруг света: „Путешествіе около свѣта, которое въ 1740, 1741, 1742, 1743 и 1744 годахъ совершилъ лордъ Ансонъ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное Академіи Наукъ переводчикомъ, Васильемъ Лебедевымъ“, 491 стр. ([147]). Громадный успех этой книги, выдержавшей в один год 11 изданий в Англии и переведенной на голландский, французский и немецкий языки, побудил нашу Академию Наук перевести книгу на русский язык, что было исполнено В. Лебедевым, кото-

рый в предисловии перечислил все экспедиции, начиная с похода Колумба до последнего времени, указав на общеобразовательное значение подобных книг.

В эту же эпоху очень много у нас было сделано по части картографии. Капитальнейшим изданием в этой области является издание 1745 г.—„Атласъ Россійской Имперіи", заключающий в себе 20 карт и 9 страниц текста. Заглавие каждой карты помещено в углу листа и украшено эмблемами, долженствующими разъяснять ту местность, которую представляет карта. Так, вокруг заглавия „Россійская Лапландія" находятся: северный олень, рыбы, белый медведь, колчан со стрелами, лук, копья, боченок, в котором воображению читателя представляется увидеть соленую рыбу, парус с мачтой и флаг. Горы на картах выступают рельефно, леса обозначены отдельными деревьями, масштаб — 50 верст в дюйме, каждая карта заключена в рамку. Это замечательное издание начато было составлением еще при Петре Великом, который для этой цели вызвал в Россию известного уже своими трудами по картографии Иосифа Николая Делиля (Joseph Nicolas De l'Isle), нашедшего в России ревностного себе помощника в лице обер-секретаря сената, Ивана Кирилловича Кириллова, который много лет тщательно занимался собиранием карт и планов разных частей России, как старинных, так в особенности снятых геодезистами, и который издал в 1734 году атлас под заглавием: „Atlas Imperii Russici" (состоящий из генеральной и 14 специальных карт). Работу Делиля закончили гениальный математик XVIII ст. Эйлер и географ Гейнзиус, с помощью инженера Шварца и студентов Кенигсфельса и Трускота. Большую помощь в составлении атласа оказал знаменитый историк В. Н. Татищев, доставивший ряд карт восточных частей России. Работа над атласом продолжалась почти 20 лет, и 2 сентября 1745 года отпечатанный атлас был представлен конференции Академии Наук. Он вышел с русским и латинским шрифтом на самих картах и с четырьмя заглавными листами: на русском, латинском, французском и немецком языках ([148]).

Другим замечательным изданием является „Планъ столичнаго города Санктпетербурга 1753 г." на девяти листах; в верху Российский и Санктпетербургский гербы в воинской арматуре. Слева внизу Слава венчает Елизавету, стоящую на пьедестале, в короне, со скипетром и державою в руках; у пьедестала —

Аполлон с лирою и фигура женщины, изображающая Россию, читают высеченные на пьедестале слова: „Столичный городъ С. Петербургъ Елисаветѣ I Всероссійской Императрицѣ Петра Великаго Дщери посвящено". (Та же подпись на латинском языке.) Кругом плана рамка, под нею слева: „Чертилъ Академіи Наукъ адъюнктъ, И. Трускотъ". Справа: „Подъ смотрѣніемъ И. Соколова грыд. художники обще. Литеры грыд. обще же художн. под смотр. подмастерья М. Махаева".

Исследователь петербургской старины Столпянский пишет, что планы эти только до известной степени являются соответствующими действительности, на самом деле они представляют из себя те предположения и предначертания, которые делались особыми Комиссиями о строении, ведавшими застройкой в Петербурге, при чем большинство этих предположений не проведено в жизнь; несмотря на то, что это были только проекты, обозначались они на планах, как реально существующие ([149]). К этому плану относятся 12 видов Петербурга на 16 листах с подписями на русском и французском языках. Эти „проспекты" имеют подписи: „подъ смотр. Валеріани снималъ подмастерья Михаила Махаев". Гравированы они „подъ смотрѣніемъ мастера Ивана Соколова": Иваном Еляковым, Ефимом Виноградовым, Григорием Качаловым, Яковом Васильевым, Алексеем Грековым и Екимом Внуковым ([150]). По поводу этих „проспектов" тот же Столпянский пишет: „К этим видам нужно относиться очень и очень осторожно; они, если так можно выразиться, слишком идеализированы; на них нанесено не то, что было, а то, что предполагали, то, что хотели видеть. Ведь все эти рисунки посылались за границу и посылались, конечно, с тою целью, чтобы Западная Европа могла увидеть, каких успехов достигла Россия под державою «дщери» Петра, как в течение нескольких десятков лет на том месте, где «по мшистым топким берегам чернели избы здесь и там — приют убогого чухонца», возникли монументальные постройки, воздвиглись дворцы, храмы, проложена «Невская перспектива». Цель этих рисунков до известной степени была политическая" ([151]).

Действительно, с проспектов Махаева за границей делались копии и две парижские были в 1912 году на выставке в Петербурге „Ломоносов и Елизаветинское время" ([152]).

В елизаветинскую эпоху большой интерес представляют „слова" и „речи" церковных проповедников: Арсения Моги-

леанского, Сильвестра Кулябки, Симона Тодорского и др. Можно сказать, что проповедническая кафедра в это время была почти учреждением публицистическим, своего рода газетой, толковавшей о всем на свете. Проповедники даже острили и рассказывали в своих проповедях анекдоты по образцу иезуитских ораторов. Еще при Петре Великом между проповедниками была идейная борьба: сторонником церковно-культур-

УСТАВЛЕНІЯ ФІЛОСОФСКАЯ
ВЪ ВЫСОЧАЙШЕМЪ ПРИСУТСТВІИ
ЕЯ СВЯЩЕННѢЙШАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ И САМОДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЫ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ВСЕЯ РОССІИ
СЪ ЛЮБЕЗНѢЙШИМЪ СВОИМЪ ПЛЕМЯННИКОМЪ
И НАСЛѢДНИКОМЪ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ
ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
ПЕТРОМЪ ѲЕОДОРОВИЧЕМЪ
ВЪ Александроневской семинаріи
КЪ СЛОВОПРЕТЕЛЬНОМУ ИСТЯЗАНІЮ
ПРЕДЛОЖЕННАЯ
Августа 3. дня 1743 года.

Печатано ВЪ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ
1743 года.

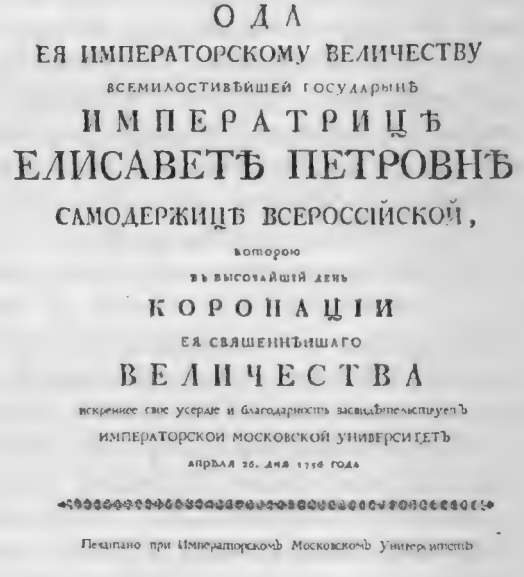
ной старины, как бы „шишковистом“ и „славянофилом XVIII в.“ являлся Стефан Яворский, а его противником „поборникъ и провозвѣстникъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи Петра Великого“ — Феофан Прокопович. Борьба эта до сих пор еще недостаточно изучена; до 200 проповедей, напр., Яворского остаются в рукописях архива Синода.

В Елизаветинскую эпоху в „словах“ и в „речах“ проповедников можно встретить нередко обсуждение политиче-

ских событий, совершенно отсутствующих на страницах газет и журналов того времени.

Особенно ярко это видно в первые годы царствования Елизаветы Петровны, когда так много говорилось о врагах православной церкви, защищать которую надлежит Елизавете, об идеалах Петра Великого, следовать коим должна была она, о неустройстве государства по вине правителей, бывших до Елизаветы.

В „речах" некоторых академиков мы также находим отклики на жизнь общественную. Приветствуя Елизавету, „дщерь Петрову", произносивший речь главным образом говорил о Петре Великом, о его задачах внутреннего устройства государства и о его военных завоеваниях.


ОДА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
которою
ВЪ ВЫСОЧАЙШІЙ ДЕНЬ
КОРОНАЦІИ
ЕЯ СВЯЩЕННѢЙШАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
искреннее свое усердіе и благодарность засвидѣтельствуетъ
ИМПЕРАТОРСКОЙ МОСКОВСКОЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
АПРѢЛЯ 26. ДНЯ 1756 ГОДА
Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ

Состояние периодической печати этого времени представляется в следующем виде. Выходившие по повелению Петра Великого с 2 января 1703 г. „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значѣнія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и иныхъ окрестныхъ странахъ", в 1728 г. прекратились или, вернее, были заменены „Санктъ-Петербургскими Вѣдомостями", первый номер которых вышел 2 января 1728 г. Ведомости эти издавались Академией Наук с присовокуплением ежемесячных „историческихъ, генеалогическихъ и географическихъ примѣчаній", где встречаются уже легкие статейки и стихотворения.

С 26 апреля 1756 г. в Москве при университете начинают выходить „Московскія Вѣдомости" по два раза в неделю — по вторникам и пятницам. Они печатались на небольшом листе толстой серой бумаги, сложенной in-quarto, без нумерации страниц. На заглавной странице была виньетка, изображающая трубящую славу. В „Вѣдомостяхъ" печатались сообщения из разных городов — русских и иностранных — о самых

разнообразных событиях, подходящих под рубрику „разных известий“. „Московскія Вѣдомости“ выходили под редакцией профессоров Московского университета: И. И. Поповского, А. А. Барсова и П. О. Вениаминова. На-ряду с описаниями разного рода праздников, фейерверков, приемов иностранных послов, реляций, манифестов и указов, сообщений о торжественных собраниях Академии Наук, в интересных объявлениях можно найти богатейший материал для характеристики бытовой жизни петербуржца и москвича того времени. Ответственность за благонамеренность содержания как „Петербургскихъ Вѣдомостей“, так и книг, издававшихся Академией Наук, всецело ложилась на Академию. Но когда Академией решался вопрос о том, печатать или не печатать новое сочинение, то вопрос сосредотачивался не столько на политической безобидности произведения, сколько на его научных и литературных достоинствах. Таким образом, по замечанию А. М. Скабичевского, слово „цензура“ вполне отожествлялось со словом критика, и Академия Наук далеко выходила из пределов цензуры в тесном смысле слова.

С 1755 г. начал выходить в Петербурге под редакцией Г. Ф. Миллера первый учено-литературный журнал „Ежемѣсячныя Сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, имевший общую цель — бичевание пороков и нравоучение. Журнал существовал 10 лет и имел большой, по тому времени, успех у публики, доказательством чего может служить его тираж—от 500 до 700 экземпляров, а с 1758 г. от 1.250 до 2.000. Сотрудниками его были: Нартов (младший), Рычков, Поповский, Соймонов, Дубровский, Сумароков, Тредьяковский, Елагин, Херасков, Нарышкин, Измайлов, Порошин и др. Из академиков, кроме самого Миллера, в нем принимали участие: Ломоносов, Браун, Цейгер, Эпинус, Штелин, Кельрейтер, Фишер и Шребер. Переводные статьи принадлежали: Козицкому, Воронцову, Красильникову, Голубцову, Лебедеву и др.

Наибольшее число беллетристических статей почерпнуто из английских журналов „The Tatler“, „The Spectator“ и „The Guardian“, а также переводы и переделки из бременских и гамбургских сочинений.

2 января 1759 г. начало выходить „Праздное время, въ пользу употребленное“. Журнал этот издавался молодежью Шляхетного корпуса, где он и печатался. Это было первое у нас частное еженедельное периодическое издание, притом

чисто литературное. В 1760 г. выходило „Полезное увеселеніе“, а с 1752 г. „Трудолюбивая Пчела“, издававшаяся А. П. Сумароковым, где печатались его сатиры, элегии и эклоги. Это был первый в России сатирический журнал (153). В 1755 г. издавался „Le Cameléon littéraire“ и ученые известия Академии Наук „Novi Commentarii Academiae“ 1747—1748, СПБ. 1750, 4°, 498 стр. и „Commentarii Academiae, Tomus XII ad annum 1751“, 4°, 364 стр. Таким образом, русская периодическая печать за время со 2 января 1703 г. по 2 января 1752 г., созданная по казенному почину, является чисто официальной. Редакторы и журналисты в эту эпоху оказывались, с одной стороны, в зависимости от академической конференции, которая нередко вмешивалась довольно некстати в литературные дрязги со своей цензурой, а с другой стороны — праотцы нашей журналистики злоупотребляли взаимными пререканиями и чинили друг другу не мало неприятностей. Но это были, так сказать, ссоры домашние, крупные же осложнения и цензурные правонарушения были немыслимы в этих изданиях, имевших строго правительственный характер. Пыпин дает интересную характеристику деятельности периодической прессы в своей статье: „Редакторы, сотрудники и цензура в русских журналах 1755—1764“ (154).

Из всех иллюстрированных изданий, вышедших в период времени с 1741 по 1761 год, „художественных“ можно насчитать только 28. Рассматривая этот список (155), мы видим, что все эти лучшие издания вышли из типографии Академии Наук. Обращает на себя внимание бедность количества иллюстраций в этих изданиях: большинство изданий имеет не более четырех, и только три содержат значительное количество гравюр. Из 28 этих изданий 9 относятся к различным празднествам; но, с другой стороны, издания этого времени имеют значительно больше типографских украшений, чем издания предыдущей эпохи. Большинство гравюр принадлежат работе русских граверов.

Синод следил за выходившими изданиями и не мало чинил неприятностей некоторым авторам. Так в марте 1757 г. синод принес жалобу Елизавете Петровне на Ломоносова по поводу его стихотворной шутки „Гимнъ бородѢ“, в заключение этой жалобы была просьба: „высочайшимъ указомъ своимъ таковые соблазнительные ругательные пашквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить за-

претить, и означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ Синодъ отослать". Жалоба не имела последствий для Ломоносова и только вызвала оживленную перестрелку письмами, сатирами и эпиграммами в литера-

туре. Но синод не успокоился и в том же 1757 году по поводу высказанного Ломоносовым мнения о том, что учение о множестве миров не противоречит св. писанию, особым докладом просил Елизавету издать указ „дабы никто отнюдь

ничего писать и печатать какъ о множествѣ мiровъ, так и о всемъ другомъ вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласномъ подъ жесточайшимъ за преступленiе наказанiемъ не отваживался". У нас не сохранилось сведений о том, каким образом Ломоносов и на этот раз отвратил от себя обвинение синода, но уже самый факт опубликования в 1761 году целого ряда рассуждений в защиту своих мнений показывает, что он сумел доказать правоту своих убеждений. Помимо синода, и сама Елизавета Петровна боялась привоза из-за границы книг, в которых найдутся „противности" православной вере, и эта боязнь побудила ее дать распоряжение — привозимые на кораблях и сухим путем книги отбирать и объявлять синоду для рассмотрения. Указ этот, встретивший некоторые возражения со стороны канцлера Бестужева-Рюмина, — первая мысль об иностранной цензуре.

Что касается книг церковной печати, то в эту эпоху была издана роскошная, известная под названием „Елизаветинской" Библия, напечатанная в Александро-Невской петербургской типографии. Издание в свет исправленной Библии было задумано еще Петром Великим указом от 14 ноября 1712 г. Исправление тянулось очень долго, и с 1744 года был издан целый ряд указов синоду о том, чтобы было приступлено к ее изданию, и наконец, 1 марта 1750 г. последовало категорическое распоряжение печатать безо всякого отлагательства. В 1751 году Библия была напечатана, при чем об ее появлении в свет было опубликовано в СПБ Ведомостях ([156]). Эта Библия является прекрасным образцом современной техники типографского дела. Огромный том заключает в себе более, чем 1.000 стр. текста. Фронтиспис — с изображениями из Нового и Ветхого Завета и видами Кремля и Петропавловской крепости с двуглавым орлом над ними и отметкою анонимного мастера на нижнем поле об исполнении работ в С.-Петербурге „при Академiи Наукъ и Художествъ въ 1751 г.". Тексту предшествует гравюра с изображением Елизаветы Петровны в порфире и короне; вверху надпись: „Да недоконченная исправиши", напоминающая о приведении ею в исполнение завета Петра Великого. Текст Библии напечатан в два столбца тонким четким некрупным шрифтом; страницы окружены узорными рамками; в начале и конце отдельных глав — заставки и концовки. Перед текстом — посвящение труда Елизавете Петровне от синода и обширное предисловие Варлаама Лящевского с изло-

жением истории пересмотра и исправления Библии. Первое издание разошлось очень скоро. Новое издание было поручено Гедеону Слонимскому и вышло в свет в 1757 году в Москве и 1758 году в Киеве.

В царствование Елизаветы Петровны книг священного писания вышло 71 и богослужебных 177. Они печатались в Московской Синодальной типографии, Киево-Печерской, Черниговской при Свято-Троицком Ильинском монастыре и Петербургской Синодальной. Среди книг церковной печати этой эпохи особое место должно быть отведено книгам, посвященным проповеднической литературе; их вышло сравнительно огромное количество — 99 отдельных проповедей и несколько сборников, из которых одно собрание „словъ" архиепископа Гедеона (1760 г.) заключает 100 поучений. В особенности много их вышло в первые годы царствования Елизаветы 1742 — 1744 г. г. Проповеди эти принадлежали ораторам, вышедшим из Киевской Академии, как: Симон Тодорский, Арсений Мацеевич, Амвросий Юскевич, Кирилл Флоринский, Рафаил Заборовский, и Академии Московской: Дмитрий Сеченов, Гедеон Криновский и др., а также Харьковского Коллегиума: Арсений Могилеанский, Гедеон Антонский и др.

Среди этих проповедников некоторые выделились, как „полемисты и обличители". Книг догматического и обличительного характера в эту эпоху было напечатано около 30. Что касается учебников, напечатанных церковной печатью, то за это время их напечатано было всего 7.

В числе книг, печатавшихся церковной печатью, находятся и книги светского содержания: стихи, панегирики, несколько указов, манифестов и межевая инструкция. Среди панегириков обращает на себя внимание панегирик Михаила Козачинского, префекта Киевской Духовной Академии, написанный по случаю приезда Елизаветы Петровны, на славянском, латинском и польском языках; он заключает в себе три „риѳма", писанных тяжелыми силлабическими стихами ([157]).

По количеству выпущенных изданий на первом месте стоит Московская Синодальная типография, выпустившая 266 названий церковно-славянских книг, затем Киево-Печерская — 119 названий, за нею Черниговская — 41 название и, наконец, Петербургская — 9 названий.

В качественном отношении первое место бесспорно принадлежит киевским изданиям, отличающимся изяществом и

тонкостью типографской работы и искусной орнаментировкой. Текст книг в большинстве случаев окружается орнаментом или гравированным на меди или типографским; художественно орнаментируются выходные листы книг; заставки и концовки богато украшают текст; некоторые из них дают целые картины на библейские темы. В иллюстрациях принимали участие отличные граверы, как: Г. К. Левицкий и А. С. Козачковский. Особенно хорошие гравюры первого из них в Евангелии 1737 г. и в Философии Аристотелевой на славянском, латинском и польском языках (1745) и 8 гравюр в Апостоле 1737 г.

Московские работы в отношении техники типографского дела далеко ниже киевских. Они однообразны, небогаты орнаментировкой, а иллюстрации их плохи. В 1754 г. в Московской Синодальной типографии было напечатано колоссальное по своим размерам напрестольное Евангелие,—книга самого большого формата за все время существования церковно-славянской печати. Это Евангелие выделяется среди московских изданий богатыми заставками и орнаментировкой. Черниговские издания приближаются к киевским, и позади всех идут издания петербургские.

Книги гражданской печати этой эпохи печатались в весьма разнообразном количестве экземпляров. Так, оперы издавались в 200—300 экземплярах. „Ролленева исторія“, в переводе Тредьяковского, была издана в 30 томах, и каждый том печатался в количестве 2.525 экземпляров ([158]). „Похожденія Телемака“ печатались в количестве 1.200 экземпляров ([159]). „Хитрости и происки воинскія“, в переводе капитана Шишкина, изданы были также в количестве 1.200 экземпляров ([160]). Журнал „Трудолюбивая Пчела“ в 1759 г. выходил в количестве 1.200 экземпляров.

Несмотря на эти сравнительно скромные цифры, книги расходились чрезвычайно туго. Так например, рассуждение о войне со шведами Шафирова, отпечатанное в количестве 20.000 экземпляров, разошлось за время с 1722 г. по 1725 г. всего в количестве 50 экземпляров. Из описи 1752 г. видно, что в складах синодальной конторы накопилось 11.000 экземпляров курантов разных годов. Велено было брать их на обертки и продавать на бумажные мельницы. В Московской Синодальной типографии накопилась такая масса нераспроданных изданий, что начальство вынуждено было продавать их на бумажные фабрики и обертки, часть же петровских изданий

в 1752 г. была просто сожжена. Продажа на обертки была повторена в 1769 г. и 1779. В петербургской книжной лавке находилось такое множество нераспроданных книг, что для того, чтобы от них избавиться, начальство просило учинить „милостивое распоряжение“ обязать присутственные места и служащих лиц покупать эти книги с вычетом 5% из жалованья. По предложению начальника канцелярии Академии Наук А. Н. Нартова 30 апреля 1742 г. Академия представила сенату об установлении обязательной продажи русских книг не только в коллегии, но и во все присутственные места, при чем все служащие, как военные, так и гражданские, обязаны были покупать от Академии Наук на 5—6 руб. с каждой сотни получаемого ими содержания ([161]). Вследствие нередкого в Академии Наук безденежья бывали случаи, что академики получали вместо денег книги, благодаря чему терпели убыток, так как книги приходилось продавать ниже тех цен, по которым они были получены.

Очень много книг выходило в свет в переплетах. Почти все книги церковной печати издавались в кожаных переплетах: красных, белых, желтых, зеленых и коричневых. Хорошо выработанная кожа, изящные орнаменты и тщательно исполненные гравюры со священными изображениями и иногда с подписями граверов, исполнявших переплетные доски, превосходные обрезы с цветным узором по золоту—являются характерными особенностями переплетов книг церковной печати, в особенности киевских изданий.

Книги гражданской печати также нередко выпускались в коричневых переплетах с тисненой золотом рамкой, иногда с супер-экс-либрисом в виде вензеля Елизаветы Петровны или тисненого золотом по средине штампа с орлом и орнаментом.

Книги гражданской печати часто также выходили в бумажных обложках различных цветов, в золоченой бумаге, а переплеты иногда покрывались шелком разных цветов. На церковных книгах тиснены золотом изображения святых, а на обложках гражданских книг—птицы, звери, маски, цветы и проч.

На переплетах книг, принадлежавших Московской Синодальной типографии, тиснена надпись: „образцова“ такого-то года.

В „росписи“ 1736 г. и в „реестре“ 1751 г. указаны цены книг в переплетах и в тетрадях; из сравнения этих цен видно, что стоимость переплета в среднем колебалась от 33 до 50 коп.,

т.-е. на деньги довоенного времени от 2 до 3 рублей — цена далеко не маленькая.

Книги издавались, главным образом, Академией Наук, которая обычно заботилась о всех необходимых условиях работы авторов и переводчиков, включительно до письменных принадлежностей, и вела все дело по изданию. Так, например, в деле „о напечатаніи Ролленевой исторіи", хранящемся в архиве конференции Академии Наук, значится: „1745 году февраля 5 дня въ журналѣ канцеляріи Академіи Наукъ записано: секретарю господину Тредьяковскому для переводу ролленевыхъ книгъ выдать полстопы хорошей пищей бумаги і пучекъ перьевъ... Подлинное за подписаніемъ Совѣтника г-на Шумахера" ([162]).

Бывали случаи, что книги издавались также и „собственнымъ коштомъ" авторов и переводчиков. Сюда относятся все ежемесячные журналы, часть опер и балетов, некоторые книги, печатанные в типографии Сухопутного Шляхетного Корпуса и др. издания, а также серенады на бракосочетания знатных особ, надгробные речи и проч.; печатались они в небольшом количестве экземпляров и за счет их авторов.

Печатались книги елизаветинского времени на разных бумагах, носивших следующие названия: белая, серая, русская комментарная (на которой печатались „Commentarii"), заморская комментарная, почтовая и александрийская. В зависимости от сорта бумаги были и цены на книги: так Практической Геометрии часть I на белой бумаге продавалась по 1 р. 10 к., на серой по 1 рублю; Уложение Царя Алексея Михайловича на русской комментарной—1 руб. 50 к., на заморской комментарной — 1 руб. 25 коп.; Французская Грамматика на белой бумаге продавалась по 85 коп., на серой по 80 коп.; Российская азбука продавалась по 4 к.; Новый календарь на предбудущий 1759 год, без переплета—10 коп.; Малый придворный календарь на предбудущий 1759 г., без переплета,— 15 коп. Немецкая грамматика с вокабулами — 13 коп.; „С-Петербургскія Вѣдомости" по подписке на 1761 год на российском и немецком языках на ординарной бумаге стоили 3 рубля, а на почтовой 3 руб. 50 коп. ([163]).

Русская книга второй четверти XVIII столетия как по своему содержанию, так и по своему внешнему виду представляла уже значительный шаг вперед по сравнению с петровской книгой. В эту эпоху появляются первые оригинальные сочинения русских авторов во главе с великаном русской лите-

ратуры и науки Ломоносовым, писавшим научные сочинения, переводы, предисловия, примечания, сочинявшим оды, панегирики и трагедии, составлявшим вводные статьи философского содержания и дававшим практические советы в области науки и техники. Затем поэты—Тредьяковский, Сумароков, Херасков; философы—Теплов и Поповский; ученые—Миллер, Леонард Эйлер, Эпинус, Гришов, Крашенинников,—дали целый ряд научных и литературных оригинальных трудов. Благодаря тому же Ломоносову в эту эпоху выработан литературный и научный язык. Наконец, немало начинает появляться переводных сочинений с иностранных языков.

Во внешности книги видно желание возможно лучше ее украсить, и хотя число иллюстраций в книгах попрежнему не велико, но почти все они исполнены русскими граверами. Шрифт, по сравнению с петровской эпохой, значительно тоньше и красивее.

Но в общем, над печатным словом господствует безусловная и всесторонняя правительственная опека. Печать составляет монополию правительства, и только при Екатерине II становится более общим достоянием и переходит на новый широкий путь.

Глава третья.

КНИГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА.

Во второй половине XVIII века книгоиздательство вступило в новую эру, перестав быть исключительной привилегией правительства. Общий подъем умственной жизни и пробуждение интереса к литературной и издательской деятельности ознаменовались резким увеличением количества ежегодно издаваемых в России книг. За первое десятилетие екатерининского царствования книгоиздательская деятельность настолько усилилась, что число ежегодно выходивших в это время изданий увеличилось почти в пять раз по сравнению с предыдущим десятилетием. Благодаря указу 1783 г. о „вольных“ типографиях, возникновению целого ряда обществ, как „Собрание, старающееся о переводе иностранных книг“, „Типографической Компании“, „Общества, старающегося о напечатании книг“, „Общества друзей словесных наук“ и др., а также исключительной деятельности Н. И. Новикова—продолжается быстрый

и постоянный рост книгоиздательства, которое достигает наибольшего развития в пятилетие с 1786 по 1790 год.

Переводная литература в это время получила у нас гораздо большее развитие, чем литература оригинальная. Деятельность наших первых писателей протекла под самым широким влиянием литературы Западной Европы. Поэтому данное время составляет эпоху в развитии у нас переводной литературы: были перенесены на русскую почву произведения почти всех главнейших писателей, не только нового времени, но и древнего мира, и именно это время может считаться расцветом зарождавшегося у нас классицизма.

Другими особенностями этой эпохи являются сильное развитие журнальной деятельности и проникновение светской книги в провинцию. В истории культурного развития России семидесятые и восьмидесятые годы XVIII столетия являются тем замечательным периодом, когда в патриархальную жизнь русской провинции, сохранявшей еще многие характерные черты до-петровского быта, стали вторгаться новые явления, приобщившие и провинциальные города к тем формам культурной жизни, которые вырабатывались в столицах. В деле проникновения светской книги в провинцию огромную роль сыграл Н. И. Новиков, без преувеличения можно сказать, создавший у нас читателя. По меткому замечанию В. О. Ключевского, сквозь вызванную Н. И. Новиковым усиленную работу переводчиков, сочинителей, типографий, книжных лавок, книг, журналов и возбужденные ими толки, стало у нас пробиваться то, с чем еще незнакомо было русское просвещенное общество,— общественное мнение.

Правительство Екатерины II начало „просвещение народа“ не с освобождения его от рабства и не с широкого насаждения школ для него, а с заботы о том, чтобы у нас появилось как можно больше переводов на русский язык литературных произведений. Здесь существенна деятельность „Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык“ (Собрание переводчиков). Мы видим крайне оригинальное и несуразное явление: в то время, когда у нас появились в переводах сочинения Вольтера, Монтескье, Беккарии, Юсти, Блэкстона и древние греческие и римские классики, когда эти переводы продавались на улицах Петербурга вразнос, русский народ оставался поголовно безграмотным, так как в самую блестящую эпоху екатерининского царствования на всю Рос-

сию с 30-миллионным населением было всего 40 народных училищ. Нельзя было не знать, какому ограниченному кружку русских людей представляли интерес и были доступны древние классики и сочинения энциклопедистов. В 1808 году многие из них продавались Академией Наук на вес: книга XVIII века имела слишком ограниченный круг лиц, ею интересующихся.

В октябре 1768 года было назначено 5.000 рублей ежегодно для уплаты вознаграждения переводчикам книг с иностранных языков на русский. Руководство переводами и наблюдение за расходованием отпускаемой суммы было поручено коллегии из трех лиц. Так получило начало „Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык". Автор исследования о деятельности этого собрания В. П. Семенников ([164]) говорит, что официальных сведений об учреждении собрания переводчиков нет никаких. Однако в современных ведомостях, как петербургских, так и московских, есть известие об учреждении собрания ([165]). В. П. Семенников не указывает, что в одном из переводов „Діодора Сицилійскаго историческая библіотека. Переведена съ Греческаго на Россійскій языкъ Иваномъ Алексѣевымъ. С. Петербургъ 1774" ([166]) в „Предувѣдомленіи къ читателю отъ трудившагося въ переводѣ", есть сообщение об учреждении собрания переводчиков, благодаря которому, по мнению переводчика, выходят в свет отборные книги: „то-есть нужныя, полезныя и заключающія въ себѣ невинную пріятность".

В состав коллегии входили: граф В. Г. Орлов, брат Григория и Алексея Орловых, который учился в лейпцигском университете, и был в то время директором Академии Наук ([167]); граф А. П. Шувалов, известный как талантливый французский стихотворец, лично знакомый с французскими писателями, в особенности с Вольтером, который даже находился с ним в переписке ([168]); третий член, Г. В. Козицкий, игравший главную роль в собрании переводчиков, был воспитанником Киевской Академии и лейпцигского университета, превосходно знавший древние и новые языки, зарекомендовавший себя к тому времени как трудолюбивый переводчик и как знаток русского языка ([169]). Если граф А. П. Шувалов мог внести в деятельность собрания свои симпатии к Вольтеру и французской литературе, то высокообразованный Г. В. Козицкий, наверное, проявил свою приверженность к классическому миру.

Собрание переводчиков начало свою деятельность отданием в печать в декабре 1768 г. „Разсужденія о причинахъ уста-

новленія или уничтоженія законовъ", сочинение прусского короля Фридриха II, перевод которого был сделан А. Я. Поленовым по собственной инициативе (170). „Первые шаги переводчиков", говорит В. П. Семенников (171), „имели таким образом преимущественною целью познакомить русское читающее общество с произведениями передовых мыслителей XVIII столетия". Собрание переводчиков подало в этом отношении пример всей тогдашней литературе, и мы видим, что большинство журналов, начиная с этого времени, стало печатать на своих страницах различные переводы Вольтера и других французских писателей.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
МАРКУ АВРЕЛІЮ
сочиненное
Г. Томасомъ
членомъ французской
Академіи.
переведено съ французскаго

Помимо академических официальных переводчиков, для Собрания занималось переводами более ста десяти литературных работников (172). Собрание переводчиков просуществовало 15 лет—с 1768 г. по 1783 г., выпустив за это время 112 названий книг, заключающихся в 173 томах.

Все переводы Собрания можно разделить на четыре главные группы: 1) сочинения писателей нового времени, в особенности XVIII столетия, 2) сочинения по истории и географии, 3) сочинения физико-математического и естественно-исторического содержания и 4) сочинения древних греческих и римских писателей.

Придавая, очевидно, громадное значение знакомству с классическим миром, Собрание в 1774 году выпустило в свет книжку „О полезномъ съ юношествомъ чтеніи древнихъ классиковъ". В этой книжке, переведенной с немецкого Дмитрием Семеновым, указывается и разъясняется „четвероякая" польза,

происходящая от чтения древних писателей: „Во 1-хъ, служатъ они къ основательному изученію Греческаго и Латинскаго языка, а тѣмъ самымъ къ достиженію премногихъ понятій, которыя иначе и на умъ намъ не пришли бы. Во 2-хъ, къ поправленію вкуса или ощущенія красоты какъ въ нравахъ, такъ и въ художествахъ. Въ 3-хъ, къ снисканію основательнаго знанія древней исторіи, и, въ 4-хъ, къ изученію философіи". Об отсутствии лести у древних читаем здесь, между прочим, такую тираду: „Не обрѣтаемъ мы въ нихъ никакихъ безсмачныхъ и подлодушныхъ похвалъ знатнымъ и богатымъ особамъ приписанныхъ. Они разсуждаютъ о всѣхъ людяхъ съ похвалы достойной свободностію". Эта книжка педагогического содержания, очевидно, имела немало читателей: это доказывается тем обстоятельством, что в 1787 году в Москве вышло ее второе издание ([173]).

Помимо переводов древних классиков, выпущенных Собранием переводчиков, во второй половине XVIII столетия вышло 77 названий, изданных отдельными лицами.

Эпоха эта была своего рода расцветом зарождавшегося у нас классицизма. Интерес к изучению древне-классической литературы во вторую половину XVIII столетия проявился и в появлении значительного числа литературных произведений разнообразной формы, в которых затрагивались и разбирались вопросы классической древности. Само собой разумеется, что интерес к художественным произведениям с классическими сюжетами не распространялся дальше весьма ограниченного круга читателей.

В эту эпоху был поднят вопрос и о значении греческого языка для языка отечественного и богословской науки ([174]); появилось около 15 греческих и латинских азбук и букварей, и вышло свыше 20 грамматик по древним языкам. К этому же времени относится появление трех хрестоматий, из которых одна греческая ([175]) и две латинских ([176]). В эту же эпоху было издано до 10 словарей латинского языка и немало так называемых школьных и латинских разговоров ([177]). Первым переводным лексиконом, появившимся у нас, был „Нѣмецколатинскій лексиконъ" Вейсмана, переведенный целой группой лиц и появившийся у нас в 1731 году в количестве 2.500 экземпляров. Во второй же половине XVIII века появился труд профессора Московского Университета Павла Сохацкого „Краткое начертаніе латинскаго слога", составленное немецким

ученым Филлеборном,—это была краткая история римской литературы и руководство по латинской стилистике. Сочинение Максима Семигиновского „Начальныя правила сочиненія латинскаго, для начинающихъ обучаться латинскому языку при Кіевской Академіи“ с 1791 по 1798 год выдержало четыре издания.

По вопросам древне-греческой философии во второй половине XVIII столетия ([178]) вышло 23 сочинения и свыше 50 по мифологии, немало также вышло сочинений, в которых разбираются исторические вопросы. П. Н. Черняев в статье „Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II“, напечатанной в „Филологических Записках“ за 1904 и 1905 г.г. ([179]), подробно перечисляет все эти переводы, хотя некоторые из них в его труде отсутствуют, как, например: „М. Туллія Цицерона старшій Катонъ или о старости, к Титу Помпонію Аттику. Переводъ съ латинскаго“. Курскъ, 1795 г. (Перевод Е. В. Карнеева). „Процвѣтающая Грецiя. Переводъ Павла Никифорова“. Тамбовъ, 1792 г., „Полная баснословная исторія. Переводъ Михайло Сушкова“. Владиміръ, 1799 г. ([180]). Переводы делались с французского, с немецкого, с древне-греческого, с латинского, с английского, с итальянского и даже с китайского. Переводчиками были преимущественно лица, принадлежавшие к педагогическому сословию,—учителя, профессора, академики, также священники, литераторы, журналисты, студенты; замечательно, что между переводчиками встречаются также лица крепостного состояния; очень немногие переводчики были из числа лиц свободных профессий,—художники, как напр., Баженов и Львов, любители литературных занятий, как напр., Колоколов. Перевод последнего „Публія Овидія Назона избраннѣйшія печальныя элегіи. Переложены прозою въ Твери Ѳдрмъ Клклвмъ“, напечатанный в 1796 году в Смоленске, представляет собою крупное явление в нашей переводной литературе конца XVIII века и является лучшим из немногих провинциальных изданий как по очень хорошему языку, так и по богатству примечаний (около 130), обстоятельно разъясняющих текст со стороны мифологической, географической, риторической и, главным образом, литературной. Наконец, и с внешней стороны издание это производит отличное впечатление: красивый и четкий шрифт, каждая страница текста заключена в типографскую рамку.—Наши скудные сведения о личности этого переводчика,—пишет один из

немногих исследователей этой эпохи ([181]),— до некоторой степени может пополнить краткое, но очень трогательное посвящение, за которым идет обращение к благосклонному читателю, носящее чисто субъективный и философский характер и имеющее глубокий смысл: „Благосклонный читатель! Цѣль моя,— пишет Колоколов,—съ которою я в досужее время упражнялся въ преложеніи печальныхъ Назоновыхъ Елегіевъ прозою, была единственно домашняя утѣха моя въ злосчастной нѣкоей долѣ моей. Подлинно ядъ скуки, разлившійся коварною рукою по всѣмъ членамъ моимъ, расторгалъ спокойныя движенія сердца моего, но острыя вспаденія ума сего сладчайшаго пѣснопѣвца, пылкій оборотъ его мыслей, его неподражаемое витійство, его непрежденныя, но свободною струею текущія прекрасныя мнѣнія и самыя печальныя ощущенія его, по многимъ видамъ сообразныя чувствованіямъ моимъ, наполнили духъ мой, во время стенаній моихъ, чистымъ и несмущеннымъ веселіемъ“. Далее, перечисляя все великие ума и сердца достоинства Овидия, он заканчивает свое обращение следующими словами: „Подлинно, судя по счастливой плодовитости безсмертнаго сего ума, можно неоспоримо сказать, что несчастія разумнаго человѣка никогда не могутъ быть велики. Онъ при самомъ отчаяніи, самъ въ себѣ находитъ утѣшеніе. Разсужденія, которыя онъ можетъ имѣть о своихъ несчастіяхъ, примѣры злоключеніевъ, которыя онъ себѣ представляетъ, и всѣ коловратности міра сего производятъ въ немъ неисчерпаемый ключъ утѣшенія, котораго нѣтъ у людей не столь разумныхъ. Тѣ, которыя позорище свѣта пріятнымъ себѣ воображаютъ, увеличивая оного тлѣнность, тщетно разсуждаютъ о пріятностяхъ его, и не могутъ ничѣмъ умѣрить печали, увеличенной словами“.

Из приведенного обращения к читателю видно, что Колоколов нисколько не походил на обычных, так сказать официальных, переводчиков: он переводил элегии Овидия потому, что в этом переводе находил источник наслаждения, и печально настроенная муза римского изгнанника как нельзя более гармонировала с тревожным душевным состоянием русского переводчика, судьба которого, как можно догадываться, не была завидной.

С другой стороны, были переводы и не совсем удачные: к числу их надлежит отнести перевод Энеиды, появившийся, как предполагают, в 1780—1781 г. г. в издании: „Еней героическая поэма Публія Виргилія Марона. Пер. с латинскаго

Г-номъ Петровымъ". Без года и места печати. Перевод этот близок к подлиннику, но язык его чрезвычайно дикий, с славянизмами, выражениями и словами собственного изобретения вроде следующих: „въ немъ сопреди исторженный отъ пламъ ушлецъ несетъ заблудительные стоны и отрыгиваетъ словеса, мочь, несмотря на предзнаки, въ безпечьи рѣется впередъ чтобы умреть, а разумъ врозь растекся". Автор шутливой поэмы „Елисѣй, или раздраженный Вакхъ", В. М. Майков, приветствовал перевод Энеиды эпиграммой:

„Сколь сила велика Российскаго языка!
Петровъ лишь захотѣлъ — Виргилій сталъ заика!".

Помимо 110 переводчиков, работавших для изданий, выпускаемых Собранием переводчиков, известно более 50 лиц ([182]), переводивших исключительно сочинения древних классиков.

Замечательна судьба этих переводов. Весьма многие из переводов, сделанных во второй половине XVIII стол., остаются до сих пор единственными. Таковы переводы сочинений греческих писателей: Аполлодора, Аристотеля, Афинагора, Диодора Сицилийского, Палефата, Плутарха, Харитона, Элиана, и латинских — Валерия Максима, Веллея Патеркула, Вегеция, Витрувия, Евтропия, Геллия, Катона, Клавдиана, многих сочинений Сенеки, Федра, Флора и так называемых „шести писателей о Августах". Некоторые из классиков, переведенные в эту эпоху, переведены вновь сравнительно лишь в очень недавнее время, напр., Полибий, пер. Ф. Мищенка, Москва 1890 г., Мусей, пер. В. Латышева в „Филологическом Обозрении", т. IV; другие, полностью переведенные в конце XVIII стол., еще не доведены до конца в новейших переводах, таковы напр.: комедии Теренция и сочинение Цицерона „De finibus bonorum et malorum". Наконец, как на знаменательный факт, можно указать на сделанную в 1870 г. в Москве перепечатку исполненного Костровым в 1780 — 1781 г.г. перевода Апулеева сочинения „Золотой Оселъ".

Размеры получаемого переводчиками вознаграждения за переводы колебались от 5 до 8 рублей за печатный лист. Иногда за перевод платилась, по договору, определенная сумма за все сочинение; переводчики пьес получали не с листа, а с акта. Собрание переводчиков особенно ценило переводы с подлинников и объявляло в ведомостях о том, что если из переведенных, даже и напечатанных сочинений древних авторов, возьмет кто какие-либо книги вновь переводить

не с переложений на иностранных языках, но с самих подлинников, то „Собраніе приметъ оные переводы съ удовольствіемъ и выдастъ соразмѣрное вознагражденіе“. Из этого можно заключить, как серьезно было поставлено дело переводов, в особенности древних классиков.

Собрание переводчиков печатало в „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ извещения об изданных книгах, печатаемых, находящихся в переводе и означенных для перевода. Лица, желающие взять переводить намеченные для перевода книги, должны были уведомить об этом цензора и издателя переводов, академика Лепехина, с приложением опыта в переводе, с стихотворцев — стихами, а с прозаических писателей — прозой. В объявлениях иногда делались напоминания переводчикам „чтобы благоволили по прошествіи шести мѣсяцевъ увѣдомлять о успѣхѣ или остановкѣ, если она послѣдуетъ въ ихъ переводахъ“.

В первый год деятельности Собрания переводы его печатались в количестве 1.200 экземпляров. Но уже 1770 году Академическая Комиссия усмотрела, что книги эти весьма мало расходятся, и Академия стала печатать их частью по 600, частью по 300, изредка по 500 экземпляров. Сочинение Каллиера „Какъ договариваться съ государями“, а также „Двѣ Ироиды“ Овидия, печатались в количестве 200 экземпляров. Для большего распространения изданий Собрание пыталось организовать даже разносную продажу книг по городу. Нашелся петербургский купец Матвей Никифоров, который взялся содержать на своем иждивении потребное число разносчиков для продажи книг, а также продавать их в собственной книжной лавке, находившейся в Морском рынке, с уплатой ему 10% с денег, вырученных от продажи. Но несмотря и на эти меры, переводы Собрания расходились весьма медленно. Но на долю некоторых выпал успех: так „Письма о разныхъ матеріяхъ“ Эйлера и сочинение Амоса Коменского „Свѣтъ зримый въ лицахъ“ выдержали даже по четыре издания, а по три издания имели: „Кандидъ“ Вольтера, „Путешествія Гулливеровы“ Свифта, „Китайскія мысли“, перевод с манчжурского, книжка „Наука быть учтивымъ“ и „Древности Іудейскія“ Иосифа Флавия. Несколько переводов имели по два издания. Но, с другой стороны, были и такие издания, которые за 40 лет не разошлись даже по 200 экземпляров. В 1808 году Правление Академии продало на вес, между

прочими изданиями, также много книг, переведенных Собранием ([183]). В том числе были проданы почти все географические труды Бюшинга, каждый более чем по 200 экземпляров, тогда как печатались они всего по 500 экземпляров. Был продан 121 экземпляр книги „Разговоры о хлѣбномъ торгѣ", тогда как напечатано этого перевода было 300 экземпляров. По словам Сопикова, многие из этих проданных изданий впоследствии сделались редкими.

В общем же, деятельность Собрания переводчиков за 15 лет, рассматриваемая в совокупности, представляет ценнейший вклад в литературу второй половины XVIII стол. Главная заслуга Собрания — перевод на русский язык творений древних классиков, которые по количеству изданий занимают первое место. Что касается переводов писателей нового времени и в частности французских мыслителей XVIII века, то переводы эти не получили широкого развития и велись без систематического плана, но во всяком случае, переводы из сочинений Монтескье, Вольтера, статей из Энциклопедии, а также сочинений Свифта, Тассо, Корнеля и др., позволяют высоко ставить деятельность Собрания переводчиков и в этом отношении.

Собрание переводчиков совершенно ошибочно смешивают с двумя учреждениями: „Переводчискимъ Департаментомъ" и „Россійскимъ Собраніемъ". Первый из них был учрежден 13 февраля 1790 г. ([184]) кн. Е. Р. Дашковой, состоял из нескольких студентов и переводчиков под руководством академика Протасова и служил исключительно для академических надобностей. Главной его работой было исполнение переводов для „Вѣдомостей" и академического журнала. „Россійское Собраніе" было учреждено при Академии Наук в 1735 году и имело целью, как это было указано выше (в обозрении елизаветинской эпохи), усовершенствование русского языка вообще, а также производство переводов. О деятельности этого учреждения имеются только самые скудные сведения в труде Пекарского „История Академии Наук" ([185]). Достоверно известно, что собрание это существовало всего несколько лет.

Из числа всех переводов древних классиков, 80% вышло в Петербурге и было напечатано в казенных типографиях: Академии Наук, Синодальной, Сухопутного Шляхетного корпуса, Корпуса Чужестранных Единоверцов, а из частных—у Шнора;

в Москве вышло около 20% напечатанных в типографиях: Университетской, арендованной Н. И. Новиковым, и Сенатской, а из числа частных: Компании Типографической, Гиппиуса, Зедербана, Зеленникова, Лопухина, Мейера, Новикова, Пономарева, Ридигера и Решетникова.

По одному переводу было отпечатано в Курске, Калуге и Смоленске. В типографском отношении большинство этих переводов напечатаны четкими и сравнительно крупными шрифтами, снабжены типографскими украшениями, концовками и заставками, являющимися по большей части подражанием французским образцам. Что касается бумаги, то большинство переводов напечатано на простой, но плотной бумаге русского производства и только весьма немного изданий вышло на александрийской бумаге. Преобладающий формат книг в эту эпоху — 8°: так из 126 названий книг, изданных Собранием переводчиков, только 14 имели формат 4° и одна книга 12°.

Особую группу книг, вышедших в эту эпоху, составляют масонские книги и книги мистического содержания. Почти все эти книги составляют в настоящее время библографические редкости, так как при преследовании масонства в конце XVIII стол., книги эти отбирались и сжигались, а с другой стороны, между ними было немало таких, которые печатались в ограниченном числе экземпляров исключительно для раздачи масонам, а не для продажи.

Почти все масонские книги являются переводными, главным образом с немецкого. Переводчиками были: И. П. Тургенев, Оболдуев, В. Елагин, П. И. Страхов и А. М. Кутузов. Одним из немногих оригинальных сочинений русского масонства конца XVIII стол. является „Духовный Рыцарь или ищущій премудрости. 5791". 8°, 59 + 1 н. н. стр. ([186]). Книга напечатана в количестве 200 экземпляров без разрешения правительства. „Духовный Рыцарь" помещен на первых 46 страницах и содержит в себе всю, так сказать, суть учения, всю соль его; с 47-й страницы идет нравоучительный катехизис истинных франк-масонов; в конце книги на ненумерованной странице значится обращение к „любопытству читателя".

К числу оригинальных мистических сочинений относится „Лучъ Благодати или Писанія Н. А. К." 8°, 74 стр., с гравюрой, без означения места и года печати ([187]). Автор книги —Н. А. Краевич, надгробный памятник которому изображен на гравюре; издатель—известный масон И. В. Лопухин.

Представляет большой интерес „Магазинъ свободно-каменьщической. Томъ I. Часть I.“ М. 1784, 8°, I ч. VII + 141 стр.; II ч. 144 стр. (188). „Магазинъ“ издавался московскими масонами и должен был, повидимому, служить их летописью. Предполагалось выпустить его в 7 томах, но изданы были только две части тома I, третья была не допечатана и не выпущена. „Магазинъ“ в продажу не поступал, а раздавался масонам; оставшиеся экземпляры были впоследствии уничтожены.

Также не для продажи, а для раздачи масонам, был издан „Духъ масонства“, 8°, 276 стр., без обозначения места и года печати (189). Книга эта была напечатана в тайной масонской типографии и в 1792 году была отобрана от Н. И. Новикова и сожжена.

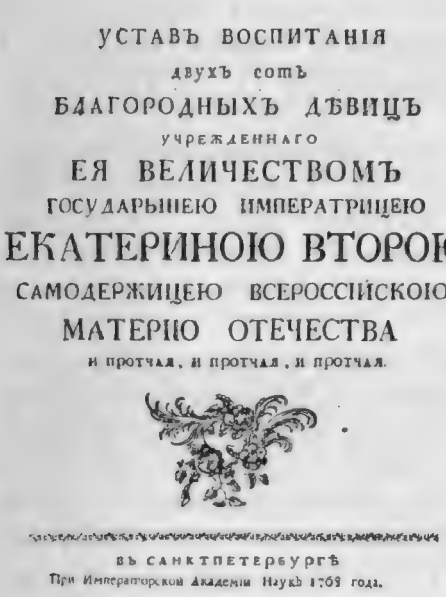
Подверглась также сожжению по распоряжению правительства и „Карманная книжка для В*** К***. Издание 2-е.“ М. 1783, 12°, 116 стр. (190). Первое издание было напечатано в Петербурге в 1779 году под заглавием „Записная книжка для друзей человѣчества“. Это одна из немногих масонских книг, имевших два издания.

Одной из редчайших масонских книг, известных в данное время в трех экземплярах, является „Должности братьев З. Р. К.“ М. 1784, 8°, 128 стр. (191). Книга эта не была допечатана. По указанию Лонгинова, к числу особенно редких и имевших особенную важность для мистиков относится „Тайна творенія“ М. 1785, 8°, 326 стр. с 8 рисунками (192). В 1792 году книга эта также была отобрана у Н. И. Новикова. С масонскими изображениями на заглавных листах было издано „Уложеніе великой масонской ложи Астреи на В... СПБ“. 2 части, имевшие общую нумерацию. Вторая часть носила другое заглавие: „Законы великой масонской ложи Астреи на Востокѣ Санктпетербурга или подъ конституціею великой ложи Астреи состоящаго Масонскаго союза“ (193). Из числа масонских и мистических книг с иллюстрациями надлежит еще указать: „Новую Киропедію“ 1785 г., „Картину Цебесову“ 1786 и „Божественную и истинную метафизу“ 1787. Все эти книги были изданы Н. И. Новиковым.

К числу особенностей изданий масонских книг в отношении шрифтов, надлежит указать, что три из них: „Духовный путеуказатель“, М. 1784 (194), „Колыбель камня мудрых“, М. 1783 (195) и „Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе“ (без места и года печати) (196) были напечатаны курсивом.

Почти все масонские книги XVIII века были напечатаны в Москве, главным образом в типографии И. Лопухина, и только две в тайной масонской типографии и одна в типографии Московского Университета у Н. И. Новикова ([197]).

В эту же эпоху вышли две книги, направленные против масонства. Одна из них „Масонъ безъ маски. Въ Санктпетербургѣ. 1784. Печатана съ дозволенія указаннаго у Христофа Геннинга". 2 н. н. + VII + 114 + 1 стр. ([198]). Книга эта переводная, по указанию Анастасевича, переводчиком был И. И. Соц. Остроглазов сообщает, что „Масонъ безъ маски" еще до напечатания был распространен в рукописях и находил читателей. Другая книга представляет еще больший интерес, так как это русское оригинальное сочинение,— книга носит название: „Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истиннѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ. 1790", 8°, XVI + 377 + 12 н. н. стр. ([199]). В этом „изслѣдованіи" подвергнуты критическому разбору мнения, высказанные в книге „О заблужденіяхъ и истинѣ, или возваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія", имевшей в среде масонов большой успех.


УСТАВЪ ВОСПИТАНІЯ
ДВУХЪ СОТЪ
БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ
УЧРЕЖДЕННАГО
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ
ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ
ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ
САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССІЙСКОЮ
МАТЕРІЮ ОТЕЧЕСТВА
и протчая, и протчая, и протчая.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ 1769 года.

Преобразовательная деятельность и реформы Петра Великого впервые в эту эпоху стали находить себе оценку и объяснение. В екатерининскую эпоху пробудился интерес к личности Петра, и появилось множество изданий, посвященных его времени; среди этих книг представляет большой интерес, не в научном отношении, но по гравюрам, в нем находящимся, издание Феодози „Житіе и славныя дѣла Петра Великаго", Спб. 1774, 4°, Т. I. 25 + 367 стр. Т. II 332 + 4 н. н. стр. ([200]). В этом, втором, издании приложены гравюры, отпечатанные с ранее гравированных досок работы: Шхонебека, Пикара, братьев Зубовых и Н. Кирсанова.

Первое издание вышло в 1772 г. в Венеции на славянском языке для сербского народа с портретом, хорошо гравированным А. Калпашниковым. Во 2-м издании особенно интересны гравюры: „Взятие Азова“, с портретами: Петра, Шеина, Шереметева, Лефорта, Гордона, Головиных, Толстого и Тиммермана. Затем „Свадьба шута Шанского“ и „Тріумфальный въѣздъ въ Москву 2 декабря 1709 г.“. Все описания этого издания различны: Д. А. Ровинский, а также Н. В. Губерти не описали двух больших гравюр на складных листах, Остроглазов указывает 31 гравюру, Н. А. Обольянинов 30, а Н. В. Соловьев 29.

Фронтиспис в книге „Уставъ воспитанія двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ“. Петербургъ 1768.

Другим интересным и красивым изданием является „Полное описаніе дѣяній Петра Великаго. Сочиненное Ѳеодоромъ Туманскимъ. Ч. I“. Спб. 1788, 8°, LVI + 288 + 8 н. н. стр. ([201]), с гравированным заглавным листом, 11 портретами и 5 виньетками. Все портреты и виньетки без означения имени гравера. В 1770 г. Дмитриевым-Мамоновым была издана „Слава Россіи или собраніе медалей дѣлъ Петра Великаго“. Все издание гравировано ([202]). В 1783 г. в Москве вышло второе издание этой книги. Портреты Петра Великаго помещены в книгах: „Писаревъ. Житіе Петра Великаго“ 1772, „Вороблевский. Сказаніе о рожденіи Петра Великого“ и др.

В конце XVIII столетия у нас вышло около 20 названий книг по русской генеалогии. Автором целого ряда родословий отдельных фамилий, вышедших в Москве с гравированными гербами, был игумен Ювеналий Воейков.

В. Н. Рогожин в „Материалах для русской библиографии“. Спб. 1903, стр. 52 — 58, описывает одно издание Воейкова, совершенно неизвестное нашим библиографам.

К числу особенно редких книг относится „Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ", Спб. 1790, 8⁰, 2 н.н.+494+5 н.н. стр. ([203]). Автором этого труда был известный ученый Ф. Миллер; существует только несколько экземпляров, на которых выставлено имя автора. С 1798 г. начинает выходить роскошное издание „Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской Имперіи" ([204]), продолжавшееся до 1836 г. Издание это выходило на отличной бумаге, с большими полями, с красиво гравированными заглавными листами. Первые пять томов заключали в себе по 150 гравированных гербов на отдельных листах, в VI томе их 160, в VII — 180, в VIII, IX — по 160 и в X — 152. Гербы гравированы Ухтомским, Уткиным, Дюменилем, Фредрици и др. Издание это в полном виде составляет одну из самых редких и ценных книг.

На Западе, и главным образом во Франции, XVIII век является несомненно эпохой расцвета книжной иллюстрации. Cohen совершенно справедливо говорит ([205]): „Les livres du XVIII siècle sont toujours à la mode et le seront tant, que les bibliophiles auront le goût du livre élégant, orné avec ingeniosité et grâce". Другой исследователь L. Delteuil говорит: „La vignette est la gloire du XVIII siècle". Наибольшего блеска и красоты французская гравюра достигла в воспроизведении красками. Этот способ красочного печатания возник во Франции во второй половине XVIII стол. Родоначальником этого рода гравюры был гравер Жан-Баптист Лепренс, который в 1768 г. изобрел способ гравирования лависом, послуживший прототипом дальнейшего печатания красками. Лепренс прожил в России пять лет — с 1759 по 1764 г.,— и за это время он немало сделал для развития в русском обществе вкуса и любви к искусству. Побывав в Сибири и Прибалтийском крае, он срисовал виды, сцены и типы, исключительно низших классов населения России, которые награвировал частью офортом, частью лависом. Всего относящихся к России известно около 150 листов, они выпускались отдельно, сюитами и, наконец, вошли в два собрания его работ, изданных в 1779 и 1782 г.г. in folio с особыми гравированными курсивом заглавными листами. Лепренс иллюстрировал знаменитую книгу аббата Chappe d'Auteroche, так не понравившуюся Екатерине II. Лепренс был первым иностранным художником, изображавшим русский быт с относительной достовернóстью, хотя он и придавал своим рисункам сентиментальный характер. В эту

эпоху увлечения Turquerie и Chinoiserie, Лепренс ввел Russerie, о которой до него не подозревали. Хотя его русские пейзане в сущности те же китайцы и турки, лишь в другом театральном одеянии, но все же, говорит талантливый исследователь Н. Н. Врангель ([206]): „В их бородатой неуклюжести, несмотря на неглубокое понимание, есть своеобразная прелесть, острая и пряная. Конечно, это не новое открытие, это даже не новое слово".

Кроме Лепренса, Жанинэ и в особенности Дебюкур посвятили России довольно много работ. Эти первые пионеры в деле ознакомления Европы с природой, бытом и нравами России несколько прикрашивали и идеализировали ее, составляя противоположность некоторым немецким художникам, как, например, Гейслеру, бывшему в России в качестве рисовальщика с Палласом, который старался подчеркнуть все отрицательные стороны нашей родины. Его издание „Châtiments usités en Russie... Leipsic, 10 gravures", с текстом на французском и немецком языках, содержало в себе следующие листы: колодки, палки (солдатские), кадеты и инвалиды гоняют солдат сквозь строй, палки у казаков, розги, секут девушку, батоги, плети, кнут на козле, вырезывание ноздрей и киргизские виселицы. Это издание, а равно сочинение аббата Шапп д' Отероша с рисунками Леп-

ЖУРНАЛЪ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ЕГО ВЫСОКОРОДІЯ
ГОСПОДИНА СТАТСКАГО СОВѢТНИКА,
и
Ордена Святаго Станислава
КАВАЛЕРА
НИКИТЫ АКИНФІЕВИЧА ДЕМИДОВА.

По иностраннымъ Государствамъ съ начала выѣзда Его изъ Санктъ-Петербурга 17. Марта 1771. года по возвращеніе въ Россію, Ноября 22 дня 1773. Года.

Печатано въ Москвѣ, въ Типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса. 1786 года.

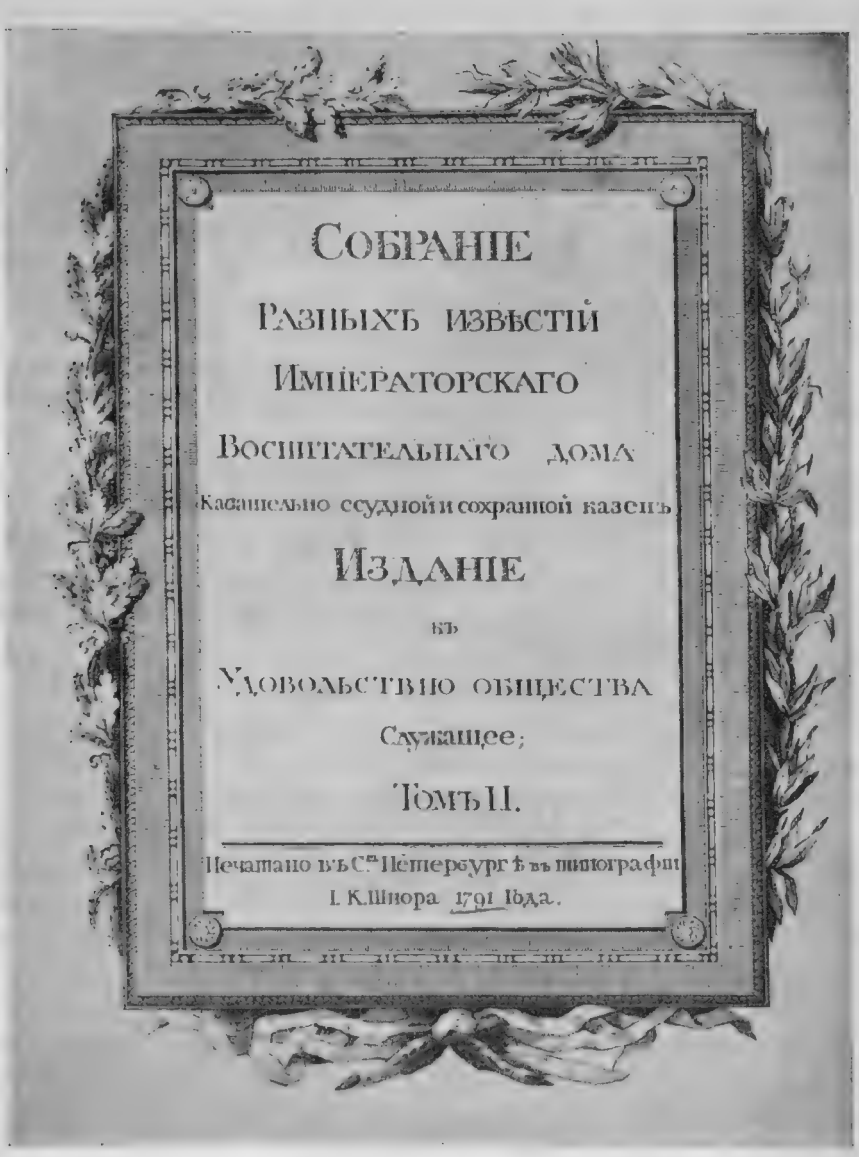
ренса, вызвавшее печатное возражение Екатерины II, были строжайше запрещены в России.

У Лепренса учились гравировать лависом два наших лучших книжных иллюстратора, оба любители: А. Н. Оленин и Н. А. Львов. Русская книжная иллюстрация XVIII века только в весьма и весьма редких случаях может считаться отвечающей тем идеалам изящества, до которых она была доведена во Франции. Мы видели, что в первую половину XVIII столетия у нас, несмотря на относительный расцвет граверного дела, иллюстрация книг была довольно бедна.

В конце первой половины XVIII столетия, под влиянием новой Академии Художеств, художественное развитие русского общества заметно возрастает, и во второй половине XVIII стол., отчасти благодаря наплыву иностранцев, давших несколько интересных книжных гравюр, русская иллюстрированная книга приближается к лучшим французским изданиям того времени. Вновь перетасованная при Екатерине II Академия Художеств образовала за эту эпоху всего трех замечательных граверов: И. А. Берсенева, Г. И. Скородумова и А. Ф. Березникова. Первый из них совсем не участвовал своими работами в иллюстрации книг; что касается Г. И. Скородумова, то из книжных его иллюстраций известна только одна гравюра — изображение графа А. А. Орлова с медали в сочинении Струйского 1790 г. И. М. Остроглазов еще указывает, что Г. И. Скородумов гравировал портрет Н. А. Демидова, при его „Журналѣ путешествія“, М. 1786, ошибочно ссылаясь на Д. А. Ровинского, у которого имя гравера этого портрета не указано. Нигде до сих пор не отмечено, что два рисунка Г. И. Скородумова: „A Russian gentleman in a Winter Dress“ и „A Russian in a Winter Dress“, с подписями: „Scorodomof del.— B. Dicmar sculpsit“ и „Fin Peasant felling Game.—Scorodomof del. Teigel sculpsit“, были помещены в „Описаніи путешествія“ Кокса, вышедшем в Лондоне в 1784 г. ([207]).

Третий талантливый гравер, А. Ф. Березников, исполнил весьма немного книжных гравюр: 11 картинок к книге „Образованіе древнихъ народовъ“, Спб. 1796 и „Мундиры, утвержденные Екатериной II“, Спб. 1764.

Во второй половине XVIII стол. работали для книги граверы: Ив. Бугреев, Д. Ф. Герасимов, Н. Дьяконов, Иконников, А. Н. Казачинский, С. Карпович, Н. Кирсанов, Н. Я. Колпаков, А. Я. Колпашников, Е. И. Кошкин, И. П. Кулибин,



СОБРАНІЕ
РАЗНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА
Касательно ссудной и сохранной казенъ
ИЗДАНІЕ
къ
УДОВОЛЬСТВІЮ ОБЩЕСТВА
Служащее;
ТОМЪ II.
Печатано въ С.ⁿ Петербургѣ въ типографіи
І. К. Шнора 1791 Года.

Н. А. Львов, М. И. Махаев, Г. Мешков, А. Ножевщиков, А. Н. Оленин, С. Панин, С. Путимцев, И. Розанов, А. Г. Рудаков, Решетников, Н. Я. Саблин, А. Д. Савинков, Г. Ф. Сребреницкий, И. Стрижев, Л. Флоров, Храмцев, Е. М. Худяков и Никита Челноков. Все это были ученики И. А. Соколова, знаменитого Шмидта, Тейхера и Е. П. Чемесова. За исключением Н. А. Львова и А. Н. Оленина, все остальные

должны быть отнесены к числу посредственных граверов. Весьма многие из них копировали иностранные гравюры, чем, надо полагать, объясняется весьма значительное число гравюр в книгах не подписанных.

Что касается иностранных граверов, бывших в России в XVIII стол., то, так как в эту эпоху портретное искусство преобладало над всеми, это сказалось и в гравюре, и большинство иностранных граверов, работавших в России, специализировалось исключительно на портретах, сравнительно хорошо оплачиваемых, и почти совсем не гравировали для книг. Из числа же исполнителей книжных гравюр самыми талантливыми и наиболее плодовитыми были Набгольц и Шенберг, затем идут: Гандини, Гейслер, Майр, Рот и Шлепер.

Всего с 1765 по 1800 год у нас появилось 320 иллюстрированных изданий, не считая 35 фейерверков и иллюминаций. Под влиянием Запада, у нас появляется забота о красивой внешности книги, и в эту эпоху даже сухие официальные издания выходят украшенными всевозможными изящными заставками, концовками, красиво гравированными фронтисписами, при чем в небольших брошюрах нередко весь текст гравирован, каждая его страница заключена в красивую рамку, и в этих изданиях видно положительно любовное отношение к внешности книги, забота возможно лучше ее украсить. Среди этого рода изданий мы должны прежде всего указать на богато иллюстрированное „Учрежденіе Воспитательнаго Дома“, Спб. 1763. Второе издание 1767 г. в 3 частях с прибавлением 1768 г. ([208]), с красивыми виньетками, из которых 11 исполнены Герасимовым, 6 — Паниным и 2 — Сребрицким. В 1775 г. это издание было переведено на французский язык и вышло под заглавием: „Les plans et les statuts des différents établissements... par Betzkoy“, 2 тома; во французском этом издании добавлено 7 виньеток Герасимовым и по одной — Колпаковым и Карповичем.

Чрезвычайно роскошно издано „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества“, Спб. 1789 — 1791 ([209]) с 64 виньетками, исполненными Набгольцом, Шенбергом, Кошкиным, Колпаковым и Киммелем. Очень красиво издание „Привелегія и уставъ Академіи Трехъ знатнѣйшихъ Художествъ“, Спб. 1765, с 6 виньетками Сребрицкого, Колпакова, Герасимова и Карповича. Замечательно также издание „Генераль-

Фронтиспс в книге „Собраніе разныхъ извѣстій Воспитательнаго Дома". Спб. 1791.

ное Учрежденіе о воспитаніи Обоего Пола юношества, конфирмованное Е. И. В. 1764 Года марта 12 дня", 8°, все 11 страниц текста гравированы курсивом, и каждая страница заключена в рамку, очень изящен заглавный лист и одна заставка; кем гравировано это отличное издание, неизвестно.

Н. А. Обольянинов ([210]) не описал его, а, назвав, сделал неправильную ссылку на „Уставъ Шляхетного Корпуса“, Спб. 1766, который печатан в 4⁰, с виньетками Колпакова, Герасимова, Панина и Сребрицкого.

Из числа официальных изданий по значительному числу иллюминованных гравюр обращает на себя внимание „Изображеніе мундировъ Россійскаго войска“, Спб. 1793, 8⁰ ([211]). В этом издании, помимо гравированного фронтисписа, 88 гравюр с подписями на русском, французском и немецком языках, на некоторых стоит имя гравера — Гейслер. Знаменитый „Наказъ о сочиненіи проэкта новаго уложенія“, Спб. 1770, 4⁰ ([212]), вышедший на четырех языках, украшен четырьмя очень изящными виньетками, рисованными Штелиным и гравированными Ротом.

Само собой разумеется, что особенно изящно были изданы сочинения самой Екатерины II. Среди этих изданий первое место принадлежит роскошной книге: „Начальное управленіе Олега. Спб. 1791“ ([213]), в лист, с двумя фронтисписами и пятью виньетками, гравированными Кошкиным по рисункам неизвестного художника, в которых быт, типы и костюмы очень далеки от исторической правды и исполнены сухо, в тяжелом академическом стиле. Экземпляры этого издания, находящиеся в Публичной Библиотеке и в библиотеке Академии Наук,— с крашеными гравюрами. Также изящно было издано „Тайна противунелѣпаго общества“, Спб. 1759, 16⁰ (фактически издано в 1783 г.) ([214]), с четырьмя гравюрками неизвестного гравера. Неизвестно также, кому из граверов принадлежат две гравюры, украшавшие другое произведение Екатерины II „Сказка о Царевичѣ Хлорѣ“, 12⁰ ([215]). К числу иллюстрированных сочинений Екатерины II также принадлежат „Опера комическая Февей“, Спб. 1789, 4⁰ ([216]), с двумя гравированными заглавными листами и неоконченная печатанием „Выпись хронологическая изъ исторіи русской“, 4⁰, с 39 портретами, гравированными Макаровым и Харитоновым.

В подражание французским изданиям того времени, стремились особенно тщательно иллюстрировать литературные произведения знаменитых писателей. В 1795 г. А. Н. Оленин поднес Екатерине II к стихотворениям Г. Р. Державина 92 виньетки в классическом стиле, в составлении которых, по указанию Д. А. Ровинского, участвовал и Н. А. Львов ([217]). Эта одна из самых первых попыток к иллюстрации сочине-

ний русского писателя русским же художником не была осуществлена в то время, и только впоследствии рисунки эти были гравированы на дереве в академическом издании сочинений Г. Р. Державина.

Из сочинений наших писателей вышли с иллюстрациями в эту эпоху: „Душенька“ И. Богдановича, выдержавшая три издания 1783, 1794 и 1799 г.г., „Сочиненія Василья Капниста“,

1796“, с очень изящными виньетками Набгольца ([218]), его же знаменитая комедия „Ябеда“, Спб. 1798, „Собраніе сочиненій Княжнина“, Спб. 1787, 4⁰, с четырьмя гравированными заглавными листами и красивой концовкой неизвестного гравера, „Сочиненія Ломоносова“, выдержавшие три издания 1778, 1784 и 1794 г.г.

Одним из самых изящных изданий является „И. И. Хемницер. Басни и сказки“, Спб. 1799, 8⁰, ([219]), с 11 превосходными виньетками А. Н. Оленина, гравированными лависом. Также чрезвычайно изящна виньетка Н. А. Львова к его шутливой поэме „Русскій. 1791“ ([220]). Это чрезвычайно редкое издание описано в труде В. А. Верещагина и указано у Д. А. Ровинского, но в издании Н. А. Обольянинова пропущено. Тем же Н. А. Львовым было исполнено лависом девять гравюр в издании „Разсужденія о проспективѣ“, Спб. 1789 ([221]) и 11 гравюр в очень редком издании „Четыре книги Палладіевой архитектуры“, Спб. 1798, в лист ([222]), остальные гравюры в этом издании работы Набгольца, фронтиспис гравирован Майром. При некоторых экземплярах этого издания приложен портрет Н. А. Львова, им самим гравированный.

К числу наиболее замечательных иллюстрированных изданий относятся все сочинения полусумасшедшего поэта Н. Струйского, печатавшиеся, по большей части, в его отлично оборудованной собственной типографии в селе Рузаевке, Пензенской губ. Все издания Струйского составляют в настоящее время большие библиографические редкости, наиболее же редким изданием является „Блафонъ къ 1 ч. его поэзіи“, Спб. 1791, 4⁰. ([223]). Все страницы заключены в гравированные рамки с короной, две чрезвычайно изящные виньетки Набгольца и одна гравюра Шенберга, изображающая живописный плафон на потолке 40-аршинной залы барского дома в Рузаевке, на нем в виде Минервы изображена Екатерина II, сидящая на облаках, окруженная гениями и различными атрибутами поэзии, попирающая крючкотворство и взяточничество, пресмыкающиеся с эмблемами лихоимства, как-то: сахарными головами, мешками с деньгами, баранами и проч., все это поражается стрелами изображенного за башнею двуглавого орла. Под гравюрой подпись: „Изъ стихотв. Н: Струйского. П: А: Зябловъ. 1783. Рис: съ Плаф: Е. О. въ Рузаевкѣ. Град. въ Санктпетербургѣ. 1789“, „Schönberg. 1790“. Первым по времени из сочинений Струйского является „Апологія къ потомству“, Спб.

1788. Книжка эта была издана три раза, последнее издание вышло в 1793 г. в Рузаевке в 4°. Все свои произведения Струйский подносил Екатерине II, поддерживавшей присылкой разных подарков страсть Струйского к стихотворству и к изданию этих произведений, ввиду их высокой художественной внешности. Екатерина II хвасталась этими изданиями перед иностранными послами, дабы они видели, что за тысячу верст от столицы, в глуши, под ее скипетром процветают искусства и художества. Струйский умел выбрать иллюстраторов, и все его сочинения иллюстрировали два лучших гравера того времени—Набгольц и Шенберг. Хотя все эти виньетки по своему внутреннему содержанию очень бедны, все это — маски, стрелы, урны, голуби, бабочки, лиры, каски и щиты, но, во всяком случае, по своему художественному исполнению издания Струйского составляют эпоху в истории книжной русской иллюстрации.

В 1774 г. в Петербурге (неизвестным лицом) было предпринято издание первого русского художественного журнала под заглавием: „Открываемая Россія или собраніе одеждъ всѣхъ народовъ, въ Россійской Имперіи обрѣтающихся", 4° (225), то же по-французски и по-немецки. Всего вышло 15 №№ по пяти рисунков, гравированных Ротом и Шлипером. В „Словаре граверов" Д. А. Ровинского, в перечне работ Шлипера, эти гравюры не указаны. Это издание в 1775 г. прекратилось и составляет библиографическую редкость. В 1776 г. все эти гравюры вошли в издание „Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ", Спб., 4° (225), где уже 95 гравюр, а во втором издании 1795—1799 г.г. 100 гравюр работы тех же граверов, Рота и Шлипера.

Во второй половине XVIII стол. календари или месяцесловы имели весьма широкое распространение и выходили ежегодно под разными названиями: „Мѣсяцесловъ дорожный", „Мѣсяцесловъ Историческій и Географическій", „Придворный Мѣсяцесловъ", „Придворный Календарь", „Мѣсяцесловъ всѣхъ православныхъ святыхъ на 1777" и т. д. Все они печатались в 16°, с гравированными заглавными листами, фронтисписами, а к некоторым прикладывались и гравюрки на отдельных листах с видами городов, дворцов и т. п. Гравюры исполняли: Рот, Саблин, Колпашников и др. Одним из наиболее редких этих изданий является „Карманный календарь В. Кн. Павла Петровича", на красиво гравированном заглавном листе стоит монограмма: „Del. F. G. 1759" (226) итальянского гравера

Картуш Ф. Гандини на карте в книге: „Географическое описаніе рѣки Волги от Твери до Дмитревска".

Франческо Гандини, бывшего учителем рисования с 1763 г. в Академии Наук и Академии Художеств. Особенное распространение календари и месяцесловы имели в провинции, где они не только читались, но даже переписывались и где книги и журналы были долгое время явлением случайным. Изданный в Петербурге в 1773 г. „Календарь на 100 лѣтъ всегдашнихъ предсказаній весьма любопытныхъ и доказательныхъ Томаса Іосифа Мута, неаполитанскаго уроженца. Переведенъ съ латинскаго на россійскій яз. Сочиненіе отъ Р. Х. 1268 г. въ царствованіе Людовика IX" имел настолько широкое распространение, что списывался: одна из рукописных копий этого календаря, найденных в провинции, датирована 1817 г., другая — 1821 г. В этом календаре существуют предупредительные указания „злыхъ дней" и выписка „о злыхъ часахъ". Приведены географические сведения о частях света и государствах, в числе которых значатся „знатныя республики венеціанская и генуэзкая"; здесь же мы встречаем такую характеристику Азии: „та часть свѣта, гдѣ Господь сотворилъ Адама и показался своей твари, т.-е. человѣкамъ, и съ ними разглагольствовалъ". Наличие этих рукописных копий 1817 и 1821 г.г. показывает, каким медленным темпом шла у нас жизнь в провинции, если находились лица, для которых за 48 лет календарь этот не утратил своего обаяния и новизны.

Из числа редчайших иллюстрированных изданий надлежит упомянуть „Начертаніе путешествія графовъ Сѣверныхъ",

Спб. 1783 ([227]), с виньетками и картою на громадном складном листе. Карта носит то же название, что и брошюра, причем внизу ее находится большая гравированная виньетка без подписи гравера. Существуют два вида этой брошюры: в одном из них виньетки в начале и конце текста гравированы на меди и очень красивы, в другом, очевидно позднейшем, они заменены грубыми заставками, резанными на дереве. Издание это не описано в трудах В. А. Верещагина и Н. А. Обольянинова.

Из сочинений географических, заключающих в себе описание Европейской России, надлежит назвать „Географическое описаніе рѣки Волги отъ Твери до Дмитревска“ ([228]), без года, 8⁰, с восемью картами на складных листах, украшенных красивыми картушами и двумя очаровательными виньетками, работы Гандини. В описании Н. А. Обольянинова ошибочно указан размер в 4⁰ и фамилия ошибочно названа „Garidini“.

Очень нарядным изданием является „Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Е. И. В. въ Бѣлорусскія намѣстничества“, Спб. 1780, с красивыми 22 виньетками и гравированным фронтисписом. Далее надлежит назвать „Топографическое описаніе Калужскаго намѣстничества“, Спб. 1785, 4⁰, с 13 картами и раскрашенными гербами, работы К. Фролова, Е. Худякова и А. Сергеева. Монументальным изданием является „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи П. С. Палласа“, Спб. 1773—1789, 4⁰ ([229]), с 115 таблицами и „Путешествіе С. Г. Гмелина“, Спб. 1771—1785, 4⁰ ([230]) с массою таблиц работы Кувакина, Рыкова и Сергеева.

Что касается картографии, то надлежит отметить выход следующих изданий: „Атласъ Калужскаго намѣстничества, состоящаго изъ 12 городовъ“, Спб. 1782 ([231]), „Атласъ Россійской Имперіи, изъ 45 картъ“, Спб. 1792 ([232]) и „Атласъ Россійской Имперіи, из 52 картъ“ 1796 ([233]), с видами Кремля, Петропавловской крепости, картушами, виньетками и гербами.

Рассматривая все иллюстрированные издания второй половины XVIII столетия, мы можем выделить согласно списку, составленному П. П. Шибановым ([234]), 81 издание, из которых 13 были изданы в Москве, 8 — в Рузаевке, а все остальные—60—в Петербурге. Из числа петербургских типографий,— лучшими по своим работам надлежит признать типографии Академии Наук, Шнора и Горного Училища, в которой пе-

чатались такие издания, как „Начальное Управленіе Олега“, „Четыре книги Палладіевой Архитектуры“ и др. В Москве лучшие иллюстрированные издания вышли из типографии Ридигера и Клаудия.

Что касается 81 выделенных изданий, как лучших, то, устанавливая такой отбор, мы сознаем, что он крайне субъективен, кроме того список этот не может претендовать на исчерпывающую полноту, так как мы до сих пор имеем в библиографии русских иллюстрированных изданий труды В. А. Верещагина, „Материалы“ Кружка Любителей Русских Изящных Изданий и „Каталог иллюстрированных изданий“ Н. А. Обольянинова; что же касается иллюстрированных изданий, напечатанных в России на иностранных языках, то таковые до сих пор решительно нигде не описаны, равно как не описаны и художественные иллюстрации, помещенные в журналах.

Одной из самых замечательных книг как по содержанию, так и по своей судьбе, из числа вышедших в эту эпоху, бесспорно надлежит считать труд одного из самых выдающихся русских деятелей А. Н. Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1790. Въ Санктпетербургѣ“. На последней странице значится: „Съ дозволенія Управы Благочинія“, 8^0, 2 н. н. + 453 стр., напечатанную в собственной типографии А. Н. Радищева в количестве 650 экземпляров. Книга эта является наиболее ярким и наиболее сильным протестом против крепостного права и самодержавия в течение всего XVIII стол. Как известно, книга была уничтожена частью самим автором, частью правительством, и автор был сослан в Сибирь. Несмотря на уничтожение, книга эта приобрела широкую популярность в общественных кругах: ее переписывали с тех редких экземпляров, которые сохранились в частных руках, и списки эти ходили по всей России. Масон в „Mémoires secrets sur la Russie“, Paris 1800, vol. II, p. 188—190 свидетельствует, что многие платили значительные деньги, чтобы получить „Путешествие“ для прочтения. Об этой книге существует обширная литература ([235]). Не только книга подверглась преследованию, но даже на имени А. Н. Радищева стоял запрет, оно долго не встречалось в печати. Даже отзывы об этой книге, и те подвергались преследованиям: так, когда Сопиков в своем „Опыте российской библиографии“, 1816, ч. IV, стр. 250, поместил посвящение из „Путешествия“, то страница

эта была уничтожена. Статья А. С. Пушкина о А. Н. Радищеве не была пропущена цензурою и появилась чрез 20 лет после смерти поэта.

А. Н. Радищев не применил того способа, который широко практиковался тогда во Франции, где, несмотря на очень строгую цензуру, проходили такие вещи, за которые даже в свободной Англии автор мог подвергнуться наказанию. Обыкновенно авторы наиболее опасных и резких книг не ставили своего имени, и, хотя весь свет знал, чья это книга, перед судом ее сочинитель оказывался в ней неповинным. Книги печатались в Париже, но появлялись с указанием другого города, напр., Женевы или Неаполя, на заглавных листах, и начальство делало вид, будто верит этим указаниям и посылало выговоры таможенным чиновникам. Во Франции, до революции, при абсолютном и враждебном всякому свободомыслию правительстве, при крайней строгости цензуры, печатались и распространялись в огромном количестве книги, справедливо называемые предвестниками революции. Ничего подобного у нас, конечно, в то время не могло происходить, и мы видим, что в прошлом у нас только раскольники применяли эти способы, выпуская свои книги с указанием места их печатания не тех городов, где в действительности они были напечатаны, достигая этого путем широко практиковавшегося подкупа правительственных чиновников.

Так же редко, как „Путешествие“, и другое издание А. Н. Радищева „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. В Санктпетербургѣ въ Императорской типографіи. 1789 года“, 12°, 298 стр. ([236]).

Относительно причины редкости этого сочинения, существует основательное предположение о том, что на „Житие“ обратили внимание во время преследования А. Н. Радищева и изъяли его из продажи, тем более, что в этой книге говорится о самовластии государя, о вельможах с такой свободой, с которой нельзя уже было говорить во вторую половину царствования Екатерины II.

По русской истории главнейшими изданиями второй половины XVIII стол. являются: „Исторія Россійская“ кн. Мих. Щербатова, 1774—1791, 4° ([237]) и „Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ“ В. Н. Татищева, 1768—1784, 4 части, 4° ([238]). Последний труд есть в сущности сводная летопись, объясненная интересными примечаниями, часть которых, к со-

жалению, издатель, историк Миллер, не напечатал „по излишней вольности сужденій“ В. Н. Татищева.

По искусству в эту эпоху вышло „Основательное и ясное наставленіе къ миніатюрной живописи. Пер. съ нѣмецкаго Мих. Агентовымъ. При Московскомъ Университетѣ. 1765“, 8⁰, 119+4 н. н. стр.

Что касается библиографии, то библиотекарь Академии Наук Бакмейстер в течении 15 лет издавал „Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Litteratur in Russland, herausg. von Ludw. Christ. Backmeister. St. Petersburg, Riga und Leipzig“; 1772—1789. В 1779 г. появилось издание „Опытъ о Библіотекѣ и Кабинетѣ Рѣдкостей и Исторіи Натуральной Санктпетербургской Имп. Академіи Наукъ, изданный на франц. языкѣ Іоганомъ Бакмейстеромъ, подбиблиотекаремъ Академіи Наукъ, а на Россійскій языкъ переведенный Васильемъ Костыговымъ. Напечатано въ типографіи Морского Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса“, 8⁰, 191 стр. В этом, одном из первых библиографических сочинений на русском языке, дается история Библиотеки Академии Наук, заключавшей в себе свыше 36.000 томов, и перечислены важнейшие книжные редкости и рукописи. Первый библиографический журнал носил название: „Санктпетербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 год. Печатаны иждивеніемъ книгопродавца К. В. Миллера в типографіи Вейтбрехта и Шнора“, 8⁰. Вышло всего 22 №№.

Наши библиографы не указывают на одну из первых оригинальных русских работ по библиографии, напечатанную в журнале „Экономическій Магазинъ“ 1789 ([239]) под заглавием: „Нѣчто для любопытствующихъ и упражняющихся въ наукахъ“. Заглавие ничего не говорит, но если мы прочтем эту заметку, то увидим, что она представляет собою полное описание способа составлять указатели и, что важно, является не переводом, а плодом собственного опыта одного из просвещеннейших деятелей этого времени, А. Т. Болотова.

Во второй половине XVIII стол. у нас зародились и образовались крупнейшие как казенные, так и частновладельческие библиотеки. В эту эпоху многие богатые вельможи и помещики, подражая Екатерине II, занимались коллекционерством и составляли богатейшие библиотеки. В эту же эпоху правительственные книгохранилища пополнились приобретением частновладельческих библиотек; так были приобретены библиотеки: И. Н. Болтина, бар. И. А. Корфа, историографа

Мюллера, кн. М. М. Щербатова и др., а за границей библиотеки: Вольтера, Дидро, Д' Аламбера, Галиани и Бюшинга. В 1794 году, после взятия Суворовым Варшавы, была секвестрована библиотека, подаренная в 1761 году польскому народу епископом Иосифом Залусским. Библиотека эта насчитывала до 400.000 томов, но при поспешной и небрежной упаковке и во время перевозки часть книг и рукописей была частью затеряна, частью расхищена и в Петербург привезено было 262.640 томов, 10.000 рукописей и 25.000 гравюр. Это книжное собрание составило ядро Публичной Библиотеки в Петербурге. По плану, одобренному Екатериной 16 мая 1795 г., началась постройка библиотеки, задуманной очень широко. Предполагалось устроить кабинеты по всем отраслям человеческих знаний. Открытие библиотеки последовало 20 лет спустя после ее учреждения — 2 января 1814 года.

„Количество дворян, живущих в Москве", повествует один иностранный путешественник, „невероятно. Русских вельмож в Петербурге немного. Освободившись от службы, они все приезжают в Москву. Петербург не представляет ни одного примера этих колоссов великолепия и азиатской пышности, которых нам не раз случалось встретить здесь". И действительно, каждому знатному лицу в те времена расцвета помещичьей жизни и крепостного права вменялось как бы в обязанность иметь свои хоромы в Москве. Все эти роскошные барские дома были битком набиты редчайшими коллекциями, библиотеками, мраморами, картинами. „Можно подумать", говорит Кларк ([240]), бывший в Москве в последних годах XVIII стол., „что обобрали всю Европу для составления богатейших московских музеев".

Библиотеки гр. Бутурлина, гр. Головкина, гр. Разумовского и Демидова были известны во всей Европе. Из числа владельцев более или менее крупных библиотек этой эпохи мы можем назвать: И. Г. Бакмейстера, Н. А. Бантыш-Каменского, кн. А. А. Безбородко, И. Н. Болтина, Я. И. Булгакова, гр. С. Р. Воронцова, Е. Р. Дашкову, Г. Р. Державина, Евгения (Булгариса), М. Н. Муравьева, гр. А. И. Мусина-Пушкина, Н. И. Новикова, гр. Г. А. Орлова, П. С. Палласа, гр. Н. И. Панина, кн. Г. А. Потемкина, гр. А. С. Строгонова, В. Н. Татищева, В. В. Шереметева и др. ([241]).

Вернувшись из ссылки, Н. И. Новиков нашел, что бóльшая часть его книг сожжена и истреблена (18.656 томов),

а небольшие остатки отданы в Московский Университет (5.194 тома) и Заиконоспасскую Академию (1.964 тома) ([242]). Не все, конечно, собирали в то время библиотеки из любви и потребности к чтению, были и такие, которые обзаводились библиотеками исключительно из-за моды. Так один из фаворитов Екатерины, И. Н. Корсаков, решил обзавестись библиотекой и, когда к нему явился книгопродавец с вопросом, какие ему желательно иметь книги, ответил, что это дело его книгопродавца, а ему все равно. „Ставьте только большие книги на нижние полки, а маленькие на верхние“ ([243]).

Но в общем, собирание домашних библиотек, в особенности помещичьих, получило в эту эпоху большое распространение. Карамзин в своей статье „О любви к чтению и книжной торговле в России“ говорит, что были даже очень небогатые дворяне, составлявшие библиотеки, которые перечитывались по нескольку раз.

Печатных каталогов частновладельческих библиотек, вышедших во второй половине XVIII стол., известно только четыре: „Catalogue de la bibliothèque de M. le Comte D. Boutourline“, St. Ptbg. 1794 ([244]), „Catalogue de la bibliothèque du Comte Alexis Golowkin“, Leipzig 1798 ([245]) и два каталога библиотеки Гартвига Людвига Бакмейстера: „Роспись Росс., Нѣмецк., Латинск., и Франц., книгам, находящимся въ Библіотекѣ Г. Л. К. Бакмейстера“, СПБ. 1798, 4^{0} и „Katalog von Büchern, gesammelt von H. L. Backmeister“, St. Ptbg. 1798 ([246]).

По указанию Д. В. Ульянинского ([247]), в г. Перми была напечатана в 1796 г. книжка по типографскому делу под заглавием: „Подробное описаніе типографскихъ должностей. Соч. Петра Филиппова. Печ. въ Перми. 1796“. В. Семенников ([248]) этой книжки не указывает, но сообщает, что первая типография в Перми была открыта 1 Апреля 1792 года; для закупки шрифтов и всех необходимых принадлежностей был командирован в Москву заседатель верхнего земского суда титулярный советник Филиппов, который, как это видно из представленного им отчета, купил 15 пудов 10 фунт. литер, по 25 рубл. за пуд, печатный станок с прибором за 250 руб., бумаги белой 50 стоп за 100 руб. и серой 100 стоп за 120 руб. Филиппов устроил эту типографию и был первым ее заведывающим. В. Семенников указывает, что в Перми с 1792 по 1804 г. было напечатано всего 4 книги, после же 1804 г. книгопечатная деятельность в Перми прекратилась на несколько

десятков лет. Совпадение одного и того же имени дает основание предположить, что автор книжки и устроитель этой типографии был тот же Филиппов.

Еще с 1756 года при Московском Университете была основана типография с принадлежащей к ней словолитней. Одновременно с типографией была заведена и книжная лавка, помещавшаяся в доме университета на Моховой улице. О первоначальном снабжении типографии Московского Университета нужными пособиями состоялось следующее постановление сената: „1756 г., марта 5 дня, Правительствующій Сенатъ при подписаніи журнала, учиненнаго по доношенію оному Московскимъ Императорскимъ Университетомъ, объ учрежденіи оному Университету типографіи и книжной лавки по протчемъ, имѣли разсужденіе. Понеже Правительствующему Сенату не безъизвѣстно, что въ Москвѣ на печатномъ дворѣ въ типографіи вѣдомства святѣйшаго Правительствующаго Синода имѣются гридоровальныя доски съ принадлежащими къ тому инструментами, и печатные разные куншты прежнихъ переводовъ и сочиненій, и книги математическія и историческія и протчія къ гражданству принадлежащія, а не духовныя, что печаталось до учрежденія въ Санктпетербургѣ Академіи Наукъ, которыя до Синодальной типографіи не принадлежатъ, и, слѣдовательно, безъ всякаго дѣйства лежатъ праздно, того ради, приказали въ святѣйшій Правительствующій Синодъ сообщить вѣдѣніе, и требовать имѣющіяся въ Московской Синодальной Типографіи на печатномъ дворѣ мѣдныя гридоровальныя доски съ принадлежащими къ тому инструменты, и печатные разные куншты, прежнихъ переводовъ и сочиненій, и книги математическія, или историческія и протчія, къ гражданству принадлежащія, а не духовныя, что отыщется, отдано было для учреждающейся нынѣ вновь при Университетѣ въ Москвѣ типографіи въ Московскомъ Университетѣ, а что какихъ гридоровальныхъ досокъ и протчаго принадлежащаго къ гражданству на печатномъ дворѣ отыщется, и въ Московскій Университетъ отдано будетъ, о томъ соблаговолено бъ было въ Правительствующій Сенатъ сообщить, и въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи послать указъ и велѣть, не имѣется ли и в вѣдомствѣ оной вышеписаннаго жъ, подать въ Правительствующій Сенатъ рапортъ немедленно, а въ Московскій Университетъ послать указъ же, а въ Сенатскую контору для вѣдомства сообщить вѣдѣніе. Подлинный

за подписаніемъ Правительствующаго Сената. Протоколистъ Василій Ѳлеровъ" ([249]).

Несмотря на то, что, кроме Университетской типографии и Сенатской, других гражданских типографий в Москве тогда не было, Университетская типография едва приносила 2.000 руб. в год дохода, и в 1778 г. материальная ее часть была в упадке. Книжная лавка шла плохо. В этот год куратором Московского Университета был назначен поэт и беллетрист М. М. Херасков, имя которого неразрывно связано с Московским Университетом в течение 24 лет. Хераскову обязано русское просвещение и тем, что на пользу его стал действовать в обширных размерах Н. И. Новиков.

Деятельность частных типографий началась с 1 марта 1771 г., когда дана была Гартунгу первая привилегия на устройство в Петербурге типографии для печатания исключительно иностранных книг, причем поставлено непременным условием разрешения печатать ему книги, „кои непредосудительны ни Христіанскимъ законамъ, ни Правительству, ниже добронравію" и „все то, что только въ его типографіи къ печати отъ кого принесено, или самимъ имъ изъ чужихъ краевъ выписано будетъ, напередъ, не приступая къ работѣ, объявлять... И безъ свидѣтельства Академіи Наукъ и безъ вѣдома Палиціи, отнюдь не печатать". Таким образом, мы видим, что свидетельствование книг и разрешение к их печатанию лежало на обязанности только Академии Наук, а объявлений — на полиции.

Три года спустя открыл в Петербурге типографию Вейтбрехт, к которому в 1776 году присоединился Шнор, и им было разрешено печатать и русские книги. Разрешение и свидетельствование светских книг оставалось на обязанности Академии Наук, а духовных поручалось лицу „опредѣленному отъ Св. Синода" ([250]).

Открытие частных типографий разрешалось только по особой привилегии сената. 24 января 1773 г. был издан указ об учреждении типографий при губернских правлениях, в облегчение, как сказано в указе, „излишняго приказно-служителямъ затрудненія, а паче къ постепенному выполненію налагаемыхъ по входящимъ документамъ резолюцій". Короче говоря, главной причиной появления губернских типографий было желание упростить делопроизводство, сильно разросшееся со времени открытия губернских учреждений. Однако провинциальные города воспользовались этим гораздо позже ввиду

трудности устройства типографий в провинции и отсутствия средств, которые не были отпущены. В 1780 г. было указано: „дабы всѣ переведенныя или сочиненныя книги и письма, въ которыхъ упоминаются какія-либо Богословскія до вѣры Закона Христіанскаго принадлежащія разсужденія, когда оныя будутъ для печатанія, прежде присылаемы были для разсмотрѣнія и апробаціи изъ С. Петербургскихъ Типографій въ Синодъ, а изъ Московскихъ въ Синодальную Контору; безъ апробаціи же Синода или его конторы печатать ихъ... строжайше запретить“ ([251]). 15 января 1783 года был издан указ о разрешении каждому заводить где угодно „вольные“ типографии. Указ предписывал „типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій“. Для устройства типографий не требовалось никаких дозволений: надо было лишь дать знать местной управе благочиния, наблюдая, чтобы в книгах не было ничего „противнаго законамъ Божьимъ и гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнымъ кланящагося“.

Благодаря этому указу, количество выходивших книг значительно увеличилось: так, в пятилетие с 1785 по 1790 г. число книг, издаваемых ежегодно, увеличилось в $3^1/_2$ раза по сравнению с началом царствования Екатерины II. С появлением указа 1783 г. о вольных типографиях, в Петербурге открылись типографии: Брейткопфа, Вильковского, Гека, П. Богдановича, Крылова и Мейера. Типография Вейтбрехта была названа Императорской, а Шнор основал свою собственную типографию, считавшуюся в то время одной из лучших в России. Он завел у себя арабский шрифт, которым напечатал три издания Корана. Типографское дело, считавшееся ранее делом казенной монополии, было поставлено таким образом на путь частной предприимчивости. Вместе с этим возвысилось значение писателя и его общественная роль. После 1783 г. в Москве открылись типографии: Гиппиуса, Пономарева, Анненкова, Зеленникова, Лопухина, Новикова, Типографической Компании, Решетникова и Селивановского.

Указом 1783 г. прежде других воспользовались раскольники, долгое время принужденные печатать свои книги тайно, и проявили в этом отношении энергичную деятельность. Особенное развитие книгопечатание раскольников получило в посаде Клинцах Суражского уезда, Черниговской губернии ([252]). Посад Клинцы — чисто раскольничий, он принадлежал к числу 17 ста-

родубских слобод, образовавшихся после стрелецкого мятежа из бежавших от преследования последователей старой веры. В 1784 г. купцы клинцовского посада Рукавишников и Желязняков, а в 1786 г. — Федор Карташев официально открыли типографии. Но еще до получения разрешения Рукавишников и Желязняков тайно печатали книги; так, Сопиков ([253]) указывает на издание: „Діоптра, альбо зерцало о выраженіи живота людскаго на семъ свѣтѣ", напечатанную в Клинцах еще в 1781 г. В. М. Ундольский ([254]) указывает на „Минею общую", напечатанную в Клинцах в 1782 г. После указа 1783 г. в раскольничьих типографиях в Клинцах печатали по 10 листов в день, и печатание производилось беспрерывно около 2-х лет. В 1787 г. владельцы типографий обратились к директору экономии на Нижегородской ярмарке Прокудину за разрешением торговать своими книгами. Представленные книги Прокудину показались подозрительными, он представил их по начальству, дело дошло до синода, приказавшего освидетельствовать типографии. Когда произошло освидетельствование, то оказалось, что в двух типографиях книг совсем не было, а в третьей найдены были только 60 Букварей да Часовник со святцами. Очевидно, раскольники успели все припрятать. В 1787 г. последовал указ, которым воспрещалось всем светским типографиям печатать церковные книги.

Прокудин, бывший таким образом виновником закрытия клинцовских типографий, был тем самым лицом, на неблаговидные проступки которого Я. П. Чаадаевым, отцом известного П. Я. Чаадаева, была издана в 1794 году в Москве в Университетской типографии у Ридигера и Клаудия книга, под заглавием: „Донъ Педро Прокодуранте, или наказанный бездѣльникъ, комедія сочиненія Кальдерона де-ла-Барка. Съ Гишпанскаго на Россійскій языкъ переведена въ Нижнемъ Новгородѣ", 8⁰, 126 стр. ([255]). Прокудин, чтобы уничтожить обличительную для него книгу, скупал экземпляры ее, сколько было возможно, и истреблял их. Остроглазов указывает на 2-е издание этой книги того же 1794 г., с таким же числом страниц, без обозначения типографии, неизвестное нашим библиографам. Книга эта, сколько известно, представляет первую в провинции попытку посредством печатного слова бороться с злоупотреблениями местных властей.

Раскольники печатали свои книги в клинцовских типографиях, указывая местом печати польские города: Варшава, Вильно, Гродно, Почаев, Несвиж. Заказы старообрядцев выпол-

нялись также в Могилевской типографии, где русский шрифт разрешено было иметь в 1776 году ([256]).

Указ 1783 года вызвал появление типографий даже в селах, где помещики-книголюбы открывали их на собственный счет ([257]). Существует указание П. А. Бартенева о том, что в селе Пехлеце, Ряжского уезда, Рязанской губ., принадлежавшем Н. И. Новикову, существовала типография, но что́ именно в ней было напечатано—неизвестно, по крайней мере в библиографических трудах Сопикова, Анастасевича, Смирдина, Губерти и др. не указано ни одного издания, вышедшего из-под станка пехлецкой типографии. Предполагают также, что тайная типография была в сельце Немцове, Малоярославецкого уезда, Калужской губ. в имении А. Н. Радищева, в которой было напечатано его „Житіе Ѳ. В. Ушакова". Семенников считает, что предположение о существовании типографии в селе Немцове особых оснований не имеет. Типография А. Н. Радищева в Петербурге помещалась на Грязной ул. (Николаевская) в собственном его доме и была им открыта в 1789 г. Станок и шрифты А. Н. Радищевым были приобретены у Шнора ([258]).

Существует опера кн. Белосельского-Белозерского „Оленька, или первоначальная любовь", с пометкой „Село Ясное 1796", 8°. Была ли там типография, или же пометка эта означает место сочинения оперы — неизвестно.

Наконец, есть указание ([259]) на существование типографии в селе Давыдовке Ярославской губ. Более подробные сведения мы имеем о двух сельских типографиях: Н. Е. Струйского и И. Г. Рахманинова. Что касается первой из них, то о ней мы уже говорили выше. Кн. И. М. Долгорукий ([260]) сообщает, что Струйский не печатал ничего чужого в своей типографии, а исключительно свои сочинения и сделал исключение лишь для него, напечатав в Рузаевке сочиненный кн. И. М. Долгоруким „Камин" и песенку, посвященную Долгоруким своей жене; песенка эта была отпечатана на атласе. Тот же Долгорукий указывает, что на свою типографию Струйский не жалел никаких расходов, и типография была превосходно оборурована: отличный чистый и четкий шрифт (приобретенный у Шнора в Петербурге), александрийская бумага и превосходные виньетки, гравированные на меди, не оставляли желать ничего лучшего. На некоторых изданиях Струйского стоит место печатания „Саранск" — ближайший город к его имению,

но все эти издания были печатаны в Рузаевке, там же были отпечатаны и те издания, на которых место печати не указано.

В 1796 г. Струйский умер, и типография его закрылась. Шрифты и все оборудование типографии были пожертвованы его наследниками в 1840 г. в Симбирскую губернскую типографию.

Совершенно в другом роде был владелец типографии в селе Казинке Тамбовской губ., И. Г. Рахманинов ([261]). Человек образованный и страстный поклонник Вольтера, он устроил у себя в имении типографию исключительно для напечатания переводов его сочинений. В 1791 году в Казинке было напечатано: „Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на Россійскій языкъ, и въ печать изданныхъ сочиненій г. Вольтера. Второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ, и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, кои никогда еще изданы не были". В 3-х частях. На титуле этого издания местом печати назван Козлов. Типография И. Г. Рахманинова существовала недолго; по доносу козловского городничего, она была опечатана; книги же, которых в ней оказалось более 5.200 экземпляров, были конфискованы. И. Г. Рахманинов не пострадал, и это является крайне удивительным, так как Екатерина II как раз перед этим засадила Н. И. Новикова в крепость и сослала А. Н. Радищева в Сибирь. Дело об этой типографии велось до 1797 г., когда она была вместе со всеми книгами уничтожена пожаром. Кроме сочинений Вольтера, до нас не дошло ни одного издания казинской типографии.

Существует сведение о том, что в селе Корцове Костромской губ. и уезда, принадлежавшем помещику Никите Николаевичу Сумарокову, была также типография, открытая в 1792 г. Типография эта послужила для устройства Костромской Губернской типографии. Книг, напечатанных с указанием типографии с. Корцова — неизвестно, возможно, что печатавшиеся в этой типографии книги помечались Костромой. В 1804 г. (22 марта) костромской губернатор Кочетов доносил о типографии в с. Корцове: „Поелику та вновь заведенная типографія не имѣла дальнейшихъ успѣховъ, кромѣ какихъ-либо незаслуживающихъ вниманія, то производства в ней никакого почти не было, а единственно работники пріобучались к печатанію на россійском языкѣ".

Надлежит также упомянуть о походной типографии кн. Г. А. Потемкина-Таврического, взятой им из Военной Коллегии в 1787 г. и находившейся при нем до самой смерти, т.-е. до 1791 г. В 1793 г. она была передана в г. Екатеринослав. Типография эта была прекрасно оборудована, имела пять станков, при чем один из них служил для печатания карт, картин, а также дворянских грамат. Типографом был Иван Генних, находившийся ранее в типографии Военной Коллегии. Печатание производилось на русском, французском, латинском и греческом языках. Латинский шрифт был приобретен Потемкиным во Львове, во время нахождения типографии в Яссах ([262]).

Указ 1783 г. в провинции вызвал появление весьма немногих „вольных" типографий, т.-е. устроенных частными лицами. Первым из провинциальных городов, воспользовавшихся свободой заведения типографий, был Ярославль. Учредителями в 1784 г. этой типографии были: Н. Ф. Уваров, А. Н. Хомутов и Н. И. Коковцов. Здесь же, на родине русского театра, в 1786 г. появился первый областной журнал „Уединенный Пошехонецъ", являющийся родоначальником всей нашей провинциальной печати. Конечно, появление журнала вызывалось не потребностью общества, а просто литературной забавой наместника, предпринявшего издание журнала в подражание Екатерине II, при участии которой издавался „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова". Красной нитью чрез весь журнал проходит восхваление деяний Екатерины II, которую в пылу восхваления архиепископ Арсений называет даже „святой". Для характеристики общественных убеждений издателей, надлежит отметить, что „Пошехонец" возвысил свой голос против крепостного права. Вместе с этим журнал выказал себя ожесточенным противником евреев.

Кроме Ярославля „вольные" типографии возникли в Тамбове, Тобольске и Костроме, но эти типографии возникли и существовали отчасти при содействии правительственной власти.

Большую роль в истории книгопечатной деятельности сыграли „Приказы общественного призрения". На обязанности их лежало ведать народное образование, местную медицину и благотворительность. Екатерина II особенно заботилась об этих приказах и, поставив их рядом с высшими местами в губернии, для начала их деятельности ассигновала по 15.000 руб. безвозвратно. Приказам были предоставлены различные спо-

собы для увеличения своих капиталов: разрешалось давать деньги под залог имений, устраивать аптеки и т. д. Исследователь литературной и книгопечатной деятельности в провинции в конце XVIII и начале XIX стол., Семенников ([263]), говорит: „Бóльшая часть губернских типографий в екатерининское царствование содержалась именно этими приказами; но, кроме того, приказы иногда занимались также издательской деятельностью и содержали книжные лавки. Так в Калуге и Симбирске приказы общественного призрения содержали книжные лавки. Калужский приказ занимался книгоиздательством и содержал библиотеку для чтения, а в Тобольске приказ даже издавал журнал „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“ с 1789 г., т.-е. с первого же года открытия вольной типографии в Тобольске.

Первыми провинциальными городами, в которых появились губернские типографии, были Астрахань и Кременчуг, где они были открыты в 1765 г., затем в XVIII стол. (в хронологическом порядке) типографии были открыты в 23 городах: Калуге, Ярославле, Киеве (гражданская), Тамбове, Тобольске, Нижнем-Новгороде, Костроме, Курске, Перми, Екатеринославе, Харькове, Саратове, Смоленске, Новгороде, Владимире, Вятке, Минске, Симбирске, Чернигове, Воронеже, Каменец-Подольске, Николаеве и Туле. Некоторые провинциальные типографии вовсе не служили для печатания книг, — отчасти вследствие отсутствия желающих издавать их, отчасти же потому, что в иных городах типографии были устроены на столь скромных основаниях, что могли служить только для казенных надобностей. Так мы не имеем никаких сведений о печатании книг в городах: Саратове, Новгороде, Вятке, Минске, Симбирске, Чернигове, Каменец-Подольске и Туле.

В весьма немногих городах книгопечатание было выражением некоторого умственного или литературного движения, возникшего в наиболее просвещенном слое провинциального общества. Так было в Ярославле, где действовали масоны во главе с генерал-губернатором А. П. Мельгуновым, в Тамбове, где губернатором был Г. Р. Державин, благодаря которому в 1788 г. появились первые провинциальные ведомости— „Тамбовскія Извѣстія“, в Тобольске, где видную роль играл блестяще образованный сосланный офицер, П. П. Сумароков, в Воронеже, благодаря литературному кружку, во главе с Болховитиновым, впоследствии знаменитым митрополитом Евге-

нием, а также в Смоленске, занимающем первое место по количеству изданий, вышедших в XVIII стол., Курске, Костроме и Нижнем-Новгороде.

ОПИСАНІЕ и ИЗОБРАЖЕНІЯ
РОССІЙСКИХЪ ПРОИЗРАСТЕНІЙ
ИЗДАВАЕМЫЯ
ПО
ПОВЕЛѢНІЮ
ЕКАТЕРИНЫ II
ИМПЕРАТРИЦЫ и САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССІЙСКІЯ.

Характерно, однако, что, напр., в тамбовской глуши были лица, переводившие Гельвеция „Позорище природы“, Фенелона, и интересовавшиеся другими философскими вопросами, как напр., Павел Никифоров, переводчик книги „Хаосъ есть

слѣдствіе свѣта" (1793). Первой книгой, напечатанной в 1789 г. в Тобольске, был также перевод с французского П. П. Сумароковым английской повести „Училище любви", имевшей такой успех, что в 1791 г. вышло 2-е издание этой книги. В том же Тобольске в 1792 г. вышло „Описаніе растеній Росс. Государства", — перепечатка 1-ой части этого сочинения, вышедшего в 1786 г. в Петербурге ([264]).

Любопытным фактом из истории литературной деятельности в провинции является перевод в Нижнем-Новгороде „Ричарда III" Шекспира, сделанный в 1783 г. ([265]). В других провинциальных городах возникла только книгоиздательская деятельность. После закрытия вольных типографий в 1796 г., некоторые столичные типографщики стали содержать казенные губернские типографии. Так, московский издатель-типограф, фанатично преданный своему делу, Пономарев, после закрытия его типографии в Москве, стал содержать типографию во Владимире, где в 1797 г. напечатал „Грамматику философскихъ наукъ" и две книги на латинском языке. Расчет на продажу этих книг, надо полагать, был не на Владимир, а на Москву. Пономарев сумел внушить любовь к типографскому делу и своим сотрудникам, — так, корректором у него был Болховитинов, у него также работал его племянник С. А. Селивановский, впоследствии известный типографщик и издатель, открывший в 1793 г. в Москве собственную типографию. После закрытия вольных типографий С. А. Селивановский был определен смотрителем Черноморской Адмиралтейской типографии в г. Николаеве.

В некоторых городах книги издавались исключительно для находившихся в них учебных заведений, так в Киеве — для Академии и в Николаеве — для штурманского училища. В других городах книгопечатная деятельность проявилась очень слабо, и число вышедших в XVIII стол. книг измеряется не десятками, а единицами; к числу таких городов относятся: Астрахань, Кременчуг, Пермь, Екатеринослав и Харьков.

Что касается оборудования провинциальных типографий, то для этого служили Москва и Петербург, но в некоторых городах шрифты не выписывались, а отливались на месте в собственных словолитнях, так было, например, в Тобольске. В Курске в 1791 г. нашелся механик Кагельмахер, который в дополнение к привезенным из Москвы шрифтам сам

отлил несколько шрифтов, а в 1793 г. курская типография обзавелась собственной словолитней.

Москва имела пять типографий: Университетскую, содержавшуюся Новиковым, Типографической Компании, Пономарева, Гиппиуса, Клаудия. В Петербурге частная типографская деятельность развилась шире, там были, не считая казенных, типографии: Брейткопфа, Вейтбрехта, Шнора, Геннинга, Ходжемалова, Геке, Овчинникова и содержавшаяся двумя лицами — Галченковым и Вильковским. Наиболее богатыми по шрифтам и типографским украшениям в XVIII веке были типографии: Академии Наук и Московского Университета, и только две эти типографии издали в XVIII стол. „образцы шрифтов". Так Академия Наук издала их в 1765 и 1784 г.г., а типография Московского Университета — в 1768 и 1796 г.г. Издания эти относятся к библиографическим редкостям первой степени. Казалось бы, что образцы шрифтов, составляя красивый и интересный материал, в полной мере должны были заслуживать внимание наших библиофилов и библиографов; к сожалению, последние, очевидно, ими совершенно не интересовались и смотрели на них как на прейс-куранты и рекламные издания, так как образцы шрифтов не указаны ни Бокачевым, ни Сопиковым, ни Смирдиным, и только у Геннади ([266]) их описано несколько. Из числа позднейших библиографов, Д. В. Ульянинский ([267]) первый отводит им надлежащее место. Вообще, вопрос о наших шрифтах является совершенно неразработанным.

К числу образцов шрифтов может быть отнесена еще вышедшая в 1798 г. в Воронеже книга: „Опытъ Воронежской Типографіи. Отделеніе первое. Печатано въ Воронежской Типографіи, при Губернскомъ Правленіи", 8°, VIII+80 стр. ([268]), бывшая первой книгой, вышедшей в Воронеже. В ней собраны лучшие произведения того времени: Державина, Дмитриева, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Княжнина. Издана она на белой плотной бумаге и напечатана разными шрифтами, очевидно, для образца.

Во второй половине XVIII века, как известно, у нас появилось большое количество журналов. Среди них особое место занимают „Почта Духовъ" и совершенно забытый „Бесѣдующій Гражданинъ", которому в истории русского общественного мнения принадлежит видное место. „Достаточно казать,—говорит П. Е. Щеголев ([269]), — что он посвящен был

разработке вопроса о принципах политической деятельности гражданина и выяснению отношений гражданина к своим согражданам и государству. По своему идейному содержанию журнал очень близок к «Путешествію»: можно сказать, он подготавливал книгу Радищева". Журнал издавался кружком единомышленно настроенных лиц — „Обществомъ друзей словестныхъ наукъ". Задачей общества было развитие стройного мировоззрения, в котором необходимость гражданских добродетелей вытекала из посылок этических и философских. Известно нетерпимое отношение Екатерины ко всякому проявлению независимой и свободной мысли и та ревность к отысканию заразы французской, которую она проявляла. С. А. Тучков ([270]) сообщает, что бóльшая часть членов „Общества друзей словестныхъ наукъ" были лишены своих должностей, и велено было им выехать из Петербурга. С. А. Тучков ставит кару, постигшую членов общества, в связь с обнаружением в числе его членов Радищева. 27 июля 1787 года вышел указ, которым повелено наблюдать, чтобы ни в одной типографии не печатались, а в книжных лавках не продавались книги церковные или относящиеся к священному писанию, вере или толкованию закона и святости, кроме тех, которые напечатаны в типографиях, состоящих в ведении Синода или изданы Комиссией народных училищ ([271]).

Идя по пути стеснения печатного слова, Екатерина указом 16 сентября 1796 г. ([272]) упразднила все „вольные" типографии „въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ", „тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разных училищахъ устроенныхъ". В Петербурге, Москве, Риге, Одессе, а также в Радзивиллове при таможне была учреждена цензура, и без одобрения петербургской или московской цензуры было запрещено издавать какие-либо книги.

Само собой разумеется, что указ о запрещении вольных типографий сильно отразился на книгоиздательской деятельности. В 1788 году вышло 439 книг, в 1796 г.— 256, а в 1797 г.— только 165. Особенно сильный ущерб делу печатания книг указ нанес провинции, так как в силу его все выходившие в России книги должны были подвергаться цензуре или в Петербурге или в Москве. Можно себе представить, к чему это повело при существовавших в то время у нас путях сообще-

ния! Издание журналов в провинции стало совершенно невозможным. При Павле I строгости цензуры достигли своего апогея ([273]), и издательская деятельность почти прекратилась.

В XVIII веке сведения о продающихся книгах печатались в „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“, и первое объявление о продающихся в Академической Палате книгах появилось 21 декабря 1728 г. Иногда сведения эти печатались на отдельных листках, выходивших при „Вѣдомостяхъ“ ввиде приложений: „Суплементъ. Въ четвертокъ 1 дня Генваря 1730 года. При Академіи Наукъ напечатаны въ прошедшемъ годѣ, и въ Книжной Палатѣ имѣются слѣдующія новоизданныя книги“ ([274]). Каталоги продажных книг выходили под именем „росписи“ или „реестра“. Название „каталог“ в применении к продажным книгам встречается только в самом конце XVIII стол. Формат „росписей“ XVIII стол.— 12^0 или 8^0; выходили они без обложек, иногда с корешками из цветной бумаги, только в самом конце века стали появляться на них бумажные обложки, печатные же не встречаются вовсе. „Реестры новым книгамъ“ печатались не только отдельными брошюрами, но и отдельными листками, без заглавного листа и означения года и места печати; в последнем случае они раздавались покупателями бесплатно и часто приброшюровывались к вновь выходившим книгам в конце их; о выходе этих „реестров“ из печати и о выдаче их и продаже делались публикации в Московских и Петербургских Ведомостях. Сочинения, печатавшиеся в России на иностранных языках, почти не попадали в каталоги книжных лавок, за исключением тех сочинений, которые печатались при Академии Наук или Московском университете,— таковые еще заносились в „росписи“ и „реестры“, издававшиеся при их книжных лавках; печатавшиеся же в частных типографиях большею частью не заносились в каталоги. Исследование о книжных росписях XVIII стол. было сделано Д. В. Ульянинским в его первом труде „Среди книг и их друзей“, М. 1903, а также в „Описании“ его библиотеки ([275]). Первый „реестр“ был издан Академией Наук в 1735 г., а в Москве в 1751 г.; из числа провинциальных им указано два „реестра“ 1793 и 1795 г.г., изданных Калужской книжной лавкой Приказа Общественного Призрения.

Всего Д. В. Ульянинским указано 132 росписи. В его трудах не указан вышедший в 1793 г. в Тамбове „Реестр Россійскимъ книгамъ, продающимся въ вольной типографіи“, 8^0,

15 стр.; на существование этого реестра указывает А. Щеголев ([276]). Кроме этого в библиотеке библиофила Н. Н. Орлова в Москве ([277]) имеются четыре „росписи“ Глазунова и Сопикова, не описанные у Д. В. Ульянинского; в „Материалах для русской библиографии“ В. Н. Рогожина ([278]) их указано еще шесть. Таким образом общее число „росписей“ XVIII века равняется 144 за время с 1735 по 1800 г.г., т.-е. в течение 66 лет, что составит на всю Россию по 2 росписи в год; это ясно показывает, какая малая была нужда в них, а следовательно, и в книгах.

Обращаясь к общей характеристике внешности книг второй половины XVIII стол., мы видим, что преобладающим форматом книг является 8^0, значительно менее книг в 4^0 и еще реже встречаются книги размера 16^0 и folio. Обложки появляются в самом конце XVIII стол. как исключение, на обложке повторяется титульный лист. Обложки печатаются на очень плотной сероватой бумаге, как напр., на издании „Дѣло отъ бездѣлья“ 1792 г.

Преобладающими шрифтами являются: миттель, крупный цицеро и терция, реже мелкий цицеро и боргес и совсем не встречается петит. Твердый знак, за исключением капительных, всегда почти выходит за строчку. Расстояния между словами не всегда одинаково выдержаны и очень часто, после точки, делаются несколько больше. Посвящения, так сильно практиковавшиеся в XVIII стол., всегда печатались более крупным шрифтом, предисловия — чаще всего курсивом. В журналах проза печаталась более крупным шрифтом, чем стихи. Цензурные разрешения: „По дозволенію Управы Благочинія“ или „Печатано съ указаннаго дозволенія“ печатались или на заглавном листе, и в таком случае тем же шрифтом, или же на обратной стороне заглавного листа, и в этих случаях чаще курсивом. В изданиях последних лет XVIII стол. цензурное разрешение печаталось на обратной стороне заглавного листа, чаще всего курсивом под заглавием „Одобреніе“ от имени цензора за подписью его фамилии, в котором он сообщает, что „не нашелъ ничего противнаго наставленію, данному ему о разсмотрѣніи печатныхъ книгъ“.

Закон золотого сечения в огромном большинстве случаев строго соблюдался. Титульные листы снабжались очень часто типографскими виньетками, а изредка и гравированными. Очень часто одна и та же виньетка и мелкие типографские украшения

повторяются в разных изданиях, даже печатавшихся в разных типографиях, что указывает на один и тот же источник их получения. Так, типографская виньетка на заглавном листе книги „Модное ежемѣсячное изданіе 1779 г.“, напечатанной в типографии Московского университета, повторена на заглавном листе приветственной оды архиепископу Платону 18 ноября 1782 г., напечатанной в той же типографии, и та же самая виньетка (но другое клише) встречается на заглавном листе „Дѣла отъ бездѣлья“, напечатанном в другой типографии—А. Решетникова.

Одни и те же виньетки повторяются на изданиях, печатанных в разных городах; так, гравированная виньетка на заглавном листе „Торжествующей Минервы“ 1763 г., напечатанной в Москве в университетской типографии, повторена на заглавном листе издания „Вечера“, вышедшем на 9 лет позже, т.-е. в 1772 г. и в другом городе—Петербурге. Характерной особенностью изданий второй половины XVIII стол. служит выпуск одной и той же книги в двух вариантах. Так та же „Торжествующая Минерва“ 1763 г. была издана с красивой гравированной виньеткой на заглавном листе и с гравированной концовкой, в другом варианте то же издание вышло с другими типографскими виньетками. „Россійская Азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественных школъ по Высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ при И. Академіи Наукъ“, 8°, без года (1781), была выпущена с очаровательной гравированной виньеткой на заглавном листе и с концовкой, также гравированной. В другом варианте та же книга вышла без виньеток. К другому изданию той же „Азбуки“ приложены „Сказка о Царевичѣ Хлорѣ“ и „Разговоры“ без гравюр, и вместе с этим есть вариант того же издания, в котором „Сказки“ и „Разговоры“ с гравюрой и концовкой. Эти издания нельзя назвать оттисками из „Азбуки“, так как в них рамки, в которые заключен текст каждой страницы, другого рисунка, чем в „Азбуке“. Остается предположить, не были ли эти издания подносными и не печатались ли они в ограниченном количестве экземпляров?

Некоторые официальные издания выходили особенно роскошно: весь текст гравировался, и каждая его страница заключалась в рамку. Из числа частных изданий только книги Струйского издавались вполне роскошно.

Очень многие книги, даже серьезного содержания, как напр., переводы древних классиков, украшались типографскими

заставками и концовками, а иногда и наборными заставками. Над страницами около колон-цифр помещались украшения в виде мелких цветочков, звездочек, коротких волнообразных линий или ставились по две коротких линии с каждой стороны, а иногда, помимо этого, употреблялись еще скобки, но совсем не встречается, так сильно практикующихся в последнее время, толстых линий над всей страницей. Украшения инициалов делались типографские, могущие быть приставленными к любой букве. Мелкие типографские украшения в виде звездочек, цветочков и т. п. ставились среди текста, напр., в стихах, а иногда вместо концовок. Сигнатура, обозначающая последовательную нумерацию листов, ставилась внизу страниц и обозначалась буквами: A, A_1, A_2 и т. д.

Гравюры на отдельных листах, вне текста, помещались в книгах в очень ограниченном количестве; такие издания, как Бардон „Описаніе древнихъ народовъ“, СПБ. 1795, с множеством гравюр, составляют исключение. Главное же богатство украшений книги составляли виньетки, заставки и концовки, самый распространенный стиль которых был строго классический. В наиболее роскошных изданиях они были гравированные, в в большинстве же, они были типографские, и в таких книгах давались еще мелкие типографские украшения.

В конце книги иногда прикладывались именные списки подписавшихся на издание лиц, а иногда и „реестры“ вновь вышедших книг. Бумага, на которой печатались книги, в огромном большинстве случаев была русского производства, изредка употреблялась александрийская и еще реже — иностранная. Крупнейшие типографии имели свои типографские знаки; так типография Академии Наук своим знаком имела ключ в овале, Московского Университета — три буквы: „*Т. М. У.*“, заключенные в овальную рамку. Самые ранние эти знаки были штемпельные и ставились они на обратной стороне заглавного листа, впоследствии они были печатные. Типография Н. И. Новикова имела три знака, из которых один был двух размеров, также знак двух размеров имела типография Клаудия и Ридигера. Типография Пономарева имела два знака: „*М. П.*“ и „*С. П.*“ Типография Решетникова имела также свой знак. Все эти знаки состояли из инициалов имен и фамилий владельцев типографий, заключенных в овальные рамки, или из линий, или из листьев, иногда с прибавлением лиры и жезла Меркурия. Издательские марки в XVIII стол. почти не встречаются, кроме

Н. И. Новикова (которые могут считаться также и издательскими), исключение составляет марка в книге „Женская школа. Иждивеніемъ Христіана Людвига Вевера". Москва 1773. На последней странице текста, в виде концовки, стоит марка с изображением куба, трех букв: „*Х. Л. В.*" и жезла Меркурия.

В общем книга второй половины XVIII стол. создалась под непосредственным французским влиянием; наши мастера книги не вносили ничего своего индивидуального, и все „искусство" сводилось к копированию, главным образом, французских образцов. По сравнению же с прошлым, книги второй половины XVIII столетия значительно богаче украшены и среди них резко выделяются своею роскошью официальные издания и издания Струйского.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского, собранная Петром Казанским. М. 1847.

2) Архив, изданный Калачовым. Кн. 2-я, отд. IV, стр. 62.

3) Записки Неплюева. „Отечеств. Записки“ 1823, т. XLI, стр. 441; 1824, т. LIV, стр. 107—109, т. LIX.

4) Записки П. А. Толстого, бывшего в Италии, Мальте и Венеции в 1697—1699 г.г. „Атеней“, 1859, № 57, стр. 300—339, № 8, стр. 421—457 „Русский Вестник“, 1860, июнь, кн. 1.

5) Записки путешествия гр. Б. П. Шереметева. Москва 1773.

6) „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина российского посольства в 1697 и 1698 г.г. СПБ. 1788“, 12.

7) Рукопись Румянцовского Музея № 516 в 3-х книжках в 12°, 50 листов—годы 1714—1715; 56 л.—1716 г.; 47 л.—1717 г.

8) Граф Матвеев в Париже в 1707 г. „Современник“, 1856, № 6, стр. 39—66.

9) П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПБ. 1862, т. I, стр. 11.

10) Exercitatio historico-theologica de statu eccl. et relig. moscoviticae. Nic. Bergii. 1709, стр. 157.

11) Пекарский, т. I, стр. 11.

12) Полное Собрание Законов, IV, № 1751.

13) Exercitatio historico-theologica de statu eccl. et relig. moscoviticae. Nic. Bergii, 1709, гл. XVI.

14) Евгений, митрополит. Словарь российских светских писателей. М. 1845.

15) В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. Изд. А. С. Суворина. 1904, т. I, стр. XL—XLI.

16) Ф. И. Булгаков. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПБ. 1889.

17) Idem. На стр. 302 приведено заглавие книги „Краткое собраніе Льва миротворца, августѣйшаго греческаго короля...“, а на стр. 303 (рис. 249) воспроизведено факсимиле заглавного листа этой книги, в котором значится не „короля“, а „кесаря“.

18) Institutiones rei militaris. Краков 1640.

19) Писарев. Илья Копиевич. „Труды Вольн. общ. любит. росс. словесн.“, т. 26, 1824, № X; Бахтиаров. Гражданский шрифт. „Обзор первой Всеросс. выставки печатного дела“, 8 мая 1895, № 23.

20) Кабинетные дела. II, кн. № 1, л.: 378, 380, 381, 377, 892; кн. № 8, л: 924—925. То же: Пекарский, т. I, стр. 527—528.

21) Idem.

22) Idem. „Книга политычная и написаніе ея в составленіи. Часть I: 1) поверстаніе всѣхъ чиновъ; 2) письмена и польза ихъ; 3) строеніе твердаго основанія и крѣпости государствъ; 4) смиреніе вѣчное бунтовъ и мятежа; 5) искорененіе разбоевъ и воровства; 6) экономіи государственныя во всѣхъ городахъ какову пользу приносятъ и каковымъ образомъ строити подобаетъ. Часть II: 1) домовые заключаетъ промыслы; 2) полевые, яко Рязань, Сѣверъ, Бѣлая Русь требуютъ; 3) лѣсные, яко великій лѣсъ, Осетръ рѣка, вяземскій лѣсъ и проч.; 4) водяные, яко новогородская половина, Волга рѣка, Донъ; 5) луговые, яко Великія Луки и проч.; 6) городскіе; 7) торговые; 8) компаніи; 9) сплавы; 10) откровеніе сокровищъ в деревенскихъ промыслахъ „Зде яве показуется, яко приходъ пресвѣтлейшаго и великаго государя на всякій годъ не единаго десятка бочекъ золота лишается. Вся сія въ статьяхъ явственно счетомъ спишутся мала и велика по чину".

23) Р. Ф. Брандт. Петровская реформа азбуки. „Двухсотлетие гражданского шрифта. 1708—март—1908". Доклады, сделанные 8 марта 1908 г. на общем собрании Русского Библиографического Общества. Москва. 1910, стр. 41—48.

24) Н. Григорович. Азбука гражданская с нравоученіями, правлена рукою Петра Великого. „Общество Любит. Древн. Письменности", приложение к „Отчету" 1877 г., № VIII.

25) Бахтиаров. Гражданский шрифт. „Обзор первой Всеросс. выставки печатного дела" 8 мая 1895, № 23.

26) Пекарский, т. I, стр. 18.

27) Евгений митрополит. Словарь российских светских писателей. М. 1845.

28) В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. Изд. А. С. Суворина. СПБ. 1904, т. I.

29) Я. Грот. Филологические розыскания. СПБ. 1876, т. II, 127.

30) Азбука гражданская с нравоученіями, правлена рукою Петра Великого. О. Л. Д. П., приложение к „Отчету" 1877 г. № VIII. Стр. 3. „Въ прошломъ, Государь (707) году, мая въ (18) день по твоему, Великаго Государя, указу, и приказу боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, на книжномъ печатномъ дворѣ, дѣлалъ я пунцоны и материцы, противъ образца рукописнаго, который присланъ изъ военнаго походу (707) году, мая въ (18) день, и тѣ пунцоны и материцы, для поспѣшения, дѣлали мы трое. Средніе литеры, числомъ пятьдесятъ семь и материцы пробили на оловѣ и отливъ набрали образецъ; а послѣ того рукописнаго образца, изъ военнаго же походу присланъ другой образецъ, печатанъ въ Амстердамѣ,—и тотъ образецъ съ первымъ письменнымъ и съ нашимъ новостроеннымъ образцами явился несходенъ. И тѣ материцы и пунцоны пятьдесятъ семь, противъ образца печатнаго присланнаго, я рабъ твой, передѣлывалъ вновь одинъ, и форму сдѣлалъ новую стальную, для приводки материцъ; и нынѣ я додѣлываю мѣдные материцы и пунцоны. Да я же, рабъ твой, сдѣлалъ противъ другаго рукописнаго изъ походу же присланнаго образца русскіе съ латинскимъ почеркомъ семьдесятъ пунцоновъ, и для образца и поспѣшенія пробиты на оловѣ тридцать пять. И нынѣ же тѣ материцы додѣлываю на мѣди, всѣ семьдесятъ вновь; да съ тѣми же материцами сдѣлалъ форму новую стальную". Ефремов, пред-

ставив свою челобитную в Приказ, внес вместе с нею туда же работы по изготовлению нового шрифта и пять листов оттисков новой азбуки. Работы Ефремова Приказ оценил в 187 рублей, но выдал ему до окончания работ 50 рублей, в получении которых Ефремов росписался 11-го февраля 1708 года.

31) Р. Ф. Брандт. Петровская реформа азбуки. Двухсотлетие гражданского шрифта. М. 1910, стр. 48.

32) Д. А. Ровинский. Словарь граверов, т. II, Шхонебек. № 29.

33) Двухсотлетие русской гражданской азбуки 1708—1908. Изд. Моск. синодальной типографии. М. 1908, стр. 13. В 1-м пункте говорится о жаловании мастерам: Антон Тильманс должен был получать 225 р., Ян Фоскул и Сильбах—по 205 руб. 2-й пункт говорит об обязанностях торгового агента Христофора Избрандта: он должен был на свой счет доставить иноземцев в Москву и обратно. В 3-м пункте говорится, что иноземцы получают жалованье помимо приказов или в Голландии у Избрандта, или в Москве у Любса. В 4-м пункте сказано, что жалованье им должно быть уплачено сполна даже и в том случае, „если изволениемъ Божіимъ какая немочь ихъ мастеровъ сустижетъ". По 5-му пункту Христофор Избрандт обязан был принять на себя расходы по найму и содержанию жилого двора для иноземцев. В последнем пункте договора вменено в обязанность „имъ же друкарнымъ мастерамъ всякимъ радѣніемъ и вѣрностью, по достоинству всякъ въ своемъ мастерствѣ, не оплатно его царского величества друкарную службу по возможеству отправлять". В конце договора сказано, „что ради вѣрнаго устоянія они (т.-е. иноземные мастера) свои персоны и пожитки закабалили по голландскому уложению".

34) П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. СПБ. 1862, т. II, № 132.

35) „1710 года генваря въ 29 день великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержецъ, указалъ по именному своему государеву указу въ приказѣ книгъ печатнаго дѣла впредь съ вышеписаннаго числа всякія историческія и рукописныя (на полях: мануфактурныя) книги и каковы будутъ присланы переводы печатать амстердамскими новоизданными литеры против образцовъ, каковы собственною его великаго государя рукою выправлены и присланы въ приказъ книгъ печатнаго дела вышеписаннаго числа, а опричь тѣхъ литеръ, и иными литерами такихъ книгъ впредь не печатать; и ту подлинную тетрадь за его великаго государя рукою отдать изъ приказу книгъ печатнаго дела въ книгохранительную палату книгохранителю справщику монаху Аарону съ росписко̀ю; и сей великаго государя имянной указъ мастеровымъ людямъ и иноземцамъ и русскимъ, которые у гражданскихъ книгъ, о ведении тѣхъ литеръ сказать съ прикладываниемъ рукъ".

36) В. К. Тредьяковский. Разговор о правописании.

37) Idem.

38) Иван Федоров. К 300-летию первопечатника. СПБ. 1883.

39) „Библиотека для Чтения" 1834 г., т. III. „Лит. летоп.", стр. 39—41.

40) Отчет Публичной Библиотеки за 1854 г., стр. 41.

41) А. Ф. Бычков. Каталог хранящимся в Публичной Библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом. СПБ. 1867.

42) Пекарский, т. II, № 134; Сопиков. Опыт российской библиографии, № 5232; Строев. Описание старопечатных книг гр. Толстого 1829 г., № 2; Анастасевич. Роспись книг Смирдина 1828 г., № 4179; А. Ф. Бычков. Каталог 1867 г. №№ 3 и 3°.

43) П. Дмитриев. Шрифты гражданской печати времен Петра Великого. (По поводу одной находки.) Вырезка из журнала (?).

44) В 8°, на 55 стр. с 3 чертежами, автор барон фон-Борсдорф. Пекарский, т. II, № 136. М. Евгений („Словарь светских писателей", т. I, 54) ошибочно указывает год издания — 1696, в который книга эта была поднесена Петру I, напечатана же она была в 1708 г.

45) Пекарский, т. II, №№ 150—162.

46) П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПБ. 1862. 2 тома. Всего подробно описана во II томе 591 книга, вышедшая с 1698 г. по 1725 г.

47) А. Ф. Бычков. Каталог хранящимся в Публичной Библиотеке изданиям, напечатанным гражданским шрифтом при Петре Великом. СПБ. 1867.

48) Библиотека А. В. Петрова. Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого. Издание второе, дополненное, с 34 снимками. СПБ. 1913.

49) Там же, № 17, стр. 15—16.

50) Там же, № 24, стр. 18.

51) Там же, № 36. Хотя ни Пекарский, ни Бычков не описали заглавного листа этого издания, но А. В. Петров указывает, что экземпляры с заглавным листом имеются в Публичной Библиотеке и в Азиатском Отделе Академии Наук.

52) Там же, № 44, стр. 27.

53) Пекарский, т. II, стр. 441.

54) Петров, № 45, стр. 28.

55) Там же, № 76, стр. 36.

56) Там же, № 79, стр. 37.

57) Там же, № 91, стр. 41.

58) Там же, № 78, стр. 37.

59) Пекарский, т. II, стр. 559.

60) А. Н. Неустроев. Исторические розыскания о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 г.г. СПБ. 1874.

61) М. Н. Божерянов. Исторический очерк русского книгопечатного дела. СПБ. 1895, стр. 24. Полное собрание законов, т. IV, № 1921.

62) Энциклопед. Лексикон Плюшара, биография Головина (Малиновского). Словарь Брокгауза и Эфрона, т. IX, стр. 71.

63) Исследование о начале „Вѣдомостей" было сделано С. Д. Полторацким: „Московский Телеграф", ч. XIV, № 8 (1827), ч. XXIV, № 28 (1828); „Северная Пчела" 1838, № 66 и 1853, №№ 94, 103 и 172; Первые Русские Ведомости, печатанные в Москве в 1703, СПБ. 1855. „Отчет Публич. Библиотеки" за 1868. СПБ. 1869, стр. 167—196. С. Бородин. „Вѣдомости 1703", „Филологич. Записки", 1903. Литвинов, Л. Первая русская газета, „Извест. книж. магаз. Вольф" за 1903, № 8, стр. 27—28.

64) Полевой. История русской словесности. СПБ., 1883—1890.

65) А. Пыпин. Книжная деятельность времен Петра Великого, „Вестник Европы“, том IV, июль 1898, стр. 262.

66) Там же, стр. 269.

67) П. И. Покровский. Первые петербургские книги. „Извест. книж. магазинов М. О. Вольфа“ за 1903 г., № 7, стр. 63—67.

68) Пекарский, т. I, стр. 324, т. II, № 394.

Вот то место, которое Бужинский счел неудобным переводить: „Въ нравѣхъ и о разумѣ народа россійскаго ничтоже вспоминати имѣемъ, еже бы съ великою ихъ славою сопряжено было, ниже, бо россіяне тако суть устроены и политичны, яко же прочіе народы европейскіе. Въ письменахъ же толь неискусны, яко въ писаніи и прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы, только суть грубы, и веліего ученія не причастны, яко токмо прочитывати едину и вторую божественнаго писанія главу, или толкованіе евангельское умѣютъ—больше же ничто не знаютъ. Зазорны же и невоздержательны суть, свирѣпы и кровежаждущіе чѣловецы, въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нетерпимою гордостью возносятся; въ противныхъ же вещахъ низложеннаго ума и сокрушеннаго. Обаче сами о себе высокомнящіе, ниже высокоуміе ихъ всякимъ, хотя и великимъ почитаніемъ удоволится можетъ. Ко прибылѣ и лихвѣ, хитросно собираемой, нѣскій же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ, рабски смиряется, и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже все игры въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ и часто есть употребленіе“.

69) Пекарский, т. I, стр. 282, 283; т. II, № 349. В „Словаре светских писателей“ митр. Евгения (т. II, 149) сочинение это ошибочно приписано Алексею Ростовцеву.

70) А. Бахтиаров. Начатки литературы при Петре Великом. „Обзор первой Всеросс. выставки печатного дела“, 5 июня и 8 июня 1895 г., №№ 31 и 32.

71) Пекарский, т. II, № 312.

72) Феофан Прокопович. Слова и рѣчи. 1760, стр. 13—15; Ю. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М. 1844. (Диссертация.)

73) Петухов. Проповеди Гавриила Бужинского, стр. 337.

74) Пекарский, т. I, стр. 90—107. Барон Гейссен был в Петербурге в качестве гофмейстера при царевиче Алексее Петровиче и в 1713 г. по приказанию царя составил: a) о должности фискала и значении сената в разных государствах; b) о праве первородства и c) об обязанностях лифляндцев присягать и повиноваться русскому правительству; он был обязан составить целый ряд проектов.

75) Архангельский. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. 1885, стр. 209: „Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ... безъ собственнаго вѣденія настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ не писать... чернилъ и бумаги не держать и того надъ монахами прилежно наблюдать“. (Регламент.)

76) В. И. Покровский. Книга и читатель двести лет назад. „Двухсотлетие гражданского шрифта“. Москва, 1910, стр. 17—18.

77) Архангельский. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. 1883, стр. 120 и след.

78) „Археологические Известия“, год V, № 4, Москва 1897, стр. 99.

79) Отчет о двадцать пятом присуждении наград графа Уварова. Приложение к XLVII тому записок Акад. Наук. № 1, СПБ. 1883. В. В. Стасов. Разбор сочинения Д. А. Ровинского „Русские народные картинки“, стр. 98—202.

80) Пекарский, т. I, стр. 304—309. В кабинетских делах. I, № 71.

81) Пекарский, № 137.

82) Сопиков, т. III, прим. к № 4982; „Литературная Газета“ за 1842 г., № 12, стр. 249.

83) Пекарский, т. II, № 339, стр. 383.

84) Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в.в. СПБ. 1895, стр. 69.

85) Полное Собрание Законов, VII, № 4443.

86) Викторов. Описание Оружейной Палаты.

87) Пекарский, т. II, стр. 651.

88) Д. А. Ровинский. Словарь, т. II. Пикар №№ 33—37 и №№ 12—15; П. Пекарский, № 392; Сахаров. Литературная Газета за 1842 г., № 23, стр. 470.

89) В. Стасов. Разбор, стр. 39: „Ни один из мастеров, принадлежавших к шхонебековской школе, не проявил качеств самостоятельных: они все принадлежали как бы к одной большой фабрике, где стерлась личность, где все копировали один с другого или с учителя, или с западных образцов. В техническом отношении гравюра этой школы отличается какою-то особенною неприятностью, замаранностью и плоскостью фигур и групп, и отсутствием колорита и световых эффектов; лучшие из них те, которые копировали отчасти или вполне с голландских оригиналов“.

90) Пекарский, т. II, 134.

91) Ibid., 386.

92) Пекарский, т. II, № 233 (стр. 290—305); Снегирев. Труды Петра Великого в книгопечатании. „Библиотека для чтения“, 1834, т. III; „Литературная Летопись“, стр. 44; „Синодальное дело“ 1727 г. № 21; Строев. Дополнения, стр. 251; Сопиков, т. II, № 5224; Деяния Петра Великого, изд. 2-е, V, 354.

93) Список этот составлен П. П. Шибановым:

I. Символы и эмблемата. Амстердамъ. 1705.
II. Геометрія словенски землемѣріе. М. 1708.
III. Алярдъ. Новое голландское корабельное строеніе. М. 1709.
IV. Браунъ. Новѣйшее основаніе і практика артілеріи. М. 1709.
V. Виньола. Правила о пяти чинѣхъ архитектуры. М. 1709.
VI. Політиколѣпная Апоѳіозисъ. М. 1709.
VII. Пріемы цірkуля і лінеікі. М. 1709.
VIII. Л. Штурмъ. Архитектура воинская. М. 1709.
IX. Брінкъ. Описаніе артілеріи. М. 1709.
X. (Шхонебек.) Історія о ординахъ. М. 1710.
XI. Блондель. Новая манера укрѣпленія городовъ. М. 1711.
XII. Бухнеръ. Ученіе и практика артілеріи. М. 1711.
XIII. Архитектурная книга. М. 1712.

XIV. Изъявленіе фейерверка... на щастливое... пришествіе генв. 1 дня 1712. СПБ.
XV. Эсоповы притчи. М. 1712.
XVI. Книга Марсова. СПБ. 1713.
XVII. Лавреа или вѣнецъ безсмертія. М. 1714.
XVIII. Привѣтствіе Петру Первому. СПБ. 1717.
XIX. Б. Варенiй. Географія генеральная. М. 1718.
XX. Куншты корабельные. СПБ. 1718.
XXI. Куншты садовъ. СПБ. 1718.
XXII. Гюбнеръ. Земноводнаго круга краткое описаніе. М. 1719.
XXIII. Уставъ морской. М. 1720.
XIV. Овидіевы фигуры. СПБ. 1721.
XXV. Кантемиръ. Книга система. СПБ. 1722.

94) „Синодальное дело“ 1723, № 1 и 1756, № 14; „Отечественные Записки“ за 1841, 6, т. XVI, стр. 65—77.
95) П. Пекарский, т. II, стр. 642—650.
96) П. Дмитриев. Шрифты гражданской печати времен Петра Великого. (Вырезка из журнала (?).)
97) „Синодальные дела“ 1722 г., № 27 и 1732 г., № 10.
98) В. В. Буш. История книги. СПБ. 1923, стр. 35.
99) „Вѣдомость коликое число въ московской типографіи... разнаго званія книгъ и листовъ къ выходѣ было“; „Синодальное дѣло 28 іюня 1729 г.“; Пекарский. Приложение А, т. II, стр. 677.
100) П. Пекарский, т. II, стр. 665.
101) „Синодальное дело“ 1722, № 18.
102) П. Пекарский, т. II, стр. 664.
103) Богданович. Описание С.-Петербурга.
104) В 1722 году Бужинский доносил синоду: „Санктъ-петербургской типографіи мастеровые люди бьютъ челомъ о жалованьи непрестанно, а денегъ ничего... и ежели вскорѣ денегъ ни откуды въ присылкѣ не будетъ, и въ печатаніи книгъ остановка будетъ, понеже оные мастеровые люди, за скудностью и голодомъ хотятъ дѣла всѣ оставить...“ („Синодальное дело“ 1722 г., № 31).
105) „Синодальное дело“ 1723 г., № 28.

Сведения о книгах петровской эпохи встречаются еще в следующих статьях и книгах:

А. А. Бахтиаров. Первенцы гражданской печати. Обзор первой Всероссийской выставки печатного дела 13 апреля 1895 г.

А. А. Бахтиаров. Арабские цифры в России. Обзор первой Всероссийской выставки печатного дела 1895, № 27.

А. В. Гаврилов. Очерк истории С.-Петербургской Синодальной типографии. 1711—1839. СПБ. 1911.

Г. Геннади. Свидетельство о начале книгопечатания в Петербурге. „Библиографические Записки“ за 1858 г., № 2, стр. 372—373.

Двухсотлетие первой типографии в Петербурге. „Исторический Вестник“ за 1911 г., т. CXXIV, июнь, стр. 1132—1133.

И. Иноземцев. Первый нумер С.-Петербургских Ведомостей. „Антиквар“ за 1902 г., июнь, стр. 81—84.

И. Карамышев. Краткие исторические сведения о петербургских типографиях с 1711 г. СПБ. 1895.

Л. И. Миловидов. Двухсотлетие русского гражданского шрифта. Вильна 1908.

О первой друкарнѣ въ С.-Петербургѣ въ 1711 году. Россійскій магазинъ Ѳ. Туманского, 1793 г., ч. II, стр. 136.

В. А. Сопиков. Опыт российской библиографии, СПБ. 1904, т. I, стр. LVIII—LXIII.

С. Ф. Огородников. Типография Морского Министерства. СПБ. 1899.

А. Петров. Петр Великий как библиофил. „Антиквар" за 1903 г., № 1—4, стр. 19—22; № 5—6, стр. 45—47; № 9–12, стр. 73—77.

А. Петров. Первая печатная история России. „Антиквар" за 1902 г., ноябрь, стр. 249—256.

П. И. Покровский. Первые петербургские книги. „Известия книжных магазинов т-ва Вольфа" за 1903 г., № 7, стр. 63—67.

В. И. Семенников. Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения гражданских типографий по 1807 г. „Русский Библиофил" за 1912 г., №№ 2—3.

Синодальная типография в С.-Петербурге. СПБ. 1914.

И. М. Снегирев. Труды Петра I в книгопечатании. „Библиотека для чтения" за 1834 г., ч. III, отд. IV.

В. Срезневский и В. Тукалевский. Каталог выставки „Ломоносов и елизаветинское время". Отделы VIII—IX. СПБ. 1912.

В. Фрейман. Русская книга за двести лет. „Известия книжных магазинов т-ва Вольф" за 1905 г., № 14, стр. 200.

П. П. Шибанов. Каталог XXXVI русских и славянских книг, напечатанных вне Москвы и С.-Петербурга с основания типографий и до настоящего времени. М. 1888.

М. И. Щелкунов. Искусство книгопечатания в его историческом развитии. Москва 1923.

Н. А. Энгельгардт. Двухсотлетие русской печати 1703—1903. „Исторический Вестник" за 1903 г., XCI, январь, стр. 174; февраль, стр. 538.

Юбилейная выставка в память двухсотлетия гражданского шрифта 1908 г.; газеты: Голос Москвы, №№ 58 и 65; Искра, №№ 11 и 12; Московский Листок, № 65; Московские Ведомости, №№ 58 и 65; Новое Время, №№ 11491 и 11500; Правительственный Вестник, №№ 57 и 65; Раннее Утро, № 100; Русская Земля, № 620; Русские Ведомости №№ 55, 56, 58 и 65; Русское Слово № 51.

106) В. А. Верещагин. Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720—1870), СПБ. 1898, стр. 19.

107) Д. А. Ровинский. Словарь русских граверов XVI—XIX в.в. СПБ. 1895, т. I, стр. 299.

108) Сопиков № 7664. — Смирдин № 6186. — Чертков 1838 г. стр. 331. — Неустроев стр. 8—12. Ученые Записки Академии Наук т. I, стр. XXXII—XXXVI. — Губерти III, 7. — Остроглазов № 168.

109) Сопиков № 7604. — Смирдин № 2694. — Чертков 1838 г., стр. 15, № 14. — Бартенев 158. — Отчет Публич. Библиотеки 1860,

стр. 28.—Березин-Ширяев, книга I, стр. 32.—Геннади 5.—Губерти I, 13.—Остроглазов № 225.—Ровинский. Словарь гравированных портретов Т. IV, 18—23.

110) Д. А. Ровинский. Словарь гравированных портретов, т. IV, стр. 22—23.

111) Idem.

112) Nagler т. IV, 108.—Houbraken, Le Groote Schoub., II 293.—Gool, Nederl. Kstschilders, I, 243.—A. v. Wurzbach, Niederl. Kstlex. I (1906) u. Suppl. (1911). Granberg, Trésor d'Art en Suède, II, (1912). Mireur. Dict. des ventes d'Art III. (1911).

113) Urlich Thieme. Allg. Lexikon X, 1914, 467—468.

114) Виличковский. Царское Село. СПБ. 1911, стр. 113.

115) Отпечатки с досок Академии Наук, ч. II, лл. 172—181.

116) Д. А. Ровинский. Словарь русских граверов, т II, 171—178.

117) Сопиков № 8040.—Смирдин № 2729.—Чертков 1838 г., 295 стр., № 4. Геннади № 13 и стр. 38.—Березин-Ширяев 1876 г., стр. 312.—Губерти I, № 48.—Остроглазов №№ 259 и 260.

118) Сопиков № 7796.—Плавильщиков № 2853.—Смирдин № 3136.—Чертков 1838 г. стр. 460, № 35.—Бартенев 2018.—Геннади 7.—Березин-Ширяев 1873 г. стр. 9.—Губерти I, 19.—Остроглазов № 226, 2-е изд. 1768 г.

119) Сопиков № 12686.—Чертков 1838 г., стр. 613, № 1.—Геннади № 228.—Губерти, I, стр. 14.—Остроглазов № 389.

120) Сопиков № 8494.—Губерти I, 23.—Остроглазов № 111.

121) Сопиков № 3057.—Геннади, стр. 12.—Березин-Ширяев 1873, стр. 12.—Отчет Публич. Биб. 1852, стр. 62. Остроглазов № 42. Книга составляет большую редкость, так как принадлежит к тем изданиям, которые при Елисавете Петровне требовались для перепечатывания.

122) И. С. Беляев. Издание Академии Наук в 1736 г. М. 1896.

123) Материалы для истории Академии Наук, т. II, СПБ. 1886, стр. 803, № 874.

124) И. С. Беляев. Издания Академии в 1736 г. Москва 1876.

125) Idem. Содержание росписи следующее:

I. Азбука латинская. 8°. 8 коп.

II. Азбука нѣмецкая. 8°. 10 коп.

III. Азбука французская. 8°. 10 коп.

IV. Байэра исторія Эдессенская, на латинскомъ языкѣ, 4°. 1 р. 50 к.

V. Китайскій кабинетъ въ 2-хъ частяхъ, на латинскомъ языкѣ. 1731. 8°. 2 руб.

VI. Брунера, Исака. Описаніе универсальныхъ солнечныхъ часовъ на россійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. 4°. 12 коп.

VII. То жъ, на французскомъ языкѣ. 4°. 8 коп.

VIII. Буксбаума травъ не весьма знаемыхъ около Константинополя. Часть I, II и III, на латинскомъ языкѣ. 1726. 4°. Часть IV, 1734 г. 4°. 1 руб.

IX. Введение въ геральдику, на нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ языкѣ, истолкованное въ 2-хъ частяхъ. 1732. 8°. 2 руб.

X. Военный артикулъ на нѣмецкомъ и россійскомъ языкѣ. 8°. 45 коп.

XI. Вексельный уставъ Россійскій, на рускомъ и нѣмецкомъ языкѣ. 1730. 8°. 20 коп.

XII. Генеральный Регламентъ Его Императорскаго Величества. 4°. 25 к.

XIII. Извѣстія о винтовкахъ съ нѣкоторыми рѣдкими примѣчаніями о стрѣльбѣ, из III и IV части Санктпетербургскихъ Комментарій, переведенное авторомъ Іоанн-Георг. Лейтманномъ, членомъ Академіи Наукъ и профессоромъ П. О. Механики и Оптики, на нѣмецкомъ языкѣ. 1733. 15 коп.

XIV. Исторія Японская. 1734. 8°. 80 коп.

XV. Комментаріи Санктпетербургскія Академіи Наукъ, часть I, на 1726 г., на латинскомъ языкѣ. 1728. 4°. Часть II, на 1727 г. 1729. 4°. Часть III на 1728 г. 1732. 4°. Часть IV на 1729 г. 1735. 4°. 2 руб.

XVI. Краткое описаніе комментаріевъ, часть I, на россійскомъ языкѣ. 1728. 4°. 1 руб.

XVII. Календарь Санктпетербургскій на лѣто Рождества Христова 1736. 8°. 10 коп.

XVIII. Календарь придворный. То жъ на нѣмецкомъ языкѣ. 10 коп.

XIX. Лексиконъ на нѣмецкомъ, латинскомъ и рускомъ языкахъ, вмѣстѣ съ первыми основаніями Россійскаго языка. 1731. 4°. 2 руб. 50 коп.

XX. Меморіи или записки Артиллерійскія чрез Г. де С. Реми, часть I и II. 1732. 4°. 6 руб.

XXI. Мирный договоръ между Россійскимъ государствомъ и Султаном Эшрефомъ в Санктпетербургѣ 1729, въ полдесть, на нѣмецкомъ и рускомъ языкѣ. 12 коп.

XXII. Нѣмецкая грамматика для россійскихъ отроковъ, вторымъ тисненіемъ изданная. 8°. 50 коп.

XXIII. Нѣмецкія вѣдомости отъ 1727 по 1736 год. 4°. 1 руб.

XXIV. Нѣмецкія примѣчанія на Санктпетербургскія вѣдомости отъ 1729 по 1736 год. 4°. 1 руб.

XXV. Обстоятельное описаніе высокаго миропомазанія и коронованія Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія Государыни Анны Іоанновны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія въ Москвѣ, Апрѣля 28 дня 1730 года ко всенародной радости торжественно совершившагося въ Санктпетербургѣ 1732, въ полдесть, со многими гравированными фигурами. То жъ на нѣмецкомъ яз. 3 руб. 50 коп.

XXVI. Описаніе иллюминаціи и фейерверка въ 1732 году. Генваря 28 дня. 35 коп.

XXVII. — Апрѣля 28 дня. 25 коп.

XXVIII. — Въ 1733 Генваря 28 дня. 15 коп.

XXIX. — Апрѣля 28 дня. 25 коп.

XXX. — Въ 1735 Генваря 28 дня. 25 коп.

XXXI. — Апрѣля 28 дня. 25 коп.

XXXII. Поученіе о должности подданныхъ ко властямъ, въ день высокаго коронованія Ея Императорскаго Величества въ Санктпетербургѣ въ Евангелическомъ Собраніи отъ Пастора Луд.-Отто Трефурта, говоренное на нѣмецкомъ языкѣ. 1731. 4°. 12 коп.

XXXIII. Пошлинный уставъ Россійской, вмѣстѣ съ сочиненнымъ между Россійскою и Дацкою короною салутаціоннымъ трактатомъ на морѣ. На рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ 1731. 8°. 25 коп.

XXXIV. Пошлинный Тарифъ Россійскій на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. 1731. 8°. 25 коп.

XXXV. Прейслерова рисовальная книга на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, 3 части, въ полдесть. 1734. 1 руб. 50 коп.

XXXVI. Расположеніе ученій Его Императорскаго Величества Петра II вмѣстѣ съ мнѣніемъ Преосвященнаго Феофана, Архіепископа Новагородскаго о наставленіи отрока Багрянороднаго въ христіанскомъ законѣ. 1728. 8°. То жъ на нѣмецкомъ языкѣ. 8°. 15 коп.

XXXVII. Разговоръ, читанный чрезъ господина Делила, о движеніи земли, на французскомъ языкѣ. 1730. 4°. 40 коп.

XXXVIII. Рѣчи академическія въ первомъ собраніи говоренныя, на латинскомъ языкѣ. 1725. 4°. 10 коп.

XXXIX. — На второмъ собраніи читанныя, на латинскомъ языкѣ. 1729. 4°. 60 коп.

XL. Рѣчь секретаря Василія Тредіаковскаго, которую онъ говорилъ членамъ Россійскаго собранія. 4°. 6 коп.

XLI. Русскія вѣдомости от 1727 по 1736 годъ. 4°. 1 руб.

XLII. Русскія примѣчанія на Санктпетербургскія Вѣдомости отъ 1728 по 1735. 4°. 1 руб.

XLIII. Слово похвальное Всѣмилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, сочиненное чрез Вас. Тредьяковского. 1732. 4°. 12 коп.

XLIV. Слово похвальное въ Академическомъ собраніи Маія 6 дня 1731 года публично говоренное. 4°. 25 коп.

XLV. Слово при погребеніи Россійскаго Генерала Фельдцейгмейстера Іоанна фонъ-Гинтера, говоренное на нѣмецкомъ языкѣ, въ полдесть. 20 коп.

XLVI. Слово при погребеніи высокоблагороднаго господина Карла фонъ-Бирона, Королевскаго Корнета, наслѣднаго господина въ Калцемѣ и проч., говоренное отъ Іоанна-Альбрехта фонъ-Корфа, въ полдесть. 1733. 6 коп.

XLVII.—При погребеніи благороднаго господина Лейтенанта Адама Александра фонъ-Вейде, говоренное отъ Эккарда Филиппа Фрейголда, въ полдесть. 1734 г. 12 коп.

XLVIII. — При погребеніи высокоблагороднаго графа и господина Якова Данила Бриссе, Ея Императорскаго Величества Всероссійскія Самодержицы Генерала Фельдмаршала, говоренное Апрѣля 19 дня 1735 году отъ Эккарда Филиппа фонъ-Фрейглода. 4°. 12 коп.

XLIX. Собраніе всякихъ извѣстій до Россійской Исторіи принадлежащихъ на нѣмецкомъ языкѣ 6 част, 8°, каждая по 12 коп.

L. Словесная книга на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. 1732. 8°. 20 коп.

LI. Сокращеніе древней исторіи на нѣмецкомъ языкѣ. 1729. 8°. 60 коп.

LII. Сокращеніе математическое, часть I, II и III на французскомъ языкѣ. 1729. 8°. 2 руб. То жъ на россійскомъ языкѣ часть I, II и III. 8°. 2 руб.

LIII. Синопеевы медическія усмотрѣнія на латинскомъ языкѣ. 8°. 2 руб.

LIV. Трактатъ между Ея Императорскимъ Величествомъ Самодержицею Всероссійскою и между Его Шаховымъ Персидскимъ Величе-

ствомъ въ провинціи Гилянѣ, въ мѣстѣ Ряще чрезъ полномощныхъ Министровъ обѣихъ сторонъ Генваря 21 дня 1732 года заключенный. На россійскомъ и нѣмецком языкахъ, в полдесть. 12 коп.

LV. Трактатъ о коммерціяхъ между Россіею и великою Британіею на россійскомъ и французскомъ языкахъ, въ половину листа. 25 коп. То жъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ половину листа, по 12 коп.

LVI. Ѣзда на Островъ Любви переведена съ французскаго языка чрезъ В а с. Т р е д і а к о в с к а г о. 1730. 8°. 60 коп.

Еще печатаются:

I. Б а й э р. О китайскихъ часахъ и о часовомъ кругѣ, на латинскомъ языкѣ. 4°.

II. Б у к с б а у м а травъ не весьма знаемыхъ около Константинополя. Часть V, на латинскомъ языкѣ. 4°.

III. Введеніе в Географію на нѣмецкомъ языкѣ. 8°.

IV. Э й л е р а (Л е о н г а р д а) О движеніи, часть I и II, на латинскомъ языкѣ. 4°.

V. Смѣшанныя рѣчи на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ сочиненныя. 8°.

VI. Уложеніе. 4°.

126) И. С. Б ѣ л я е в ъ. Изданія Московской Синодальной Типографіи 1751 г. и Московскаго Университета 1764 г. („Чтения Об-ва Истор. и Древн. Росс." 1897, кн. I, стр. 19—28).

Книги гражданскія: въ десть:

I. Объ огородныхъ уборахъ трехъ манировъ; каждаго манира въ бумажномъ переплетѣ, по 85 коп.

II. К у г у р н о в ы, съ павлинымъ перомъ по 1 руб. 30 коп., в переплетѣ в нѣмец. по 1 р. 20 к., въ тетрадяхъ 35 коп.

III. Б р а у н о в ы, с павлинымъ перомъ по 1 руб. 30 коп. в переплетѣ и по 1 руб. 20 коп. въ тетрадяхъ.

IV. С а м у и л а П у ф е н д о р ф а исторія въ переплетѣ 2 руб.; въ тетр. по 1 р. 50 к.

V. Система о законѣ махометанскомъ въ перепл. 1 р. 65 к., въ тетр. по 1 р. 27 к.

VI. Регламентъ адмиралтейской: Московскій въ перепл. 1 р. 28 к., въ тетрад. 90 коп.; Санктпетербургскій въ переплетѣ 2 руб., въ тетр. 1 р. 64 к.

VII. Побѣждающей крѣпости Азова, съ павлинымъ перомъ въ перепл. 45 коп., въ бумажныхъ перепл. 37 коп.

VIII. Практика артиллеріи в переплетѣ 1 р. 75 к. въ тетради 1 руб. 50 коп.

IX. Тарифъ въ кожаномъ переплетѣ 50 коп., въ бумажномъ 30 коп., въ тетради 21 коп.

X. Ратификація на русскомъ языкѣ, московск. печати въ переплетѣ 4 коп., въ тетради 4 коп.; санктпетербургской въ перепл. 22 к. въ тетр. 20 коп.

XI. Ратификація на нѣмецкомъ языкѣ, въ перепл. 22 коп., въ тетрадяхъ 20 коп.

XII. Плакатъ въ перепл. 20 коп., въ тетр. 16 коп.

XIII. Описаніе порядка погребенія блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Госуд. Импер. Петра Великаго, въ бумажномъ переплетѣ 10 коп.

XIV. Описаніе коронаціи блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Импер. Екатерины Алексѣевны, в переплетѣ 23 коп.

XV. Архитектурная на александрійской въ тетради 2 руб. 63 коп.

XVI. Карта Варяжскаго моря на такой же бумагѣ въ бумажномъ перепл. 3 руб. 54 коп.

XVII. Куншты корабельныя по 36 коп. въ переплетѣ.

XVIII. Пропорціи оснастки англійскихъ кораблей съ цыфирными таблицами въ переплетѣ 40 коп.

XIX. Пункты о наслѣдствіи вотчинъ. 1726 г., въ тетради 36 коп.

XX. Регламентъ духовный въ переплетѣ 56 коп., въ тетради 55 к.

XXI. Разсужденіе о шведской войнѣ, въ перепл. 52 коп.; въ тетради 40 коп.

XXII. Привѣтствіе Императорскому Величеству съ прибытіемъ изъ чужестранныхъ краевъ, въ бумажномъ переплетѣ 20 коп.

XXIII. Уставъ Морской, въ переплетѣ по 2 руб. 2 коп.

XXIV. Календарь журнальный въ бумажномъ переп. 20 коп., в тетради 12 коп.

XXV. Регламентъ шхиперскій, 4-хъ маниров на разныхъ языкахъ по 6 коп.

XXV bis. Генералитетъ или табель о полкахъ, въ бумаж. пер. 33 к.

В полдесть:

XXVI. Историографія, въ переплетѣ 95 коп., въ тетради 76 коп.

XXVII. О флагахъ, въ тетради 80 коп.

XXVIII. Апоѳеисисъ, въ пер. 24 к., въ тетради 20 коп.

XXIX. Каталогъ въ пер. 67 коп., въ тетради 66 коп.

XXX. Блонделева, въ переплетѣ, 50 коп., в тетради 35 коп.

XXXI Самуила Пуфендорфіа, въ переплетѣ 1 руб. 80 к., въ тетради 1 руб. 50 коп.

XXXII. Меморіалъ англинской на русскомъ языкѣ, в бумаж. пер. 19 коп., на нѣмецкомъ п. 18 коп.

XXXIII. Генеральный сигналъ на галанскомъ языкѣ, въ тетр. 10 коп.

XXXIV. Понтифексъ или розыскъ историческій, въ тетр. 15 коп.

В четверть:

XXXV. Комплиментъ, въ переплетѣ 50 коп., въ тетради 30 к.

XXXVI. О слюзахъ, въ переплетѣ 50 коп., въ тетради 38 к.

XXXVII. Мировозрѣніе о небесныхъ и земныхъ глобусахъ, въ перепл. 32 коп., в тетради 20 коп.

XXXVIII. Меморіалъ англинской на русскомъ языкѣ, въ переплетѣ 19 коп., въ тетради 18 коп.

XXXIX. Кавалерская, въ переплетѣ 1 руб., въ тетради 80 коп.

XL. Фортификація Вобана, въ переплетѣ 75 коп., въ тетради 55 коп.

XLI. Дедікація, въ переплетѣ 40 коп., въ тетради 30 коп.

XLII. Артикулъ старый военной ко флоту въ бумажномъ переплетѣ 7 коп., въ тетради 6 коп.

XLIII. Артикулъ солдатской, въ бумажномъ перепл. 10 коп.

XLIV. Артилеріи Брыкина, въ перепл. 50 коп., в тетр. 25 коп.

XLV. Аполлодорова, въ переплетѣ 60 коп.

XLVI. Вобанова, въ тетради 20 коп.

XLVII. Повереніе воинскихъ правилъ, въ тетради 30 коп.

XLVIII. Синусъ или логариѳмъ, въ перепл. 60 коп., въ тетради 50 коп.

XLIX. Уставъ морской на русскомъ языкѣ, въ переплетѣ 65 коп., въ тетради 50 коп.

L. Самуила Пуфендорфія о должности человѣка гражданина, въ переплетѣ 95 коп., въ тетради 72 коп.

LI. Геометрія, въ тетради 1 руб. 20 коп.

LII. Инструкція о датскихъ морскихъ артикулахъ въ бумажномъ переплетѣ 23 коп., въ тетради 20 коп.

LIII. Грамота Царская, 5 коп.

LIV. О бракѣ Государыни Цесаревны Анны Петровны, въ тетр. 6 коп.

LV. Уставъ морской съ голанского яз., въ переп. 1 р. 94 коп.

LVI. Выписка из морскаго устава, въ перепл. 29 коп.

LVII. Ексерціи военныя, въ тетради 25 коп.

LVIII. Молитвенникъ военный морской, в тетради 4 коп.

LXIX. Молитвенникъ военный сухопутный, въ бумажн. пер. 4 к.

LX. Описаніе вратъ входа въ Москву въ 1721 г. въ тетр. 9 коп.

LXI. Цыфірнаго щета, въ переплетѣ, 13 коп.

Въ осмуху:

LXII. Артикулъ морской, въ тетр. 8 коп.

127) Архивъ М. Ю. Дѣла упраздненнаго уѣзднаго суда, указы 1751 и 1761 г., стр. 322—325 и 167—169.

128) С. В. Штейн. К истории периодической прессы и гражданской печати. „Печатное Искусство“, декабрь 1902 г.

129) Настоящий список составлен П. П. Шибановым:

I. Краткое описаніе комментаріевъ Академіи Наук на 1726 г. СПБ. 1728.

II. Описаніе коронаціи Анны Ивановны. 1730.

III. Меморіи или записки артиллерійскія, Сен-Ремн. СПБ. 1732—1733.

IV. Ѣзда на островъ любви. СПБ. 1730.

V. Описаніе о Японе. СПБ. 1734.

VI. Прейслер. Краткое руководство къ рисовальному художеству. СПБ. 1734.

VII. Изображеніе фейрверка и иллуминаціи. СПБ. 1736.

VIII. Изъясненіе находящихся на ономъ фейерверкъ изображеній. СПБ. 1736.

IX. Августѣйшее Россійской Имперіи короны сіяніе. СПБ. 1737.

X. Свѣтильник морской. СПБ. 1737.

XI. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. СПБ. 1737.

XII. Истинное изображеніе Имп. Анны въ день коронованія. СПБ. 1738.

XIII. Мадонніо. Двѣнадцать разныхъ симфоній ради скрипки и баса. СПБ. 1738.

XIV. Описаніе житія и дѣлъ Принца Евгенія. СПБ. 1740.

XV. Фонтенель. Разговоры о множествѣ міровъ. СПБ. 1740.

XVI. Изображеніе и изъясненіе фейрверка и иллуминаціи въ день рожденія Іоанна III. СПБ. 1741.

XVII. Палаты Академіи Наукъ. СПБ. 1741.
XV Монархія Турецкая. СПБ. 1741.
XIX. Подлинное и обстоятельное описаніе ледянаго дома 1741.

130) Б. Н. Меншуткин. Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание. СПБ. 1912.

131) Полное Собрание Законов. СПБ. 1830. Т. XIII: 1749—1753. № 9794.

132) Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX. Книги и Рукописи. СПБ. 1912.

133) Б. Модзалевский. Ломоносов. Академия Наук. Московский Университет. Каталог выставки Ломоносов и Елизаветинское время. Отдел VII. СПБ. 1912.

134) Вл. Тукалевский. Предисловие к отделу „книги гражданские". Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX. СПБ. 1912.

135) Сопиков № 7539.—Плавильщиков № 2748.—Смирдин № 2695.—Чертков 1838 г., 15 стр. № 17.—Бартенев 163.—Геннади 229.—Остроглазов № 206. (Имя гравера Соколова ошибочно указано „*П*", вместо „*И*".) Ровинский. Словарь гравированных портретов. Т. IV, стр. 28—31. (Ошибочно в описании не указана виньетка на стр. 168.)—Ровинский. Словарь граверов. Т. I, стр. 88, т. II, стр. 949—952.—Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отдел VIII—IX. Книги и рукописи № 14.

136) В. Я. Адарюков. Русская гравюра. Каталог выставки Ломоносов и Елизаветинское время. Отдел IV. СПБ. 1912.

137) С. А. Соболевский. „Русский Архиз" за 1867 г. № 11.—Геннади 192.—„Русская Старина" за 1890 г. № 10.—Остроглазов № 207.

138) Д. А. Ровинский. Словарь русск. граверов. т. II, стр 943—953.

139) Н. И. Щукин. Бирон в гравюре Ив. Соколова. М. 1893 г.

140) Сопиков № 7722.—Плавильщиков № 2720.—Смирдин № 2439.—Старчевский. Очерк литературы русской истории, стр. 261—262.—„Чтения Общ. Истор. и Древн. Росс". 1866 г., кн. 3, смесь, стр. 14—30.—Пекарский. История Академии Наук, т. I, стр. 368—405—408.—„Исторический Вестник" за 1891 г. № 9, стр. 739.—Межов, т. II № 6455.—Остроглазов № 240.—Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX, стр. 63.

141) А. Н. Пыпин. Сибирь и исследования ее. „Вестник Европы" за 1888 г. № 8.

142) Сопиков № 9086.—Чертков 1838. 242 стр. № 3.—Отчет Публич. Библ. за 1858 г. 57 стр.—Геннади № 16.—Шлецер. История Русской Летописи т. I.—Старчевский, стр. 262 и 263.—Пекарский. История Академии Наук, стр. 56 и 57.—В. Якушкин. „Русск. Ведомости" за 1890 г., 359—361 и 465.—Остроглазов № 294.

143) Сопиков № 2517.—Плавильщиков № 215.—Смирдин № 4337.—Чертков 1838 г. стр. 462, 49.—Бартенев. 4400.—Геннади 14.—Березин-Ширяев 1884 г. 274 стр.—Губерти III, 48.—Остроглазов № 146.—Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX. № 114.

144) Сопиков № 7808.—Плавильщиков № 160.—Смирдин № 4216.—Чертков 1838 г., стр. 465, № 65.—Геннади № 17.—Губерти I, 87. Остроглазов № 235.

145) Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX № 126.—Б. Н. Меншуткин. М. В. Ломоносов. СПБ. 1912, стр. 114—115. В этом труде, богатом оригинальными мыслями, даны понятия об ученом мореплавании, описывается много новых приборов, часть которых впоследствии была изобретена другими; здесь Ломоносов доказывает, что для успешного развития мореплавания необходимо учредить мореплавательную академию для научной разработки вопросов морского дела, составить истинную магнитную теорию и сочинить теорию морских течений, далее указано на необходимость учредить в разных частях света самопищущие метеорологические обсерватории.

146) Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отдел XIV № 116. Отделы VIII—IX № 128.

147) То же. Отдел XIV № 138.

148) Материалы для истории составления Атласа Российской Империи, изданного Академией Наук в 1745 г. Собраны из Архива Академии Наук Карлом Свенске. Приложение к IX тому „Записок Академии Наук" № 2. — Губерти I, № 54. — П. Столпянский. Описание старинных книг Публичной Самарской Александровской Библиотеки. Самара. 1901. № 1.—П. Столпянский. Каталог выставки Ломоносов и Елизаветинское время. Отдел XV.

149) П. Столпянский. Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отдел XV, стр. 7.

150) Д. А. Ровинский. Словарь русских граверов т. II. Махаев, стр. 647.—Архив Конференции Академии Наук, книга 177, л. 465—470.—Ф. Г. Берендштам. М. И. Махаев. „Старые Годы".

151) П. Столпянский. Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отдел XV, стр. 15.

152) Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время", Отдел XV № 41—42.

153) Сопиков № 3868. — Смирдин № 9673.—Булич, стр. 204. — Неустроев, стр. 82.—Березин-Ширяев, кн. VIII, стр. 56.—Губерти II, № 28. — Остроглазов № 371.—Вторым изданием 1780 г., 8°, 768 стр.

154) Пекарский. Редакторы, сотрудники и цензура в русских журналах 1755—1764 г. „Записки Ак. Наук".

155) Этот список составлен П. П. Шибановым:

I. Вѣнчанная надежда. СПБ. 1741. Ак. Наук.

II. Изображенія и изъясненіе фейерверка и иллуминаціи 25 апреля 1749 г. СПБ. Ак. Наук.

III. Искреннѣйшимъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ желаніемъ. СПБ. 1742. Ак. Наук.

IV. Штелинъ. Описаніе обоихъ тріумфальныхъ воротъ. СПБ. 1742. Ак. Наук.

V. Юнкеръ. Вѣнчанная надежда Россійской Имперіи. СПБ. 1742. Ак. Наук.

VI. Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ коронованія Императрицы Елисаветы Петровны. СПБ. 1644. Ак. Наук.

VII. Палаты Академіи, Библіотеки и Кунсткамеры. СПБ. 1744. Ак. Наук.

VIII. Изъясненіе и изображеніе великаго фейерверка Августа 1745 г. СПБ. Ак. Наук.

IX. Описаніе и изъясненіе онаго фейерверка, представленнаго Февраля 10 дня 1745 г. СПБ. Ак. Наукъ.

X. Фенелонъ. Похожденія Телемака, сына Улисова. 2 ч. СПБ. 1747 г. Ак. Наук.

XI. Корнелія Непота. Житія славныхъ генераловъ. СПБ. 1748 г. Ак. Наук.

XII. Мордвиновъ, С. Книги полнаго собранія о навигаціи. СПБ. 1748 г. Ак. Наук.

XIII. Торжество Академіи Наукъ Ноября 26 дня 1749 г. СПБ. Ак. Наук.

XIV. Ломоносов, М. Тамира и Селимъ. СПБ. 1750 г.

XV. Торжество Академіи Наукъ 6 Сентября 1750 г. СПБ. Ак. Наук.

XVI. Планъ столичнаго города С.-Петербурга. СПБ. 1753 г.

XVII. Изображеніе и описаніе фейерверка внутри двора И. И. Шувалова. СПБ. 1755 г. Ак. Наук.

XVIII. Крашенинниковъ, С. Описаніе земли Камчатки. 2 ч. СПБ. 1755 г. Ак. Наукъ.

XIX. Ломоносовъ, М. Россійская грамматика. СПБ. 1755 г. Ак. Наук.

XX. Описаніе и изъясненіе увеселительнаго фейрверка, сожженнаго передъ новымъ Зимнимъ Дворцомъ. СПБ. 1756 г. Ак. Наук.

XXI. Тарифъ о сборѣ въ портовыхъ таможняхъ. СПБ. 1757 г. Ак. Наук.

XXII. Цицiановъ, Д. Ин. Кр. Математическое изъясненіе. СПБ. 1757 г. Ак. Наук.

XXIII. Могущество и слава Елисаветы на новый 1758 г. СПБ. 1758 г. Ак. Наук.

XXIV. Аллегорическое изображеніе фейерверка. СПБ. 1759 г. Ак. Наук.

XXV. Рисовальная Азбука. СПБ. 1760.

XXVI. Сумароковъ, А. Описаніе огненнаго представленія въ первый вечеръ новаго года. СПБ. 1760 г. Академия Наук.

XXVII. Шлаттеръ. Обстоятельное описаніе рудному дѣлу. СПБ. 1760. Академия Наук.

XXVIII. Фонтенелла. Разговоры о множествѣ міровъ. СПБ. 1761.

156) „С.-Петербургские Ведомости“ 28-го февраля 1752 г.

157) Срезневский, В. О книгах церковной печати. Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время“, отдел VIII—IX. СПБ. 1912.

158) Дѣло о печатаніи „Ролленевой исторіи“. Архив Конференции Академии Наук. Книга 108, 1745 г.

159) Архив Конференции Академии Наук. Кн. 110, 1747 г. лист 354.

160) Архив Конференции Академии Наук. Кн. 138, 1750 г., лист 445.

161) Скабичевский, А. М. Очерк по истории русской цензуры. СПБ. 1892 г.

162) Архив Конференции Академии Наук. Книга 108, 1745 г.

163) Каталог выставки „Ломоносов и Елизаветинское время". Отделы VIII—IX, стр. 35.

164) В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 г.г. С.-Петербург. 1913 г.

165) „Санктпетербургскія Вѣдомости", 1768 г., № 89 от 4 ноября и „Московскія Вѣдомости", 1768 г., № 91 от 11 ноября.

166) П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. (Оттиск из „Филолог. Записок" за 1904 и 1905 г. г.) Воронеж 1906, стр. 23—24.

167) Владимир Григорьевич Орлов. Биографический очерк. СПБ. 1878.

168) Д. Ф. Кобеко. Ученик Вольтера, граф Андрей Петрович Шувалов. „Русский Архив", 1881, III, стр. 241—290.

169) Русский Биографический Словарь. Кнаппе - Кюхельбекер. СПБ. 1903, стр. 39—40.

170) Журнал Канцелярии Академии Наук. 1768, № 817.

171) В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПБ. 1913, стр. 9.

172) К числу более плодовитых и известных переводчиков принадлежали: И. А. Алексеев, С. Башилов, И. И. Богаевский, Иппол. Ф. Богданович, П. И. Богданович, С. И. Гамалея, М. Е. Головин, С. Е. Десницкий, И. А. Дмитревский, И. Г. Долинский, П. Екимов, М. И. Ильинский, П. Б. Иноходцев, Я. Б. Княжнин, Я. П. Козельский, Г. В. Козицкий, А. М. Кутузов, В. А. Левшин, А. Л. Леонтьев, А. И. Лужков, Т. С. Мальгин, М. Матинский, Ф. П. Моисеенков, Н. Я. Озерецковский, М. С. Пахомов, А. Я. Поленов, М. И. Попов, А. Н. Радищев, В. Г. Рубан, С. Я. Румовский, В. Д. Санковский, В. П. Светов, Д. Семенов (Руднев), И. И. Сидоровский, И. Сичкарев, Л. И. Сичкарев, И. А. де-Тейльс, В. В. Тузов, И. О. Туманский, Ф. О. Туманский, А. Фрязиновский, И. Г. Харламов, А. С. Хвостов, И. П. Хмельницкий.

173) Сопиков №№ 12588—9.

174) Там же №№ 9599 и 3656.

175) Там же № 4360.

176) Там же №№ 12545 и 4698.

177) Там же №№ 9489—9492.

178) Там же №№ 7564, 2480, 4935, 4914, 9418, 10853, 3455, 3966, 3529, 12524, 4972, 11352, 6055, 7964, 6895, 6896, 10937, 2003, 9473, 9057, 2485, 4647, 10033.

179) П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины II. (Оттиск из „Филологических Записок" за 1904 и 1905 г. г.) Воронеж. 1906. 8°. 230 стр.

180) В. П. Семенников. Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения типографий по 1807 год. „Русский Библиофил", 1912 г., кн. II и III.

181) П. Н. Черняев. Следы знакомства русского общества с древне-классической литературой в век Екатерины . Воронеж. 1906, стр. 88—90.

182) Переводчиками древних классиков были: 1) А. Б., 2) Акимов, Иван, 3) А. М., 4) Байбаков, Андрей (Аполлос), 5) Баженов, В. И., 6) Барков, И. С., 7) Виноградов, И. И., 8) Волков, Борис, 9) Волчков, С. С., 10) Воронцов, Семен, 11) Глебов, С. И., 12) Горин, Ив., 13) Губин, Александр, 14) Дмитревский, И. И., 15) Булгарис, Евгений, 16) Жданов, П. В., 17) Золотницкий, В. Т., 18) Каржавин, Ф. В., 19) Колоколов, Федор, 20) Кондратович, К. А., 21) Костров, Е. И., 22) Крашенинников, С. П., 23) Курганов, Н. Г., 24) Львов, Н., 25) Майков, В. И., 26) Мельгунов, Александр, 27) Михайлов, И. М., 28) Моисей (Мих. Гумилевский), 29) Муравьев, М. Н., 30) Нартов, А. А., 31) Никитин, В. Н., 32) Орлов, Кондрат, 33) Павлов, М., 34) Петров, А. А., 35) Петров, В. П., 36) Подшивалов, В. С., 37) Полетика, Г. А., 38) Пономарев, Егор, 39) Поповский, Н. Н., 40) Попов, Н. И., 41) Протопопов, Мих., 42) Прохоров, Лев, 43) Рембовский, Карл, 44) Сергеев, Алексей, 45) Срезневский, И. Е., 46) Теплов, Василий, 47) Тинков, Алексей, 48) И. Ф. и В. И., 49) Шишкин, И. В., 50) Эмин, Н. Ф. и 57) Федоров, Василий.

183) Роспись книг, проданных Академическим Комитетом на вес в 1808 г. Сопиков, II часть, 126—129 (новое издание).

184) Журнал Канцелярии Академии Наук 1790 г., запись под № 193 от 13 февраля.

185) Том I, СПБ. 1870, стр. 524, 638—641.

186) Сопиков № 3507; Записки И. В. Лопухина. М. 1860, 24—30 стр. Лонгинов, 306—307; Пекарский. Дополнения к истории масонства в России XVIII в. 208 стр.; Пыпин. Русское масонство. „Вестник Европы“, 1867, № 9, стр. 33; Остроглазов № 61.

187) Сопиков № 6056; Геннади. № 220; Губерти II, № 196; Остроглазов № 176.

188) Сопиков № 6137; Лонгинов, стр. 225; Пыпин. Русское масонство, „Вестник Европы“, 1867, № 9, стр. 53; Пекарский. Дополнения к истории масонства в России XVIII века, стр. 194; Остроглазов № 178.

189) Сопиков № 3535; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, № 9, стр. 40—44; Лонгинов, 208; Российская Библиография, 1880, № 21, стр. 479; Остроглазов № 63.

190) Сопиков № 5082; Лонгинов, стр. 208; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, №9, стр. 40; Губерти II, 52; Остроглазов № 141.

191) Сопиков № 3254; Лонгинов, 224; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, № 9, 41; Губерти II, 58; Остроглазов № 50.

192) Сопиков № 11681; Лонгинов, стр. 253; Остроглазов № 364.

193) Отчет Публичн. Библ. за 1851, стр. 5; Остроглазов № 377.

194) Сопиков № 3506. Лонгинов, стр. 223; Губерти II, 61; Остроглазов № 60.

195) Сопиков № 6932; Лонгинов, 63 прил.; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, стр. 42; Губерти II, 50; Остроглазов № 151.

196) Сопиков № 12616; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, № 9, стр. 42; Лонгинов, стр. 271 и 272; Губерти II № 100; Остроглазов № 388.

197) В тайной масонской типографии. См. прим. № 26 и № 33; в Университетской типографии, № 27.

198) Сопиков № 6168; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, № 12, стр. 16 и 17; Плавильщиков № 1539; Смирдин № 953; Остроглазов № 179.

199) Сопиков № 4506; Смирдин № 6569; Лонгинов. „Современник“, 1857, № 4; Лонгинов, 302; Пыпин. „Вестник Европы“, 1867, № 12, стр. 18 и 19; Губерти II, 140; Остроглазов, № 100.

200) Сопиков № 4071; Смирдин № 2799; Губерти I, 186; Ровинский, т. IV, стр. 34; Верещагин № 999; Остроглазов № 82; Обольянинов № 914.

201) Сопиков № 7687; Плавильщиков № 3886; Геннади № 62; Губерти II, № 121; Остроглазов № 281; Обольянинов № 2711.

202) Сопиков № 10331; Геннади № 32; Губерти I, № 164; Ровинский, т. IV, стр. 33; Верещагин № 794; Обольянинов № 2492.

203) Сопиков № 4411; Плавильщиков № 3012; Смирдин № 2373; Геннади, 73. Губерти II, 141; Остроглазов № 96. Есть экземпляры с обозначением имени автора.

204) Сопиков № 2805; Обольянинов № 1848; В. К. Лукомский, „Старые годы“, 1911, № 2.

205) H. Cohen. Guide de l'amateur, de livres ravures du XVIII Siècle. Paris 1886 (5-ое издание).

206) Иностранные художники XVIII стол. в России. „Старые Годы“, июль—сентябрь, 1911.

207) Travels in to Poland, Russia, Sweden, and Denmark. By William Coxe. London. 1784. I, 479 и 483.

208) Ровинский. Словарь граверов. Т. I, 234, т. II, 757—758, 963; Обольянинов № 2764.

109) Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 688; Сопиков № 11039; Верещагин № 805; Обольянинов № 2555.

210) Обольянинов. Т. I, стр. 107 и т. II, № 2746.

211) Ровинский. Словарь граверов. Т. I, 227; Обольянинов № 1070.

212) Материалы для библиографии русских иллюстрированных изданий, II, 38; Обольянинов № 1682; Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 846.

213) Сопиков № 5474; Губерти III, 157; Верещагин № 243; Материалы, 681; Обольянинов № 1695.

214) Сопиков № 11679; Верещагин № 249; Материалы № 566 Обольянинов № 2644.

215) Обольянинов № 2476.

216) Обольянинов № 1881.

217) Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 602.

218) Материалы II, 29; Обольянинов № 1201.

219) Материалы № 957; Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 711; Обольянинов № 2850.

220) Верещагин № 459; Н. В. Соловьев. Русская книжная иллюстрация XVIII века. „Старые Годы“, 1907, № 7—9, стр. 14. Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 604.

221) Верещагин № 748; Материалы 764 и IV, 42; Обольянинов № 2293.

222) Ровинский. Словарь граверов. Т. II, 604 Обольянинов № 2908.

223) Обольянинов № 2714; П. К. Симони. „Старые Годы", 1911, I, 38—43.

224) Сопиков № 9850; Обольянинов № 1967.

225) Сопиков № 7535; Плавильщиков № 2995; Обольянинов № 490.

226) Ровинский. Словарь граверов. Т. I, стр. 218.

227) Н. В. Соловьев. Русская книжная иллюстрация. „Старые Годы" 1907, № 7—9, стр. 16.

228) Обольянинов № 489.

229) Плавильщиков № 3556; Сопиков № 9233; Обольянинов № 1986.

230) Обольянинов № 539.

231) Он же № 99.

232) Он же № 106.

233) Он же № 107.

234) Доклад в комиссии по изучению искусства книги в Главном Управлении Государственного Издательства.

235) Сопиков № 920; Геннади № 71; Губерти II, № 153. Отчет Публичн. Библ. за 1859, стр. 26; „Русская Старина", 1872, VI, 436—438; 1882, XXXV, 457—532; „Вестник Европы", 1888, № 8, 529; М. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. I, 541—671; Скабичевский. Очерк по истории цензуры. „Отечеств. Записки", 1882, № 4, 480—485; Остроглазов № 301; В. П. Семенников. Когда Радищев задумал „Путешествие". М. 1916; П. Е. Щеголев. „Минувшие Годы", 1908, № 12; Полное собрание сочинений А. Н. Радищева М. 1907; Мияковский. Учебные годы Радищева. „Голос Минувшего", 1914, № 5; Н. Н. Епанчин. „Антиквар", 1902, октябрь, 209—211. Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей. Москва. 1903, стр. 57—68.

236) Сопиков № 4083; Плавильщиков № 3474; Смирдин № 2894; Геннади, 65; Остроглазов № 84.

237) Сопиков № 4888; Плавильщиков № 2685; Смирдин № 2407; „Московское Обозрение", 1859, I; Остроглазов № 133.

238) Сопиков № 4889; Плавильщиков № 2883; Смирдин № 2408; Попов, Татищев и его время. 1861; Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, 1864; Остроглазов № 134.

239) Экономический Магазин 1789 г., ч. XXXVII, № 21, стр. 321—324.

240) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe.

241) У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. СПБ. 1912.

242) В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Киев 1892. Т. I, кн. II, 1152—1153; „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс". 1871, кн. III; Иваск № 809.

243) Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПБ. 1874, стр. 67.

244) Геннади. Библиотеки гр. Бутурлина и их каталоги. „Журн. Мин. Народ. Просв.", 1846, № 4; 1856, ч. XC, № 4, 1—10; Бокачев № 352; Sobolewsky № 415; Иваск № 175; Д. В. Ульянинский. Т. II, стр. 1042.

245) В. С. Иконников. Т. I, кн. II, стр. 1091, 1170, 1399; Геннади, стр. 125—126; Иваск № 322.

246) Описание библиотеки Д. В. Ульянинского. Т. II, стр. 1124; Иваск, № 82.

247 Описание библиотеки Д. В. Ульянинского. Т. II, стр. 789.

248) В. Семенников. „Русский Библиофил", 1911, VII, стр. 38—40.

249) Иванов, П. Первоначальное снабжение типографии Московского университета нужными пособиями. „Москвитянин", 1856, № 7, стр. 309—318; „Журн. Мин. Народ. Просв.", 1857, № 4, ч. XCVI, стр. 61—62.

250) Указ 17 октября 1776 г. Сборник распоряжений и постановлений по цензуре. СПБ. 1862, стр. 18.

251) Указ 31 мая 1780. Сборник распоряжений и постановлений по цензуре, СПБ. 1862, стр. 23.

252) Е. И. Калугин. Несколько слов о Клинцовской типографии. „Библиогр. Записки", 1858, № 5, стр. 157—159; „Московск. Ведом.", 1856, № 139; В. Семенников. „Русский Библиофил", 1912, I, стр. 58—63; „Древн. и Новая Россия", 1879, № 8, 351.

253) Сопиков № 1691.

254) В. М. Ундольский. Очерк славяно-русской библиографии. № 2765.

255) Сопиков № 5364; Лонгинов, „Современник", 1856, № 7; Геннади № 85; Губерти II, 181; Остроглазов № 51.

256) Полное Собрание Законов. Т. XX, № 14520.

257) П. Бартенев. Сельские типографии в России. „Библиогр. Записки", 1858, № 9, стр. 279—283; В. Шангин. Сельские типографии в последней четверти XVIII века и рузаевские издания Н. Струйского, „Антиквар", 1902, № 6, 187—193; № 7, 219—223; П. К. Симони. Н. Е. Струйский—поэт-метроман и его сельская типография. „Старые Годы", 1911, I, 38—43; Семенников. Литерат. и книгопечат. деятельность в провинции в конце XVIII и в начале XIX в. „Русск. Библ.", 1911, VI, 14—39: „Минувшие Годы", 1913, V, 271—273.

258) Полное собрание сочинений А. Н. Радищева. Т. II, стр. 591; Лонгинов. Сочинения, стр. 576; Губерти II, 376.

259) „Северная Пчела", 1861, № 76.

260) Капище моего сердца.

261) „Вестник Европы", 1868, № 3, стр. 204, 222; № 5, стр. 420.

262) Грахов, Я. „Истор. и Древн.", т. IV, отд. III, стр. 470—472; Лонгинов, М. „Современник", 1857, № 7; Семенников. „Русск. Библ". 1911, VII, стр. 41.

263) Семенников. Литерат. и книгопечат. деятельн. в провинции в конце XVIII и начале XIX стол. „Русск. Библиоф.", 1911, VI, стр. 29.

264) Геннади № 79.

265) Семенников. „Русск. Библиоф.", 1911, VII, стр. 30.

266) Геннади. Литература русской библиографии. СПБ. 1858, №№ 698—709.

267) Описание библиотеки Д. В. Ульянинского. Т. II, №№ 2046—2202.

268) Веселовский. Воронеж в истор. и статистич. отношениях. 1836, стр. 97—98; Геннади № 89; Губерти II, 208; Остроглазов № 236; „Русский Библ.", 1911, VIII, 31—34; 1912, III, 51.

269) П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789 г.). „Минувшие Годы“, 1908, декабрь, стр. 191—209.

270) Записки С. А. Тучкова. СПБ. 1908.

271) Полн. Собр. Законов. Т. XX, №№ 16556 и 16564.

272) 16 сентября 1796 г. Именной указъ, данный Сенату. Объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ; объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ въ городахъ: Санктпетербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ, и объ упраздненіи частныхъ типографій. Полн. Собр. Зак. Т. XXIII, № 17508. 22 октября 1796 г. Сенатскій, вслѣдствие Именнаго. О составленіи цензуръ изъ трехъ особъ; одной духовной, одной гражданской и одной ученой, о сочиненіи штатовъ симъ цензурамъ.

273) 4 июля 1797 года. Именной указ, объявленный Генерал-Прокуром. О предоставлении книг на рассмотрение Совета Е. И. В., признаваемых Цензурою недозволенными и сомнительными (Пол. Собр. Законов. Т. XXIV, № 18032).

274) Описание библиотеки Д. В. Ульянинского. Т. II, № 1535.

275) Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей. М. 1903, стр. 81 — 138; Описание библиотеки Д. В. Ульянинского. Т. II №№ 1506—1532.

276) А. Щеголев. Материалы для библиографии Тамбовской губ. 1901, в. II, 88; „Русск. Библ.“, 1911, VII, 23.

277) Н. Н. Орлов: 1) Роспись Россійскимъ книгамъ, продающимся въ С.-Петербургѣ в Суконной линіи Гостинаго Двора, выходя изъ воротъ онаго на правой рукѣ подъ № 16, въ книжной лавкѣ у книгопродавца Василія Сопикова и въ Москвѣ въ типографіи С. Селивановскаго. М. 1796, 8°, 80 стр. 2) Роспись Россійскимъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ лавкахъ у купца Глазунова. Въ Санктпетербургѣ. 1794. 8°, 53 стр. 3) Роспись Россійскимъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ лавкахъ у купца Глазунова. Цѣна 10 коп. Въ Санктпетербургѣ. 1793. 8°, 134 стр. 4) Роспись Россійскимъ книгамъ, продающимся въ Санктпетербургѣ, у купца Ивана Глазунова. 1795, 8°, 78 стр. (В „Описании библиотеки Д. В. Ульянинского“ под № 1532 описана „роспись“ того же года, но с другим заглавием и с другим количеством страниц.)

278) В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVII и первой четверти XIX столетий. СПБ. 1903. Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Росс. Акад. Наук. Т. XCIX, № 1. Дела Моск. Ценз. в царств. Павла I.—Вып. II. Петроград 1922.

А. И. КОНДРАТЬЕВ
НОВИКОВСКИЕ ИЗДАНИЯ

Николай Иванович Новиков

р. 27 апреля (8 мая) 1744 у. 31 июля (12 августа) 1818

С портрета масляными красками работы Д. Г. Левицкого.

1.

В истории развития культуры наблюдаются отдельные эпохи, по своей внешней и внутренней целостности резко одна от другой отличающиеся. Это образование культурных эпох или этапов всегда обусловлено причинами материального свойства, которые бывают подчас весьма выпуклы, элементарно-наглядны, а иногда они завуалированы рядом привходящих обстоятельств и обнаруживаются только после анализа социальной структуры данной эпохи. Вместе с тем, каждая из этих эпох пронизана некоторым единым началом, обусловленным теми же причинами материального порядка.

Эта социальная закономерность свойственна и нашему культурному развитию XVIII века. Мощная государственная власть, образовавшаяся к концу названного столетия, с прочно установившеюся социальною группировкою, радикальная петровская реформа, коснувшаяся почти всех сторон народного хозяйства и быта, необходимость изменений патриархально-бытовых условий производства в насаждаемой сверху обрабатывающей промышленности, наконец, стремление государственной власти занять в Европе доминирующее положение — все это настойчиво диктовало необходимость образования культурных прослоек в тогдашнем обществе, могущих обслуживать потребности государственной власти в указанном направлении. Следовательно, изменение производственных условий настойчиво потребовало тогда новых людей, новых методов, других отношений.

Образование таких культурных прослоек составляет одну из существенных сторон общественного развития России всего XVIII столетия, семидесятые и восьмидесятые годы которого являются тем замечательным периодом, когда в патриархальную жизнь русской провинции постепенно стали вторгаться новые явления, приобщавшие и провинциальные города к тем формам культурной жизни, которые еще в предшествовавшие периоды накоплялись в центрах. Такое распространение культуры, сначала чисто внешней, стоит в тесной связи с образованием новых губернских учреждений и открытием наместничеств. То и другое вызвало необходимость в новых людях, которые затем составили наиболее просвещенную часть

тогдашнего общества. В связи с этим губернские города явились притягательными центрами для образованного общества.

Все это создало условия для появления умственной жизни и—как главное проявление ее — вызвало любовь к чтению, к книге. Провинция не остановилась на стремлении читать или писать книгу. Появилось желание производить ее: в провинции постепенно стали возникать типографии. Вместе с тем налаживалась там и книготорговая деятельность, что завершало круг книгопроизводства и книгодеятельности, и все это заставляет отнестись к эпохе первого выдающегося русского книжного деятеля с особым вниманием.

Николай Иванович Новиков родился в помещичьей семье среднего состояния 27 апреля 1744 года. Детство его протекло в родовом имении Тихвинском, Московской губ. Существует широко распространенное мнение, что Новиков получил в детстве самую скудную образовательную подготовку. Это утверждение основывается главным образом на показаниях и случайных оговорках самого Новикова, чрезвычайно скромного по своей природе и весьма требовательного к самому себе. Во второй половине пятидесятых годов Новикова определяют в гимназию Московского Университета по французскому классу. В 1758 году имя Новикова значится в списке учеников, достойных награды, а в 1760 году он, вместе с знаменитым впоследствии Г. А. Потемкиным и другими, исключен из гимназии „за леность и нехождение в классы".

По установившемуся обычаю, Новиков с детства был записан в Измайловский полк, куда он поступил в январе 1762 года. При государственном перевороте 28 июня 1762 г. измайловцы проявили большую преданность Екатерине II и первые приняли ее сторону. В силу этого им розданы были награды: Новиков был произведен в унтер-офицеры.

О последующих годах жизни Новикова, вплоть до 1766—67 годов, мы не располагаем достоверными сведениями. Имеются косвенные указания на то, что Новиков учился в Академии Наук. Назначение в 1766 году знаменитого библиографа Л. П. Бакмейстера инспектором академической гимназии несомненно, сыграло важную роль в жизни Новикова, так как литературная, редакторская и издательская деятельность того и другого в последующие затем годы как-то перекрещивались.

В 1767 году Новиков был откомандирован в Москву, для выполнения письменных работ в комиссии депутатов по

составлению нового уложения. Он составлял дневные записки по 7 отделению — о среднем роде людей — и, кроме того, вел журналы общего собрания депутатов, которые читал при докладах Екатерине II. Занятия в комиссии, несомненно, оставили глубокий след в Новикове и оказали большое влияние на его последующую деятельность.

В 1768 году Новиков вышел в отставку с чином поручика и целиком отдал себя на служение русскому просвещению. Вся его последующая деятельность, вплоть до попыток в восьмисотых годах вновь заарендовать типографию Московского Университета, связана с развитием и процветанием книжного дела в России.

2.

Начало издательской деятельности Новикова относится к 1766 году, когда он напечатал две книги в типографии Академии Наук,—Две повести: Аристоноевы приключения и рождение людей Промифеевых (перевод М. И. Попова с французского) и Реестр книг, продаваемых в Большой Морской улице, у живущего там книгопродавца (Миллера), и одну книгу в типографии Сухопутного Кадетского Корпуса,—Дух Пифагоров, или нравоучения его, состоящие в золотых стихах. Таким образом, в первый же год своей издательской деятельности Новиков имел дело с двумя типографиями. Сведений об изданиях 1767 года не имеется. Пребывание его в Москве, вероятно, помешало что-либо издавать в этом году. В 1768 году он издает в типографии Академии незначительную книжку В. Майкова: Торжествующий Парнас.

1769 год составляет некоторую грань в развитии нашего книжного дела, в частности в развитии нашей журналистики. В то время как в предшествовавшие годы возникало редко-редко по одному периодическому изданию в год — и таких изданий, начиная с „Ведомостей “ 1703 года и по 1768 г. включительно, возникло всего 20 названий, — в 1769 году появляются сразу 8 журналов, начиная с „Адской Почты“ Эмина, „Всякой-Всячины“ Козицкого и кончая „Трутнем“ Новикова. Важна в этой группе не только количественная сторона, но — в еще большей степени — однотипность изданий, с преобладающим сатирическим направлением.

По содержательности и талантливости, остроумию и живости, по идейности и серьезности сатиры, которая ставила

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.

Они работаютъ, а вы ихъ трудъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

и разрешала вопросы под общественным углом зрения,— новиковские журналы выгодно выделялись из остальной массы тогдашних журналов. Новиковым были затронуты и крепостное право и несправедливости в судах, воровство и казнокрадство. Особенно резко обрушивался Новиков на неразборчивое подражание французам, на пустую светскую жизнь и т. д.

Первым журналом Новикова был „Трутень“, выходивший с мая 1769 года по апрель 1770 г. по полулисту в неделю, в 8°. Со 2 мая по 20 декабря вышло 36 полулистов, а остальные 17 вышли в 1770 году; последний лист помечен 27 апреля. Печатался журнал в типографии Академии Наук.

При описании внешнего вида журнала иногда указывают, что „Трутень“ имеет гравированный Кирсановым титульный лист с виньеткой, изображающей осла, придавленного сатиром. Между тем, с этим титульным листом „Трутень“ вышел в том же году, но уже вторым изданием. Первое издание вышло с обычным печатным титульным листом с виньеткой, изображающей полулежащего амура с венком в левой руке. Есть экземпляры и второго издания с шрифтовым заглавным листом. Нужно заметить, что шрифтовое заполнение титульного листа первого издания выгодно отличается от других изданий Новикова, очень часто перегруженных текстом.

Эпиграфом к журналу были взяты слова Сумарокова: „Они работают, а вы их труд ядите“ — для первого издания первой части, а для всех последующих изданий: „Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много“. Второе издание первой части посвящено влиятельному сановнику Л. А. Нарышкину. Говорят, что в связи с недовольством к журналу со стороны Екатерины II Нарышкин отказался от дальнейшего посвящения ему журнала, в силу чего журнал 1770 года был посвящен Новиковым В. А. Всеволожскому. Второе издание „Трутня“ отличается от первого, кроме изменения заглавного листа, очень незначительно. В нем заменены некоторые слова, и не помещена в 7 листе заметка.

К новиковским же изданиям этого рода относят и журнал „Пустомелю“, две книжки которого вышли в июне и июле 1770 г. Первая книжка журнала посвящена Н. А. Ладыженскому, вторая—Н. А. Демидову.

В 1772—73 годах Новиков издает не менее знаменитый еженедельный журнал „Живописец“, посвященный автору комедии „О время“ (Екатерине II). Каждый год журнала состоял из 26 полулистов. Считаем необходимым отметить неточность, пущенную в литературу с легкой руки М. Н. Лонгинова, будто „Живописец“ выходил по 36 полулистов в каждое полугодие. Успех этого журнала был очень большой, что побудило Новикова повторить его несколько раз. Второе издание вышло в том же 1773 году. В нем были опущены некоторые статьи

и заметки, и исправлены недомолвки и пропуски, допущенные в первом издании. В 1775 году Новиков выпускает 3-е издание, вновь просмотренное и исправленное, с помещением предисловия, повторявшегося в последующих изданиях. 4-е издание вышло уже в Москве, в 1781 году. Это издание считается лучшим. 5-е издание выходит в 1793 г., когда Новиков находился в Шлиссельбургской крепости.

Последним журналом Новикова в этом роде был „Кошелек", изданный в 1774 году (июль—сентябрь). Журнал вышел в количестве 9 полулистов и посвящен издателем „Отечеству". Изданием этого журнала заканчивается сатирический период нашей журналистики XVIII века.

Кроме только что упомянутых, Новикову приписываются еще другие журналы того времени, как-то: „Смесь", „Парнасский Щепетильник", „Полезное с приятным", „Вечера" и др. Предположения эти не лишены основания. Если Новиков не был единоличным издателем их, можно все-таки утверждать, что он принимал то или иное участие в их изданиях.

Кроме сатирических журналов и изданий обычного типа, Новиков выпустил в семидесятых годах ряд ученых изданий, а также серию исторических памятников. В первую очередь нужно назвать Опыт Исторического Словаря о российских писателях, изданный в 1772 г. Это первое серьезное критико-био-библиографическое издание в нашей словесности. В нем помещены сведения о 317 русских писателях. Некоторые статьи не утратили значения первоисточников и до сих пор.

В 1773 году Новиков издает Древнюю Российскую Идрографию, ч. I, содержащую описание московского государства. Это важный памятник русской историографии. В 1773—75 годах издается знаменитая Древняя Российская Вивлиофика, в 10 частях. Оканчивая Вивлиофику, Новиков пытается вновь организовать большое издание: Сокровище Российских Древностей, с описанием соборов, монастырей, городов, гербов, монет и т. д. Это издание почему-то не состоялось, но мысль об издании многотомных сборников не оставляет Новикова, и он пытается осуществить ее в 1776 году изданием Повествователя Древностей Российских и Скифской Истории. Первое из названных изданий потом было уничтожено, чем и объясняется его редкость. В том же 1776 году издана История о невинном заточении ближнего боярина Матвеева.

Издание памятников по русской истории имело очень важное научное значение. Г. В. Козицкому было отдано распоряжение о предоставлении Новикову возможности пользоваться для этих изданий редкими рукописями. Такое же распоряжение было сделано и историографу Г. Ф. Миллеру, с предписанием сообщать Новикову копии с разных актов архива Коллегии Иностранных дел в Москве. И тот и другой охотно отозвались на это предписание и всемерно содействовали Новикову в его ценных трудах.

В 1777 году издается критико-библиографический журнал „Санктпетербургские Ученые Ведомости", печатанный иждивением К. В. Миллера в типографии Вейтбрехта и Шнора и служивший как бы продолжением Опыта о российских писателях. Вышло всего 22 номера, составляющих в настоящее время величайшую библиографическую редкость. В них регулярно отмечались литературные и научные новинки, помещались рецензии, а иногда и самостоятельные критические статьи небольшого размера. Всего в них рассмотрено до 37 сочинений и изданий самого разнообразного характера.

В том же году издается ежемесячный журнал „Утренний Свет", выходивший в Петербурге с сентября 1777 г. по апрель 1779 г., а затем продолжавшийся уже в Москве. Большая часть содержания журнала состояла из переводных сочинений по вопросам нравственности, психологии, педагогики и др. Помещались и оригинальные статьи по разным вопросам, а также стихотворения. Журнал издавался с благотворительной целью, так как выручка от его продажи предназначалась в пользу Екатерининского и Александровского училищ, основанных Новиковым и его друзьями-масонами для бедных детей и сирот. Это—первое общественное выступление Новикова под знаменем масонства. Бумага для печатания журнала на первый год была пожертвована П. К. Хлебниковым. Годовая плата была объявлена для Петербурга 3 р. 50 к., а для провинции—4 р., но многие подписчики вносили бóльшую сумму. Имена жертвователей и подписчиков печатались в каждой книжке журнала, который выписывался в 58 городах и местечках. Такому широкому распространению журнала способствовало, отчасти, то обстоятельство, что он был тесно связан с возникавшими тогда школами, активно поддерживавшими журнал. Следовательно, это первый журнал в России, который был тесно связан с провинцией. Кроме благотворительных целей, журнал

стремился к постановке новых педагогических задач и применению новых методов воспитания. Вообще же все содержание проникнуто философским духом и уважением к разуму и науке, но с довольно сильным мистическим оттенком. Его можно назвать и первым популярным философским журналом в России.

С января по апрель 1779 г. издается журнал „Модное ежемесячное издание или библиотека для дамского туалета". Вышло 2 части с прекрасными гравюрами модных костюмов. Правда, модные картинки при литературном содержании журнала мало подходили к нему. Издание печаталось в типографии Кадетского Корпуса.

3.

Из числа непериодических изданий, напечатанных Новиковым в Петербурге, необходимо отметить издание в 1774 г. Краткой повести о бывших в России самозванцах—М. М. Щербатова. Это издание, кроме своего значения по содержанию, устанавливает довольно близкую связь Новикова с Щербатовым, что очень важно для определения общественного положения Новикова.

Имеются еще два изданные Новиковым перевода с французского, на которых мы считаем нужным остановиться. В 1771 году издается Поэма о нонешних делах или увещание о восприятии против турок оружия—Вольтера, а в 1772 году издается перевод Французская нынешнего времени философия... сокращенно выписана из книги, печатанной в Париже 1767 г. В своих исследованиях В. П. Семенников пришел к выводу, что эти переводы принадлежат Новикову. Свои соображения в этом направлении Семенников подтверждает еще и тем фактом, что Новиков с 1769 года в течение нескольких лет служил переводчиком с французского в коллегии иностранных дел.

Наконец есть еще одно издание 1766 года, уже отмеченное выше, которое нам хочется особенно подчеркнуть. Это—Реестр книг, продаваемых в Большой Морской улице, у живущего там книгопродавца. Это издание библиографического характера представляется нам символическим. Оно заранее предопределяет тот путь деятельности Новикова, который органически вытекает из природы его „книжной" души. Вместе с тем это

издание дает нам лишний штрих духовного облика Новикова, который с самого начала обратился к изданию не рыночно-выгодных материалов, а книг, нужных ученым библиографам и книговедам.

Говоря о содержании и сотрудниках новиковских журналов, приходится в первую очередь остановиться на вопросе о том, какую роль играл сам Новиков в этих изданиях. Был ли он только редактором или же являлся одновременно и автором наиболее существенных для журнала статей. Исследователями Новикова—А. Незеленовым и А. Н. Афанасьевым, а в наше время В. П. Семенниковым,—установлено, что для своих журналов Новиков был не только редактором и издателем, но и писателем. В „Живописце" авторство Новикова выявлено в большей мере, нежели это было в „Трутне". Не подлежит сомнению сотрудничество в журналах следующих лиц: Д. И. Фонвизина, М. Д. Чулкова, М. И. Попова, А. О. Облесимова, Ф. А. Эмина, А. Л. Леонтьева, П. С. Потемкина, В. Г. Рубана, А. Фомина, Екатерины II и др. Сотрудниками называют еще и следующих лиц: А. Н. Радищева, И. П. Тургенева, А. П. Сумарокова, Е. Р. Дашковой, И. И. Шувалова, епископов — Самуила Белгородского и Георгия Конисского. Сотрудниками журнала „Утренний Свет", писавшими оригинальные статьи и стихотворения, были следующие лица: Т. Кириак, А. А. Тейльс, П. Алексеев, Ф. Краснопевков, В. Прянишников, Н. Калинин, Г. Медведев, П. Лихонин, А. Петров, Н. Попов, Д. Рыкачев, Е. и Н. Свиньины, В. Данилов, А. Малиновский, В. Майков, М. Муравьев, М. Степанов и др.

Таким образом, Новиков собрал вокруг своих журналов почти все литературные силы того времени. Отчасти это и было причиной значительного успеха главных его журналов: „Трутня", „Живописца" и „Кошелька".

Широко распространено мнение о том, что главные журналы Новикова кончали свое существование под давлением сверху. Прекращение „Трутня" приписывается неудовольствию им со стороны Екатерины II. Кончина „Кошелька" связывается с возвышением Г. А. Потемкина и недовольством французского посольства по случаю франкофобского направления журнала. Нам кажется, однако, более естественным предположение новейших исследователей по данному вопросу, сводящееся к тому, что журналы прекращались именно в силу ис-

черпанности литературного материала, очень ограниченного в то время. Немалую роль в этом вопросе играло и состояние тогдашнего образованного общества. Контингент подписчиков и читателей был очень ограничен, притом не было тогда органической потребности нашего времени систематически читать и следить за каким-либо журналом. Во многих случаях журнал прельщал тогдашних читателей своей новизной, которая очень быстро испарялась. Об этом имеется несколько замечаний у самого Новикова. Любопытные результаты получаются при сравнении, например, „Живописца“ 1772 и 1773 г.г. Второй год по своему содержанию менее интересен в сравнении с первым. Заметна даже небрежность редактора в компановке журнала: в журнале 1773 года имеется дублированный текст, приведенный исключительно по небрежности редактора. Нужно заметить еще одну характерную черту, свойственную издателям того времени. Почти все журналы издавались в течение одного года. При продолжении — менялось название. Яркий пример тому — „Барышек Всякия Всячины“ Козицкого.

Посвящение изданий важным персонам было в то время в моде, которой следовал и Новиков. Это давало некоторую опору в политическом и материальном отношениях.

Начиная с 1776 года на титульных листах изданий Новикова значилось: „Издано Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Московском Университете“. В состав этого собрания Новиков входил с 1774 года. Зачисление Новикова в члены Собрания очень показательно для определения его общественного положения, так как в состав Собрания входили известнейшие ученые того времени.

Попытаемся подвести итоги деятельности Новикова за время 1766 по май 1779 года. Всего им за этот период издано 53 известных в настоящее время названия, которые печатались в типографиях Академии Наук, Кадетского Корпуса и вольной Вейтбрехта и Шнора. Все эти издания осуществлены им отчасти лично, за свой страх и риск, отчасти путем объединения вокруг этого дела общественных сил. Во второй половине 1772 года или в самом начале 1773 г. Новиков, совместно с К. В. Миллером, организует „Общество, старающееся о напечатании книг“, которое, начиная с 1773 года, в течение почти двух лет издало 18 названий. На заглавных листах изданий Общества помещалась гравированная Г. И. Саблиным виньетка с девизом: „Согласием и трудами“.

БЕВЕРЛЕЙ,
МѢЩАНСКАЯ
ТРАГЕДІЯ.
Съ Французскаго языка перевелъ
Г. ДМИТРЕВСКІЙ.

Соплаціемъ и трудами
1773 года.

Иждивеніемъ Общества старающагося о напечатаніи книгъ.

Цѣна 50 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1773 года.

Кроме этих 18 названий, Обществом были сданы в типографию Академии Наук еще 7 книг, которых оно потом не в силах было оплатить и за которые пришлось расплачиваться лично Новикову в 80-х годах. По этому поводу президент Российской Академии Наук, Е. Р. Дашкова, обращалась к московским властям, в целях побудить Новикова ускорить уплату долга за названные издания. Часть таких книг сдана была в академическую лавку для продажи, с целью покрытия долга. На некоторых книгах были перепечатаны титульные листы. Так было поступлено с Офицерскими Упражнениями в переводе Радищева, отпечатанными в 1773 году и пролежавшими до 1777 года, когда они были выпущены с перепечатанным

заглавным листом. Существуют экземпляры первой и второй частей этой книги, на которых означен не 1777, а 1773 год, с помещенною виньеткою Общества на заглавном листе.

Поучительные выводы получаются при сопоставлении изданий самого Новикова и Общества. Из 25 изданных Обществом названий — 23 переводных с французского, немецкого, латинского, греческого и др. В числе переводчиков были В. И. Майков, И. А. Дмитревский, А. Н. Радищев, А. Львов, Я. Б. Княжнин и др. Если не все, то значительное большинство упомянутых лиц входили в состав Общества. Все они, за исключением, кажется, Львова, входили также и в состав переводчиков знаменитого „Собрания старающегося о переводе иностранных книг", учрежденного Екатериною II в 1768 г. Кроме совпадения в составе, родственность и близость этих двух учреждений усматриваются и в названиях того и другого. Одно из них старалось о переводах, а другое—о напечатании. Таким образом устанавливается близкая связь Новикова с Собранием.

Душою Общества был Новиков. На нем и К. В. Миллере лежала вся практическая сторона деятельности Общества. Взгляд Новикова на задачи Общества развит им в „Живописце", в виде письма к издателю от некоего Любомудрова из Ярославля и в ответе на это письмо самого редактора. Более подробно об этом мы будем говорить в другом месте, когда коснемся вопроса о распространении книг и где мы отметим попытку Общества заняться таким распространением. Общество не располагало значительными средствами, а вести издательское дело без средств не представлялось возможным, в силу чего оно и распалось во второй год своего существования, то-есть в 1774 году. Первая попытка Новикова привлечь общественные силы и средства для развития книжного дела в России оказалась неудачной. Но эту идею он осуществил через десять лет, в более широком размере.

4.

Грандиозные планы Новикова в области книжного дела суждено было осуществить ему лишь в Москве в восьмидесятых годах. Знакомство Новикова с М. М. Херасковым и назначение последнего в 1778 году куратором Московского Университета сыграли в этом большую роль. Это знакомство

произошло на почве масонства, куда Новиков был принят в 1775 году. В 1778 году он получил предложение от Хераскова снять в аренду типографию Московского Университета, вместе с книжной лавкою и „Московскими Ведомостями". Ознакомившись с типографией, Новиков принял это предложение. Выработанные, совместно с директором Университета М. В. Приклонским, условия аренды утверждены уже в Петербурге И. И. Шуваловым, а в апреле 1779 года был заключен на типографию арендный договор на следующих условиях: а) Типография Университета поступала в аренду Новикову сроком на 10 лет, с 1 мая 1779 г. по 1 мая 1789 г., за ежегодную плату в 4.500 рублей; б) вместе с типографией в распоряжение Новикова поступали „Московские Ведомости" и книжная лавка; в) содержание типографии относилось за счет арендатора.

Таким образом осуществилась заветная мечта Новикова. Ему принадлежит очень большое по тому времени предприятие, хотя и сильно расстроенное. Являясь официально единоличным владельцем этого предприятия, Новиков привлекает к нему ближайших своих друзей. Достоверных сведений о составе этой первоначальной "компании" нет. Говорят об участии в ней Кутузова, Чулкова и Тургенева, которые вместе с ним переехали из Петербурга в Москву в конце апреля 1779 г. С этого времени начинается новый и самый блестящий период деятельности Новикова. Состояние московского общества как раз благоприятствовало его начинаниям.

Новиков поселился в том же доме, где была и типография — над Воскресенскими воротами. Типографию он нашел в запущенном виде, шрифтов было около 1.000 пудов, но они отличались однообразием и недостатками. Новиков с присущей ему энергией приступил к устранению недочетов. Внимание его было обращено на две стороны дела: коммерческую и техническую. Первая должна была дать ему средства на уплату довольно значительной аренды, на улучшение типографии и на издательскую деятельность. В смысле техническом ему пришлось выписывать некоторые предметы из за-границы, покупать на внутреннем рынке и вообще поставить дело с этой стороны в лучшие условия. Все это ему удалось осуществить почти в первый же год. В 1780 году его типография была одной из первых не только в России, но и в Европе, во всяком случае—лучшим типографским предприятием в России.

Уже в 1779 году Новиков выпустил из типографии 50 названий. В предыдущую свою двенадцатилетнюю деятельность Новиков выпустил всего 53—55 названий, включая сюда и издания организованного им Общества. Таким образом, в первые же восемь месяцев он, по количеству названий, почти сравнялся с петербургским периодом. Правда, по качеству и содержанию они далеко отстают от петербургских изданий. Заметно преобладание изданий драматических и беллетристических произведений и отсутствие научных изданий.

С мая 1779 г. по сентябрь 1780 г. Новиков продолжает издавать начатый им еще в 1777 г. журнал „Утренний Свет", ч. VI—IX, выполнив таким образом свои обязательства перед подписчиками. Кроме того, он переиздал в этом году ч. I—III этого журнала. Остальные части, IV—V, переизданы им в 1785 г.

В первый же год Новикову удалось улучшить содержание „Московских Ведомостей", сделать их интереснее и содержательнее. Тираж их увеличился с 600 до 4.000 экземпляров. С 1780 г. он стал прилагать к ним разные прибавления. Первым таким прибавлением был „Экономический Магазин", под редакцией А. Т. Болотова, два раза в неделю (1780—89 г.г. ч. I—XL). Затем следовали: „Городская и Деревенская Библиотека", 12 ч. (1782—86), „Прибавление к Московским Ведомостям" (1783—84), „Детское Чтение" (1785—89) под редакцией А. А. Петрова и Н. М. Карамзина, „Магазин Натуральной Истории", ч. I—X (1788—90), под редакцией А. А. Прокоповича-Антонского. К участию в „Ведомостях" и прибавлениях к ним Новиков привлекает учащуюся молодежь.

Как мы говорили выше, к 1780 году Новиков успел оборудовать университетскую типографию в лучшем виде. Всего им за этот год издано 71 название. По своему содержанию они выгодно отличаются от изданий 1779 г. Появляются учебные руководства: Азбука немецкая, Букварь для употребления российского юношества, Теоретическая и практическая геометрия—проф. Д. Аничкова, Французская грамматика, Начертание первых оснований немецкого слога—И. Е. Шварца, Правила пиитические и др. Издаются руководства прикладного и общеобразовательного характера: Истолкование Аглинских законов—Блекстона, Экономической календарь, Наставник земледельческий. Имеются издания для юношества и по вопросам воспитания, а также издания научного характера по

типу петербургских изданий: Исторические и топографические известия по древности о России — А. Засецкого, Опыт естественной истории—кн. Урусова, наконец, Опыт трудов Вольного Российского Собрания при Московском Университете, под редакцией А. А. Барсова. В этом же году издан Потерянный Рай Мильтона и начаты многотомные издания: Нового полного собрания российских песен, составленного М. Д. Чулковым, 6 ч., изд. 3-е дополненное (1780—81); Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, 10 ч. (1780—83).

В течение 1781 года издательская деятельность Новикова настолько расширилась, что к концу его число книг, отпечатанных в течение $2^1/_2$ лет, уже превышало общее количество, вышедшее из-под станков университетской типографии с 1756 по 1779 г., то-есть за 23 года. В этом году было издано 73 названия, из которых можно отметить следующие: Энциклопедия, или краткое очертание наук всех частей учености, перев. с нем. И. И. Шувалова, Золотые часы государей, ч. I, Сокращение всех наук и других частей учености — Сульцера, перев. И. Морозова, Азбука латинская, Французская грамматика с российским переводом, Новый лексикон на немецком, французском, латинском, итальянском и российском языках, Всеобщее повествование о путешествиях, Новый Робинзон Крузе, Краткое руководство к географии, Бабушкины сказки и другие. В этом же году начаты новые многотомные издания: Историческое описание российской коммерции, Ботанический подробный словарь, Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова, редакция Н. Новикова.

Переводами книг для новиковских изданий занимались в это время питомцы Университета Михонин, Рыкачев, Попов, Степанов, Давыдовский, Петров и Малиновский. Они же принимали участие и в „Московских Ведомостях“.

Из периодических изданий отметим: „Московское Ежемесячное Издание“, служащее продолжением „Утреннего Света“ и издававшееся в пользу тех же училищ, Екатерининского и Александровского. В начале года Шварц издавал Московскую немецкую газету, предназначенную преимущественно для распространения мыслей его о просвещении.

В течение 1782 года Новиковым издано два периодических издания: журнал „Вечерняя Заря“, являющийся продолжением „Утреннего Света“ и „Московского Ежемесячного Издания“ и

имевший то же направление. Изданием журнала заведывали студенты, преимущественно питомцы организовывавшегося в то время Дружеского Общества: М. И. Антоновский, Л. М. Максимович, Л. Я. Давидовский, П. П. Брауншвейг, А. В. Могилянский, И. А. Фабиан, Ф. Л. Тимановић, А. Ф. Лабзин, П. А. Пельский. Выручка от продажи журнала обращалась попрежнему в пользу училищ. Затем издана „Городская и деревенская библиотека или забавы и удовольствия для разума и сердца", 12 ч. (1782 — 86), имевшая целью „доставить публике полезное и приятное чтение разных статей".

Из числа книг, напечатанных в этом году, можно отметить: Азбука французская, Краткая немецкая грамматика, Краткое описание образа жизни, нравов и обрядов у разных народов, Краткие правила российской грамматики, Рассуждение об истинном человеческом благе, Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми — Руссо, Христианская философия или Руководство к небесам. В этом же году начаты два многотомные издания: второе изд. Древней Российской Вивлиофики — изданы 2 ч., и История о странствиях вообще по всем краям земного круга, соч. Прево, в 22 ч. (1782—87), переведенная М. И. Веревкиным, задолжавшим Новикову 2.000 рублей, взятых у него вперед за его переводы, и потом причинившим ему много неприятностей.

Всего в 1782 г. Новиковым издано 63 названия, печатавшихся в университетской типографии. На титульных листах многих изданий этого года появляется следующее обозначение: „Иждивением Н. Новикова и Компании". Изданий этого года с таким обозначением в настоящее время известно 31. Остальные издания этого года, в количестве 32, следовательно, нужно отнести к изданиям самого Новикова. Сопоставление этих двух групп изданий дает очень немногое. С одной стороны, обращает внимание то, что на некоторых изданиях, как Древняя Российская Вивлиофика, журнал „Вечерняя Заря" — то-есть, на изданиях, связанных с первым периодом деятельности Новикова, мы не видим типографского знака Дружеского Общества. С другой — предметная перемешанность остальных изданий говорит за полную объединенность деятельности Новикова и этого Общества.

5.

В конце 1779 г. Новиков знакомится с профессором Московского Университета, немцем по происхождению, И. Е. Шварцем, с которым они вскоре не только подружились, но и объединились для достижения общих целей на почве просветительной работы. Шварц принимал деятельное участие в издательских делах Новикова; давал ему советы, указывал книги для издания, знакомил с ним переводчиков, исправлял труды и, наконец, организовывал вокруг новиковской издательской деятельности ряд вспомогательных учреждений. 13 ноября 1779 года им была организована при Университете Учительская или Педагогическая Семинария. Н. А. Демидов пожертвовал для этой цели особый капитал, на проценты с которого могли получать учительское образование 6 студентов Университета. Сам Шварц принес в дар 5.000 р. от себя и некоторые пособия книгами. Пожертвования были сделаны и другими лицами: Новиковым, Херасковым, Трубецкими, Черкасскими.

В 1779—80 годах появляется идея организации для „распространения истинного просвещения в России". Постепенно эта идея приобретает реальный характер. Возникает мысль о создании общества с целью издания полезных книг, предоставления молодым людям возможности оканчивать высшие учебные заведения в России и отправления их для серьезного образования за-границу.

Кто был инициатором этой мысли—Новиков, Шварц—нам теперь трудно разобрать. Важно то, что оба они были единомышленниками в этом вопросе. Вокруг этой задачи стали группироваться московские культурные силы. Уже в конце 1779 г. Новиков и члены его кружка вошли в сношения с епархиальными властями по поводу содержания на счет организуемого Общества студентов Университета, присылаемых из семинарий. Первым таким пенсионером был М. И. Невзоров, присланный за отличие Рязанской семинарией и поступивший на юридический факультет. Все это вело к тому, чтобы поставить новиковскую издательскую деятельность на общественных началах. В 1781 г. к этому делу привлекается богач П. А. Татищев, в следующем году в кружок вступает И. В. Лопухин, выделившийся потом своей активной деятельностью по издательству.

13 марта 1781 г. открывается организованное по инициативе Шварца „Собрание университетских питомцев". Это была первая в России организация учащейся молодежи. Собрание ставило целью: образование ума и вкуса членов, собиравшихся для чтения и обсуждения своих литературных опытов, нравственное совершенствование и упражнение в человеколюбивых подвигах. Намечалось издание трудов членов кружка. Председателем Собрания был Антоновский, членами Голенкин, Ляпин, Поспелов, Оболенский, Спешницкий, Неелов, Атонович, Трипольский, П. Тургенев, Багрянский, Ф. П. Ключарев, М. Гаврилов. Наконец, 13 июня 1782 г., на пожертвованный П. А. Татищевым капитал образуется третья организация вокруг новиковского кружка: Переводческая Семинария.

Все эти организации были тесно связаны с деятельностью Новикова и его кружка. Они были поставщиками многочисленных сотрудников по издательству; через них новиковский кружок завязывал связи с провинцией; они же дают ему стимул и для объединения на почве просветительной и издательской деятельности московского общества.

26 июня 1781 года И. Е. Шварц выехал из Москвы в Петербург, а потом и за-границу по масонским делам, где он пробыл до середины 1782 г. Кроме чисто масонских задач, Шварц изучил постановку за-границей учебного и печатного дела, установил правильные сношения между Новиковым и заграничными книгопродавцами, а в просветительных целях старался установить связь с учеными, например, Саккеном, Гиреном, Бюшингом, Бернулли, Иерузалемом и др.

С большими надеждами, новыми просветительными и учебными планами, крупными связями с учеными кругами и книготорговческими предприятиями возвращался Шварц в Россию, где его ждало много огорчений, разочарований и неприятностей. В Университете образовалась группа лиц, во главе с куратором Мелиссино, недовольных Шварцем. Поданное им в силу этих недовольств прошение об отставке не было принято. Ссылаясь на плохое состояние здоровья, Шварц отказался от жалованья и от регулярного чтения лекций, а в конце 1782 г. окончательно вышел в отставку, отдавшись всецело просветительной деятельности. В это время Шварц с своею семьею помещался в доме у Меньшиковой башни, купленном на его имя за счет Общества. Там же помещались и пенсионеры Дружеского Общества.

Успеху издательской и просветительной деятельности способствовали внешние обстоятельства. Вместо умершего в первой половине 1782 года В. М. Долгорукого-Крымского, московским главнокомандующим назначен фельдмаршал З. Г. Чернышев, принадлежавший к масонам около 40 лет. Адъютантами его состояли близкие к масонам люди: И. П. Тургенев и Н. И. Ртищев, а правителем канцелярии был ревностный масон С. И. Гамалея.

При таких условиях общественная и издательская деятельность Новикова и Шварца могла принять более широкие размеры. Для этого требовалось более планомерно объединить вокруг издательского дела Новикова общественные силы и средства. В октябре этого года было получено разрешение Чернышева и согласие архиепископа Платона на открытие в Москве Дружеского Ученого Общества. Торжественное открытие Общества состоялось 6 ноября 1782 года в доме Татищева, у Красных Ворот, в присутствии Чернышева, с произнесением речей профессорами Ф. Г. Баузе и Я. Шнейдером и с прочтением П. И. Страховым рассуждения о пользе и силе учения, а Ф. П. Ключаревым оды. Два питомца Общества читали: один—благодарственную речь, а другой—стихи. В заключение председатель Общества, И. Е. Шварц, произнес благодарственное слово Чернышеву.

Приглашение на открытие Общества было напечатано на русском и латинском языках и разослано большому числу лиц, „любителям наук", не только в пределах России, но и за-границей. Как это видно из приглашения, цель Общества составляли: печатание учебных книг и заботы о распространении познаний, которые у нас мало изучаются—латинского и греческого языков, древностей, химии и исследования свойств вещей в природе—и содержание в Переводческой Семинарии 35 юношей, из которых 21 поступили уже на иждивение Общества.

Кроме Новикова и Шварца, основателями Общества были: М. М. Херасков, П. А. Татищев, В. В. Чулков, И. П. Тургенев, двое Трубецких, А. А. Черкасский, А. М. Кутузов и А. И. Новиков. Всех членов Общества было свыше 50 человек, большею частью принадлежавших к масонам.

Мы уже говорили, что одной из задач Дружеского Общества была издательская деятельность, которая осуществлялась им задолго до официального открытия. Начиная с 1782 года

на заглавных листах части книг, печатаемых в университетской типографии, значилось: „Иждивением Н. Новикова и Компании". Сведения о количестве таких изданий приводятся в заключительной части нашего очерка.

Собрав вокруг себя почти все культурные силы Москвы и завязав книготорговые связи с провинцией, Петербургом и за границей, новиковский кружок во второй половине 1784 г. приступил к завершению своей организации, преобразовав Дружеское Общество в Типографическую Компанию.

6.

В 1782 году в Москве началось административное преобразование по Положению о губерниях 1775 года. Дом, где помещалась университетская типография, был взят для размещения в нем вновь образованных губернских учреждений. В силу этого Новикову пришлось искать для университетской типографии помещение. Заняв у И. В. Лопухина деньги, Новиков купил на свое имя дом у Никольских ворот, выходивший на Большую и Малую Лубянские площади. В этот дом он перевел университетскую типографию, поместился в нем со своею семьею и организовал потом книжный магазин и лавку.

В 1783 году из университетской типографии было выпущено 78 названий. Из периодических изданий в этом году издано „Прибавление к Московским Ведомостям". Из остальных изданий можно отметить: издания учебно-педагогического характера—Азбука греческая, в пользу российского юношества, Азбука италианскся, Лексикон простого греческого языка; многотомные издания: Агатон, или картина философическая нравов и обычаев греческих — 4 ч.; Новые Путешествия в Западную Индию — 2 ч.; научные и научно-исторические: Блаженного Августина, История о Аглинской торговле, О высочайших пришествиях Государя Петра Алексеевича, Описание нравов и употреблений древних народов. Наконец, к изданиям этого года относятся: Карманная книжка для В... К..., привлекшая особенное внимание масонов; Иоанна Масона Познание самого себя—3 ч. и Собрание российских песен, М. Д. Чулкова, 4-ое изд.—4 ч.

В 1784 году из типографии выпущено 48 названий. Новое периодическое издание было одно: „Покоящийся Трудолюбец",

служащий продолжением „Вечерней Зари“,—4 ч.; последние две части изданы в 1785 г. Из числа изданий учебного характера отметим: Латинский букварь и Краткие правила российской грамматики. Из научно-исторических изданий: О старинных степенях чинов в России—М. М. Щербатова и Краткое понятие о сенате древних Римлян. Многотомных изданий в этом году было мало. Заслуживают быть отмеченными следующие издания: Христианский календарь на лето... 1784, Новый Лексикон или Словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках, 1784—87 г. г., Сокращение стихотворческой истории, или Введение в мифологию и Сатирические и философические сочинения Вольтера.

За 1785 год в типографии отпечатано только 19 названий. Новым периодическим изданием было „Детское чтение для сердца и разума“, 20 ч. (1785—89). Из научно-исторических изданий: История о невинном заточении ближнего боярина Матвеева, 2-е изд. и Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великого князя Рюрика — М. М. Щербатова. Многотомное издание: Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах — М. Чулкова (1785 — 88) в 7 ч. и 21 книге. Первые три книги были напечатаны в типографии Академии Наук, в продолжение 1781—85 г.г.—почти пять лет. Остальные 18 книг, каждая объемом от 600 до 900 страниц (размер 4^0), изданы Новиковым в $3^1/_2$ года. Отметим еще издания: Велизер, соч. Мармонтеля, Владимир Возрожденный—М. Хераскова и Новая Киропедия.

За 1786 год в типографии напечатано 23 названия. Из периодических вышло 2-е издание „Экономического Магазина“, части I—VIII (1786—88). Затем назовем издания: Эпические творения, М. Хераскова, 2 ч. (1786—87), Иоанна Масона Познание самого себя, 2-ое издание, и Книга премудрости и добродетели. Из научно-исторических изданий: Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и пр. китайцев, перев. М. Веревкина (1786 — 88) и Судебник государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича—собр. В. Н. Татищевым. В этом году в университетской типографии было напечатано десять произведений А. П. Сумарокова: „Вздорщица“, „Лихоимец“, „Мать совместница дочери“, „Нарцисс“, „Опекун“, „Рогоносец“, „Тресотиниус“, „Три брата совместника“, „Чудовищи“ и „Ядовитый“, вышедшие 2-м, 3-м и 4-м изданиями.

Эта серия отдельных произведений одного автора очень показательна для издательской деятельности Новикова. В этом, несомненно, сказывается внимание к интересам читателей.

За 1787 год типография напечатала 31 название. Из них несколько изданий учебного характера: Новая азбука, Детская логика и др. К научно-историческим отнесем: Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, в 2 ч. В конце ч. II напечатана Роспись книгам, продающимся в университетской книжной лавке. Затем Журнал путешествия Екатерины II, Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми писателями. Отметим еще следующие издания: Фигарова женитьба—Бомарше, Рассуждение о ироической поэме и превосходстве стихотворения Телемака, Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова, 2-е изд., и Распускающийся цветок, или собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами Вольного Благородного Пансиона, под редакцией В. С. Подшивалова и М. М. Снегирева.

В 1788 году печатание в типографии увеличилось в $2^1/_2$ раза: выпущено 70 названий. Многотомных: Деяния Петра Великого — И. Голикова, 12 ч. (1788—89), Новый и полный географический словарь российского государства — Л. Максимовича, 6 ч. (1788—89) и Магазин натуральной истории, физики и химии, 7 ч., под редакцией Прокоповича-Антонского. Несколько издано учебников: Азбука греческая, Новая латинская азбука, Новая азбука французская и т. д. Из научно-исторических изданы: История о знатнейших европейских государствах, Критическая история философии—Иакова Брукера, Обычаи достопамятных народов, Топографическое описание города Казани, Словарь юридической, или свод российских узаконений. Отметим еще также издания: „Лекарь по неволе“, „Мещанин во дворянстве“, „Сицилианец“—Мольера и „Эмилия Галотти“—Лессинга.

Наступил 1789 год. 1 мая этого года истекал срок аренды. С 1 января по 30 апреля в типографии отпечатано 32 издания. Для 4 месяцев количество очень внушительное. Из многотомных изданий отметим: Хозяин и хозяйка, или должности господина и госпожи во всех видах, всех частях, до домоводства относящихся, 16 ч. Из изданий научного и научно-исторического характера: Общенародная логика, или исследование науки умственной, Христиана Баумейстера Метафизика, Начертание полной купеческой системы, Письмо кн. Щербатова, и др.

Всего за десятилетний период Новиков напечатал в типографии университета 558 названий, выпуская в среднем по 56 названий в год. С 1 мая 1789 года типография Московского Университета и издание Московских Ведомостей сданы были на торгах Слепушкину, который в декабре того же года передал аренду В. Н. Окорокову. Хорошо оборудовав в течение десяти лет типографию университета и сделав из нее первоклассное предприятие, Новиков, естественно, заинтересован был в продолжении аренды на новый срок, но этому не суждено было сбыться: указом от 17 октября 1788 г. на имя Еропкина, Екатерина II распорядилась, „чтоб университетская типография, по истечении срока, на содержание поручику Новикову не была отдана".

7.

К началу 1783 года в России насчитывалось не больше 15—16 типографий. Большая часть их находилась в Петербурге: 1) Академии Наук, 2) Сенатская, 3) Артиллерийского корпуса, 4) Адмиралтейского, 5) Кадетского корпуса, 6) Синодальная, 7) Военной Коллегии, 8) Горного корпуса, 9) Гартунга и 10) Вейтбрехта и Шнора. Последние две—на основании особых привилегий сената. В Москве же было только две типографии: Московского Университета и Сенатская.

15 января 1783 года издается знаменитый указ о вольных типографиях. В силу этого указа, всякий имел право заводить типографию и печатать в них книги лишь под общим надзором полицейской цензуры. На основании этого акта, имевшего важное влияние на развитие культуры и просвещения, стали открываться частные типографии, как то в Москве: Пономарева, Рассказова, Клаудия, Гиппиуса, Мейера, Селивановского; в Петербурге—Шнора, Генинга, Овчинникова, Галченкова и др.

Этим указом воспользовался и новиковскй кружок. В доме Шварца на имя Лопухина была организована вольная типография, которая в этом же году напечатала два издания: Колыбель камня мудрых и Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть. Типография просуществовала с 1783 по 1786 г. включительно. Ею новиковский кружок пользовался для печатания книг мистического содержания, главным образом—масонских.

К тому же времени относится организация в доме Шварца и тайной типографии, которая предназначалась для печатания исключительно масонских книг для своих членов. Помещение этой типографии было изолировано от Лопухинской. Рабочие были приглашены из немцев. Заведывал и распоряжался ею Новиков, как общий администратор, но не менее близкое участие в ней принимал И. В. Лопухин. Она была уничтожена, вернее, присоединена к Компанейской типографии перед обысками и осмотрами, которые происходили в Москве по предписанию Екатерины II в 1786 г.

За $3^1/_2$ года своего существования типография Лопухина напечатала 50 названий, известных в настоящее время. Считаем нужным оговориться, что начиная с 1783 года и по 1786 год усиленно стали появляться книги без означения типографии. Эти издания можно отнести или к тайной типографии, или же к типографии Лопухина. Часть этих изданий несомненно напечатана в типографии Лопухина, в силу чего общее количество напечатанных в типографии изданий должно быть увеличено. О двух названиях 1783 года мы уже говорили. В 1784 году напечатано 25 названий. Отметим названия, чуждые общему духу Лопухинских изданий: Письмо об открытии Ригской губернии по высочайшим учреждениям, Торжество Севских муз и Первобытный мореплаватель, поэма. Из остальных изданий назовем: Рассуждение о безбожии—Феофана Прокоповича, Избранная библиотека для христианского чтения, 4 ч. Апология, или защищение ордена Вольных Каменьщиков, Естественная богословия, Крата Репоа, или посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов, Новое начертание истиныя теологии, Духовный Путеуказатель, наконец, Магазин Свободно-Каменьщической.

В 1785 году типография выпустила 21 название, среди них мы отмечаем: Истина религии вообще, Древняя и новая история от начала мира до настоящего времени, Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, Драгоценная книжка о внутренней духовной гордости. Особенно выделяем знаменитую книгу Сен-Мартена: О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода к всеобщему началу знания... Эта книга вызвала появление в печати возражения, под названием: Исследование книги о заблуждениях и истинне. Сочинено особливым обществом одного губернского города. В Туле 1790. Предполагали, что это возражение сделано

МАГАЗИНЪ
СВОБОДНО-КАМЕНЬЩИЧЕСКОЙ,
СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ:
Рѣчи, говоренныя вЪ собраніяхЪ; пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія, стихами и прозою;
ВЪ 7 томахЪ, а каждый томЪ
вЪ 3 частяхЪ состоящій.
ТомЪ I. Часть I.
МОСКВА,
ВЪ Типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія,
1784.

по предложению правительства. В настоящее время выяснено, что автором возражения является П. С. Бутурин и что книга действительно напечатана в Туле.

В 1786 году в типографии напечатано всего два названия: Шести-дневных дел сего мира тайное значение, открытое в зерцале предревней Моисейской философии и Надежное добро.

Таким образом типография Лопухина просуществовала с 1783 по 1786 г. Она находилась в распоряжении общего руководителя дела, Новикова, и обслуживала нужды исключительно масонской розенкрейцерской организации. Очевидно, что и материальная сторона этих изданий лежала на этой организации, вернее на членах ее. Ввиду неясности и неоформленности отношений членов друг к другу, происходили зачастую трения и неудовольствия. Расплачиваться за эти невязки приходилось Новикову, как руководителю всего дела.

Малое количество книг, отпечатанных в типографии за 1786 г. можно объяснить тем, что в этом году начала действовать большая типография Компании Типографической и последней нужно было типографское оборудование, которое в то время очень было трудно достать в короткий срок. Кроме того, Новиков в это время помогал Г. Р. Державину организовывать типографию в Тамбове. Составив ему на оборудование типографии смету в сумме 2.010 р., он в начале 1787 года выслал в Тамбов все нужные для открытия типографии предметы. Не типография ли Лопухина, или часть ее, была направлена Новиковым в Тамбов?

8.

Со смертию Шварца (17 февраля 1784) и с развитием деятельности Дружеского Общества, перед Новиковым и его друзьями стал вопрос об организации издательского и типографского дела на более точных и устойчивых основаниях. Необходимо было на тех же основаниях увеличить и основной капитал издательского предприятия, обеспечив интересы и членов и предприятия формальными обязательствами. Указ от 15 января 1783 г. давал в этом отношении возможность реализовать эту мысль в полной мере. Решено было заключить между несколькими лицами формальный договор, по которому пайщики вносят обусловленные суммы в общую кассу товарищества и, кроме того, устанавливаются общие правила для управления всеми предприятиями.

На таких основаниях и учредилась в Москве 1 сентября 1784 г. Компания Типографическая. В состав компании вошли следующие пайщики: 1) Н. И. Новиков, 2) В. В. Чулков, 3) А. Ф. Ладыженский, 4) А. А. Черкасский, 5) А. И. Новиков, 6) И. В. Лопухин, 7) И. П. Тургенев, 8) А. М. Кутузов,

9) Н. Н. Трубецкой, 10) Ю. Н. Трубецкой, 11) С. И. Гамалея, 12) П. Енгалычев, 13) Г. Я. Шредер и 14) П. В. Лопухин. Лопухины внесли вместе 20.000 р., Трубецкие—10.000 р., Черкасский—6.000 р., Тургенев, Чулков и Ладыженский—каждый по 5.000 р., Шредер—3.500 р., Кутузов—3.000 р., итого 57.500 р. Братья Новиковы вместо денег передали Компании книг на 80.000 р. по оценке 25 к. за рубль. Гамалея и Енгалычев вступили без взноса. Управление делами Компании было поручено Новикову, Гамалее, Лопухину, Кутузову, Шредеру и Трубецким.

Со времени организации Компании, деятельность Дружеского Общества стала угасать, а затем оно прекратило свое существование без какого-либо постановления. Принадлежавшие Обществу имущества: дом на имя Шварца, книги, типографское имущество и др.—целиком поступили Компании. Также перешли потом: дом Новикова, сделки членов по переводам и обязательствам. Таким образом было образовано большое печатно-издательское предприятие с чрезвычайно, по тому времени, обширными средствами, превышавшими миллион рублей на наши деньги в золотой валюте. Главным распорядителем этого, невиданного дотоле в России предприятия, был все тот же Новиков, который пользовался большим авторитетом и по личному характеру и по опытности в издательском и книгопродавческом деле. Средства Компании продолжали возрастать и после заключения компанейского договора, но это увеличение происходило без соблюдения формальностей, в силу чего впоследствии было трудно установить взаимные расчеты и членов между собою и Компании с членами.

Первой задачей Компании было организовать новую типографию, которая на первое время была помещена в доме Новикова, у Никольских ворот; в ней было 20 станов. Нам думается, что такою обширною типография стала только после перевода ее в дом Компании на Садовой улице.

М. Н. Лонгинов указывает, что вышедшие из этой типографии книги говорят за начало деятельности ее уже в 1784 году. С этим приходится не соглашаться. Книги с обозначением Компанейской типографии появились только в 1785 году и то всего три названия: Начальные основания деятельности Христианства, Истинные правила христианского воспитания детей и Церковная история Евсевия Памфила. Последнюю книгу, хотя на ней означен 1786 год, относим к 1785, потому,

что она значится в Реестре Тейльса, составленном не позднее декабря 1785 г. Следовательно, обычай ставить на выходящих в конце года книгах следующий год применялся Новиковым и в то время.

Значительное количество изданий Типографической Компании, печатавшихся в 1785 г. в Университетской и Лопухинской типографиях, говорят именно за то, что в этом году Компанейская типография только что организовывалась.

Член компании Шредер, в ожидании получения наследства, купил на свое имя в Москве дом на Садовой улице, близ Сухаревой башни, бывший Гендрикова, ныне Спасские казармы. Когда ремонтные работы, начатые в его отсутствие, подходили уже к концу, Шредер уведомил Трубецкого, что наследства он не получает, а потому просил как можно скорее продать купленный им дом. По предложению Трубецкого и Новикова Типографическая Компания оставила этот дом за собою.

Дом был немедленно приспособлен для нужд Компании. Туда была переведена из дома Новикова типография, которая была потом значительно расширена и доведена до 20 печатных машин. Туда же были переведены и все учреждения Компании, а также переехали на жительство некоторые члены ее, проживавшие в доме Новикова—А. И. Новиков, семья покойного Шварца и др. В нем же была организована бесплатная для бедных аптека.

Таким образом, с конца 1785 года Типографическая Компания стала печатать свои издания в своей типографии. На изданиях ее печаталось: „Иждивением Типографической Компании", а затем следовало указание на типографию.

Уже в 1786 году типография выпустила 39 названий. Наиболее важные из них: Теоретическая и практическая арифметика, Экономический календарь, Избранные сочинения блаженного Августина, Сочинения Иоанна Бюниана, 4 ч., Собранные полезные цветы и др. Издано несколько отдельных произведений А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова.

В 1787 году деятельность Компанейской типографии достигла своего зенита. Всего за этот год из-под ее станков выпущено 102 названия. По характеру эти издания мало чем отличаются от изданий предшествующего года. Правда, в этом году уже не существовала Лопухинская типография, и все издания мистико-религиозного характера стали печататься, главным обра-

КАРТИНА

ЦЕБЕСОВА.

Переводъ съ древней Греческой рукописи на Нѣмецкой, а съ онаго на Россійской языкъ.

Иждивеніемъ Типографической Компаніи.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической,
съ указнаго дозволенія,
1786.

зом, в Компанейской. Назовем некоторые издания: Беседы с богом, издание периодическое, в 4 ч., Авла Геллия Афинских ночей записки, 2 ч., Исследование философических и нравственных проповедей, Известие о заводах коровьих в герцогстве Шлезвиг-Голштинском, Российская История — Левека, Военная наука, Открытие Америки, 3 ч., Словарь коммерческий, 7 ч. (1787 — 92), Собрание 4.291 древних российских пословиц, 3-е изд., Собрание лучших сочинений, 4 ч.,

Вечерние часы, или древние сказки славян древлянских, 6 ч. (1787—88) и т. д. Кроме того издан ряд учебных пособий и беллетристических произведений.

В 1788 году деятельность типографии по количеству выпущенных названий менее интенсивна, в сравнении с прошлым годом, но, вообще говоря, отпечатанное количество названий довольно внушительно — 85. В этом году новиковский кружок выпустил 155 названий — самая крупная цифра за весь период деятельности Новикова. Кроме изданий учебного порядка, сочинений Мольера, Лессинга и других драматургов и беллетристов, назовем следующие издания: Древняя Российская Вивлиофика, 2-е изд., 20 ч. (1788—91), Нравоучительные басни В. Майкова, 2 ч., История о завоевании Китая манжурскими татарами, История о правлении древних республик, История императора Петра Великого — М. Щербатова, 2-е изд., Летопись о многих мятежах и о разорении Московского Государства—М. Щербатова, Критика одного француза на нравы своих одноземцев, Краткое описание жизни древних философов, Нравоучительная философия и др. Многие издания 1787 г. переизданы в этом году.

В 1789 г. деятельность типографии резко падает: всего выпущено 12 названий. Правда, в это количество не входят многотомные издания, которые были начаты в предшествующие годы и продолжались в этом году, а это был очень внушительный материал. Назовем несколько новых изданий этого года: Достопамятности французских и испанских королей, Дух Генриха IV, Краткое описание Швейцарии, Новые немецкие и российские разговоры. Как видно из только что перечисленных названий, издания этого года резко отличаются от прежних лет и по своему содержанию.

В 1790 г. издано 16 названий. Несмотря на некоторое превышение, все-таки приходится признать упадок деятельности, если мы примем во внимание, что у новиковского кружка к этому времени осталась только одна эта типография. Это подтверждается и падением деятельности в последующие годы: в 1791 г.—7 названий, в 1792—3 названия. Из числа 26 названий трех последних лет назовем: Исследование причин, по которым дети умирают, О достопамятнейших изобретениях художеств и наук, Краткое историческое описание Святотроицкия Сергиевы Лавры и др. Имеются переизданные

книги прошлых лет. Таким образом за восемь лет в типографии напечатано 267 названий.

Формально деятельность Компании Типографической была прекращена еще в 1791 г. Акт об уничтожении Компании был подписан в ноябре месяце одиннадцатью членами: Чулковым, Черкасским, Лопухиным, Тургеневым, Гамалеей, двумя Ладыженскими, двумя Трубецкими и двумя Новиковыми. По этому акту все имущество Компании поступило „бесповоротно" Н. И. Новикову, от которого члены Компании получили „за все оное, по условию, платеж и удовлетворение". Имущество это состояло из: а) дома у Никольских ворот; б) книг, напечатанных в типографиях Новикова, Лопухина и Компанейской; в) типографии со всеми принадлежностями к ней, материалами и инструментами и г) Спасской аптеки с товарами. Дом на Садовой улице, где помещалась типография (б. Гендрикова), не был в акте упомянут. Между прочим, в описи, составленной по поручению опеки над имуществом Новикова в 1795 году, значится, что при типографии имелась и словолитня, факт очень значительный и до сих пор мало исследованный. Выходит, что предприятие Новикова содержало в себе не только четыре, отмеченные нами ниже, момента книгопроизводства: написание, издательство, печатание и распространение, но им было организовано и изготовление оборудования типографского дела—словолитня.

В акте об уничтожении Компании сказано, что она уничтожается „по причине настоящих наших экономических обстоятельств", что очень важно заметить для вывода о причинах прекращения деятельности Компании. Разумеется, имелись причины и политического характера.

Следовательно, хотя на книгах, выходивших с ноября 1791 г. по апрель 1792 г., и указывалось, что они печатались в типографии Компании, фактически и юридически эта типография принадлежала Новикову, и он пользовался только фирмою Компании. Следует отметить один факт, очень важный для дальнейших наших выводов. В акте об уничтожении Компании нет никаких указаний на существование каких-либо долгов со стороны уничтожавшегося товарищества. Правда, в акте имеется одна фраза, которая может дать повод к тому или иному выводу. Во втором пункте говорится: „От ныне же никаких между нами по делам бывшей Компании обязательств... равно и долгов кому-либо, за которые все

составлявшие Компанию члены должны были ответствовать, более не существует".

В заключение остановимся на изданиях, печатанных тайно, без указания типографии, а во многих случаях—места и времени. Таких изданий В. П. Семенников в своей работе считает 15. Кроме того, около 25 названий им отнесено к сомнительным, так как напечатание их новиковским кружком ничем не доказано. Первую группу можно бесспорно отнести к новиковским изданиям. Большую часть изданий и второй группы можно приписать этому кружку, но для этого необходимо произвести над ними очень большую работу.

9.

Вопрос о распространении книг волновал Новикова и его друзей не одно десятилетие. Он возник у них по самым прозаическим основаниям. Большая часть напечатанных в конце 60-х и в начале 70-х годов изданий лежала либо в типографии, либо в складах. Затраченный на издания капитал не возвращался, следовательно, тем самым отрезывался путь для продолжения издательского дела. И это немудрено: главными потребителями книги были Петербург и Москва; провинция была почти отрезана от центров, между тем эти последние не могли поглощать всего количества выпускавшихся тогда книг.

С экономическо-организационной точки зрения книга в своем движении содержит четыре момента: написание, издание или печатание, распространение и потребление. Последние два момента всегда смешивают, что совершенно неправильно. Потребность может быть налицо, но нет достаточно налаженного аппарата по распространению потребляемых вещей. И, наоборот. Наблюдающееся несоответствие первого порядка рано или поздно будет устранено, но при слабо развитой денежности народного хозяйства это несоответствие будет довольно устойчивым. Состояние народного хозяйства России конца XVIII столетия это несоответствие делало устойчивым.

Учрежденные в 60-х и 70-х годах организации, старающиеся о переводе и напечатании книг, выполняли первые две задачи: написание и печатание. Имелся, несомненно, и потребитель книги, но он, кроме центров, был удален от нее. Заметив столь трагическое для издательского дела положение, Новиков и его друзья тогда же были озабочены этим вопро-

сом. Во второй части „Живописца“, в ответ на там же помещенное письмо некоего Любомудрова, Новиков писал, что „торговля книгами по существу своему весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие, и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доныне. Но по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранительницы, и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но позвольте сказать, петербургские и московские жители много имеют увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг... Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга через трое или четверо рук дойдет, например, в малую Россию; всякой накладывает неумеренной барыш, для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; и так, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубля, а иногда и больше: чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходится меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, часто терпят убыток“.

Таким образом ставится определенная задача для только что сорганизованного общества: надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг.

С первого же года своей издательской деятельности Новиков, как чрезвычайно практический человек, предвидел настоящие трудности по сбыту издаваемых книг, в силу чего он тогда же установил связь с петербургскими книгопродавцами, комиссионерами и переплетчиками. В первый же год своей издательской деятельности он издает Реестр книг, продаваемых в лавке книгопродавца К. В. Миллера, который потом был ближайшим его сотрудником. Учрежденное Новиковым и Миллером в семидесятых годах Общество пыталось реализовать поставленные им задачи распространения книг. Оно вошло в соглашение с Академией Наук и получило ее издания по себестоимости для распространения. Во второй половине семидесятых годов Новиков пытается установить связь с по-

требителем чрез открывавшиеся тогда в столицах и провинции училища.

Переехав в Москву и развернув книгоиздательское дело в обширных размерах, Новиков чрезвычайно был озабочен вопросом о распространении печатаемого им материала. С этой целью он сохранил в полной мере те связи с посредниками и потребителем, которые были у него до переезда в Москву. Для распространения книг в его распоряжении была университетская книжная лавка, находившаяся на Моховой улице. При этой лавке он открывает в 1780 г. бесплатную публичную библиотеку-читальню, первую в Москве, что также служило распространению книг среди людей с ограниченными средствами. Начиная с 1780 г. он ежегодно печатает ввиде приложений к разным изданиям росписи книгам, продаваемым в его университетской лавке. Являясь предшественницами работ Сопикова и Смирдина, эти росписи имели большое библиографическое значение, в силу чего мы можем отнести Новикова к числу родоначальников русской библиографии.

Затем Новиков входит в соглашение с московскими и петербургскими книгопродавцами о льготных условиях покупки у него книг. Он делает им значительные уступки в цене, от 20 до 30 процентов, а уплату следуемой за книги суммы рассрочивает до одного года. В Москве он открывает несколько книжных лавок, в том числе в своем доме у Никольских ворот, на Спасском мосту и в других местах. Своим примером и активным содействием Новиков помогает возникновению новых. В 1775 г. в Москве было две крупные книжные лавки, которые продавали книг на сумму не свыше 10.000 рублей в год, а через несколько лет обороты одного Новикова далеко превосходили эту сумму.

Вслед за Новиковым, Академия Наук в восьмидесятых годах тоже стала отпускать книги в кредит московским книгопродавцам.

Пример Новикова вызвал сильное оживление книжной торговли в России; в особенности это сказалось в Москве, в которой число книжных лавок увеличилось с 2 до 22 в 1792 г. В восьмидесятых и начале девяностых годов книжная торговля в Москве была сосредоточена в следующих книжных лавках: Университетской, Академии Наук, Н. Н. Кольчугина, С. Н. Кольчугина, Т. Полежаева, И. Переплетчикова, П. Заикина, Тараканова, Матушкина, Сверчкова, Романчикова, Телепнева, Анохова,

И. Козырева, С. Иванова, В. Глазунова, М. Глазунова, И. Луковникова, П. Вавилова. Кроме того, книги продавались у переплетчиков: Н. Водопьянова и др. Многие из указанных лиц имели по нескольку лавок. У Новикова был „книжный магазин и л а в к и", как показывал в 1792 г. его приказчик Никита Кольчугин.

Главным книготорговым центром в Москве было место у Спасского моста, против Спасских ворот, где издавна продавались книги и лубочные картины и где известный букинист Игнатий Ферапонтов, предок книгопродавцев и издателей книг духовного содержания, первый стал торговать старинными рукописями и книгами. В восьмидесятых годах книжный центр стал постепенно перемещаться на Никольскую улицу. В новой каменной стене Заиконоспасского монастыря были устроены для книжной торговли особые помещения. Очевидно, нахождение у Никольских ворот типографии и книжного магазина Новикова оказало влияние и на местонахождение книжной торговли в Москве.

Московские торговцы иностранными книгами также вошли в соглашение с Новиковым, торговавшим с 1780 г. немецкими и французскими книгами, выписывая их через книгопродавца Бибера. Товарищ последнего и управляющий его торговлею Утгоф получал от Новикова книги для продажи. Не подлежит сомнению очень тесная связь Новикова с заграничными книгоиздательскими и книгопродавческими фирмами, особенно с Лейпцигом, установленная Шварцем в 1781—82 г.г. при заграничной его поездке.

Но этого все-таки было недостаточно для обеспечения сбыта всей продукции книжного производства Новикова. Его интересует провинциальный потребитель книги, и начиная с восьмидесятых годов, Новиков и его друзья завязывают связи с провинциальными городами и устраивают там книжные лавки, не упуская и таких путей, как вывоз книжного товара на ярмарки, игравшие в то время крупную роль в народном хозяйстве. Через знакомых в провинцию рассылаются подписные листы на издания. Так, в письме от 11 декабря 1786 г. Новиков пишет Державину в Тамбов: „а притом покорнейше прошу именем всех членов Типографической Компании потрудиться в собрании охотников подписаться по приложенным объявлениям на газеты и на коиги; чем больше таковых собрать изволите, тем более нас одлнжите".

Книжная торговля Новикова к девяностым годам распространялась на несколько десятков городов. Можно поименно указать книгопродавцев и комиссионеров разных городов, с которыми Новиков находился в торговых отношениях за время с 1779 по 1785 г.: 1) в Архангельске — С. Болотин, 85 г.; 2) в Вологде — А. П. Петров, 79 г.; Капустин, 82 г. и Сухирин, 85 г.; 3) в Глухове — Туманский, 79 г.; 4) В Коломне — Н. С. Степанов, 79 г.; 5) в Полтаве—П. Ф. Паскевич, 79 г.; 6) в Пскове — Кожевников, 79 г.; 7) в Риге — Г. Гарткнох, 83—85 г.; 8) в Петербурге—К. В. Миллер, 79—85 г.; Ф. Артамонов, 84—85 г.; 9) в Симбирске—И. В. Колюбакин, 83—85 г.; 10) в Смоленске—И. Ярославцев, 79—83 г.; 11) в Тамбове—Охлебинин, 79 г.; 12) в Твери — Капустин, 83 — 85 г.; 13) в Туле—Неверов, 82—85 г.; 14) в Ярославле—Скобенников, 82—84 г.; 15) в Рязани новиковские издания в 83—84 г. продавались при семинарии; 16) в Тамбове в 86 г. партия новиковских изданий была послана Г. Р. Державину.

Кроме того в Росписях указаны города без наименования представителя: 17) Богородицк — для 82 — 85 г., 18) Глухов — для 82 — 83 г., 19) Казань — для 82 — 83 г.; 20) Киев — для 82—83 г.; 21) Смоленск—для 84 — 85 г. После 1785 г. связь Новикова с провинцией значительно увеличилась. Утверждают, что кроме комиссионно-посреднических связей с провинцией, Новиков завел там несколько своих книжных лавок. Положительных свидетельств этому мы пока не имеем.

Перед окончанием срока аренды типографии Московского Университета, Новиков, в № 34 Московских Ведомостей от 28 апреля 1789 г., стр. 354, простившись с публикой и поблагодарив ее за десятилетнюю поддержку его предприятий— объявил, что отныне книжная лавка его у Никольских ворот не будет уже называться „Университетской", которая переходит на Тверскую улицу, в дом Межевой канцелярии, а остается под фирмою московских купцов Кольчугина и Переплетчикова.

Сыпавшиеся на Новикова в течение ряда лет невзгоды в корне подорвали его здоровье и лишили его возможности активно вести книготорговое дело, в силу чего он вынужден был прибегнуть к посторонней помощи. Н. Н. Кольчугин и И. Переплетчиков были — первый приказчиком а второй сидельцем в книжной лавке Новикова. Кольчугин имел две книжные лавки в Москве, на Никольской улице, и одну в Петербурге, где сидельцем у него был известный впоследствии

библиограф В. С. Сопиков. Переплетчиков тоже имел свою лавку в Москве, на Никольской же улице. Каждый из них получал от Новикова для продажи книги на очень льготных условиях. Так, Кольчугин получил от Новикова в 1789 году 80.000 экземпляров разных книг.

Давая показания Прозоровскому в 1792 г., приказчик Новикова Никита Кольчугин сообщает ряд любопытных сведений. Говоря о количестве проданных в лавке и магазине Новикова книг, он указывает, что „всякого звания книг распродавано было в год, как он считает, тысяч на 25 и более; ежели на 25.000 продано, то—считает он—было барыша 15.000. А к возвышению продажи и барыш соразмерно приумножался". Эти сведения, поскольку им можно доверять, указывают на чрезмерность торговой надбавки на печатные произведения в XVIII веке

10.

В своем месте мы говорили, что развитию издательской, типографской и просветительной деятельности новиковского кружка в восьмидесятых годах благоприятствовали внешние обстоятельства. Это благоприятствование усилилось при назначении в 1782 г. главнокомандующим в Москве З. Г. Чернышева, но со смертью его, последовавшей 29 августа 1784 г., обстоятельства резко изменились к худшему. Служившие при Чернышеве Гамалея, Тургенев и Ртищев вышли в отставку.

На имя Чернышева, но уже после его смерти, поступила бумага от петербургской Комиссии народных училищ. Из каталога Университетской лавки Комиссия усмотрела, что там и у петербургского комиссионера Артамонова продаются две книги, напечатанные Комиссией для народных училищ, но в продажу еще не поступившие: Сокращенный катехизис и Руководство к чистописанию. По справке оказалось, что эти книги перепечатаны Новиковым в Москве, между тем Комиссия обязана была особым контрактом с типографщиком Брейткопфом печатать все свои издания в его типографии. Комиссия находила, что перепечатка ее изданий нарушала интерес ее контрагента и вредила интересам казны. Московский губернатор Н. П. Архаров предписал немедленно потребовать от Новикова объяснений. Новиков показал, что перепечатки сделаны им в количестве 1.200 экземпляров каждой книги по приказанию покойного Чернышева, который находил нужным

пустить эти и другие школьные пособия в продажу по утвержденной им пониженной цене—для пользы училищ и публики. То же самое предполагалось сделать и с другими изданиями Комиссии. Показания Новикова полностью подтверждены адъютантами Чернышева, Тургеневым и Ртищевым. Мы не имеем достоверных сведений, чем кончилось это дело. Полагают, что наличные экземпляры книг подверглись конфискации, а вырученная за проданные экземпляры сумма была взыскана с Новикова.

Не успел Новиков закончить дело с Комиссией, как навернулась новая беда. В прибавлении к №№ 69, 70, 71 „Московских Ведомостей" за 1784 г. печаталась „История ордена иезуитов", осуждавшая связь мирских притязаний ордена с духом монашеского обета. Иезуиты пользовались покровительством Екатерины II, которая рескриптом от 23 сентября приказала Архарову запретить печатание „ругательной истории ордена", а если она вышла, то отобрать напечатанные экземпляры. 1 октября Архаров сообщил, что повеление исполнено: печатные листы Истории у Новикова отобраны, и истребован от него список лиц, получивших эти листы до издания указа.

В октябре приехал в Москву новый главнокомандующий, Я. А. Брюс, назначенный на место Чернышева. Он был резко настроен против новиковского кружка. К этому времени относят попытку Новикова и его друзей завязать связь с Павлом Петровичем. Видя наступающие угрозы всем начинаниям кружка, руководители последнего попытались найти опору для своей деятельности в наследнике. Переговоры велись через архитектора В. И. Баженова, через которого Новиков посылал Павлу несколько книг; переговоры потом были повторены в 1787 и конце 1791 г., но никаких результатов не дали. Об этой связи узнала Екатерина II, зорко следившая за своим сыном, и она еще в большей степени обострила положение дела и отчасти повлияла на приближение трагического конца.

Указом от 7 октября 1785 года Екатерина предписала Брюсу и архиеп. Платону назначить ревизию для обозрения частных школ в Москве. В этом распоряжении вполне правильно усматривают поход против учреждений новиковского кружка. 23 декабря того же года Екатерина II издала новые указы на имя Брюса и Платона, в которых писала, что в типографиях Новикова печатаются странные книги, в силу чего необходимо предписать губернскому прокурору составить рос-

писи новиковским книгам. Эти росписи должны быть представлены Платону, которому одновременно с сим поручалось „испытать Новикова в законе божием".

Губернский прокурор А. А. Тейльс составил роспись книгам, продающимся у Новикова, и сообщил об этом Брюсу 31 декабря. В роспись Тейльса включены были следующие книги:

1) Печатанные в Университетской типографии у Новикова:	
а) Поступившие в продажу	362
б) Не поступившие в продажу	3
в) Находящиеся и тиснении	55
2) Печатанные в типографии Лопухина	26
3) Печатанные в типографии Компании Типографической	3
4) Полученные в лавку на промен и отпечатанные в петербургских типографиях: Мейера, Шнора, Генинга и неизвестных	9
Всего	458

Итоговую цифру почему-то определяют в „461".

В эту роспись не внесены тайные издания новиковского кружка, но зато попала анонимная книжка Тайна противонелепого общества, сатира на масонов, как известно, сочиненная Екатериною II. В задачу Тейльса, очевидно, входило описание книг, напечатанных Новиковым, куда вошли типографии и Лопухина и Компании. Книги же других типографий попали в роспись по некоторой их подозрительности.

Внесенные в роспись экземпляры были опечатаны и оставлены на хранение в лавке. Копия росписи и по одному экземпляру каждой книги отосланы Платону. Книжная лавка осталась открытой, продолжая торговать книгами других издательств. 29 декабря 1785 года Платон уведомил Екатерину, что указ ее принят к исполнению. Предварительно все присланные на его просмотр книги он разделил на две категории: „сумнительные" и не возбуждающие сомнения. „Сумнительным и могущим служить к разным вольным мудрованиям" книгам был составлен реестр, посланный при донесении в Петербург. Всего в этот реестр внесено 22 книги. Потом была прибавлена еще одна. Первые 6 книг этого реестра были запрещены указом 27 марта. Среди остальных мы находим: Русские сказки, 10 ч.; Собрание российских песен, 6 ч.; Библиотека немецких романов и т. д. Книги эти были запечатаны в кладовой Новикова,

с отобранием от него особой подписки, обязывавшей его не продавать их и не перепечатывать.

Цензорами книг были назначены: духовных—архимандрит Серапион и игумен Моисей; светских—проф. Московского Университета Барсов и полицмейстер Годен. Просмотр книг был закончен только в марте 1786 г., после чего Платон сообщил Екатерине II об испытании им Новикова в догматах веры, характеризуя его в этом отношении с самой лучшей стороны. Что же касается книг, напечатанных в типографии Новикова и рассмотренных Платоном, то он разделил их на три разряда:

1) Книги собственно литературные, которые желательно распространить для образования публики, особенно при бедности нашей литературы.

2) Книги мистические, которых Платон „не понимает", а потому не берется судить о них.

3) Книги самые зловредные, развращающие нравы и подрывающие основы нашей веры. Эти книги, „гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов, следует исторгать, как пагубные плевела, возрастающие между добрыми семенами".

12 марта 1786 года Новиков написал письмо гр. А. А. Безбородко, в котором изложил ему крайнее затруднение в связи с опечатанием и запрещением продажи его книг и невозможностью в силу этого выполнять лежащие на нем обязательства и нести расходы. В заключение просил исходатайствовать повеление о разрешении ему, по окончании свидетельства книг, приступить к продаже тех из них, которые окажутся „несомнительными".

27 марта последовал указ на имя Брюса, предписывающий, во-первых, оставить за печатью и не пускать в продажу, впредь до ближайшего о том рассмотрения и распоряжения, 6 книг; во-вторых, прочие книги распечатать и разрешить к продаже; в-третьих, Новикову, да и вообще содержателям вольных типографий в Москве, „строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, исполненные подобными странными мудрованиями или, лучше сказать, сущими заблуждениями, под опасением не только конфискования тех книг, но и лишения права содержать типографию и книжную лавку, а притом и законного взыскания".

Запрещению подверглись следующие 6 книг, поименованные в приложенном к указу реестре: 1) Апология или за-

щищение В. К., 2) Братские увещания к некоторым братьям, 3) Карманная книжка В. К., 4) О заблуждениях и истине, 5) Химическая псалтырь, или философские правила о камне мудрых и 6) Хризомандер. Большая часть их напечатана в типографии Лопухина и только одна в Университетской. Оригиналы этих переводных книг были привезены в 1782 г. Шварцем из-за границы.

Как видно из приведенного перечня, среди запрещенных книг не было ни одной книги из числа „гнусных и юродивых порождений энциклопедистов", которые были признаны Платоном зловредными. Экземпляры конфискованных 6 названий были переданы опечатанными в Московскую Управу Благочиния и были потом сожжены, но часть их находилась в книжном складе Новикова, который не подвергался описи и осмотру. По окончании следствия Новиков, с согласия товарищей, передал эти книги торговцу Кольчугину, который стал их продавать и рассылать по ярмаркам.

Еще во время следствия Брюс получает новые два указа от 23 января 1786 года, касающиеся Новикова и его друзей. Первым из них предписывалось подчинить ведомству Приказа Общественного Призрения все больницы в Москве, осмотреть больницу, заведенную в Москве людьми, составляющими „скопище известного нового раскола", подробно освидетельствовать заведенные этими людьми школы и наблюдать, чтобы впредь школы учреждались не иначе, как под ведением Приказа и „чтоб тут раскол, праздность и обман не скрывались". По второму же предписывалось объявить Новикову, что типографии заведены для печатания полезных книг, а не сочинений, „наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд", и допросить его „о причинах, побудивших его к изданию таких книг и о намерениях его при этом".

По распоряжению Брюса Управа Благочиния, „представила" Новикова в Губернское Правление, где предложила ему письменные вопросы по пунктам. Новиков объяснил, что печатал разные книги, получавшиеся от сочинителей и переводчиков, но с разрешения законной цензуры, Управы Благочиния и Университета, а сочинения духовного содержания—с дозволения синодальной конторы и назначенных ею духовных особ. Намерение его при издании книг состояло в желании „приносить пользу отечеству через распространение книжной торговли и честным образом получать законами не возбраненный при-

быток. Какие же напечатанные у него сочинения противны законам, того он не знает, ибо читал из них малое число, полагаясь на цензуру, которой он обязан был подвергать их по контракту своему с Университетом".

К первой половине 1786 г. относят уничтожение в Москве масонских лож низших степеней, которые уже несколько времени были мало и редко посещаемы. После этого продолжал нелегально существовать так называемый Теоретический Градус, которым управлял Шредер. Очевидно, в связи с этим и во исполнение указа от 23 января 1786 г. обер-полицмейстер Толь осмотрел бывший шварцевский дом, где собирались масоны и жили питомцы новиковско-шварцевских организаций и где, как мы говорили в своем месте, ранее помещалась тайная типография и склад напечатанных в ней книг. В ночь перед осмотром книги были уложены на подводы и отправлены в подмосковную кн. Черкасского, где они хранились до 1789 г., а потом были перевезены в именье Новикова, Авдотьино.

Приблизительно к этому же времени относят и прекращение существования Дружеского Общества и его вспомогательных организаций: Педагогической и Переводческой семинарий.

В такой тревоге и волнениях новиковский кружок заканчивал свою деятельность в 1785 и начинал ее в 1786 годах. Попытка его найти себе поддержку у Павла Петровича красноречиво говорит за то, что он предвидел надвигающуюся над их деятельностью грозу, предотвратить которую они были не в состоянии без авторитетной поддержки в Петербурге. Их положение усугублялось еще и тем обстоятельством, что главный их недруг находился у них под боком. Это был Брюс, который зорко следил за их деятельностью и обо всем доносил Екатерине II в преувеличенном и извращенном виде. С этой стороны в середине года их положение стало значительно лучше: 28 июня 1786 г. подписано увольнение Брюса и назначение на его место А. Д. Еропкина, управлявшего Москвой по 19 февраля 1790 года.

11.

Назначение Еропкина встречено было сочувственно. Нельзя сказать, чтобы он покровительствовал деятельности новиковского кружка, что можно сказать в отношении к Чернышеву: он лишь сам по своей инициативе ничего не предпринимал против деятельности кружка и делал только то, что ему

прямо предписывалось из Петербурга. В связи с этою переменою новиковский кружок вздохнул несколько свободнее и продолжал развивать свою деятельность главным образом в издательско-печатном направлении.

Ко второй половине 1786 г. относится усиление неприязни между Петербургом и Берлином, вызванной смертью Фридриха Великого и привлечением к политической деятельности главы розенкрейцерского ордена, Вельнера, являвшегося начальником и московских розенкрейцеров, что было учтено потом при преследовании новиковского кружка.

1787 год принес России голод и войну с Турцией. Новиков и его друзья приняли деятельное участие в помощи голодающим. К этому делу они привлекли миллионера Г. М. Походяшина, предоставившего все свое состояние в распоряжение новиковского кружка, который скупал хлеб и раздавал его бесплатно в Москве и в селе Авдотьине. Эта благотворительность опять-таки вызвала неудовольствие в Петербурге, подозревавшем кружок в стремлении привлечь к себе низшие слои населения. Помимо этого 1787 г. принес специально новиковскому кружку и вообще всему издательско-печатному делу России большую неприятность. 27 июля был издан указ о запрещении продажи книг, „до святости касающихся, кои не в Синодальной типографии печатаются". Вольным типографиям дано право печатать лишь книги „светские и пользе общественной служащие", что наносило и книгопечатанию и книготорговле значительный ущерб, так как книги религиозного характера составляли значительную часть всего книгооборота.

Платон предписал духовным цензорам, Серапиону и Моисею, немедленно приступить к исполнению указа. Ими были осмотрены все книжные лавки в Москве и опечатано множество книг, изъятых, по их мнению, из частной продажи указом 27 июля. 10 октября они окончили просмотр отобранных книг и представили Платону при особом реестре экземпляры 320 (итог указывался неверно: 313) названий, среди которых оказалось и сочинение самого Платона. Из этих книг было напечатано в типографиях:

1. Московских:

1) Университетской до 1779 г.	18	
2) Университетской у Новикова	104	168
3) Компании Типографической	47	
4) Лопухинской	17	

5) Гиппиуса	13	
6) Пономарева	11	
7) Клаудия	4	
8) Мейера	11	
9) Сенатской	1	226
2. Петербургских:		
10) Академии Наук	19	
11) Шнора	12	
12) Кадетского корпуса	10	
13) Геннинга	5	
14) Галченкова	3	
15) Брейткопфа, Вейтбрехта, Клейна, Овчинникова, Эммина и Генна по 1 экз.	6	55
3. Разные:		
16) Львовское издание	1	
17) Напечатанные без указания года и типографии	38	39
	Всего	320

Приведенные цифры красноречиво определяют удельный вес новиковской издательско-печатной деятельности: 52% из всего количества книг данной группы. Это ни в какой мере нельзя объяснить исключительно характером и направлением его издательского дела. Тем более, что в этот реестр не попали тайно напечатанные книги, вывезенные год тому назад в имение Черкасского.

В 1788 году книгоиздательская деятельность кружка протекала без особых потрясений. В этот год печатная продукция кружка была наибольшая: выпущено 155 названий, печатавшихся в Университетской и Компанейской типографиях. Но с конца года Новиков, вследствие болезненных припадков, вынужден был жить большею частью в Авдотьине, изредка приезжая в Москву на короткое время.

В связи с французской революцией, правительством было решено усилить в Москве власть: 19 февраля 1790 года Еропкин получает отставку, а на его место назначается генерал А. А. Прозоровский, наделавший много хлопот и неприятностей новиковскому кружку.

Назначение Прозоровского не могло предвещать ничего хорошего для новиковского кружка. Из Москвы стали регулярно поступать денесения об опасности для правительства от их деятельности. К правительственным донесениям прибавились—а вернее возобновились—доносы протоиерея П. Але-

ксеева. В свое время, еще при Брюсе, его доносы, несомненно, способствовали появлению указа от 23 декабря 1785 года. Теперь эти доносы касались не только новиковского кружка, но и митрополита Платона.

Издательская деятельность Типографической Компании катастрофически падала. Компания, как мы уже отмечали, ликвидировалась в ноябре 1791 года, и все издательское и печатное дело перешло единолично к Новикову, который вследствие своей болезненности, а в особенности после смерти своей жены (1791) перебрался на постоянное жительство в Авдотьино.

В феврале 1792 года были арестованы в Риге возвращавшиеся из-за границы Невзоров и Колокольников, от которых желали, очевидно, получить какие-либо сведения о связи новиковского кружка с берлинским двором и якобинцами. Развитие французской революции, полученные в первых числах апреля сведения об убийстве шведского короля Густава III и слухи о заговоре на жизнь Екатерины II создали в Петербурге очень тревожное настроение. Под влиянием этого настроения и был издан указ 13 апреля, которым Прозоровскому предписывалось произвести обыск и арест Новикова.

Поводом к изданию указа послужил ничтожный случай: в продаже появилась книга „История о отцах и страдальцах Соловецких", напечатанная церковными литерами. „Книга—говорится в указе—пущена в продажу с выдранным заглавным листом, так что нельзя видеть, где она напечатана; да, вероятно, что и при сохранения того листа в целости, не могло быть на оном справедливо показано место ее тиснения, тем паче, что на других подобных, церковною же печатию изданных книгах, означено, будто бы они с преложения Российского перепечатаны в королевской Гроденской типографии; но сему по разным соображениям быть не уповательно, и есть вероятность, что подобные книги издаются в Москве, в партикулярных типографиях, наипаче же имеем причину подозревать в сем деле известного Вам Николая Новикова, который, как слышно, сверх типографии, имеющейся у него в Москве, завел таковую и в подмосковной его деревне." Далее Прозоровскому предписывается выбрать разных должностных лиц и послать их к Новикову „как в Московский его дом, так и в деревню и в обоих сих местах приказать им прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга или же, по крайней

мере, литеры церковные". В заключение предписывалось обратить внимание и подробно исследовать имущественное состояние Новикова и о способе приобретения этого имущества.

Получив этот указ, Прозоровский поручил одному „доверенному человеку из благородных людей" съездить в лавки и стараться купить поименованную в указе книгу. Это лицо привезло какую-то книжку о раскольниках, но другую, и вместе с тем один экземпляр другой запрещенной книги „Новая Киропедия", экземпляры которой были конфискованы еще в 1786 году. Затем Прозоровский отдал приказание советнику уголовной палаты Д. А. Олсуфьеву, губернскому уголовному стряпчему Данилову и заседателю земского суда Писареву—явиться 22 апреля в подмосковную Новикова Авдотьино и произвести там обыск, а Новикова привезти к главнокомандующему. Явившись утром названного числа в Авдотьино, Олсуфьев объявил Новикову данное ему предписание и приступил к обыску, при котором были обнаружены 22 названия изданий, конфискованных и увезенных из Москвы в 1786 году. Никаких признаков существования в доме типографского производства не было найдено, как не были обнаружены и церковные литеры. Все бумаги и книги были конфискованы. Это происшествие произвело на Новикова сильное потрясение. С ним сделались спазмы и частые обмороки, в силу чего Олсуфьев оставил Новикова дома, под присмотром городничего с его командой. Книги и бумаги были доставлены Прозоровскому в Москву 23 апреля.

22 апреля произведены обширные обыски и в Москве: в бывшем Гендриковском доме, в книжной лавке Новикова и магазине-типографии и кроме того, во всех вольных книжных лавках. Во всех этих местах были найдены 20 названий, скрытно продававшихся и запрещенных в 1786 и 1787 годах, количеством 5.699 экземпляров, и кроме того обнаружено 48 книг, печатанных без указного дозволения. В числе последней группы было много книг разных типографий: Гиппиуса, Пономарева и др. В эту же группу попал и журнал Новикова „Покоящийся трудолюбец", издававшийся им в 1784 году. Владельцы книжных лавок были взяты под стражу, а лавки их все запечатаны. На допросе они показали, что найденные у них книги они получили от Новикова. Еще большую откровенность проявил приказчик в лавке Новикова, Н. Н. Кольчугин, имевший три своих книжных лавки. Он сознался, что за-

прещенные книги, на сумму до 5.000 рублей, хранятся в кладовых Гостиного двора и на суконной фабрике, заведенной на старом Кадашевском Монетном дворе, за Москвой-рекой.

Все книжные торговцы, кроме Кольчугина и сидельцев книжной лавки Новикова, были отпущены. В Авдотьино был направлен 23 апреля князь Жевахов с 12 гусарами, обер- и унтер-офицером и капралом. Жевахов прибыл в Авдотьино 24 числа и, несмотря на болезненное состояние Новикова, через два часа посадил его в кибитку и отправил под конвоем в Москву, к Прозоровскому, который в тот же день снял с него первый допрос. В своих ответах Новиков, осветив свое имущественное положение, сообщил, что запрещенные книги были им выдаваемы Кольчугину для продажи, в чем и сознает свою вину, и что духовные книги печатались более потому, что на них увеличивалось требование и цензуровались они с отметкой о дозволении печатать духовными лицами, а после отказов последних от цензуры—полицейскими или университетскими чиновниками.

Прозоровский, ввиду своего невежества, не мог сам справиться с Новиковым и просил прислать из Петербурга знаменитого Шешковского для производства дознания. Новикова он содержал под арестом в его доме. 26 апреля Прозоровский вновь допрашивал Кольчугина и наборщика Степана Ильинского, имевших в ближайшем заведывании типографию Компании. Показания Кольчугина почти ничего нового не дали. Ильинский же сообщил, что „Метафизики“ было печатано 300 экземпляров, хранящихся у типографщика Салькова, в Гендриковском доме; за напечатание „Морального катехизиса“ в 200 экз. Лопухин дал ему двойную плату и обещал выхлопотать ему офицерский чин; за печатание книги „Оригия“ дана ему Новиковым особая плата; „Христианская ручная книжка“ и „Послание Иакова“ были напечатаны в Компанейской типографии, но о них он ничего не знает. В тот же день вторично допрашивался Новиков, главным образом об имущественном положении его и Компании, а также и об обстоятельствах перевоза к нему в деревню запрещенных книг. Не удовлетворившись ответом наборщика Ильинского, Прозоровский распорядился снять с него вторичный допрос. После этого допроса Ильинский перочинным ножом перерезал себе горло, которое ему вскоре зашили. Это обстоятельство поставили в вину Новикову, который де поселял в своих адептах фанатизм.

После длинной переписки между Прозоровским и Екатериною II издается указ от 10 мая, в котором императрица, похвалив главнокомандующего за то, что он воздержался от предания Новикова суду, предписывала выслать Новикова в Шлиссельбургскую крепость с особыми предосторожностями. Маршрут для этой поездки назначался не по петербургскому тракту, а на Ярославль и Тихвин. 18 мая последовал указ Шлиссельбургскому коменданту принять арестанта, которого привезут в крепость от Прозоровского, без означения даже имени Новикова.

12.

Новиков был увезен из Москвы 17 или 18 мая под тщательною охраною особой воинской команды во главе с кн. Жеваховым. В Шлиссельбург он прибыл в конце месяца и был посажен в тот каземат, в котором когда-то находился Иоанн Антонович. 3 июня Шешковский допрашивал Новикова по 55 вопросным пунктам, а через несколько дней предложил ему новых 18 вопросов, возникших в связи с ответами Новикова на первые вопросы. Все вопросы и все следствие были направлены на выяснение политической стороны дела: о политических стремлениях ордена, о сношении с иностранными государствами, о сношениях с наследником и близкими к нему лицами и т. д., и вовсе не спрашивали о злополучной книге, послужившей поводом к обыску и аресту.

1 августа подписан был указ, по которому Новиков признан был преступником и подвергался заключению в Шлиссельбургской крепости на 15 лет. Пять из шести пунктов указа говорили о тайных сборищах, о подчинении герцогу Брауншвейгскому, о переписке с Вельнером и т. д., и только один пятый пункт касается книгоиздательской деятельности, с указанием, что „они издавали печатные у себя, непозволенные, развращенные и противные закону православному книги и после двух сделанных запрещений осмелились еще продавать новые, для чего и завели тайную типографию“.

Так заживо похоронен был высококультурный и одаренный человек, сумевший в течение нескольких лет создать колоссальное по тому времени книжное дело и на много десятилетий подвинувший вперед развитие этой отрасли народного хозяйства.

Кроме Новикова, Колокольникова и Невзорова, были подвергнуты наказанию Тургенев, Н. Трубецкой и Лопухин. Пер-

вые двое были высланы в свои поместья, Воронежское и Симбирское наместничества, а Лопухин оставлен в Москве во внимание к болезни отца. Привлеченные к делу книготорговцы, Н. Кольчугин, И. Переплетчиков, М. Глазунов, Т. Полежаев, И. Козырев, И. Луковников, П. Вавилов, П. Заикин, В. Глазунов, С. Иванов и Н. Водопьянов, обвиняемые в продаже запрещенных книг, были приговорены, в отличие от первой группы, к тягчайшим наказаниям—от плетей до кнута с вырезанием ноздрей и ссылке в каторжные работы. В средних инстанциях наказания были смягчены—от отдачи на месяц в работный дом до наказания кнутом. Впрочем, все они были помилованы 2 июля 1796 г. по случаю рождения будущего императора Николая I.

После осуждения Новикова и заточения его в крепости все издательское дело и имущественное состояние его было в чрезвычайно запутанном состоянии. Над имуществом была учреждена опека, по распоряжению которой этому имуществу была составлена опись. Генеральная имущественная ведомость и расчет были написаны Прозоровским. Согласно этой ведомости имущественное состояние Новикова состояло в следующих статьях:

1) Дом каменный в 16 части („Гендриковский“) стоит .	88.000	р.	
2) Типография с словолитнею	30.216	„	
3) Книг российских по продажной цене на	92.728	„	
4) Бумаги для печатания	10.687	„	15 к.
5) Спасская аптека	30.000	„	
6) Дом каменный (у Никольских ворот)	24.000	„	
7) Книжный магазин и лавка с книгами на сумму, по продажной цене	660.030	р.	85 к.
8) Гр. А. Р. Чернышева должна по векселю	12.000	р.	
Всего . . .	947.662	р.	00 к.

Кроме того за Новиковым значились два имения: Орловское и Авдотьино-Тихвинское. Первое назначено было в продажу на покрытие долгов, а последнее—оставлено в пользу наследников Новикова. Роспись долгов, подписанная кн. Прозоровским, достигала 240.118 р. 54 к., причем много частных долгов не было принято во внимание.

Все это имущество было назначено в продажу с публичного торга, причем из него исключены были книги, бывшие за печатью с 1786 г. и отобранные в лавке в 1792 г., а также и конфискованные в Авдотьине при аресте Новикова.

Прозоровскому было предписано сжечь эти книги. Совершение такой экзекуции поручено Курбатову, который донес 14 ноября 1793 г., что найденные годными книги переданы: 1.964 экземпляра в Заиконоспасскую академию и 5.194 экз. в университет. Остальное количество, в размере 18.656 экз., было им сожжено. В 1794 г. в Гендриковском доме обнаружена была еще палата с книгами, которые тоже были сожжены Курбатовым в два приема, 20 апреля и 15 июля того же года, в том числе был сожжен „Юлий Цезарь" Шекспира в переводе Карамзина.

6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. На следующий день император Павел распорядился выпустить Новикова из крепости. Тогда же были освобождены из-под надзора и другие участники. Новиков прибыл в свое Авдотьино 19 ноября дряхлым стариком. В течение первых лет он неоднократно делал попытки ликвидировать перешедшее к нему имущество Типографической Компании и расплатиться с кредиторами. Настроения правительства в отношении его имущества и способов ликвидации всех его расчетов с кредиторами часто и резко менялись, отчего не было возможности планомерно ликвидировать это имущество, пришедшее и так в расстройство в отсутствие Новикова. В течение 1797 и 98 г. часть имущества была ликвидирована; дом на Садовой улице был приобретен для помещения казарм. Хранившиеся в этом доме книги и другое имущество были переданы в распоряжение камерального департамента Московского ратгауза.

В собрании кредиторов было решено продать остальное имущество Новикова хозяйственным способом. Эта операция была поручена главному кредитору Новикова—Походяшину, с тем, чтобы он, по мере выручек, оплачивал долги по составленным расчетам. В товарищи ему был избран А. Ф. Ладыженский.

Книжный магазин Новикова и находившиеся в нем книги перешли через несколько лет уже в собственность Походяшина, который в царствование Александра I, в 1803 г. пытался разыграть книги магазина в лотерею. Книг состояло в то время до 2.500 заглавий, на сумму по каталогам до 500.000 р. Достоверных сведений о судьбе этой лотереи мы не имеем. Известно, что Походяшин подавал императрице Марии Федоровне просьбу об уступке магазина московскому ломбарду, взамен беспроцентной ссуды в 300.000 рублей на 12 лет. Мо-

жет быть, он уступал самый магазин и остатки книг этого магазина.

После освобождения Новиков безвыездно жил в Авдотьине, занимаясь сельским хозяйством и заведенной им суконной фабрикой. Весь свой досуг он посвятил воспитанию своих детей, двух девочек и мальчика. Вместе с ним жили С. И. Гамалея и вдова покойного Шварца с детьми. Только один раз за последние годы Новиков попытался стать на тот путь, на котором он был в восьмидесятых годах прошлого века. В 1805 г. он намеревался снова снять в аренду типографию Московского Университета. Эта его попытка, по неведомым нам причинам, была, к сожалению, безрезультатна.

Умер Новиков 31 июля 1818 года.

13.

Подводя итоги книгоиздательской и книгопечатной деятельности Новикова и его кружка, считаем необходимым остановиться на следующих моментах этой деятельности: содержании и характере изданий, количественной стороне, многотомности и повторности их, материальных основах всего предприятия, формате, художественности и иллюстративной стороне изданий и, наконец, на сведениях о шрифтах, бумаге, тираже, ценах и других вопросах, связанных с этою обширною и многогранною деятельностью.

По ограниченности поставленной для этого очерка задачи и за отсутствием специальных работ в только что названном направлении, мы в данном случае, вынуждены воздержаться от детального исследования намеченных вопросов и ограничиться соображениями общего характера, а главное—постановкою этих проблем для дальнейших исследований.

В своем месте, при характеристике отдельных групп изданий, мы по возможности отмечали те или иные особенности этих групп. В большей мере это было сделано при обследовании периодических изданий, в частности при описании сатирических журналов. Что же касается содержания и характера изданий в целом, то в этом отношении необходимо признать чрезвычайную разносторонность новиковских изданий, которые коснулись почти всех отраслей человеческих знаний. Вместе с тем эти издания отличаются двумя крайностями. С одной стороны, они касаются очень практических вопросов, а с дру-

Таблица 1.

Общие итоги

по типографиям, количеству изданий, объему изданий (в томах или частях), повторности изданий, иждивениям и формату.

Типографии.	Общее количество.	Число томов или частей.				Повторность изданий.				Иждивение.				Формат.				
		1	2-4	5-10	Свыше.	1	2	3	Свыше.	Не указано.	Ранн. О-ва	Новиков и К°	Тип. Комп.	4°	8°	12°	16°	0°
Академии Наук	44	34	9	1	—	41	2	1	—	27	17	—	—	1	27	14	1	1
Кадетского Корпуса. . .	3	1	1	1	—	3	—	—	—	2	1	—	—	1	2	—	—	—
Вейтбрехта и Шнора. .	2	1	1	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—
Москов. Университ. . .	558	455	86	9	8	461	66	16	15	435	—	115	8	64	447	33	3	11
Лопухина	50	38	9	3	—	46	4	—	—	35	—	—	15	6	39	5	—	—
Комп. Типографической.	267	219	43	3	2	147	102	10	8	258	—	—	9	13	229	22	1	2
Не указано	20	19	1	—	—	20	—	—	—	20	—	—	—	2	15	2	—	1
	944	767	150	17	10	720	174	27	23	779	18	115	32	87	761	76	5	15

гой — среди них наблюдается самый отвлеченный мистицизм, который когда-либо существовал на белом свете.

Заслуживают быть отмеченными издания учебных пособий и вообще руководств по педагогическим вопросам, что особенно заметно на изданиях восьмидесятых годов.

Количественная сторона в издательском и печатном деле играет очень важную роль, и таблица 2 в этом отношении чрезвычайно красноречива. Еще нагляднее картина издательско-печатных взлетов и падений Новикова и его друзей на прилагаемой диаграмме.

Сведения, помещаемые в приводимых нами таблицах, основываются на опубликованных до сего времени материалах и работах, в особенности на последних работах В. П. Семенникова, из которых главная—„Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической Компании“ (П., Государственное Издательство, 1921). По этим материалам Новикову и его кружку приписывается выпуск около 970 названий. Некоторые исследователи, на основании имеющихся у них и до сего времени неопубликованных материалов, повышают это количество до 1.000 названий. Мы взяли для данной работы

Таблица 2.

Общее количество изданий по годам и типографиям.

Годы.	Общее количество за год.	ТИПОГРАФИИ.						
		Академии Наук.	Кадетск. Корпуса.	Вейбрехта и Шнора.	Московск. Универс.	Лопухина	Компании Типограф.	Не указано.
1765	3	2	1	—	—	—	—	—
1767	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	1	1	—	—	—	—	—	—
1769	2	2	—	—	—	—	—	—
1770	1	1	—	—	—	—	—	—
1771	1	1	—	—	—	—	—	—
1772	4	4	—	—	—	—	—	—
1773	18	17	—	—	—	—	—	1.
1774	9	8	1	—	—	—	—	—
1775	1	1	—	—	—	—	—	—
1776	5	3	—	—	—	—	—	2.
1777	4	1	1	1	—	—	—	1.
1778	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	54	3	—	1	50	—	—	—
1780	71	—	—	—	71	—	—	—
1781	73	—	—	—	73	—	—	—
1782	63	—	—	—	63	—	—	—
1783	83	—	—	—	78	2	—	3
1784	76	—	—	—	48	25	—	3
1785	48	—	—	—	19	21	3	5
1786	66	—	—	—	23	2	39	2
1787	134	—	—	—	31	—	102	1
1788	155	—	—	—	70	—	85	—
1789	45	—	—	—	32	—	12	1
1790	16	—	—	—	—	—	16	—
1791	8	—	—	—	—	—	7	1
1792	3	—	—	—	—	—	3	—
	944	44	3	2	558	50	267	20

944 названия, как наименее спорные и заключающие в себе наибольшую полноту сведений библиографического порядка.

В первые шесть лет мы имеем одно—два названия в год. Годы 1772—73—74 резко выделяются повышением выпуска

изданий. Максимальное количество дает 1773 г.: 18 названий. Это результат деятельности Общества, старающегося о напечатании книг, которое за эти три года выпустило 18 названий, и, кроме того, оно напечатало за эти годы 7 названий, выпущенных потом в продажу с перепечатанными заглавными листами и с опущением указания на Общество. С ними мы имели бы 25 названий, или 48% всех изданий петербургского периода. В последующие годы линия снова падает и занимает почти прежнее положение.

1779 г. — переезд Новикова в Москву и аренда типографии Московского Университета — резко выделяется по сравнению с предшествовавшими годами: 3 названия в Петербурге и 50 названий в Москве. Следующие два года дают некоторое повышение, достигая в 1781 г. 73 названий. В 1782 году намечается некоторое понижение, а в 1783 линия снова и в большей степени повышается, достигая 83 названий. Затем она стремительно падает вниз до 1785 г., когда было выпущено всего 47 названий из трех типографий. С еще большей стремительностью линия поднимается вверх в последующие годы 1786—87—88, дав в последний год максимальную годовую продукцию в 155 названий, с тем, чтобы снова катастрофически упасть до 16 названий в 1790 г., с тенденцией к понижению в остальные два года.

Таким образом, мы имеем за московский период три резких повышения и столько же следующих за ними падений. Технические возможности таких изменений ясны, и нам остается попытаться объяснить эти скачки с материальной стороны. Первое повышение мы объясняем вложением Новиковым в дело своего капитала, вырученного им вместе с братом за проданное имение в сумме около 20.000 рублей, о чем он говорил на допросах. Это объяснение вполне правдоподобно и без него этот скачок был бы некоторой загадкой. Не обошлось, повидимому, и без участия других лиц в этом деле, о чем мы говорили в своем месте. Второе повышение можно объяснить притоком общественных средств, так как к этому времени относится развитие деятельности Дружеского Ученого Общества. Более сложным и более мощным является третий скачок, приходящийся на 1786—87—88 годы. Частично его можно объяснить организацией Типографической Компании и вложением в дело пайщиками своих капиталов, но нам кажется, что этого мало. Резкость скачка заставляет искать

других источников пополнения материального фонда книгопечатного дела кружка. Таким источником мог быть только Г. М. Походяшин, который в эти годы поселился в Москве и присоединился к новиковскому кружку. В 1787 г. он предоставил в распоряжение кружка весь свой капитал, который отчасти был затрачен на помощь голодающим, а частью, нам кажется, израсходован на развитие издательского дела.

Линия падений объясняется сравнительно легко: исчерпанием материальных фондов и недостаточностью спроса на изданные кружком книги. Сложнее последнее, наиболее резкое падение, которое можно объяснить, кроме только что отмеченной причины, еще и политическими событиями последних лет, и в особенности преследованием деятельности кружка со стороны правительственной власти, ухудшившей и без того незавидное материальное положение кружка. Болезненное состояние Новикова тоже сыграло свою роль в этом понижении.

Количественного сопоставления по типографиям мы не делаем, так как такое сопоставление наглядно дает приведенная таблица. Что же касается сопоставления новиковских изданий с изданиями в России того времени, то оно опять-таки говорит за грандиозность и мощность предприятия новиковского кружка. К сожалению, мы до сих пор не располагаем точными статистическими данными по книжной продукции XVIII века, в силу чего приходится с большой осторожностью пользоваться приводимыми в печати сведениями по данному вопросу. Но имея в виду, что эти сведения нам нужны не для учета книжной продукции, а исключительно в целях примерного сопоставления с нею новиковских изданий, мы, в данном случае, нашли возможным воспользоваться такими данными для нашей таблицы. Эти сведения мы почерпнули из нескольких работ, в том числе из книги Н. М. Пакуль—Книга, Исторический очерк (Харьков 1923) и из статьи П. Мижуева „Книга и книжное дело", помещенной в XXIV томе Гранатовского словаря (7-е изд. Приложение к стр. 368).

Как видно из таблицы 3, максимальный подъем новиковских изданий падает на 1788 год—155 названий, что составит 41% от общей продукции этого года, если мы эту продукцию определим в 366 печатных единиц на основании средней текущего пятилетия. За предшествующее пятилетие новиковские издания составляли тоже довольно внушительную пропорцию—35% общей продукции. Средняя общей продукции

Таблица 3.

Годы.	Напечатано книг в России.				
	Вообще.		Новиковым.		
	Всего.	В год.	Всего.	В год.	% %.
1700—1725	600	24	—	—	—
1726—1740	173	12	—	—	—
1741—1760	600	30	—	—	—
1761—1770	1050	105	7	1	1%
1771—1780	1466	147	167	16	11%
1786—1790	2685	268	749	75	28%
1781—1785	986	197	343	69	35%
1786—1790	1699	366	406	81	22%
1788	—	(366)	—	155	41%
1791—1800	2660	266	—	—	—
1791—1795	1494	299	11	2	1%
1796—1800	1166	233	—	—	—

за 1771—1790 годы составляет 204 названия в год, а средняя новиковских изданий за этот же период определяется в 46 названий, что составит около 23% общей продукции.

Таблица 4 (об объеме печатной единицы в томах или частях) говорит за необходимость значительного повышения общего количества новиковских изданий.

Согласно приводимых в таблице сведений, однотомные издания составляют около 78%, издания от 2 до 4 томов — около 19%, от 5 до 10 томов — около 2% и свыше 10 томов — немного больше 1%. Первую группу изданий оставляем в стороне и принимаем ее в 767 печатных единиц. Вторая группа состоит из 150 названий, что даст не менее 450 печатных единиц, если мы общее количество этой группы умножим на среднюю в 3 тома. Третья группа, при умножении на среднюю в 7 томов, даст не менее 120 печатных единиц и, наконец, четвертая группа, умноженная на среднюю в 15 томов, даст 150 печатных единиц. Всего, таким образом, мы получаем для новиковских изданий около 1.500 печатных единиц.

В последнюю группу входят, главным образом, издания научного и научно-исторического характера, как-то: Древняя Российская Вивлиофика, Деяния Петра Великого, Историческое Описание Российской Коммерции и т. д.

Таблица 4.

Распределение изданий по объему (количество томов или частей).

Годы.	Общее колич.	ТИПОГРАФИИ.																							
		Академии Наук.			Кадетского корпуса.			Вейтбрехта и Шнора.		Московского Университ.				Лопухина.			Компании Типографич.				Не указ.	
		1	2-4	5-10	1	2-4	5-10	1	2-4	1	2-4	5-10	Свыше	1	2-4	5-10	1	2-4	5-10	Свыше	1	2-4
1766	3	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1767	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1769	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1770	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1771	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1772	4	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1773	18	14	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1774	9	8	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1775	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1776	5	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
1777	4	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1778	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	54	3	—	—	—	—	—	—	1	42	6	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	71	—	—	—	—	—	—	—	—	54	13	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	73	—	—	—	—	—	—	—	—	58	13	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1782	63	—	—	—	—	—	—	—	—	47	14	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1783	83	—	—	—	—	—	—	—	—	67	11	—	—	2	—	—	—	—	—	—	3	—
1784	76	—	—	—	—	—	—	—	—	43	5	—	—	19	5	1	—	—	—	—	3	—
1785	48	—	—	—	—	—	—	—	—	15	2	—	2	15	4	2	3	—	—	—	5	—
1786	66	—	—	—	—	—	—	—	—	18	4	1	—	2	—	—	33	6	—	—	2	—
1787	134	—	—	—	—	—	—	—	—	29	2	—	—	—	—	—	86	13	2	1	—	1
1788	155	—	—	—	—	—	—	—	—	58	9	2	1	—	—	—	65	18	1	1	—	—
1789	45	—	—	—	—	—	—	—	—	24	7	—	1	—	—	—	10	2	—	—	1	—
1790	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14	2	—	—	—	—
1791	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	1	—
1792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
	944	34	9	1	1	1	1	1	1	455	86	9	8	38	9	3	219	43	3	2	19	1

Необходимо отметить очень важную сторону в новиковских изданиях в отношении многотомности. Изданий Новикова в два и более тома мы имеем 177, что составит не

Таблица 5.

Количество повторных изданий.

Годы.	Общее колич.	ТИПОГРАФИИ.															
		Академии Наук.			Кадетского корпуса.	Вейтбрехта и Шнора.	Московск. университ.				Лопухина.		Компании Типографич.				Не указано.
		1	2-4	5-10	1	1	1	2-4	5-10	Свыше.	1	2-4	1	2-4	5-10	Свыше.	1
1766	3	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1767	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1769	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1770	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1771	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1772	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1773	18	16	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1774	9	8	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1775	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1776	5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
1777	4	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1778	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	54	3	—	—	—	1	46	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	71	—	—	—	—	—	66	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	73	—	—	—	—	—	59	11	1	2	—	—	—	—	—	—	—
1782	63	—	—	—	—	—	51	11	—	1	—	—	—	—	—	—	—
1783	83	—	—	—	—	—	67	7	2	2	2	—	—	—	—	—	3
1784	76	—	—	—	—	—	43	3	2	—	22	3	—	—	—	—	3
1785	48	—	—	—	—	—	13	3	3	—	20	1	3	—	—	—	5
1786	66	—	—	—	—	—	6	5	4	8	2	—	21	12	2	4	2
1787	134	—	—	—	—	—	26	4	—	1	—	—	54	43	3	2	1
1788	155	—	—	—	—	—	54	12	3	1	—	—	35	44	5	1	—
1789	45	—	—	—	—	—	30	1	1	—	—	—	12	—	—	—	1
1790	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	3	—	1	—
1791	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	1
1792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—
	914	41	2	1	3	2	461	66	16	15	46	4	147	102	10	8	20

менее половины многотомных изданий в России за весь XVIII век.

Повторность изданий (таблица 5) не характерна для петербургского периода. Мы имеем всего три названия, напечатанные

Таблица 6.

Распределение изданий по иждивению.

Годы.	Общее количество.	ТИПОГРАФИИ и ЧЬИМ ИЖДИВЕНИЕМ.													
		Академии Наук.		Кадетского корпуса.		Вейтбрехта и Шнора.	Московск. Университ.			Лопухина.		Компании Типограф.		Не указано.	
		Не указано.	О-во старающ. о напеч. книг.	Не указано.	О-во старающ. о напеч. книг.	Не указано.	Не указано.	Новиков и $К_0$	Типогр. Комп.	Не указано.	Типогр. Комп.	Не указано.	Типогр. Комп.	Не указано.	
1766	3	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1767	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1768	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1769	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1770	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1771	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1772	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1773	18	5	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
1774	9	3	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1775	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1776	5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
1777	4	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	
1778	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
1779	54	3	—	—	—	1	50	—	—	—	—	—	—	—	
1780	71	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—	—	—	—	
1781	73	—	—	—	—	—	73	—	—	—	—	—	—	—	
1782	63	—	—	—	—	—	32	31	—	—	—	—	—	—	
1783	83	—	—	—	—	—	24	54	—	2	—	—	—	3	
1784	76	—	—	—	—	—	19	29	—	25	—	—	—	3	
1785	48	—	—	—	—	—	11	—	8	6	15	—	3	5	
1786	66	—	—	—	—	—	22	1	—	2	—	33	6	2	
1787	134	—	—	—	—	—	31	—	—	—	—	102	—	1	
1788	155	—	—	—	—	—	70	—	—	—	—	85	—	—	
1789	45	—	—	—	—	—	32	—	—	—	—	12	—	1	
1790	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—	
1791	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—	1	
1792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	
	944	27	17	2	1	2	435	115	8	35	15	258	9	20	

вторым и третьим изданиями. То же самое можно сказать и в отношении Лопухинской типографии, где вторым изданием вышло всего 4 названия. Типография Московского Университета, следовательно, главным образом издания самого Новикова, дает нам постепенное нарастание повторных изданий вплоть до 1786 г., когда повторные издания превышали первоначальные почти в три раза.

Типография Компании Типографической дает как раз обратную картину: в первые годы повторные издания играли значительную роль, превысив в 1788 г. первичные издания в полтора раза, а во вторую половину они потеряли почти всякое значение. Первичные издания составляли около 74%, вторая группа — около 21%, третья около 3% и четвертая — свыше 2%.

По поводу материальной стороны изданий (таблица 6) мы много говорили и в первых двух частях очерка и в этой, заключительной, части, когда касались количественной стороны вопроса. В данном случае необходимо подчеркнуть три момента в этом отношении: несомненные пропуски в обозначении принадлежности издания к той или иной организации, имущественную и организационную смешанность отдельных объединений и предприятий и, наконец, отсутствие выдержанности принятой системы обозначений выпускаемых изданий. Главную массу составляют издания первой группы—без обозначения организатора издания—почти 80%. Раннее Издательское Общество дает около 2%; фирма „Новиков и К°" — около 14% и Типографическая Компания около 4%. Последняя группа, несомненно, должна быть увеличена за счет первой, так как к ней нужно отнести все остальное количество изданий, напечатанных в типографии Компании.

Картина распределения изданий по форматам (таблица 7) очень показательна. Главную массу, около 79%, составляют издания, размером в одну восьмую долю листа. Следующая группа, около 10%, издания в 4°, затем следуют издания в 12° — около 8%, в 16°—1/2% и неизвестных размеров 1 1/2%. Таким образом типичным форматом для новиковских изданий является 8°. Характерно, что мы совершенно не видим крайностей: нет ни крупных по формату изданий, ни изданий миниатюрных. Новиковская хозяйственность и практичность сказались в полной мере. Издания, напечатанные в типографии Академии Наук, имеют, по сравнению с изданиями последующих

Таблица 7.

Распределение изданий по форматам.

Годы.	Общее количество.	Тип. Академии Наук.						Тип. Кадетск. корпус.			Тип. Вейтбрехта и Шнора.		Тип. Московского Универ.						Тип. Лопухина.				Тип. Компании Типографич.						Тип. не указано.				
		Колич.	Формат.					Колич.	Формат.		Колич.	Формат.	Колич.	Формат.					Колич.	Формат			Колич.	Формат.					Колич.	Формат.			
			4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰		4⁰	8⁰		8⁰		4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰		4⁰	8⁰	12⁰		4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰		4⁰	8⁰	12⁰	16⁰
1766	3	2	—	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1769	2	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1770	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1771	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1772	4	4	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
1773	18	17	—	10	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1774	9	8	1	5	2	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1775	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—	—
1776	5	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
1777	4	1	—	1	—	—	—	1	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	54	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	50	9	39	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	71	8	61	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73	10	58	3	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1782	63	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	63	7	53	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1783	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	78	8	61	8	—	1	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3	—	—
1784	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48	6	35	4	—	3	25	6	15	4	—	—	—	—	—	—	3	—	2	—	1
1785	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	5	12	2	—	—	21	—	20	1	3	—	2	1	—	—	5	—	3	2	—
1786	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	3	19	—	1	—	2	—	2	—	39	1	36	2	—	—	2	—	2	—	—
1787	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31	3	26	1	—	1	—	—	—	—	102	11	83	6	1	1	1	—	1	—	—
1788	155	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70	4	56	9	—	1	—	—	—	—	85	—	76	8	—	1	—	—	—	—	—
1789	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32	1	27	4	—	—	—	—	—	—	12	—	10	2	—	—	1	1	—	—	—
1790	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	14	2	—	—	—	—	—	—	—
1791	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	1	6	—	—	—	1	1	—	—	—
1792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—
	944	44	1	27	14	1	1	3	1	2	2	2	558	64	447	33	3	11	50	6	39	5	267	13	229	22	1	2	20	2	15	2	1

лет, незначительную тенденцию к миниатюрности. Сопоставление формата по другим типографиям никаких выводов не дает. Можно только отметить едва заметное укрупнение изданий, напечатанных в типографии Лопухина. При отсутствии работ по формату книги XVIII века, очень трудно делать какие-либо выводы по данному вопросу. Думаем, что новиковские издания в этом отношении были более или менее типичны для того времени.

Со стороны художественности, издания Новикова нельзя отнести к лучшим того времени. Их можно, пожалуй, назвать более практичными изданиями. Иллюстрированных изданий, как самоцели, у Новикова почти не было. Иллюстрация, как предмет искусства, отсутствовала. Очевидно, Новиков смотрел на иллюстрацию не как на самостоятельное художественное явление, а придавал ей чисто служебный характер. Для издателя екатерининской эпохи это очень много, так как в то время иллюстрация занимала большое место в печатном деле.

Большинство изданий Новикова снабжались издательским знаком с его инициалами. Таких знаков Новиков имел три и одну разновидность с начертания русскими буквами. Последний знак обычно употреблялся на масонских изданиях.

Типографские украшения употреблялись в широком размере, но не всегда со вкусом. Нередко можно встретить издания, на которых имеются виньетки, по своему характеру и начертанию не имеющие никакой связи с содержанием того или иного издания.

В отношении шрифтов очень трудно что-либо утверждать положительное, так как специальных работ в этом направлении почти нет, а беглые заметки, рассыпанные по широкому полю новиковской литературы, очень незначительны и не дают оснований к тому или иному выводу. Одно можно сказать, что, если бы Новиков придавал этому вопросу серьезное значение, он, при большом количестве его изданий, выработал бы определенный тип последних, но этого у него нет. Его современник Сумароков, отдавая свои произведения в типографию Академии, всегда указывал, каким шрифтом то или иное издание должно быть набрано и в каком расположении. Только типография Лопухина была оригинальна в некоторых случаях: несколько книг она напечатала курсивом.

В отношении к бумаге тоже нельзя сказать что-нибудь положительное. В этом отношении его издания также отли-

чаются некоторой хозяйственностью: плохой бумаги на его изданиях почти нет, насколько мы имели возможность убедиться при обследовании имевшихся в наших руках экземпляров. Печатание некоторого количества экземпляров на любской и александрийской бумаге обычно им практиковалось по примеру других издателей.

О тираже Новиковских изданий и ценах их можно говорить или много или же ничего. По поводу цен мы делали несколько выводов в наших очерках. Количество экземпляров изданий петербургского периода колебалось от 300 до 700. Московские издания печатались в большем количестве, доходя иногда до 2.000 экземпляров. Тираж периодических изданий был еще выше. Московские Ведомости, как мы говорили выше, печатались в последние годы в 4.500 экземплярах. Беседы с богом было отпечатано в 1787 году свыше 10.000 экземляров. Стоимость экземпляра книги колебалась от 15 копеек до 4 рублей. Мы уже говорили, что в Москве Новиков делал неоднократные попытки удешевить книгу и сделать ее более доступной для менее состоятельных классов общества.

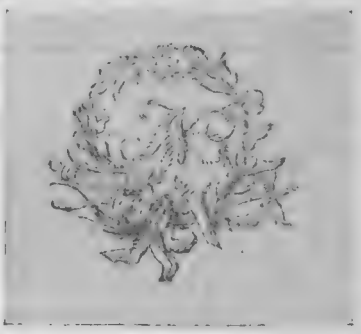


Таблица 8.

Распределение изданий петербургского и московского периодов по типографиям и группам.

Годы.	Общее кол.	Тип. Академии Наук. Количество.	Томы. 1	2-4	5-10	Повтор. изд. 1	2-4	5-10	Иждивение. 1	2	Формат. 4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰
1766	3	2	2	—	—	2	—	—	2	—	—	—	1	—	1
1767	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	1	1	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—
1769	2	2	—	2	—	1	1	—	2	—	—	2	—	—	—
1770	1	1	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—
1771	1	1	—	1	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—
1772	4	4	3	1	—	4	—	—	4	—	—	2	2	—	—
1773	18	17	14	2	1	16	1	—	5	12	—	10	7	—	—
1774	9	8	8	—	—	8	—	—	3	5	1	5	2	—	—
1775	1	1	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—
1776	5	3	2	1	—	3	—	—	3	—	—	3	—	—	—
1777	4	1	—	1	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—
1778	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	4	3	3	—	—	3	—	—	3	—	—	3	—	—	—
	53	44	34	9	1	41	2	1	27	17	1	27	14	1	1

Годы.	Тип. Кадетского Корпуса. Количество.	Томы. 1	2-4	5-10	Повтор. изд. 1	Иждивение. 1	2	Формат. 4⁰	8⁰12⁰
1766	1	1	—	—	1	1	—	—	1
1767	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1768	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1769	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1770	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1771	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1772	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1773	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1774	1	—	1	—	1	—	1	1	—
1775	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1776	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1777	1	—	—	1	1	1	—	—	1
1778	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1779	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	3	1	1	1	3	2	1	1	2

Годы.	Тип. Вейтбрехта и Шнора. Количество.	Томы. 1	2-4	Повтор. изд. 1	Иждивение. 1	Формат. 8⁰
1766	—	—	—	—	—	—
1767	—	—	—	—	—	—
1768	—	—	—	—	—	—
1769	—	—	—	—	—	—
1770	—	—	—	—	—	—
1771	—	—	—	—	—	—
1772	—	—	—	—	—	—
1773	—	—	—	—	—	—
1774	—	—	—	—	—	—
1775	—	—	—	—	—	—
1776	—	—	—	—	—	—
1777	1	1	—	1	1	1
1778	—	—	—	—	—	—
1779	1	—	1	1	1	1
	2	1	1	2	2	2

Годы.	Неизвестные типографии. Количество.	Томы. 1	Повтор. изд. 1	Иждивение. 1	Формат. 8⁰
1766	—	—	—	—	—
1767	—	—	—	—	—
1768	—	—	—	—	—
1769	—	—	—	—	—
1770	—	—	—	—	—
1771	—	—	—	—	1
1772	1	1	1	1	—
1773	—	—	—	—	—
1774	—	—	—	—	—
1775	—	—	—	—	—
1776	2	2	2	2	2
1777	1	1	1	1	1
1778	—	—	—	—	—
1779	—	—	—	—	—
	4	4	4	4	4

Годы.	Общее кол.	Тип. Московского Университета. Количество.	Томы. 1	2-4	5-10	Свыше.	Повтор. изд. 1	2 4	5-10	Свыше.	Иждивение. 1	3	4	Формат. 4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰
1779	50	50	42	6	2	—	46	4	—	—	50	—	—	9	39	2	—	—
1780	71	71	54	13	3	1	66	5	—	—	71	—	—	8	61	—	—	2
1781	73	73	58	13	1	1	59	11	1	2	73	—	—	10	58	3	1	1
1782	63	63	47	14	—	2	51	11	—	1	32	31	—	7	53	—	1	2
1783	83	78	67	11	—	—	67	7	2	2	24	54	—	8	61	8	—	1
1784	76	48	43	5	—	—	43	3	2	—	19	29	—	6	35	4	—	3
1785	48	19	15	2	—	2	13	3	3	—	11	—	8	5	12	2	—	—
1786	66	23	18	4	1	—	6	5	4	8	22	1	—	3	19	—	1	—
1787	134	31	29	2	—	—	26	4	—	1	31	—	—	3	26	1	—	1
1788	155	70	58	9	2	1	54	12	3	1	70	—	—	4	56	9	—	1
1789	45	32	24	7	—	1	30	1	1	—	32	—	—	1	27	4	—	—
1790	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1791	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1792	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	891	558	455	86	9	8	461	66	16	15	435	115	8	64	447	33	3	11

Годы.	Тип. Лопухина. Количество.	Томы. 1	2-4	5-10	Повтор. изд. 1	2-4	Иждивение. 1	4	Формат. 4⁰	8⁰	12⁰
1779	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1782	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1783	1	2	2	—	—	2	—	2	—	2	—
1784	25	19	5	1	22	3	25	—	6	15	4
1785	21	15	4	2	20	1	6	15	—	20	1
1786	2	2	—	—	2	—	2	—	—	2	—
1787	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1788	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1789	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1790	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1791	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1792	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	50	38	9	3	46	4	35	15	6	39	5

Годы.	Тип. Компании Типографической. Количество.	Томы. 1	2-4	5-10	Свыше.	Повтор. изд. 1	2-4	5-10	Свыше.	Иждивение. 1	4	Формат. 4⁰	8⁰	12⁰	16⁰	0⁰
1779	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1782	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1783	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1784	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1785	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1786	39	33	6	—	—	21	12	2	4	33	6	1	36	2	—	—
1787	102	86	13	2	1	54	43	3	2	102	—	11	83	6	1	1
1788	85	65	18	1	1	35	44	5	1	85	—	—	76	8	—	1
1789	12	10	2	—	—	12	—	—	—	12	—	—	10	2	—	—
1790	16	14	2	—	—	12	3	—	1	16	—	—	14	2	—	—
1791	7	6	1	—	—	7	—	—	—	7	—	1	6	—	—	—
1792	3	2	1	—	—	3	—	—	—	3	—	—	2	1	—	—
	267	219	43	3	2	147	102	10	8	258	9	13	229	22	1	2

Годы.	Неизвестные типографии. Количество.	Томы. 1	2-4	Повтор. изд. 1	Иждивение. 1	Формат. 4⁰	8⁰	12⁰	0⁰
1779	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1780	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1781	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1782	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1783	3	3	—	3	3	—	3	—	—
1784	3	3	—	3	3	—	2	—	1
1785	5	5	—	5	5	—	3	2	—
1786	2	2	—	2	2	—	2	—	—
1787	1	—	1	1	1	—	1	—	—
1788	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1789	1	1	—	1	1	1	—	—	—
1790	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1791	1	1	—	1	1	1	—	—	—
1792	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	16	15	1	16	16	2	11	2	1

Примечание. В графе иждивения колонки обозначают: 1 —не указано; 2—О-во, старающееся о напечатании книг; 3—Новиков и К⁰; 4—Типографическая Компания.
В графе формата 0⁰ обозначает отсутствие указаний на формат.

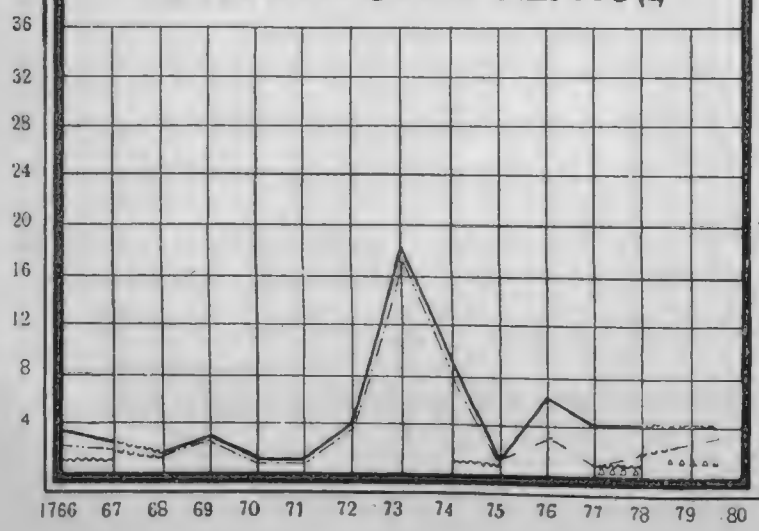
КОЛИЧЕСТВО НОВИКОВСКИХ ИЗДАНИЙ

ПО ГОДАМ и ТИПОГРАФИЯМ

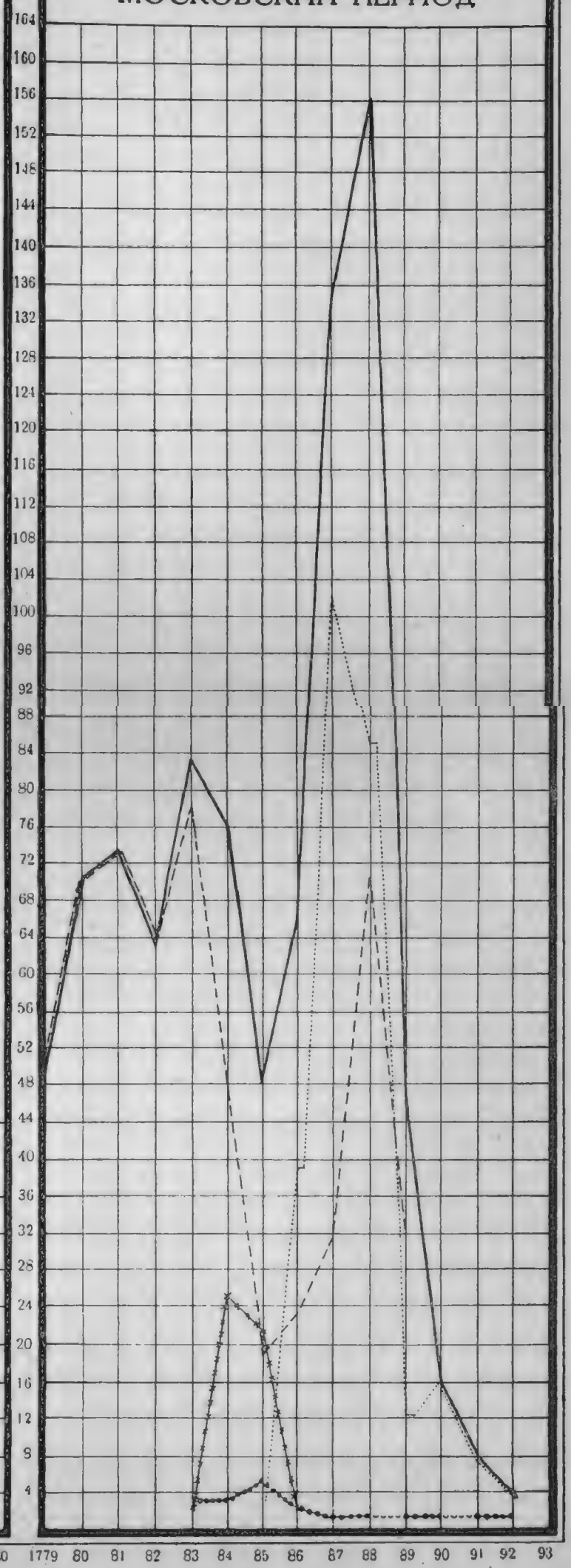
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Общее количество названий.
- Типография Академии Наук.
- Тип. Кадетского Корпуса.
- Тип. Вейтбрехта и Шнора.
- Тип. Московского Университета.
- Тип. Лопухина.
- Тип Компании Типографической.
- Издания без указания типографии.
- Годы без изданий.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД



МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД



М. А. ДОБРОВ

ТЕХНИКА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ КНИГИ XVIII ВЕКА

Среди богатого книжного наследия, оставленного нам XVIII столетием, видное место занимает иллюстрированная книга. Под книгой иллюстрированной мы разумеем здесь не только книгу с теми или иными изображениями на отдельных листах или в тексте, которые поясняют содержание книги, но также издания, в которых заставки или виньетки, а иногда и текст напечатаны с гравированных особым образом металлических досок. Виньетки эти обыкновенно изготовлялись для одной какой-либо книги и крайне редко появлялись в другой. В силу особых условий, среди которых важную роль играла техника производства, иллюстрированная книга XVIII века в количественном отношении далеко уступала книге не иллюстрированной. К последней мы относим все издания, которые заключают в себе лишь обыкновенный типографский текст, часто снабженный различными наборными украшениями, а также виньетками, печатавшимися с деревянных досок и клише. Запас таких досок и клише вместе с мелкими наборными украшениями из типографского металла имелся почти в каждой типографии.

Русская иллюстрированная книга XVIII века привлекает наше внимание своеобразием и подчас высокой художественностью своего облика. Своеобразная прелесть ее находится в теснейшей зависимости от техники выполнения иллюстраций. А техника эта прежде всего характеризуется отсутствием фото-механических процессов, которых книжное дело XVIII века не знало. Изготовление иллюстраций сводилось всецело к гравированию, при котором эффект передаваемого оригинального рисунка художника зависел исключительно от мастерства гравера.

Ввиду того, что литография появляется в России только в XIX столетии, в распоряжении иллюстратора имелось лишь два рода гравирования: выпуклое, при котором черты рисунка остаются в плоскости доски, в промежутках же, соответствующих белым местам оригинала, вещество доски более или менее удаляется,—и углубленное, когда черты рисунка углубляются в доску, белые же места оригинала соответствуют

нетронутой плоскости доски. Основание для раздела гравюр на две главные группы — выпуклых и углубленных — лежит не столько в способах гравирования, а тем более в употреблении того или другого материала, сколько в двух различных принципах печатания. Существенным является тот путь, которым гравированная доска передает краску бумаге. Если краска переходит на бумагу с плоскости доски, как это имеет место при типографском печатании, мы имеем гравюру выпуклую. Если же краска переходит на бумагу из углублений, имеющихся на доске, с плоскости же доски краска стирается (металлографское печатание), — мы имеем гравюру углубленную ([1]). Здесь следует отметить, что при печатании с плоскости глубина между отдельными выпуклостями доски не имеет существенного значения,— она должна быть только достаточно велика, чтобы не давать пятен на слегка прогибающейся бумаге. При печати же углубленной, наоборот, глубина штриха на доске находит себе полное отражение в оттиске: чем глубже штрих, тем больше краски он в себя принимает и затем отдает бумаге. Это последнее обстоятельство и составляет главную особенность углубленной гравюры: в ней тон присущ самому штриху, так как может меняться в пределах этого штриха, если глубина его переменна. В гравюре выпуклой достижение тона возможно лишь путем более или менее частого расположения штрихов, меняющихся в своей ширине, но одинаковых по силе тона, так как толщина слоя краски везде остается неизменной.

В процессе исполнения гравированной иллюстрации следует различать два момента: собственно гравирование, т.-е. получение изображения на том или другом твердом материале, и печатание, т.-е. получение изображения при посредстве гравированной доски на более или менее мягком материале, обыкновенно бумаге, иногда тканях.

Рассмотрим сначала различные способы гравирования, которые могут быть отнесены, как сказано выше, к двум главным типам.

Выпуклая гравюра была представлена ксилографией, т.-е. гравюрой на дереве, и именно способом обрезной гравюры. Способ этот состоял в том, что на доску наносился штриховой рисунок, и гравер тщательно обрезал каждый штрих. Материалом для гравирования служило, обыкновенно, грушевое дерево, при чем доска распиливалась продольно — по направлению древесных волокон, а не поперечно, как это

стало практиковаться впоследствии. Гравировали особыми ножами, которыми обрезали каждую черту рисунка. Промежутки между штрихами затем вынимались и, если нужно, углублялись с помощью различных долот и стамезок. Этот род гравюры не является для XVIII века характерным. Ксилография применялась по преимуществу для гравирования заставок, виньеток и т. п.

Неоспоримое господство в иллюстративной практике было на стороне гравюры углубленной. Еще за предыдущее столетие на Западе задача воспроизведения и популяризации великих образцов живописи выдвинула углубленную гравюру, как обладающую богатыми средствами в передаче тона и цвета живописных произведений. Она получила широкое распространение и завоевала общую любовь. Естественно, что постепенно она перешла в книгу и в ней укоренилась. Немаловажную роль в том предпочтении, которое XVIII столетие оказывало углубленной гравюре, играло столь отвечавшее вкусам времени изящество ее, тонкость и красота штриха.

Углубленную гравюру, представленную в русской книге довольно богато, можно подразделить на две основных группы: к одной относятся гравюры, в которых фактура определяется более или менее ясно выраженным штрихом, к другой — гравюры, в которых она сводится к сплошным массам точечной структуры. Вместе с тем по технике следует различать способы, в которых гравирование состоит в механическом воздействии на поверхность доски, и способы, в которых углубленный рисунок на металлической доске является следствием химического процесса. Возможно еще комбинирование различных технических приемов при гравировании одной и той же доски. Таким образом, мы имеем следующие главнейшие виды углубленной гравюры: 1) гравюру резцом (механический процесс), 2) офорт (химический процесс), 3) комбинирование офорта с гравированием резцом, 4) черную манеру (механический процесс), 5) акватинту (химический процесс), 6) пунктирную манеру (комбинация механических приемов и травления). Первые три вида гравюры имеют штриховой характер, три последних относятся к группе сплошной точечной фактуры.

Рассмотрим более подробно все эти способы гравирования.

1. Гравирование резцом является одним из старейших способов, впервые примененным для размножения оттисков еще в XV столетии. Оно сводится к прорезанию поверхности

металлической доски особым острым инструментом, резцом. Резец (burin, Grabstichel) состоит из небольшого, хорошо закаленного стального бруска с квадратным или ромбическим сечением, вделанного в точеную деревянную ручку, напоминающую формой грушу или гриб. Передняя часть бруска косо срезана и оканчивается трехгранным острием. При работе ручка резца упирается в ладонь правой руки, указательный палец ложится на резец сверху, большой же нажимает на него сбоку. Надавливанием ладони сообщается резцу общее движение справа налево, пальцы же указательный и большой управляют лезвием резца. Направление движения резца всегда сохраняется то же. Для получения изгиба штриха соответветствующим образом поворачивается гравируемая доска, которую гравер левою рукою придерживает перед собой на наклонной плоскости. Предназначаемая для гравирования доска, обыкновенно медная, должна быть хорошо отшлифована и отполирована. Последовательность работы была следующая. Контуры рисунка переносились на доску и затем слегка прочерчивались иглой. Затем гравер строго обдумывал направление штрихов, наиболее подходящее для моделировки изображаемых предметов: человеческого тела, складок одежды, драпировок и т. п., намечал штрихи на доске слегка иглой и уже затем приступал к гравированию резцом, применяя резцы различной формы и величины в зависимости от характера штриха и желаемой степени углубления его. Это — так называемая классическая гравюра, в которой царил строжайший порядок в размещении штрихов.

2. Почти столь же старым, как и резцовая гравюра, применявшимся еще во времена Дюрера, был другой способ гравирования, так называемый офорт (eau-forte). Техника его состояла в следующем. Отшлифованная металлическая доска, обыкновенно из красной меди, предварительно подогретая, покрывалась ровным слоем особого лака и, еще не вполне остывшая, закапчивалась с помощью факела, скрученного из восковых свечек. По остывании лак твердел и в соединении с копотью, сообщавшей ему большую прочность и черноту, образовывал на поверхности доски изолирующий от действия кислот грунт. На такую загрунтованную доску, обычно с помощью перевернутой кальки, переводился рисунок. Затем гравер, вооружившись остро заточенной иглой, вделанной в деревянную ручку, процарапывал грунт, обнажая металл. Медь начинала выступать светлыми чертами на черном фоне доски, давая негатив-

ное изображение. Первое существенное отличие этого способа от резцовой гравюры заключалось в той совершенной свободе движений иглы, которая так не свойственна резцу. Вторая важная особенность касалась углубления штрихов, которое производилось химическим действием кислот на обнаженный металл доски. Для травления меди применялась более или менее разбавленная водой „крепкая водка". Чтобы кислоту можно было налить на доску, по краям последней делали борт из воска. Глубина травления регулировалась с помощью постепенных прокрываний по мере травления отдельных частей рисунка жидким лаком, наносимым на доску кистью. В чистом виде офорт для иллюстрирования книги применялся сравнительно редко.

3. Из комбинирования двух описанных способов появляется смешанный вид гравирования, в котором преобладает либо гравирование резцом, либо офорт. В некоторых случаях офорту отводилась сравнительно скромная роль контурной подготовки для гравюры резцом, в других доска весьма основательно прорабатывалась офортом и только заканчивалась резцом. Резец считался более подходящим для выработки передних планов, человеческих фигур, зданий; офорт же был удобнее для пейзажных фонов. В практике русской гравюры XVIII века Шхонебек, голландский гравер, приглашенный на службу Петром I, значительную часть гравирования производил травлением; в школе же Вортмана, приехавшего в Россию в 1727 г. по приглашению Шумахера, преобладала резцовая гравюра. Наконец, Шмидт, работавший в России с 1757 по 1762 год, комбинировал офорт с резцом и сухой иглой ([2]), искусно пользуясь присущими каждому из этих способов особенностями.

4. Задача, поставленная выпуклой гравюре,—воспроизводить оригиналы живописи—побуждала граверов искать новых путей в передаче живописной техники. Еще в XVII веке фон-Зиген (Ludwig von Siegen) изобрел новый способ гравирования. Этот способ, так называемая „черная манера" (gravure en manière noire, mezzo-tinto), являлся процессом механическим, но совершенно отличным от других способов самым принципом работы. В то время как во всех других способах граверу приходилось вырезать или выцарапывать штрихи и точки, соответствовавшие теням оригинала, в черной манере ему приходилось работать над светлыми местами, аналогично ри-

сунку или живописи белым веществом на черном материале. Сущность процесса такова. Ровная медная доска обрабатывалась так, чтобы при печати дать ровный интенсивный черный тон. Для этого употреблялся особый инструмент, гранильник или качалка (Granier-stahl, berceau). Он состоял из стальной пластинки с изогнутым дугообразно острым и зубчатым краем, вделанной в деревянную ручку. Раскачивая гранильник и сообщая ему в то же время зигзагообразное поступательное движение, гравер проходил всю доску сначала в направлениях сторон доски, а затем в направлениях под углом в 45° к сторонам. Операция эта должна была повторяться десятки раз, чтобы поверхность доски разрыхлилась и приобрела ровную сплошную зернистость. Эта утомительная механическая работа производилась специальными мастерами. Для гравирования на приготовленной таким образом доске служили особые стальные инструменты, именно: острые шаберы, которыми гравер проскабливал поверхность доски в тех местах, где она должна меньше задерживать краску, и полированные гладилки, которыми гравер выглаживал доску там, где краска совсем не должна задерживаться. Таким образом можно было получать все переходы тонов, от бархатно-черного фона доски до совершенно светлых бликов, достигнутых с помощью гладилки. Это давало возможность близко передавать живописный характер оригинала. Главное применение черной манеры было в области воспроизведения портрета.

5. Значительные трудности, которые представлял только что описанный способ гравирования, заставляли граверов XVIII века искать для разрешения той же задачи — передачи в гравюре сплошного тона—новых, более быстрых технических средств. Все эти попытки заключают в себе применение травления. В результате появляется так называемая акватинта. Следует различать три главнейшие стадии в развитии этого нового способа.

Первые попытки сводились к травлению обнаженной поверхности доски. Градация тонов достигалась покрыванием жидким лаком с помощью кисти отдельных участков доски, начиная с самых светлых, и повторными травлениями. Оттиск с такой доски представлял подобие рисунка, сделанного китайской тушью или сепией. Отсюда название — гравюра лависом (gravure au lavis). Способ этот оказался весьма несовершенным, так как при печатании бо́льшая или меньшая шероховатость, дававшая тон, быстро сглаживалась, и тон пропадал.

Несравненно более совершенным явился способ Стапара (Stapart), опубликованный им в 1773 году. Он заключался в следующем. Медная доска покрывалась твердым грунтом, как для офорта. Затем гравер, поддерживая температуру плавления лака и не давая грунту застыть, с помощью мелкого сита припудривал доску солью. Крупинки соли, благодаря своей тяжести проникая сквозь грунт, опускались на поверхность металла. Когда лак застывал, доску клали в воду. Крупинки соли растворялись в воде, оставляя свободные промежутки в слое грунта. Для травления употреблялся особый полужидкий состав, который с помощью кисти наносился на доску поверх грунта и разъедал металл через имеющиеся в грунте отверстия. Для получения более сильного травления травящий состав употреблялся более сильный. Таким путем возможно было получать градацию тонов.

Наконец, французский гравер Jean Baptiste Leprince изобрел еще более совершенный способ гравирования, с помощью которого достиг превосходных результатов, но держал его в секрете. Только после смерти гравера способ его был обнародован в 1782 году. Претерпев ряд изменений и усовершенствований, он получил в Англии широкое распространение под названием акватинты (gravure à l'aquatinte) и оттуда вновь проник на материк. Процесс работы в общих чертах заключался в следующем. Медная доска, на которой обычным способом офорта был награвирован контур рисунка, вновь перекрывалась грунтом. На этот грунт в тех местах, где должны быть тени, с помощью кисти накладывался особый состав ([3]), который растворял грунт и затем удалялся тряпкой. Обнаженные таким образом места доски очищались от жира с помощью каолина. Затем доска при помощи сита запудривалась канифолью, после чего подогревалась настолько, чтобы частицы смолы расплавились и в виде капелек пристали к доске, образуя сплошной зернистый слой. В таком виде доска подвергалась травлению в азотной кислоте, которая разъедала металл только через промежутки между приставшими к доске крупинками канифоли. Градация теней достигалась путем приостановок травления и покрывания достаточно протравленных мест жидким лаком с помощью кисти.

В России лавис и акватинта появляются только в самом конце XVIII века.

6. Рядом с двумя только что описанными способами гравирования следует поставить третий, стремившийся также к передаче сплошных и растушеванных тонов. Это — так называемая пунктирная манера (gravure au pointillé). Здесь сплошные массы тона разлагаются на бесчисленное количество точек различной величины и глубины. Самая техника гравирования была смешанная. Сначала на покрытую твердым грунтом доску точки наносились иглами, иногда имевшими два или три острия, или же особыми рулетками, представлявшими приделанные к ручке колесики, вращавшиеся на оси и снабженные коническими остриями. Затем доска травилась, как в офорте, после чего, освобожденная от грунта, обрабатывалась особыми пунсонами, которыми углублялись протравленные точки в темных местах и наносились новые, если это требовалось. Доска заканчивалась нанесением нежнейших тонов с помощью игол, которыми гравировали по обнаженной доске, без травления. Пунктирная манера получила широкое распространение в Англии в последнем тридцатилетии XVIII века благодаря работам флорентийского гравера Франческо Бартолоцци. Отправленный в 1773 году в Лондон в качестве пенсионера Академии и обучавшийся гравированию у Бартолоцци русский гравер Г. И. Скородумов усвоил в совершенстве приемы новой техники. По возвращении в Россию он стал с успехом применять новый способ в своих работах.

Таковы главнейшие способы гравирования, составлявшие существенную часть техники иллюстрированной книги XVIII века. Все они отличались значительной сложностью процессов и требовали серьезной специальной подготовки со стороны гравера. Проистекавшая отсюда медлительность в изготовлении иллюстраций еще усугублялась особенностями процесса печатания с металлических досок, существенно отличавшегося от типографского печатания.

Печатание гравюр выпуклых совершенно тождественно с обыкновенным типографским печатанием, поэтому ксилографская доска, при условии одинакового роста с шрифтом, может быть заключена с ним в одну форму. Следовательно, оттиск гравюры на бумаге получается одновременно с оттиском набора. Это весьма важное преимущество ксилографии с точки зрения экономии времени и труда. Оттиск углубленной гравюры получался далеко не так просто. Процесс металлографского печатания сводился к следующим моментам. Бу-

мага для того, чтобы принять с доски краску, должна обладать известной степенью влажности, что вызывало необходимость заранее соответствующим образом подготовить требуемое количество бумаги. Если к тому же бумага содержала слишком много клея, то его надо было удалить путем более или менее продолжительного вымачивания, иначе краска плохо пристала бы к бумаге. Затем краска при посредстве тампона из фланели или льняных оческов распределялась на поверхности гравированной доски и вбивалась тем же тампоном до тех пор, пока не проникала во все углубления. После этого с плоскости доски краска начисто стиралась вымоченными в соленой воде полотняными тряпками. Получившая таким образом краску гравированная доска помещалась на доску металлографского пресса. Сверху накладывался влажный лист бумаги. Все это покрывалось сукном и пропускалось между двумя зажатыми цилиндрическими валами пресса. Полученный оттиск надо было еще просушить. Такое печатание называлось „холодным способом". Существовал другой — „горячий способ" печатания, при котором доска нагревалась. Краска от нагревания становилась жиже и легче выходила из углублений доски. Способ этот применялся предпочтительно при печатании гравюр, имевших тонкие и нежные штрихи.

Итак, печатание с углубленно гравированных досок производилось отдельно от печатания текста и на особых станках; оно было во много раз медленнее обыкновенного типографского печатания. Кроме того, оно требовало большого искусства от печатника. Хорошие печатники были редки и всегда ценились. Успех в значительной мере зависел и от качества материалов, краски и бумаги.

Рассматривая в главных чертах технику гравирования и печатания, мы до сих пор не касались вопроса о цветных иллюстрациях. Цветные иллюстрации в книге представляют: или гравюру, отпечатанную в несколько красок, или гравюру, раскрашенную от руки кистью. Цветные гравюры не представляют особого способа гравирования. Любым способом гравированная доска может быть напечатана в несколько красок. Для этого каждая краска наносится на соответствующее место доски с помощью небольшого тампона, отдельного для каждой краски. При таком способе печатания, после стирания краски с плоскости доски, границы между отдельными цветами слегка сбиваются и становятся неопределенными. Дела-

лись попытки устранить это неудобство. В первой половине XVIII века уроженец Франкфурта гравер Jacques Christophe Le Blon изобрел способ печатания с нескольких досок. Способ его основан на принципе получения всех сложных цветов и оттенков из трех основных: синего, желтого и красного. Каждая доска гравировалась с особым расчетом на цвет и тон, и затем служила для печатания с нее одной из трех основных красок. С трех досок оттиски получались на одном и том же листе бумаги, при чем с помощью особых заметок на досках и бумаге следили за тем, чтобы оттиски точно совпадали. Le Blon свои доски гравировал способом черной манеры. Позднее стали применять пунктирную манеру и акватинту.

В русской книге XVIII века цветная гравюра встречается крайне редко. Как пример можно указать „Басни и сказки И. И. Хемницера, въ трехъ частяхъ... Въ Санкт-Петербургѣ, 1799", где имеются иллюстрации, печатанные в две краски с двух досок, исполненых акватинтой. В большинстве случаев, когда по содержанию иллюстраций важно было указать цвет, как, напр., в сочинениях по естествознанию или географии, обыкновенно прибегали к раскраске гравюр акварельными красками. Раскраска производилась иногда несколькими мастерами, которые, придерживаясь данного образца, с присущим каждому художественным вкусом и техническим уменьем справлялись с задачей. Экземпляры одного и того же издания по качеству раскраски иллюстраций получались иногда довольно различными. Зачастую случалось, что только часть экземпляров раскрашивалась. В некоторых случаях прибегали к акварельной раскраске оттисков исключительных экземпляров издания, предназначавшихся для поднесения.

Ознакомившись с главнейшими способами гравирования, применявшимися в XVIII столетии, и с особенностями металлографского печатания с гравированных этими способами досок, мы имеем возможность сделать общий обзор техники иллюстрированной книги и уяснить те своеобразные явления, которые тесно связаны с особенностями этой техники.

Постараемся прежде всего определить, какую роль в создании иллюстрированной книги играл каждый из двух основных способов печатания, применявшихся в книжном производстве XVIII века: типографский и металлографский.

Все книги XVIII века в отношении процесса печатания можно разбить на три группы: книги, печатавшиеся типограф-

ским способом, книги, печатавшиеся металлографским способом, и, наконец, такие, производство которых требовало обоих способов печатания. К первой группе должна быть отнесена вся масса книг не иллюстрированных, и те весьма редкие книги, в которых иллюстрации исполнялись ксилографским способом. Ко второй группе следует отнести особый вид книги, в которой не только иллюстрации, но и весь текст гравировался углубленно на металлических досках. Это—так называемая гравированная книга. Каждой странице ее соответствовала обычно особая доска, на которой награвирован был текст, сопровождавшийся иногда иллюстрациями, виньетками и заглавными буквами. Оттиск получался металлографским способом, обыкновенно только на одной стороне листа, отдельного для каждой страницы. Обратная сторона листа, оставалась чистой. Листы затем последовательно склеивались или сшивались. Печатание таких книг велось гораздо медленнее, чем типографское печатание, да и заготовка доски требовала больше времени и труда, чем типографский набор. Поэтому гравированная книга никогда не отличалась большим объемом и не выпускалась в большом количестве. Одним из лучших образцов такой книги является: „Россійской Апофегматъ или Выпись изъ Наказа даннаго Коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія" 1778 года. Существуют, по крайней мере, два варианта этого издания, и в обоих текст представляет каллиграфически выдержанный курсив с оригинальными заглавными буквами. К этой же группе следует отнести различные азбуки и прописи, а также некоторые издания, приближающиеся к типу лубочных: календари, синодики и т. п.

В громадном своем большинстве иллюстрированная книга должна быть отнесена к третьей из перечисленных выше групп, т.-е. она получалась в результате применения двух способов печатания: текст вместе с типографскими виньетками и украшениями печатался обычным типографским способом, иллюстрации же и гравированные на меди виньетки — металлографским. Здесь следует различать два случая: во-первых, когда иллюстрации печатались на отдельных листах, и, во-вторых, когда иллюстрации и виньетки печатались на тех же самых листах, на которых печатался и текст. В первом случае, изготовление иллюстраций и печатание текста могло вестись параллельно. По отпечатании иллюстраций и текста на разных листах книга брошюровалась, при чем листы с иллюстрациями,

чертежами и пр., часто имевшими особую нумерацию, а иногда ссылки на страницы и части книги, к которым они относятся, подшивались или подклеивались к листам с текстом. В тех случаях, когда величина доски превышала размеры бумаги, как, напр., при печатании карт для атласов, архитектурных чертежей, приходилось листы бумаги склеивать. Затем такие листы, вклеенные в книгу, еще складывались соответственно ее формату.

При общем обзоре металлографской гравюры приходилось отмечать медленность процессов как гравирования, так и печатания. Эта особенность металлографии по сравнению с типографским печатанием настолько важна по своим последствиям, что на ней следует остановиться подробнее. Поучительные указания на это взаимоотношение обоих полиграфических процессов можно найти в переписке (4) ведавшего типографские дела начальника монастырского приказа боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина с царем Петром в период издания первых книг, печатавшихся гражданским шрифтом. В письме от 25 апреля 1708 г. Мусин-Пушкин, давая отчет о печатании „Геометрии", пишет: „а къ геометрическимъ книгамъ фигуры еще у г. коменданта (5) не въ готовности. А Дмитрій Сибирякъ, по твоемъ государевѣ отъѣздѣ, принесъ ко мнѣ только къ одной книгѣ фигуры". В письме от 9 июня он опять сетуетъ: „а геометрическія фигуры у г. Гагарина еще въ совершенство не пришли", и далее прибавляет: „А какъ къ намъ от Гагарина фигуры всѣ присланы будутъ, и мы напечатаемъ не мѣшкавъ". Последнее заверение Мусина-Пушкина для нас очень ценно, так как оно приводит нас к сопоставлению металлографского процесса изготовления „фигур" с типографским печатанием. Сопоставление это еще рельефнее выступает в следующем письме от 23 августа 1708 г. Отвечая Петру на его запрос, Мусин-Пушкин пишет: „Письмо твое государево, писанное въ 7 день августа, получихъ того же мѣсяца, въ которомъ писано о книгахъ: геометрической, которая у меня, о архитектурной и о фортификаческой, которыя у г. Гагарина, и чтобъ справиться съ Гагаринымъ: для чего долго Пикторъ (т.-е. Пикар) фигурами замѣшкалъ? И о семъ доношу твоему величеству: книга геометрическая, которая у меня, литерами напечатана и давно въ готовности, и къ тебѣ, государю, одна послана; а фигуры приложены были тѣ, которыя отданы были мнѣ, а отъ Гагарина еще в присылкѣ

нѣтъ. А мая въ 7 день, въ твоемъ государевомъ письмѣ, ко мнѣ писано, чтобъ подписи напечатать мелкою печатью на одномъ листѣ съ фигурами; и у насъ бы то дѣло скоро мочно сдѣлать, но остановка для фигуръ, что еще всѣ не совершены"... „и если въ готовности будутъ фигуры — у насъ въ одну недѣлю будетъ готова". Когда же речь заходит о книге „фортификаческой", то Мусин-Пушкин прибавляет: „А въ той книгѣ фигуръ больше 300 не малыхъ, а Пикторъ, чаю, и въ полгода не сдѣлаетъ".

И срок этот нисколько не преувеличен. Ускорить же работу было не так просто. В письме от 4 января 1709 г. Петр, выговаривая Мусину-Пушкину за ухудшение качества новых книг против „кумплементальной (6) и слюзной (7)", между прочим, указывает: „Такожъ и въ купорштихерсѣ знать, что свершено не гораздо чисто". В ответе от 18 января 1709 г. Мусин-Пушкин дает объяснение: „Нечистота въ фигурахъ у Пикарта учинилась отъ поспѣшенія. И я ему приказалъ, чтобъ хотя и нескоро, только бы тщательно и чисто делалъ". Таким образом круг завершился: попытка ускорения работы дала ухудшение качества продукции, что привело, в свою очередь, к сознанию благоразумной неторопливости.

Таково было с самого начала различие темпов типографского печатания и производства металлографских иллюстраций. Частичный выход из затруднения был осознан еще Мусиным-Пушкиным. В письме от 27 декабря 1708 г. он правильно оценивает положение словами: „токмо мѣшкота чинится отъ Пикарта, понеже одинъ онъ, а учениковъ два человѣка и тѣ плохи". То были: Василий Томилов и Иван Зубов. Печатание же производилось на единственном „фигурномъ цилиндрическомъ станѣ" с железными точеными валами, купленном в свое время у Леонтия Бунина, знаменщика Серебряной Палаты. Увеличение штата граверов и печатальщиков, а также количества печатных станков, конечно, могло бы до некоторой степени способствовать ускорению производства иллюстраций. Действительно, мы видим, что впоследствии число граверов и печатальщиков, а вместе с тем и количество металлографских станков увеличилось. Но так как в то же время возросло и книгоиздательство, то это мало повлияло на ускорение производства. А главное, это то, что обрисованная в письмах Мусина-Пушкина „мѣшкота" изготовления иллюстраций коренилась в самой сложности металлографских процес-

сов, особенно печатания. Ровинский приводит справку о продуктивности металлографской печати, находящуюся в бумагах академика Гамеля и выписанную последним из дела Головина, находящегося в Оружейной Палате (8). На вопрос, сколько листов в день печатают, следует ответ: „Большихъ по 20 и по 30 листовъ, а иныхъ статей, которые не большіе листы когда доведется печатать выходитъ листовъ по 80". Такая продуктивность весьма незначительна даже по сравнению с самым примитивным типографским печатанием на ручном станке.

Если печатание иллюстраций, помещавшихся на отдельных листах в книге, которые могли печататься одновременно с текстом, так тормозило выход издания, то в тех случаях, когда металлографские иллюстрации или виньетки помещались на странице вместе с текстом, задержка была еще ощутительнее. Печатание текста и иллюстраций не могло вестись одновременно: тот же самый лист должен был пройти между валами металлографского пресса и подвергнуться нажиму типографского станка.

Помимо сложности процессов, металлографская техника имела одну важную особенность, которая на-ряду с отмеченной выше медленностью породила ряд своеобразных явлений в иллюстрированной книге XVIII века. Мы имеем в виду ту часть процесса печатания, когда краска вбивается в углубления доски, и затем счищается с ее поверхности. Медь при этом от трения постепенно стирается. В оттиске мало-по-малу начинают исчезать самые тонкие, нежные штрихи, затем заметно ослабляются и все тона гравюры. Быстрота стирания доски зависела как от характера гравирования, так в значительной мере и от уменья и опытности печатальщика. Неумелое и неосторожное обращение с доской могло быстро привести ее в негодность. Наоборот, в искусных и опытных руках та же доска могла дать во много раз больше хороших оттисков. Большое значение как для качества оттисков, так и для сохранения досок имели краска и бумага, на которой печатались гравюры. Хорошая тряпичная бумага, мало или совсем неклееная, давая лучшие оттиски, в то же время способствовала сохранению доски. Но хорошую заграничную бумагу, выписывавшуюся по преимуществу из Голландии, употребляли только для особых, лучших оттисков. В особенности хорошая неклееная бумага требовалась для печатания

с досок, гравированных черной манерой. На это указывал Штенглин, жалуясь на бумагу русского изготовления, как на непригодную для печатания „тушевальныхъ фигуръ“, и предлагая заказать на русских мельницах неклееную бумагу, подобную заграничной.

Что касается зависимости быстроты стирания досок от техники гравирования, то на это имеются указания у Барча. Согласно его свидетельству, доска, резанная сильно и глубоко, может дать до 1.500 хороших оттисков и еще столько же слабее. Доска, резанная менее глубоко, дает соответственно меньшее число хороших оттисков. Всего меньше хороших оттисков получается с досок, гравированных черной манерой, — от 100 до 150.

Таким образом постепенное стирание доски и связанное с этим ухудшение оттисков — явление неизбежное, наступавшее рано или поздно, даже при наличии самых благоприятных условий. Вначале, при Петре, это обстоятельство не имело особенного значения, так как число печатавшихся экземпляров было невелико: „Геометрия“ 1708 г., напр., была выпущена в количестве 200 книг. Но с течением времени число печатавшихся экземпляров издания значительно возросло. Так, „Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года“, отпечатано было в количестве 3.206 экземпляров, как это видно из переписки об уплате денег типографии Московского Университета за напечатание описания маскарада ([9]).

Чтобы продолжать дальнейшее печатание с доски, которая начинала уже давать плохие оттиски, ее надо было вновь проработать резцом. В практике эстампного производства XVIII века во Франции подобная проработка доски, ретушь, предусматривалась часто договором, заключавшимся между издателем и гравером ([10]). Ретушь существовала и в практике русской иллюстрированной книги, как о том можно судить по наличию различных состояний одной и той же доски в различных экземплярах одного и того же издания или разных изданий. Так, напр., два различных состояния ([11]) доски обнаруживаются в портрете царя Алексея Михаиловича, помещенном в „Уложеніи“ издания 1737 года, именно: сравнивая два экземпляра этого издания в Библиотеке Российского Исторического Музея (Г29 $\frac{02}{3}$ и 31 $\frac{1}{22}$), в первом мы находим бо-

лее раннее, во втором — последующее состояние той же доски. Подобная подправка доски в период печатания, и без того, как мы видели, слишком медленного, несомненно еще более задерживала выпуск издания.

И вот, в изданиях XVIII века мы обнаруживаем ряд попыток разрешения этой трудной задачи, вставшей перед издателем иллюстрированной книги. Простейшим выходом был, повидимому, отказ от иллюстраций в части экземпляров, когда доска изнашивалась и начинала давать плохие оттиски, или же когда печатание иллюстраций грозило слишком задержать выпуск издания. В таких случаях часть экземпляров выпускалась без иллюстраций, или же в них металлографские виньетки заменялись типографскими. Хорошим примером такого разрешения задачи может служить „Повѣственное, землемѣрное и естествословное описаніе Очаковскія Земли...“, сочиненное Андреем Мейером. Печатано в С.-Петербурге у Шнора в 1794 году. В одном экземпляре ([12]) мы находим 4 заставки, в другом только 2, наконец, в третьем нет ни одной. Во всех случаях, когда заставка отсутствует, мы имеем чистые, ничем не заполненные места вверху ѣтраницы. Другим примером, повидимому, аналогичного способа ускорения выпуска издания могут служить два варианта книги „Родственникъ Магомета, или цѣлительное дурачество...“. В Москве, в вольной типографии Пономарева, 1785 года, в двух частях. В первом варианте часть 1 содержит 226 стр., во втором та же часть содержит только 188 стр. Экземпляры ([13]) обоих вариантов частью имеют иллюстрации, частью их не имеют. Характерно, что ссылки на страницы, имеющиеся на трех иллюстрациях к первой части, согласуются с текстом для первого варианта, и совершенно не подходят для второго. Вместе с тем иллюстрации в первом варианте довольно отчетливы, т.-е. свидетельствуют о свежести доски, тогда как во втором варианте оттиски значительно хуже, как будто доска порядочно стерлась. Сопоставление этих фактов дает возможность предположить, что иллюстрации готовились к первому варианту, но запоздали и вошли только в часть выпущенных экземпляров, а затем те же доски были использованы при выпуске второго варианта.

На-ряду с такими изданиями, в которых часть экземпляров лишена иллюстраций, имеются книги, повидимому, в большинстве не иллюстрированные, но отдельные экземпляры ко-

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА,

ОБЩЕНАРОДНОЕ ЗРѢЛИЩЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

БОЛЬШИМЪ

МАСКАРАДОМЪ

ВЪ МОСКВѢ 1763. ГОДА, ГЕНВАРЯ, ДНЯ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Обычный экземпляр.

торых снабжены металлографскими виньетками. Такова „Россійская азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественныхъ школъ по Высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ“ (1781 г.). В одном экземпляре (14) на титульном листе и на

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ
МИНЕРВА,
ОБЩЕНАРОДНОЕ ЗРѢЛИЩЕ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЕ
БОЛЬШИМЪ
МАСКАРАДОМЪ
ВЪ МОСКВѢ 1763. *ГОДА, ГЕНВАРЯ ДНЯ.*

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Бахрушинский экземпляр Библиотеки Росс. Исторического Музея.

стр. 47 имеются обычные ксилографские виньетки, в другом экземпляре (15) на тех же листах напечатаны другие виньетки, весьма тонко гравированные на меди. Аналогичное издание „Слово о тайнообразіи Римско-Католического омофора... говоренное... Архіепископомъ Халкидонскимъ (что нынѣ Карди-

налъ) Г. Аркетти...“ у Шнора, СПБ. 1784 г., имеет обычно на последней странице только две концевые линейки. В экземпляре Щапова ([16]) Библиотеки Российского Исторического Музея на стр. 12, вместо указанных выше линеек, напечатана хорошей работы металлографская виньетка, на которой изображен герб, поддерживаемый двумя херувимами.

В приведенных примерах снабжение некоторых экземпляров металлографскими виньетками, возможно, порождено желанием выделить эти экземпляры, как исключительные, предназначенные для поднесения. Повидимому, так обстоит дело с приведенным выше описанием маскарада „Торжествующая Минерва“. В обычных экземплярах этого издания имеются только типографские виньетки. Известно несколько экземпляров этого издания, в которых вместо двух из упомянутых виньеток имеются металлографские гравюры, очень хорошо исполненные: на одной изображен пляшущий сатир, на другой — лицо Бахуса. Среди тех же документов, в которых имеются указания на количество отпечатанных экземпляров описания маскарада, находится счет, устанавливающий, что 6 экземпляров были напечатаны на полуалександрийской немецкой бумаге, тогда как остальные 3.200 на более обыкновенных сортах бумаги. Тут же приложен другой счет, из которого видно, что особо было уплачено типографии „за припечатаніе въ книжкахъ сатирическихъ лицъ“. Несомненно, что лучшая бумага потребовалась для металлографской печати. Что нормальным экземпляром данного издания надо считать не иллюстрированный, явствует из полной уравновешенности текста его титульного листа, между тем как в экземплярах с металлографскими виньетками ввиду значительных размеров доски несколько строк сдвинуто, чем нарушена общая композиция страницы.

В некоторых случаях средством ускорения выхода издания было ускорение самого металлографского печатания. Так, несколько иллюстраций гравировались на одной доске. При двух иллюстрациях, печатавшихся таким образом сразу, время печатания сокращалось почти вдвое, при четырех — вчетверо. При брошюровке книги оттиск разрезался.

Другой способ ускорения печатания состоял в размножении досок, с которых производилось печатание. Способ этот в то же время являлся средством ослабить влияние неизбежного стирания доски и применялся по преимуществу к изданиям с большим тиражем. Ввиду того, что современные спо-

собы размножения досок, как, напр., гальванопластический, не были известны, размножать доски приходилось путем перевода и гравирования одного и того же рисунка на нескольких досках. Превосходным примером такого случая может служить приводившееся выше „Уложеніе“ царя Алексея Михайловича, издания 1737 года. В этом издании имеется портрет Алексея Михайловича на отдельном листе, заставка и заглавная буква „*Г*“, гравированные на меди и помещенные на стр. 1. По экземплярам Российского Исторического Музея и Библиотеки имени Ленина (б. Государственного Румянцовского Музея) устанавливаются три различных доски для портрета и по пяти различных досок для заставок и заглавной буквы. Лучший портрет гравирован Вортманом (17), два других меньше размерами и слабее по качеству рисунка и техники. Лучшая из виньеток, встречающаяся в тех же экземплярах, где имеются портреты работы Вортмана, имеет внизу подпись: „Wortman Direx: Matternovij sculp: 1736:“, вторая (18) — имеет подписи Ивана Соколова и Ефима Виноградова, третья (19)—Ивана Соколова и Алексея Грекова. Остальные два варианта доски не имеют подписей. Другой случай размножения досок мы находим в книге: „Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя... данный комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1770 года“. В ней имеется заставка, повторенная на стр. 2 и 3, и концевая виньетка — на стр. 402 и 403. По экземплярам Библиотеки Росс. Историч. Музея устанавливаются четыре доски для заставки и две доски концевой виньетки. На последних двух имеются подписи Штелина и Рота. В противоположность изданию „Уложенія“ царя Алексея Михайловича издания 1737 г. в Наказе 1770 года все доски по качеству рисунка и гравирования равноценны.

В приведенных примерах мы имеем случаи размножения досок при выпуске одного издания. С другой стороны, могло случиться, что та или иная доска, по выпуске издания, сохраняла еще свою печатоспособность. Являлась таким образом возможность использовать ее до конца при повторных изданиях книги. Такое использование той же доски, иногда ретушированной, мы обнаруживаем в изданиях „Уложенія“ царя Алексея Михайловича 1756, 1776, 1790 и 1792 годов.

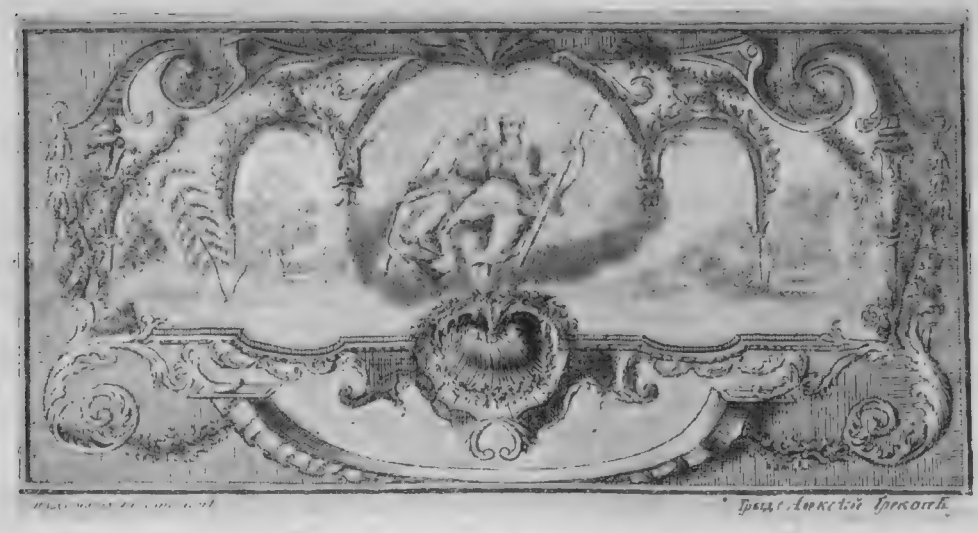
Весьма интересный случай использования доски можно наблюдать в издании „Вечера, еженедѣльное изданіе на

Заставка на стр. 1 „Уложения“ Алексея Михайловича, издания 1737 г., по экз. Библиотеки Исторического Музея.

1772 годъ. Въ Санктпетербургѣ“, где на титульном листе помещена виньетка, изображающая пляшущего сатира и являющаяся оттиском с той самой доски, с которой печаталась эта виньетка в указанной выше книжке „Торжествующая Минерва“, выпущенной в Москве в 1763 году.

Таковы главнейшие черты техники иллюстрированной книги XVIII века. Знакомство с этой техникой помогает нам разобраться в том сложном впечатлении, которое производит на нас эта книга. Мы обнаруживаем в ней изысканное, утонченное сочетание металлографской гравюры с типографским текстом, введение углубленной гравюры в несколько чуждую ей среду. Чуждой эта среда является потому, что углубленная гравюра по существу своему родственна живописи, богата сложными тоновыми и фактурными возможностями, в то время как типографская книжная страница — графична, всегда плоскостна и более проста по тону.

Особенности техники гравирования и печатания иллюстраций вместе с тем дают нам ключ к уяснению некоторых своеобразных явлений, наблюдаемых в ряде иллюстрированных изданий XVIII века. Так, причины, главным образом, технического порядка обусловливают тот интересный факт, что отдельные экземпляры того же издания выходят в свет подчас весьма различными. Одни имеют те или иные иллю-



Заставка на стр. 1 „Уложения“ Алексея Михайловича, издания 1737 г., по экз. Библиотеки имени Ленина (б. Румянцовско о Музея).

страции, другие их не имеют или же имеют не в полном количестве. Качество иллюстраций в разных экземплярах может быть далеко не одинаковым в зависимости от степени сохранности доски, опытности печатника, если экземпляры печатались на разных станках, и ряда других, иногда случайных причин. Наконец, что особенно существенно, отдельные экземпляры могут содержать различные варианты и состояния той же иллюстрации, печатавшиеся с досок, гравированных или подправленных различными мастерами. Явление это в высокой степени характерно для иллюстрированной книги XVIII века. С того момента, как металлографская гравюра в XIX веке начинает пользоваться сталью, материалом более прочным, чем медь, издания становятся более однородными. С изобретением же и усовершенствованием способов получения механически или путем гальванопластики точных копий с гравированной доски необходимость гравирования нескольких досок при значительном тираже издания отпадает. Исчезает и явление индивидуализации отдельных экземпляров книги, снабженной металлографскими иллюстрациями, все реже и реже встречающимися в книжной практике. Сначала литография, затем гравюра на дереве и, наконец, многоразличные фото-механические техники почти совершенно вытесняют углубленную гравюру из книги.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Правильнее было бы принять для обозначения двух указанных групп гравюр термины: „типографская гравюра“ и „металлографская“.

2. Сухой или холодной иглой называется способ гравирования, когда гравер работает иглой по обнаженному металлу, углубляя штрихи простым нажимом иглы. В чистом виде этот способ для иллюстрирования книги не применялся ввиду того, что доски, гравированные этим способом, выдерживают очень незначительное число оттисков.

3. На 1 часть оливкового масла — 3 части терпентина и немного сажи.

4. Пекарский, П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПБ. 1862, т. II, стр. 645—650.

5. Гагарин, который был в то время комендантом в Москве.

6. „Пріклады како пішутся комплементы...“. Москва 1708—вторая книга, напечатанная гражданским шрифтом.

7. „Кніга о способахъ, творящіхъ водохожденіе рѣкъ свободное...“ Москва. 1708 г.

8. Ровинский, Д. А. Подробный словарь русских граверов. СПБ. 1895, т. I, стр. 195.

9. Заимствовано из доклада Н. П. Кашина, читанного им в заседании Комиссии по Изучению Русских Иллюстрированных Изданий при Росс. Историч. Музее 17 сентября 1921 г.

10. Courboin, F. L'estampe française. Graveurs et marchands. Bruxelles et Paris 1914, p. 118.

11. Устанавливая различные состояния одной и той же доски, следует прежде всего убедиться в тождественности доски, а это достигается путем обнаружения на сравниваемых оттисках тождественных штрихов в различных местах гравюры. Особенно ценными в данном отношении являются всевозможные случайные подробности, напр. едва заметные срывы резца, царапины и язвинки на поверхности доски. Далее, для выяснения вопроса, какое из состояний является предшествующим, следует исходить из тех соображений, что первоначальные штрихи ослабляются, иногда исчезают, вновь прорезанные сильнее и резче.

12. Экземпляры Библиотики Росс. Исторического Музея: Щапова 81 $\frac{2}{31}$, Барятинского 124 $\frac{8}{3}$ и Рогожина Г 37 $\frac{3}{52}$.

13. Экземпляры Р. И. М.: Вульферта, Г 47 $\frac{1}{76}$ (I-й вариант) и Щапова 89 $\frac{6}{61}$ (2-й вариант).

14. Экземпляр Р. И. М., Черткова А 12 $\frac{8}{91}$.

15. Экземпляр Р. И. М., Щапова 90 $\frac{4}{8}$.

16. Экземпляр Р. И. М., Щапова 89 $\frac{02}{26}$.

17. Экземпляры Р. И. М.: Щапова 90 $\frac{02}{7}$, Черткова А7 $\frac{1}{53}$, Барятинского 118 $\frac{02}{109}$.

18. Экземпляр Р. И. М., 109 $\frac{01}{93}$.

19. Экземпляр Библиотеки имени Ленина, б. Румянц. Музея. L $\frac{10а}{66}$

БИБЛИОГРАФИЯ.

Пекарский, П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПБ. 1862, т. II, стр. 635—675.

Ровинский, Д. А. Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии Художеств. М. 1870 г.

Голышев, И. Лубочные картинки. Владимир 1870.

Ровинский, Д. А. Русские народные картинки. СПБ 1881.

Ровинский, Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПБ 1889, т. II.

Ровинский, Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX в.в. СПБ 1895, т. I.

Courboin, François. L'estampe française. Graveurs et marchands. Bruxelles et Paris, G. Van Oest et C-ie, 1914.

Fournier le jeune. Dissertation sur l'origine et les progrès de l'art de graver en bois... Paris, impr. J. Barbou, 1758.

Papillon, Jean-Michel. Traité historique et pratique de la gravure en bois... Paris, Pierre-Guillaume Simon, 1766.

Bosse, Abraham. Traité des manières de graver en taille-douce. Revu et augmenté... par M. Le Clerc. Paris, chez Pierre Aubouin et Charles Clousier 1701 (2-e édition).

Bosse, Abraham. De la manière de graver à l'eau-forte. Paris, Jombert, 1745 (3-e édition).

Bosse, Abraham. De la manière de graver à l'eau-forte. Paris, Jombert, 1758 (4-e édition).

Алферовъ, Николай. Способъ гравировать крѣпкою водкою. СПБ, при Морской Типографіи, 1805.

Stapart. L'art de graver au pinceau. Paris, chez l'auteur, 1773.

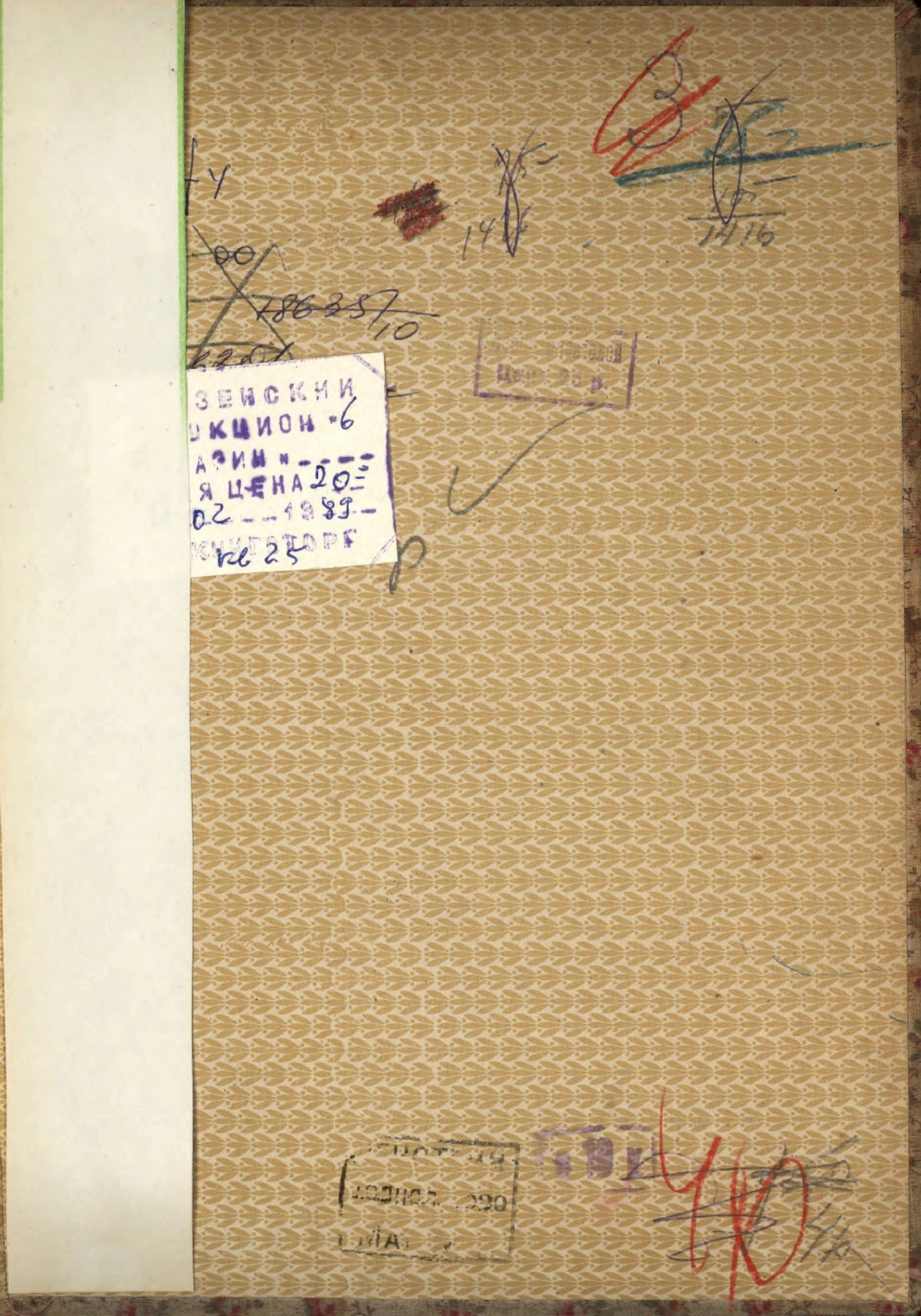
Le Prince. Découverte d'un procédé de gravure au lavis... Paris, Prault. 1780.

Hédou. Jean Le Prince et son oeuvre. Paris, Rapilly, 1879.

СОДЕРЖАНИЕ I ЧАСТИ.

Предисловие к I и II частям 5
А. А. Сидоров. Книга как объект изучения и художественные элементы книги : 9
Н. П. Кашин. Значение книги в древней Руси. (Древнерусская рукописная книга 33
А. И. Некрасов. Книгопечатание в России в XVI и XVII веках 63
Первый период. Начало книгопечатания в России . 64
Второй период. Распространение традиций первопечатников 90
Третий период. Изменения условий типографского труда и новые типы книг 101
В. Я. Адарюков. Книга гражданской печати в XVIII веке. 127
Глава первая. Книга первой четверти XVIII века . 128
Глава вторая. Книга второй четверти XVIII века . 180
Глава третья. Книга второй половины XVIII века. 218
А. И. Кондратьев. Новиковские издания 289
М. А. Добров. Техника иллюстрированной книги XVIII века. 357

L-01
141



ЗЕНСКИЙ
УКЦИОН "6
АРИН" ----
Я ЦЕНА 20=
02 -- 1989 -
КНИГОТОРГ
кв 25